

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Никонов С. А.** Воевода Василий Туренин и укрепление обороноспособности Кольского острога в начале 1620-х годов 153
- Поздняков А. Н.** История становления образования в России XVII–XVIII веках: особенности политики по подбору и подготовке учительских кадров 158
- Мельников П. Ю.** О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX веков: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода 163
- Кочукова О. В.** Голод 1868 года в северных губерниях России и общественная критика либеральных реформ 167
- Варфоломеев Ю. В.** «Печенег» с Остоженки: судьба и время адвоката П. И. Корженевского 172
- Чолахян В. А.** Роль директивного государственного планирования в реализации советской модели индустриализации в 1920–1930 годы 180
- Эмирханов И. А.** Детские будни тылового региона в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дагестанской автономной республики) 187

Всеобщая история и международные отношения

- Выскубов С. П.** «Павсаниево описание Еллады», или Судьба одного русского перевода, выполненного при Екатерине II 192
- Гальямичев А. Н.** Пржемысловская легенда и коронационный обряд правителей средневековой Чехии 199
- Корнев Е. С.** Операции НАТО в Боснии и Герцеговине в контексте реализации региональной стратегии альянса на Балканах в 1990–2000-е годы 202
- Музалевская В. А.** Основные направления сирийской политики администрации Б. Клинтона (1993–2000 гг.) 208
- Лапенко М. В.** Создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Вьетнам: итоги переговорного процесса 212
- Редченко Д. В.** Присоединение Крыма к России в 2014 г.: позиция Российской объединенной демократической партии «Яблоко» 216
- Саркулова Г. С.** Изменение архитектуры безопасности Каспийского региона в начале XXI века и интересы Казахстана 223

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Саратов в Смутное время (1606–1614) 228
- Майорова А. С.** Памятники Золотой Орды в работах саратовских историков первой половины XIX века 241
- Зайцев М. В.** Проект строительства моста через Волгу около Саратова в начале XX века 248
- Петрова Е. А.** Конфессии в Саратовском Поволжье, их положение и влияние на население к 1917 году 256
- Наумов Е. О.** «Муравьев всячески мешал сосредоточению Первой армии»: к вопросу о роли командующего Восточным фронтом в создании 1-й армии летом 1918 года 262
- Гуменюк А. А.** Молодежная политика в СССР в 1953–1985 годы (по материалам Нижнего Поволжья) 269

Критика и библиография

Представляем книгу

- Артамонова Л. М.** Взгляд на культурное наследие волжской провинции от административных преобразований Екатерины II до Великих реформ 278

Приложения

Хроника

- Чернова Л. Н.** Британские чтения в Саратовском университете 282

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталья Ивановна

Верстка

Каргин Игорь Анатольевич

Технический редактор

Ковалева Наталья Владимировна

Корректор

Юдина Инна Геннадиевна

Адрес учредителя, издателя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 25.05.17.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 16,82 (17,25).

Тираж 500 экз. Заказ 57-Т.

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Nikonov S. A.** Voivode Vasilii Turenin and the Military Buildup of the Kola Fort in the Early 1620s 153
- Pozdnyakov A. N.** The Timeline of Education in Russia in the XVII–XVIII Centuries: the Policy of Teaching Staff Recruitment and Training 158
- Melnikov P. Yu.** On the Structure of a Russian Peasant Family in the XVII–XIX Centuries: the Problem of Classification and Terminology in the Soviet Period Studies 163
- Kochukova O. V.** The Famine of 1868 in the Northern Provinces of Russia and Public Criticism of Liberal Reforms 167
- Varfolomeev Yu. V.** The «Pecheneg» from Ostozhenka: the Fate and Epoch of Counsel P. I. Korzhenyovsky 172
- Cholakhian V. A.** The Role of Public Policy Planning in the Implementation of the Soviet Model of Industrialization in the 1920–1930s 180
- Emirhanov I. A.** Children's Daily Routine in the Rear Region During the Great Patriotic War (Based on the Material of the Dagestan Autonomous Republic) 187

World History and International Relations

- Vysukbov S. P.** «Pausanievo Opisanie Ellady» («Descriptions of Greece by Pausanias») or the Fate of One Russian Translation Made in the Time of Catherine the Second of Russia 192
- Galyamichev A. N.** The Legend of Přemysl and the Coronation Ceremony of Medieval Bohemia Rulers 199
- Korenev E. S.** NATO's Operations in Bosnia and Herzegovina in the Context of the Alliance's Regional Strategy Realization in the Balkans in the 1990–2000s 202
- Muzalevskaya V. A.** The Main Syrian Policy Vectors of B. Clinton's Administration (1993–2000) 208
- Lapenko M. V.** Free Trade Zone EAEU – Vietnam: the Results of the Negotiations Process 212
- Redchenko D. V.** The Accession of the Crimea to Russia in 2014: The Position of the Russian United Democratic Party «Yabloko» 216
- Sarkulova G. S.** Changing the Security Architecture of the Caspian Region in the Early 21st Century and the Interests of Kazakhstan 223

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Saratov in the Time of Troubles (1606–1614) 228
- Mayrova A. S.** Monuments of the Golden Horde in the Works of Saratov Historians of the First Half of the XIX Century 241
- Zaytsev M. V.** The Project of Bridge Construction Across the Volga near Saratov in the Early XX Century 248
- Petrova E. A.** Religious Confessions, their Position and Influence on the Population of the Saratov Volga Region by 1917 256
- Naumov E. O.** «Muravyov in Every Way Prevented the Concentration of the First Army»: on the Role of the East Front Commander in the Formation of the First Army in the Summer of 1918 262
- Gumenyuk A. A.** Youth Policy in the USSR in 1953–1985 (Based on the Materials of the Lower Volga Region) 269

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Artamonova L. M.** A View on the Cultural Heritage of the Volga Province from the Administrative Changes of Catherine II to the Great Reforms 278

Appendices

Chronicle

- Chernova L. N.** British Reading in the Saratov University 282

Information about the Authors

285

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

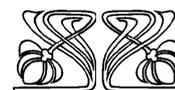
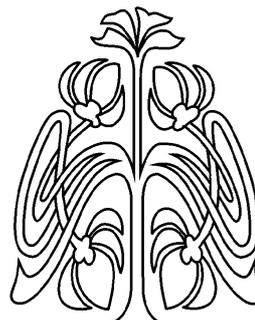
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

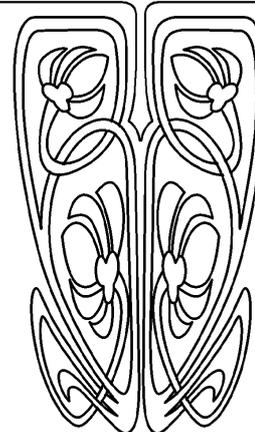
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

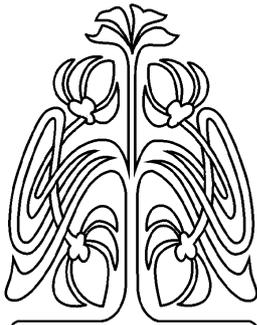
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

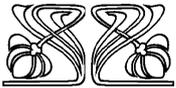
Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

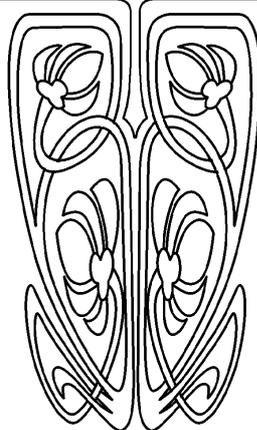
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).046

ВОЕВОДА ВАСИЛИЙ ТУРЕНИН И УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ КОЛЬСКОГО ОСТРОГА В НАЧАЛЕ 1620-х ГОДОВ

С. А. Никонов

Мурманский арктический государственный университет
E-mail: snikonov-77@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о мерах, принимавшихся для укрепления обороноспособности Кольского острога в начале 1620-х гг. Потребность в них была вызвана обострением русско-датских отношений на Крайнем Севере Европейской России. Дания претендовала на территорию Кольского полуострова, а также стремилась получить право на участие в торговле пушниной в Пустозерске. Для защиты своих интересов в регионе Московское государство усиливало военное присутствие и укрепляло фортификационные сооружения Кольского острога. Задача по укреплению Колы была возложена на воеводу В. И. Туренина.

Ключевые слова: Кольский острог, стрельцы, русско-датские отношения, война.

Voivode Vasilij Turenin and the Military Buildup of the Kola Fort in the Early 1620s

S. A. Nikonov

The article discusses the measures taken in order to strengthen the defense of the Kola fort in the early 1620s. These measures were caused by the escalation of the Russian-Danish relations in the Far North of European Russia. Denmark claimed the territory of the Kola Peninsula and sought to obtain the right to participate in the fur trade in Pustozorsk. To protect its interests in the region, the Moscow government increased military presence and strengthened the fortifications of the Kola fort. The task of strengthening of the Cola was imposed on voivode V. I. Turenin.

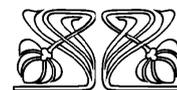
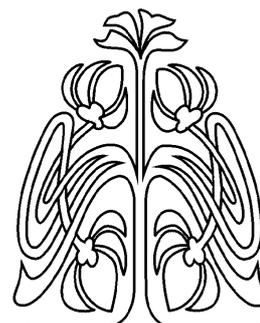
Key words: Kola fort, Streltsy, Russian-Danish relations, war.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-153-157

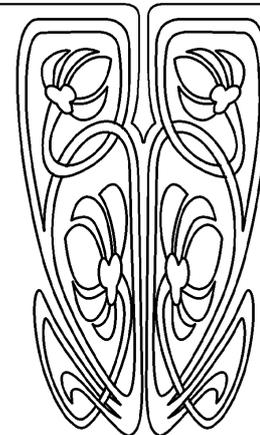
Значительная протяженность западных границ Русского государства, соприкасавшихся с европейскими странами, была причиной как долгих дипломатических и военных конфликтов, так и торговых и культурных контактов, сближавших столь непохожие друг на друга общества. Не являлся исключением и Крайний Север Европейской России – Кольский полуостров. Активно осваивавшийся русскими колонистами в XV – начале XVI в., край не имел четкой границы со странами Северной Европы. В середине XVI в. это стало причиной дипломатического и военного противоборства России с Данией и Швецией. Стороны не только решали, где будет проходить граница, но и отстаивали право участия в экономическом освоении арктических территорий. Для защиты интересов России в регионе в 1580-е гг. на слиянии рр. Колы и Туломы был построен Кольский острог (ранее волость Кола), учреждено воеводство и создан стрелецкий гарнизон.

Военная история Кольского острога в конце XVI – первой четверти XVII в. рассмотрена в работах В. В. Косточкина, И. Ф. Ушакова, М. И. Мильчика и Я. Н. Рабиновича¹.

По данным писцовой книги Кольского уезда 1608–1611 гг., острог представлял собой крепость с четырьмя угловыми и двумя настенными башнями. На вооружении крепости состояло 21 орудие. Наиболее мощная Егорьевская башня своими орудиями была обращена к заливу, прикрывая город с моря².

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

С конца 1610-х гг. усиливается дипломатическое и военное давление Дании на территории Крайнего Севера Европейской России. Это было вызвано попытками датчан самостоятельно найти путь в Печору для участия в пушных промыслах³, а также возобновлением «лапландского спора» о статусе пограничных территорий между Россией и Датским королевством. Выдвинутый на повестку дня вопрос о пограничных землях был подкреплен военными приготовлениями Дании⁴. Стремясь подготовиться к военному конфликту, российские власти укрепляли северные города – Кольский и Пустозерский остроги, Архангельск. В Колу были дополнительно направлены стрельцы и запасы хлеба из Вологды⁵. Приготовления, тем не менее, не избавили от военной угрозы. Дания, используя в качестве повода арест имущества купца Юрия Клинка (Климента Блума) в Кольском остроге⁶, в 1623 г. направила на побережье Баренцева моря – Мурманский берег – военную эскадру из шести кораблей. На побережье не было постоянных селений, но, несмотря на это, здесь ежегодно велся сезонный промысел трески и палтуса, проходивший с весны до конца лета. Участниками промысла, помимо коренного населения Кольского уезда – саамов, были многочисленные выходцы из городов и волостей Поморья. Добыча рыбы стимулировала и развитие международной торговли, участниками которой были купцы из Голландии и ряда других европейских стран.

В ходе нападения были разорены промысловые станы, разграблено имущество русских промышленников, захвачено несколько лодий с хлебом, шедших из Архангельска в Колу. Датчане заявляли о своей готовности идти и на Кольский острог. Даже если эти намерения были только бахвальством, они все же вызвали опасения местного руководства и жителей. Острог не был готов к долгой осаде: не хватало хлеба и продовольствия, боеприпасов и личного состава. Были приняты экстренные меры – из Архангельска отправлены боеприпасы и хлеб, однако из-за неблагоприятных погодных условий своевременно доставить их в Колу не получилось⁷.

Обязанности по укреплению обороноспособности острога были возложены на воеводу Василия Ивановича Туренина. До недавнего времени имя этого воеводы не упоминалось в перечнях воевод Колы XVI–XVII вв. В работах М. И. Мильчика и С. А. Никонова был установлен факт и время воеводства В. И. Туренина. Что нам известно о личности князя Василия Туренина? Род князей Турениных является одним из ответвлений княжеского рода Оболенских⁸. С конца XVI в. представители рода Турениных занимают высокое положение в структуре высшей власти страны – Государева двора. Так, отец В. И. Туренина Иван Самсонович известен как

окольниковый⁹, будущий же кольский воевода в начале XVII в. имел чин стольника¹⁰. В годы Смуты В. И. Туренин сохранял лояльность правящему режиму, участвуя в 1604 г. в походе против самозванца и в 1607 г. сражаясь под Калугой и Тулой с повстанческими войсками Ивана Болотникова¹¹.

В январе 1608 г. князь В. И. Туренин известен в чине рынды (телохранителя) царя Василия Шуйского – престижной должности, которой удостаивались молодые аристократы¹². Летом 1612 г. князь сражался с поляками под Москвой в составе войск Нижегородского ополчения¹³, продолжил борьбу с поляками во время своего воеводства в Торопце в 1613 г.¹⁴ За участие в обороне Торопца В. И. Туренин 21 декабря 1613 г. был пожалован государем серебряным с позолотой кубком и собольей шубой¹⁵.

В первое десятилетие после избрания Михаила Романова на царство князь неоднократно занимал и воеводские должности в крупных городах Поволжья и Юга России – Самаре, Рязани, Путивле¹⁶. После воеводства в Коле В. И. Туренин известен как воевода в Пскове и в Терках¹⁷.

Грамота двинского воеводы Никиты Вельяминова царю Михаилу Фёдоровичу раскрывает не только время вступления воеводы Туренина в должность, но и те обязанности, которые ему поручались властью. Путь воеводы В. И. Туренина в Колу лежал через Холмогоры, куда он вместе с дьяком Воином Трескиным приехал 28 сентября 1623 г. В Колу вновь назначенный воевода и дьяк должны были отправиться без замедления. Царский указ, адресованный воеводе Н. Вельяминову, предписывал сразу предоставить «лодья, и кормщиков, и вожей, и провожатых, сколько человек пригоже»¹⁸. Это поручение было выполнено: воеводе и его людям выделили две лодьи и судовую команду. Суда должны были доставить В. И. Туренина и его людей в Кандалакшу, откуда уже сухим путем предстояло добираться до Колы. На путевые расходы двинской воевода выделил 10 руб.

Однако сразу отправиться к месту назначения воевода и дьяк не смогли. Из грамоты В. И. Туренина царю Михаилу Фёдоровичу следует, что из-за непогоды суда не могли выйти из Двинского устья в море. В устье продолжали стоять и другие лодьи с «хлебными запасами», посланные в Кандалакшу и Колу¹⁹.

Помимо организации поездки кольского воеводы к месту назначения, двинской воевода должен был «для чертежу выбрать иконописца доброго», которому требовалось ехать с В. И. Турениным. Это условие царского указа также было выполнено. К сожалению, в источнике не названо имя иконописца. Что касается задачи, поставленной перед ним, то она очевидна – составить чертеж Кольского острога. Необходимость чертежа могла быть продиктована только одним – перепланировкой и усилением фортификационных

сооружений крепости. Об этом прямо говорит грамота В. И. Туренина царю. Так воевода сетовал на то, что в Архангельске не удалось найти подмастерья «каменного дела», без которого «сметить» будущие укрепления Колы было невозможно. Каменное строительство воеводе и дьяку было «не за обычей»²⁰. Чертеж Кольского острога, выполненный иконописцем, неизвестен. Скорее всего, он не сохранился.

Грамота раскрывает планы власти относительно усиления Кольского острога. Возникла идея строительства каменной крепости, которая должна была защитить рубежи Русского государства на Крайнем Севере. Идея эта, даже и при наличии подмастерья, вряд ли была осуществимой. Для строительства каменной крепости потребовались бы крупные поставки камня, кирпича и строительных материалов морским путем, выполнить которые из-за дальности расстояния и трудности сухопутного и водного маршрутов вряд ли было возможно.

Прибыв в Кольский острог, новый воевода составил опись крепости, датированную 23 ноября 1623 г.²¹ Согласно описи, острог представлял собой трапециевидную в плане крепость с пятью башнями²². Общая протяженность крепостных стен составляла 259 саженей (560 м), высота – 3 сажени без локтя (6 м). Крепостные стены не имели глубокого фундамента, что воевода объяснял местными физико-географическими условиями: «потому что копати нелзе: все каменье»²³. Состояние стен, по оценке воеводы, было сносным: «лес сосновой нов, добр и седети в нем в осадную пору мощно». Недостатками крепости были «худые» тарасы – срубные конструкции, примыкавшие к внутренней стороне крепостных стен²⁴. Тарасы были не крытыми и засыпаны «хрящем»²⁵. Замечание воеводы вызвало отсутствие тайника – подземного хода, ведущего за крепостные стены, а также неудовлетворительное состояние порохового склада («погреб зелейной худ, гнил»). Не был доделан и ров вокруг крепости: из 458 саженей (989 м) было выкопано 185 саженей (399,5 м).

Боевое оснащение крепости составляли 17 пищалей²⁶, стоявших в башнях острога. В описи различаются типы пищалей в зависимости от материала производства (медная, железная), военного назначения (дробовая скорострельная, полковая) и размеров. Некоторые из пищалей были в небоевом состоянии.

Стрельцы не имели ручного огнестрельного оружия: принадлежавшие им пищали «згорели в пожаре, а у инных поимале датцкого короля воинские люди»²⁷.

Численность гарнизона Кольского острога в 1623 г. составляла 315 человек – 307 стрельцов и 8 пушкарей. Имеющийся личный состав крепости, по мнению воеводы, совместно с посадскими людьми мог выдержать осаду без особой «прибавки». Этому способствовал ежегодный

приезд в город промышленников «з городов... для промыслов».

Обращает на себя внимание численное возрастание гарнизона острога за сравнительно короткий промежуток времени. Так, в 1608–1611 гг. численность острога составляла около 100 человек²⁸. Согласно сметному списку Кольского острога воеводы Серого Чеглокова 1617 г., в остроге насчитывалось 200 стрельцов²⁹. В 1623 г., как было показано, гарнизон насчитывал 315 человек. Таким образом, за полтора десятка лет численность гарнизона возросла примерно втрое. Из этого следует, что мнение И. Ф. Ушакова о резком увеличении численности гарнизона после 1623 г. является спорным. В действительности, с конца 1610-х гг. из-за военной опасности со стороны Дании власти постоянно наращивают численность стрелецкого гарнизона, доведя ее во второй четверти XVII в. до пятисот человек.

Для укрепления острога, по оценке воеводы В. И. Туренина, требовалось заготовить 2000 бревен трехсаженного леса для фортификационных и защитных элементов крепости – обломов, катков³⁰ и тарасов, 3000 бревен двухсаженного леса для доделки крепостного рва. Для заготовки строевого леса воевода совершил уговор со стрелецкими пятидесятником и десятником – Гришей Галичениным и Ивашкой Лудой. Работы были оценены в 175 руб. Но дальше уговора дело не пошло. Отдаленность мест рубки леса от Кольского острога и сложность его доставки стали препятствием в выполнении работ. «Уговорщики» требовали выплаты денег вперед. По рекомендации воеводы, деньги за подряд поставки бревен надо было выплатить на «Николин день вешной»³¹.

Были ли выполнены эти рекомендации? Известно, что после 1623 г. в крепости был сделан «тайник»³². Предпринимались ли усилия по усилению фортификационных сооружений крепости и достройке рва, мы не знаем. Значительное переустройство крепости, зафиксированное источниками, произошло только в 1701–1704 гг., в начале Северной войны³³.

Деятельность воеводы В. И. Туренина в Коле была недолгой. Уже в начале 1624 г. он был на Двине, где 10 января сделал вклад в Николо-Корельский монастырь³⁴. Краткость пребывания воеводы в должности дает основание предположить, что целью его приезда было не управление краем, а выполнение экстренных задач – проверки боеспособности острога и его гарнизона, составления описания и чертежа крепости.

Примечания

¹ См.: Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы // Материалы и исследования по археологии СССР. № 77. М., 1958. С. 200–246; Ушаков И. Ф. Кольский острог

- (1583–1854). Военно-исторический очерк. Мурманск, 1960; *Мильчик М. И.* Кольский острог в системе обороны Поморья последней трети XVI века // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря : междунар. науч. конф. Соловки, 2011; *Рабинович Я. Н.* Поход Балтазара Бека на Колу в феврале 1611 года // Мининские чтения : сб. науч. тр по истории Восточной Европы в XI–XVII веке. Н. Новгород, 2011. С. 74–85.
- 2 См.: *Ушаков И. Ф.* Кольский острог (1583–1854). С. 8–10.
- 3 Попытки датчан проникнуть на Печору фиксируются источниками с 1619 г. См.: *Державин В. Л.* Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006. С. 107.
- 4 Так, в 1621–1622 гг. датские суда совершали нападения на корабли голландцев и русских промышленников, следующие в Колу и Архангельск, в районе о. Кильдин. См.: *Ушаков И. Ф.* Кольская земля // *Ушаков И. Ф.* Избранные произведения : в 3 т. Т. 1. Мурманск, 1997. С. 99–100.
- 5 По сведениям царской грамоты от 7 апреля 1619 г., кольскому воеводе С. С. Чеглокову в Колу было послано 300 стрельцов и по 500 четей ржи и овса. См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 53. Сношения России с Данией. Оп. 1. 1619 г. Д. 3. Л. 15.
- 6 Причиной для ареста послужил самовольный поход датского купца на Печору и фальшивомонетничество : для скупки пушнины были изготовлены фальшивые деньги из низкопробного серебра. См.: *Ушаков И. Ф.* Кольская земля. С. 99–100; *Державин В. Л.* Указ. соч. С. 107.
- 7 Об этом, в частности, сообщал в своей грамоте воевода В. И. Туренин. См.: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 365–366.
- 8 См.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 44.
- 9 См.: Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в. : Очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006. С. 253.
- 10 См.: *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 88.
- 11 Там же. С. 295, 382.
- 12 См.: *Козляков В. Н.* Герои Смуты. М., 2012. С. 108.
- 13 См.: *Бибиков Г. Н.* Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки : в 134 т. Т. 32. М., 1950. С. 173–197; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 123 (Гл. 309 : «О посылке под Москву князя Василья Туренина и о приезде ис-под Москвы с вестью про гетмана»).
- 14 См.: Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина. М., 1915. С. 32, 56, 95, 137, 141; *Рабинович Я. Н.* Братья Семен и Никита Гагарины : страницы биографии (1610–1640) / под ред. С. А. Мезина. Саратов, 2015. С. 25–28.
- 15 См.: Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Кн. 1. М.; Варшава, 1995. С. 21–22.
- 16 См.: *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 173, 188, 198.
- 17 Там же. С. 184, 232.
- 18 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 301–302.
- 19 Там же. Л. 365–366.
- 20 Там же. Л. 366.
- 21 Публикация описи см.: 1623 г., ноября 23. Опись Кольского острога... // *Мильчик М. И.* Указ. соч. С. 73–74. (Далее – Опись Кольского острога 1623 г.).
- 22 Башни : Егорьевская, Водяная, Никольская, Соловарская, Ерзовская. См.: Опись Кольского острога 1623 г. С. 73. Самой высокой была Никольская башня (пять ярусов), следующими за ней шли Егорьевская, Соловарская и Ерзовская (четыре яруса), небольшой была Водяная башня (два яруса). См.: *Мильчик М. И.* Кольский острог в системе обороны Поморья последней трети XVI века. С. 71.
- 23 Опись Кольского острога 1623 г. С. 73.
- 24 См.: *Мильчик М. И.* Указ. соч. С. 71.
- 25 Основное значение слова «хрящ» – кость, в том числе и рыбная. См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. IV. М., 1995. С. 567. Не исключено, что для заполнения полого пространства тарасов могли использовать кости, остававшиеся после разделки рыбы.
- 26 См.: Опись Кольского острога 1623 г. С. 73.
- 27 Там же. В источнике имеются в виду пожар Кольского острога 1619 г. и столкновение отряда стрельцов Кольского острога с датчанами 4 июля 1623 г. См.: *Никонов С. А.* Троицкий Печенгский монастырь в Кольском остроге в XVI–XVIII веках : краткий исторический очерк // Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII – середины XIX веков / авт. и сост. Д. А. Ермолаев, С. А. Никонов. Мурманск, 2013. С. 11; РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 82.
- 28 Приводимые в историографии данные о количестве стрельцов Колы (63 или 70 человек) вызывают возражения. См.: *Ушаков И. Ф., Дащинский С. Н.* Кола. (Серия : Города и районы Мурманской области). Мурманск, 1983. С. 42; *Рабинович Я. Н.* Поход Балтазара Бека на Колу в феврале 1611 года. С. 80. Анализ писцовой книги Кольского уезда 1608–1611 гг. позволил выявить еще несколько стрельцов, не включенных в основной подсчет документа. Кроме того, остается неясным, почему отрядом стрельцов в 70 человек руководили два стрелецких пятидесятника? См.: *Лапин Д. С.* Стрелецкий гарнизон Кольского острога конца XVI – начала XVIII в. (Дипломная работа студента 5 курса Мурманского государственного гуманитарного университета. Рукопись) Мурманск, 2014. С. 20–21.
- 29 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1619 г. Д. 3. Л. 2. Сметный список плохо сохранился и содержит значительные утраты текста.
- 30 Обламы – выступы у башни, крепостной стены. Катки – противостурмовые бревна, предназначенные

для скатывания вниз со стен во время штурма. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. (К – Крагуяр). М., 1980. С. 91 ; вып. 12. (О – Опарный). М., 1987. С. 66 ;

³¹ Описание Кольского острога 1623 г. С. 74. Никола вешний – 9 мая.

³² Мильчик М. И. Указ. соч. С. 71.

³³ См.: Косточкин В. В. Указ. соч. С. 208–210 ; Ушаков И. Ф. Кольский острог (1583–1854). С. 19–20.

³⁴ О вкладе и предполагаемом маршруте возвращения воеводы из Колы на Двину см.: Никонов С. А. Новое о кольских воеводах начала XVII века // Ученые записки МГГУ : Исторические науки / науч. ред. В. В. Кузь. Мурманск, 2013. С. 49.

Образец для цитирования:

Никонов С. А. Воевода Василий Туренин и укрепление обороноспособности Кольского острога в начале 1620-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 153–157. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-153-157.

Cite this article as:

Nikonov S. A. Voivode Vasily Turenin and the military buildup of the Kola fort in the early 1620s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 153–157 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-153-157.

УДК 37.01(470)16/17

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ XVII–XVIII ВЕКАХ: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПО ПОДБОРУ И ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ

А. Н. Поздняков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: alnikpoz@mail.ru

В статье на основе анализа материалов исследований российских историков конца XIX – начала XX в. показаны особенности политики по подбору и подготовке учительских кадров. Отмечается, что в XVII в. государство начало проявлять интерес к проблеме учительских кадров, однако лишь к концу XVIII в. стали осуществляться целенаправленные действия по созданию системы педагогического образования.

Ключевые слова: народное образование; учительские должности; образовательная реформа; учительская семинария.

The Timeline of Education in Russia in the XVII–XVIII Centuries: the Policy of Teaching Staff Recruitment and Training

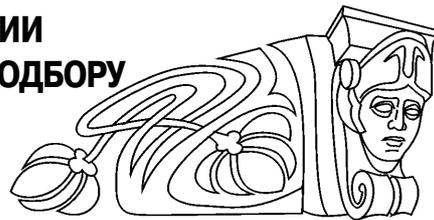
A. N. Pozdnyakov

The article shows the peculiarities of teaching staff selection and training policy, found out by analyzing the works of Russian historians of the late XIX – early XX centuries. It is noted that in the XVII century the government began to show interest in the issue of teacher training. However, only at the end of the XVIII century it began to carry out purposeful actions concerning the creation of pedagogical education system.

Key words: public education, teacher positions, educational reform, normal school.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-158-162

В современных условиях в связи с усложнением задач, встающих перед школой, особую важность приобретают вопросы места и роли учителя в обучении и воспитании детей. В контексте данной проблематики усиливается интерес к истории становления в России педагогической профессии, системы подготовки учительских кадров. Растет количество научных публикаций, посвященных этому. Среди них монография Н. И. Чуркиной «Педагогическое образование как социокультурный феномен: история становления»¹, статьи И. А. Слудковской «Из истории педагогического образования»², М. Н. Шуваловой «Из истории становления и развития педагогического образования в России»³. Важной представляется монография А. И. Любжина «История русской школы императорской эпохи»⁴. Автор проводит весьма интересный анализ образовательной политики в изучаемый период. Так, касаясь XVII в., А. И. Любжин пишет: «Для того чтобы забота о просвещении была проявлена серьезно, теоретически возможны

два стимула: внешний – осознание научно-технической отсталости от стран Западной Европы, и внутренний – кризис древнего начетничества. О первом свидетельствует политика «западника» царя Бориса Федоровича; в деятельности первых двух представителей династии Романовых мы не встречаем даже намека на такой ход мысли. Но даже второй, подтолкнувший к размышлениям, не ведет к немедленной реакции: образовательная политика не является для правительства приоритетной... Таким образом, понимание того, что в образовании есть пробелы, не превращается в их искоренение»⁵.

В настоящей статье предпринимается попытка показать особенности политики по подбору и подготовке учительских кадров, осуществлявшейся в России в XVII–XVIII вв. Именно в этот период начала формироваться государственная политика в сфере образования. Статью отличает то, что указанная проблема рассматривается через анализ материалов исследований российских историков, изданных в конце XIX – начале XX в. Среди их авторов профессор Санкт-Петербургского университета С. В. Рождественский⁶, педагог, директор Московского учительского института В. В. Григорьев⁷, историк и политический деятель П. Н. Милюков⁸, профессор Киевского университета М. Ф. Владимирский-Буданов⁹ и др. Нельзя не подчеркнуть, что для современных авторов эти исследования играют не только роль историографического материала, но и важных исторических источников.

Активная и целенаправленная деятельность по развитию образования становилась характерной для Российского государства, начиная с XVIII в., времени царствования Петра I. Это, разумеется, не означало, что в допетровский период не предпринимались шаги в данном направлении. Однако оценки состояния образования того периода, которые содержались в различных исследованиях, были крайне противоположными. Это, в частности, отмечал П. Н. Милюков в своем фундаментальном труде «Очерки по истории русской культуры». «Кажется, ни по одному вопросу нашей внутренней истории, – писал он, – не существует такой резкой разницы во мнениях, как по вопросу о роли школы и образования в древней Руси»¹⁰. Сам П. Н. Милюков придерживался мнения о крайне слабом развитии образования. Опираясь на материалы Стоглавого собора (1551 г.), он показывал неудовлетворительное состояние образования священнослужителей, для которых образованность являлась

необходимым профессиональным требованиям. На соборе констатировалось, что кандидаты «в дьяконство и священство» «грамоте мало умеют». Подчеркивалось, что *учиться* им было *негде*.

Иного мнения относительно состояния народного просвещения в стране придерживался М. Ф. Владимирский-Буданов. Он склонен был считать, что элементарное образование на общинном уровне было достаточно развито на Руси. Однако проблему он видел в том, что, кроме элементарных, не было других учебных заведений, которые «постоянно распространяли бы новые и высшие сведения», одновременно с этим осуществляя подготовку учителей для элементарных школ. Исходя из этого, по его мнению, существовала опасность «постоянного, хотя и медленного регрессивного движения»¹¹.

Схожего с позицией М. Ф. Владимирского-Буданова мнения придерживался профессор А. И. Соболевский. В своей речи на годовом акте в Санкт-Петербургском университете в феврале 1892 г. он заявлял: «Насколько была распространена грамотность в Московском государстве в XV, XVI, XVII веках? Мы привыкли думать, что среди русских этого времени было очень немного грамотных, что духовенство было отчасти малограмотно, отчасти безграмотно, что в высшем светском сословии грамотность была слабо распространена, что низший класс представлял безграмотную массу. Мы привыкли при этом ссылаться на грамоту новгородского архиепископа Геннадия (самого конца XV века), на постановления Стоглавого собора, на сочинение Посошкова и особенно на рассказы иностранцев. Но ближайшее знакомство с московскою письменностью XV и особенно XVI–XVII вв. заставляет нас в значительной степени изменить мнение и признать, что жалобы Геннадия, отцов Стоглавого собора и Посошкова должно принимать с большими ограничениями»¹².

Сторонники различных точек зрения, несмотря на разногласия, в целом сходились в оценке содержания и направленности осуществлявшегося тогда образования, качественного состава учителей. Так, один из исследователей истории российского образования В. В. Григорьев писал, что «с учреждения первой нашей школы и в течение всего допетровского времени народная масса учились у священников... в школах, открываемых преимущественно при церквях, или учителей из мирян – „мастеров“; естественно, что священники... придавали своему обучению религиозный характер, равно как „мастера“ не знали других книг, кроме божественных»¹³.

Во многом к схожим выводам, но уже с серьезной долей критики, приходил и П. Н. Милюков. «... Церковь, – утверждал он, – не имевшая возможности обеспечить правильного школьного образования даже для своих собственных членов, тем менее могла воздействовать посредством школы на светское общество»¹⁴.

Как отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, уже в XVII в. положение дел начинало меняться: правительство было вынуждено признать народное образование одной из задач своей деятельности. Это было связано с тем, что Московское государство уже перестало жить изолированной жизнью, в связи с чем, по убеждению исследователя, напор «европейской образованности» сделался «неотразимым». «Целью такого вторжения, – подчеркивал М. Ф. Владимирский-Буданов, – были далеко не мирные победы разума: посредством его, с одной стороны, иезуиты хотели ввести католичество, а с другой, фанатически-протестантское шведское правительство – протестантизм. Но и это не было конечною целью пропаганды. ... Оба соседние государства, Польша и Швеция, именно в XVII веке, хотели порешить с Москвою старинный спор о западных и южных пограничных пунктах... Если бы население этих местностей было духовно отторгнуто от Московского государства, то и отторжение их политическое сделалось бы несомненным»¹⁵.

В связи с этим перед правительством стояла задача парализовать «враждебную пропаганду» заботами о «самобытном распространении образования» и открыть двери западной науке, но вместе с тем предотвратить «пагубные планы», для которых она «служила лишь орудием». Однако на деле, как отмечал В. В. Григорьев, сложилась ситуация, при которой «Русь не только не стремилась к заимствованию знаний из западной Европы, но, напротив, относясь к ним с недоверием и даже боязливо, всячески ограждала себя от них»¹⁶.

Все это не могло не сказаться на характере деятельности по формированию качественного состава учителей. М. Ф. Владимирский-Буданов писал, что новообращенные из римской, лютеранской или кальвинистской веры не имели прав на занятие учительских должностей. Им вменялось в вину то, что они привыкли «злостропным образом», тайно «вкоренять свои ереси в учениках». С опаской относились и к приезжим из «некоторых стран», утверждавшим, что они рождены и воспитаны в православии. Эти претенденты на учительские должности должны были представлять свидетельства своей благонадежности от «достоверных благочестивых людей».

С тревогой воспринимали в то время и поездки русских за границу с целью приобретения там образования и занятия по возвращении учительских должностей. Дело было в том, отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, что эти люди нередко изменяли своей вере, переходя в католичество. Делалось это, по их уверениям, для того, чтобы быть допущенными к высшему образованию в католических школах. Однако, как считали многие, точно так же они могли уверять в Риме, что держатся в Москве православия «лишь наружно».

Наиболее надежной мерой считалось назначение учителями воспитанников созданной в

конце XVII в. славяно-греко-латинской академии. И не случайно. Это было учебное заведение, которое обеспечивало более высокий, чем где бы то ни было в России уровень образования. Но главным для того времени являлось другое: это контроль над содержанием образования, его направленностью. Здесь он осуществлялся весьма жестко. «...От принятых на службу учителей, – писал П. Н. Милюков, – академический устав требовал присяги на верность православию и грозил им также сожжением, если, вопреки присяге, они будут предлагать толкования, ведущие к „усумнению восточной веры“, или приравняют православную веру другим, или даже будут ставить иные веры выше русской»¹⁷.

Таким образом, отечественные исследователи сходились во мнении, что к концу XVII в. образование в России характеризовалось серьезными трудностями. Одной из наиболее острых была кадровая проблема. Она требовала, но не находила оптимального пути своего решения.

Новым этапом в истории российского образования стал XVIII в. Связано это было, прежде всего, с именем Петра I. Личность и царствование Петра вызвали далеко неоднозначные оценки в российском обществе. Известный ученый-филолог Я. К. Грот в своей лекции, прочитанной в 1872 г. в Императорской академии наук, отмечал, что обвинения «в человеческих слабостях и в ошибках» при избрании средств к достижению «преобразовательных целей» раздавались еще при жизни Петра I. Значительно активизировались они в конце XVIII в., получив относительно широкое распространение в XIX в. Сам Я. К. Грот высоко оценивал деятельность Петра. Он заявлял: «При всем своем видимом пристрастии к иноземцам, он оставался вполне русским человеком не только по своей восторженной любви к России, по вере в ее судьбы и в способности русского народа к самоусовершенствованию, но и по своим вкусам и характеру. В народном быту он преследовал только то, что противоречило его просветительным целям...»¹⁸

Именно этими целями объяснялась образовательная политика Петра I, активная деятельность по открытию новых учебных заведений. Они имели главным образом профессиональную направленность, были ориентированы на подготовку необходимых для России специалистов. Общее же образование носило вспомогательный характер. С. В. Рождественский писал, что «преобладание практических, материальных интересов понижало самостоятельную ценность чистого общего образования, и оно оценивалось, прежде всего, как фундамент для образования прикладного»¹⁹.

Схожую точку зрения высказывал и П. Н. Милюков. «Новая ...школа, – писал он, – ставила целью не умственное развитие, а приобретение необходимых технических навыков. Лишь поневоле, – постольку, поскольку для технической выучки все-таки необходимы были некоторые эле-

ментарные знания, школа приобрела до некоторой степени общеобразовательный характер»²⁰. Это определяло и характер взаимоотношений между учителями и обучавшимися. «...Педагогическая точка зрения, – писал П. Н. Милюков, – ...чужда была школе рассматриваемой эпохи, как и школе XVII в. Та и другая одинаково не смотрели на ученика, как на предмет педагогического воздействия. Если он приходил добровольно, то школа обращалась с ним, как прежний мастер с нанятым: это были отношения свободного договора. Если ученика посылало в школу правительство, тогда ученье было для него уже службой; за службу он получал жалованье; за неисполнение обязанностей он подвергался служебным взысканиям»²¹.

Подобная направленность образовательной политики определяла и пути решения кадровой проблемы. Так, С. В. Рождественский, анализируя предложения по этому поводу, высказываемые ученым и государственным деятелем первой половины XVIII в. В. Н. Татищевым, писал: «Допуская временно преобладание среди учителей иностранцев, за недостатком собственных ученых людей, он требовал, „чтобы при оных (иностранцах) хотя половина была русских таких, которые хотя склонность к наукам имеют...“ На будущее же время „можно из гимназий подлых, взяв в каждую науку человека по два, в помощь иностранному определить, и тако чаятельно своих учителей со временем довольно способных получить“. Кроме того, Татищев предлагал содержать при шляхетских училищах по несколько учеников „из убожества“, которые бы более к наукам прилежали, учителям помогали и сами впредь могли бы сделаться совершенными учителями»²².

Так намечалась «социальная физиономия» новой профессии. О каких-либо педагогических способностях учителей в то время речь не шла. Единственное, что требовалось – это относительное знание преподаваемого материала. Однако и такое требование выполнялось с большим трудом. В результате, по оценке В. В. Григорьева, для учителей того периода были характерны «недостаток знаний», а также «совершенное неумение вести школьное дело». «...Естественно, – подчеркивал он, – такие учителя не пользовались уважением ни учеников, ни общества и далеко не приносили желаемой пользы»²³.

Начало формирования в России системы подготовки учительских кадров связано с периодом правления императрицы Екатерины II. Ее интерес к вопросам образования проявился уже в первые годы царствования. С. В. Рождественский рассматривал это как «отражение великого педагогического движения, происходившего... в Западной Европе»²⁴. Однако выдвигавшиеся в России в 1760–1770-е гг. образовательные проекты не отражали реального положения дел, в результате чего и не были реализованы. Принципиально иные подходы к организации системы народного образования стали формироваться в 1780-е гг.

Суть проектировавшейся в тот период образовательной реформы состояла в создании системы общеобразовательных школ для широких слоев населения, в основе чего лежал австро-германский опыт. Для подготовки реформы была создана Комиссия об учреждении училищ во главе с графом П. В. Завадовским. Главную роль в Комиссии играл Ф. И. Янкович де Мириево – австрийский педагог, православный, серб по национальности, приглашенный в Россию по рекомендации австрийского императора Иосифа.

Нормативной базой для создания школ стал Высочайше утвержденный в 1786 г. «Устав народным училищам в Российской империи». В преамбуле документа говорилось: «...Семена... нужных и полезных знаний сеять... должно с малолетства в сердцах отроческих, дабы они в юношеских летах возрастали, а в мужеских созревши обществу плод приносили. <...> Для сего и учреждаются ныне такие заведения, где на основании общих предписаний преподавать будут оное юношеству на языке природном»²⁵. Данное утверждение свидетельствовало о том, что в отличие от прежде осуществлявшейся образовательной политики, ориентированной на профессиональное образование, усилия государства впервые направлялись на общеобразовательную подготовку детей.

Согласно Уставу учреждалось два типа народных училищ – «главные» со сроком обучения 5 лет и «малые», где обучение продолжалось 2 года. Главные народные училища предполагалось открыть в каждом губернском городе, малые – в каждом уездном городе, а также в крупных селах. Уже в 1786 г. в соответствии с распоряжением Екатерины II предполагалось открыть главные народные училища в 25 губернских городах²⁶.

По Уставу во всех училищах вводилась классно-урочная система. В каждый из двух классов малого училища должно было направляться по одному учителю, в главном училище должно было работать шесть учителей. Еще до принятия «Устава народным училищам в Российской империи» Ф. И. Янкович разработал нормы, которым должны были следовать учителя. «...Требуется от учителей, – подчеркивал он, – чтоб они в учеников своих правила благонравия, дружелюбия, благочестия, трезвости и прочих хороших свойств добродетельных людей... внушали и волю их к благомыслию склоняли. Для сего... требуется, чтоб учителя подавали ученикам... хорошие примеры благонравием и поведением своим и ничего такового не делали, от чего бы ученики могли соблазниться»²⁷. Ф. И. Янковичем были разработаны подробные методические требования, определявшие порядок преподавательской деятельности учителей.

Вызывают интерес разработанные Ф. И. Янковичем правила для учащихся народных училищ, в том числе касавшиеся их взаимоотношений с учителями. В них подчеркивалось, что ученики

обязаны своим учителям «являть всякое почтение и беспрекословное послушание». Это, в частности, обосновывалось так: «Кто в юности учителю непослушен, тот возмужавши и власти гражданской обыкновенно не покоряется...»²⁸

Такой грандиозный для России проект, каким являлась образовательная реформа Екатерины II, безусловно, требовал решения вопроса о специальной подготовке преподавательских кадров. Одним из первых шагов в этом направлении стало привлечение к работе во вновь открывавшихся училищах выпускников духовных учебных заведений: Александро-Невской, Смоленской, Казанской семинарий, Московской славяно-греко-латинской академии. Как отмечал В. В. Григорьев, Ф. И. Янкович знакомил их с новыми методами и приемами обучения, впервые вводил «разумный способ обучения, основанный на требованиях современной педагогики и установившийся уже в Западной Европе трудами педагогических деятелей»²⁹.

Однако подход к кадровой проблеме, связанный с привлечением к учительской работе людей, готовившихся к иного рода деятельности, не мог решить проблему. Требовалось создание специальных учебных заведений. С. В. Рождественский, описывая процесс реализации данной задачи, отмечал, что при открытии первого главного училища особенно подчеркивалась его необходимость для подготовки учителей. С этой целью было решено устроить при училище учительскую семинарию для 100 обучавшихся. В 1786 г. учительская семинария была отделена от главного училища. «Таким образом, – писал С. В. Рождественский, – силою вещей возникал... самостоятельный тип педагогической семинарии...»³⁰

Таков был сложный путь становления в России педагогического образования. Это было только начало, еще далеко не устоявшееся, противоречивое. Были шаги вперед, но были и серьезные отступления. Главное же состояло в том, что начало формироваться понимание важности и сложности педагогического труда, необходимости создания специальной системы подготовки учительских кадров.

Примечания

- 1 См.: Чуркина Н. И. Педагогическое образование как социокультурный феномен : история становления. СПб., 2010. 236 с.
- 2 См.: Слудковская И. А. Из истории педагогического образования // Современные направления развития педагогической мысли и педагогика И. Е. Шварца : материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2009. С. 191–200.
- 3 См.: Шувалова М. Н. Из истории становления и развития педагогического образования в России // Вестн. Алтайск. гос. пед. ун-та. 2012. № 11–12. С. 58–64.

- 4 См.: Любжис А. И. История русской школы императорской эпохи : в 3 т. Т. I : Русская школа XVIII столетия. Кн. I и II. М., 2014. 752 + 656 с.
- 5 Любжис А. И. История русской школы императорской эпохи : в 3 т. Т. I : Русская школа XVIII столетия // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 32.
- 6 См.: Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1912. 728 с.
- 7 См.: Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М., 1900. 587 с.
- 8 См.: Миллюков П. Очерки по истории русской культуры : в 3 ч. Часть вторая. Изд. 3-е, исправл. и доп. СПб., 1902. 415 с.
- 9 См.: Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. (Отгиски из Журнала Министерства народного просвещения). СПб., 1874. 142 с.
- 10 Миллюков П. Указ. соч. С. 250.
- 11 Владимирский-Буданов М. Указ. соч. С. 75.
- 12 Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII веков. Речь, читанная на годичном акте Императорского университета 8 февраля 1892 года. СПб., 1892. С. 3–4.
- 13 Григорьев В. В. Указ. соч. С. 125.
- 14 Миллюков П. Указ. соч. С. 253.
- 15 Владимирский-Буданов М. Указ. соч. С. 126.
- 16 Григорьев В. В. Указ. соч. С. 127.
- 17 Миллюков П. Указ. соч. С. 265.
- 18 Грот Я. Петр Великий как просветитель России. Читано в торжественном собрании Императорской академии наук 31 мая 1872 г. СПб., 1872. С. 17–18.
- 19 Рождественский С. В. Указ. соч. С. 120.
- 20 Миллюков П. Указ. соч. С. 303.
- 21 Там же. С. 302.
- 22 Рождественский С. В. Указ. соч. С. 117.
- 23 Григорьев В. В. Указ. соч. С. 179.
- 24 Рождественский С. В. Указ. соч. С. 314.
- 25 Устав народным училищам в Российской империи. Высочайше утвержден 5 августа 1786 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е : в 45 т. Т. 22. СПб., 1830. С. 646.
- 26 См.: Перечень 25 губерний, в коих предположено открыть главные народные училища в 1786 году. Письмо графа Безбородко к П. В. Завадовскому (с приложением) // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения : в 4 т. Т. 1. Учебные заведения в западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа, 1783–1803. СПб., 1893. Стб. 10.
- 27 Янкович де Мириево Ф. И. Устав, по которому все чины, к Главному народному училищу принадлежащие, поступать должны // План к установлению народных училищ в Российской империи. СПб., [1785]. С. 24.
- 28 Янкович де Мириево Ф. И. Правила для учащихся в народных училищах. СПб., 1782. С. 15.
- 29 Григорьев В. В. Указ. соч. С. 277.
- 30 Рождественский С. В. Указ. соч. С. 577–578.

Образец для цитирования:

Поздняков А. Н. История становления образования в России XVII–XVIII вв.: особенности политики по подбору и подготовке учительских кадров // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 158–162. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-158-162.

Cite this article as:

Pozdnyakov A. N. The timeline of education in Russia in the XVII–XVIII centuries: the policy of teaching staff recruitment and training. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 158–162 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-158-162.

УДК 314.6 (091) «16/18»

О СТРУКТУРЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В РОССИИ XVII–XIX ВЕКОВ: ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ И ТЕРМИНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

П. Ю. Мельников

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: p_melnikov@list.ru

Проблемой изучения крестьянской семьи в советский период занимались представители разных наук. В результате не были выработаны единые правила классификации и система обозначений семейных структур. Это делает проблематичным использование выводов исследователей СССР. В данной статье предпринимается попытка сопоставить подходы ученых советского периода с современной классификацией П. Ласлетта.

Ключевые слова: историческая демография, классификация семей, домохозяйство, структура семьи, крестьянство Российской империи, исследования советского периода.

On the Structure of a Russian Peasant Family in the XVII – XIX Centuries: the Problem of Classification and Terminology in the Soviet Period Studies

P. Yu. Melnikov

In the Soviet period, the problem of peasant family studying was dwelled upon by representatives of different sciences. As a result, unified rules for the classification and designation system of family structures were not worked out. It makes the use of the Soviet researchers' conclusions problematic. This article attempts to compare the approaches of the Soviet period scholars with the modern classification of P. Laslett.

Key words: historical demography, classification of families, household, family structure, peasantry of the Russian Empire, Soviet period studies.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-163-166

Одной из задач, стоящих в настоящий момент перед отечественной исторической демографией, является определение различных типов семей в дореволюционный период, их численности и процентного соотношения. Несмотря на довольно многочисленные исследования по данному вопросу, окончательный ответ еще не получен. Свою роль здесь играет специфика предмета исследования и источниковой базы: обобщенная массовая документация за определенный период отсутствует или незначительна. Поэтому все ответы пока носят локальный характер.

В современной литературе для характеристики семейных структур используется классификация, предложенная в 1972 г. Питером Ласлеттом. В работе «Household and family in past time» (точнее, в обширном введении к коллективной монографии Кембриджской группы), им был обоснован следующий подход. Понятия «семья», «дом», «домохозяйство» считаются идентичными: как правило, речь идет о группе людей, объединенных местом проживания, совместной деятельностью и кровным

родством; при этом в работе чаще используется термин «family household» – «семейное домохозяйство». Соответственно все домохозяйства подразделяются на 6 групп: 1) одинокие; 2) индивиды, не составлявшие семью (дословно – «no family»); 3) простые семейные домохозяйства (семейные пары без детей и с детьми, вдовы или вдовцы с детьми); 4) расширенные семейные домохозяйства (семейная пара с детьми и дополнительными родственниками – вышестоящими, нижестоящими или боковыми); 5) сложные домохозяйства (две и более семейных пар, объединенных или иерархически, или коллатерально, т. е. на одном уровне); 6) хозяйства с неопределенной структурой, содержащие некоторые родственные связи (однако при этом не совпадающие с группой 2); каждая группа включала в себя несколько вариативных подгрупп¹. Данная классификация была опубликована в СССР в конце 1970-х гг., однако учеными практически не использовалась².

При попытках сопоставить классификацию Ласлетта с наработками советского периода исследователь сталкивается с несколькими проблемами. Во-первых, в СССР характеристикой семейных структур занимались представители разных научных дисциплин – этнографии, истории, исторической демографии. При этом каждая наука по-своему расставляла приоритеты: в исторических исследованиях семья, как правило, рассматривалась в контексте социально-экономических проблем; в трудах этнографических наблюдался акцент на изучение материальной культуры; что же касается исследований историко-демографических, то они были крайне немногочисленны (в первую половину XX в. особенно)³. Во-вторых, единая терминология и соответственно классификация семейных структур ни в рамках одной дисциплины, ни на уровне междисциплинарном не были выработаны. Использование терминов «малая семья», «большая семья», «сложная семья», «братская семья», «индивидуальная семья», «неразделенная семья», «малая парная семья», «складническая семья», а также более специфических – «задружная семья», «усеченная братская семья», «отцовская семья», «отцовская семья в три поколения» зависело от усмотрения конкретного исследователя. Разнобой в терминах приводил к существенным расхождениям в расчетах, так что позднее вообще высказывалась мысль о принципиальной невозможности использовать наработки советского периода⁴. Поэтому вопрос о терминологии и классификации семейных структур в работах советского периода остается от-

крытым; попытка его решения предпринимается в данной статье.

Первые споры относительно обозначения того или иного типа семьи можно найти еще в дореволюционный период. Так, в 1877 г., анализируя обычное право Самарской губернии, П. А. Матвеев предложил 2 типа семей («малая» и «большая»), однако придал им специфический смысл; различие между этими типами, по его словам, заключалось не в количестве работников и не в количестве тягол, а в положении главы или хозяина дома и в имущественных и личных правах членов семьи. По мнению Матвеева, в большой семье ее глава – большак – не является отцом всем ее членам; подобная структура – пережиток родового быта. Напротив, малая семья состоит из нескольких женатых сыновей, живущих под властью отца-домохозяина; такая семья многотяговая и в ней положение женщины более выгодно⁵. Этот подход вызвал критику коллег Матвеева в Географическом обществе, и на следующем заседании автор согласился заменить понятия «большая» и «малая семья» на «родовая» и «отцовская» соответственно⁶.

Отдельно можно упомянуть точку зрения А. Е. Ефименко, находившую много схожих черт между великорусской патриархальной семьей и южнославянской задругой⁷; в советский период эта концепция поддержки не получила и была объектом дежурной критики⁸. То же самое можно сказать и о другой концепции Ефименко (впрочем, она не являлась ее единственным автором) – концепции «трудовой семьи», в которой определяющую роль играл не родственник, а трудовой фактор, совместное владение имуществом и распределение дохода в соответствии с вложенными затратами⁹.

В советской историографии, подобно классификации Ласлетта, также часто делался акцент именно на экономическое единство изучаемого коллектива, обозначаемого как «двор». Такой подход во многих случаях обусловлен спецификой источников: в документах XVI – начала XVIII в. часто учитывались не семьи, а «дворы» и «люди»; соответственно, легко вычислялась пропорция «количество людей на двор». Однако толкование термина «люди» могло быть самым различным (главы семьи, женатые мужчины, все мужчины с определенного возраста), что вызывало очень серьезные расхождения в оценке собственно семейной структуры¹⁰. В отдельных работах даже предлагался громоздкий термин («двор, населенный одной семьей» или «односемейный двор») но он не получил распространения¹¹. Исследователи не находили на территории Российского государства аналогов южнославянской задруги: разнофамильные семьи в одном дворе встречались эпизодически. Поэтому понятия «двор», «семья» и «домохозяйство» в основном использовались как синонимы (исключения из этого принципа можно найти в работе И. В. Власовой)¹². Относительно периодов XVIII–XIX вв. использовался следующий подход: сначала устанавливалась численность двора, а затем – его состав, определяемый как тот или иной

вариант семьи (источники такую возможность уже давали).

При отсутствии единой классификации исследователи советского периода в ряде случаев выделяли схожие явления. Так, почти не наблюдалось разногласий по самой очевидной структуре – «малой», или «простой», семье, под которой понимали супружескую пару – с детьми или без них; по мнению большинства исследователей, именно такая семья доминировала в дореволюционный период.

Совместное проживание двух и более семейных пар (с детьми или без них) называлось «большой» семьей, «сложной семьей», или «нераздельной» семьей. Здесь уже прослеживаются некоторые расхождения, поскольку сложные семьи традиционно подразделяли на «отцовские» и «братские». Первые включали родителей с женатыми сыновьями и, возможно, внуками и правнуками (тогда говорили о двух, трех и даже четырех поколенных отцовских семьях); при этом иногда «малая» и «отцовская» семья в тексте использовались взаимозаменяемо – в противовес т.н. «задругной» семье¹³. Вторые (т. е. «братские» семьи) состояли из совместного проживания женатых братьев, не поделившихся после смерти домохозяина; при этом также выделялись варианты данной разновидности, например, «усеченная братская семья» – когда женат был только один из братьев¹⁴. Также к нераздельным семьям относился и тип, не получивший собственного наименования и обозначавшийся, как «хозяйство дяди с племянником». В обширной статье В. А. Александрова использована более простая классификация: «малые» семьи и «неразделенные» семьи («отцовские», «братские», «дяди – племянники»)¹⁵; именно такой подход использовался в большинстве обобщающих трудов позднесоветского или постсоветского периода¹⁶.

Любопытно, что при господствовавшей на тот момент идеологической составляющей в виде работ К. Маркса и Ф. Энгельса лишь немногие авторы обосновывали классификацию ссылками на их труды. Исключение можно найти лишь в монографии Е. Н. Баклановой¹⁷; автор использует работу «Конспект книги Льюиса Моргана» и в соответствии с ней группирует все семейные структуры на семьи прямого и бокового родства (с различными вариациями в каждой группе), что вполне совпадает с вариантами, рассмотренными выше; аналогичная аргументация наблюдается и в труде И. А. Черняковой¹⁸.

Иногда авторы вообще не обосновывают классификацию или делают это предельно кратко; например, в специализированной на истории семьи работе Н. А. Миненко кратко упоминались «малая семья», а также два варианта «сложных» – «отцовские» и «братские»¹⁹.

А. А. Столяров предлагал применять к любой сложной семье термин «неразделенная», как лучше отражающий жизненный цикл данного коллектива. Малая семья, по его мнению, преобразовывалась в «неразделенную 1» (отец – сыновья – внуки),

затем в «неразделенную 2» (братскую), затем в «сложную неразделенную» (включавшую семьи дальних родственников), а затем – снова в «малую»; такой характер эволюции автор предлагал назвать «пульсирующим» (термин в научном сообществе не прижился)²⁰.

Некоторые нестандартные варианты можно найти в этнографической литературе. Например, недостаточно отчетливо проведено различие между «малой» и «большой» семьями в исследовании М. В. Витова²¹; или встречается термин «трехпоколенная малая семья»²² (отец – дети – внуки), который явно выбивается из общего принципа называть такую структуру «сложной» или «неразделенной».

Несложно заметить отсутствие принципиальных отличий в изложенных выше группировках: все авторы выделяли «малую семью» (родители и неженатые дети), «сложную отцовскую семью» (отец, сыновья, внуки), «братскую семью». Более того, все авторы углубляли предложенную ими классификацию, выделяя более мелкие подгруппы. Если у В. А. Александрова выделяются только 5 (самые общие), то в статье М. В. Биленко их в общей сложности 11²³, у Е. Н. Баклановой – 16, а в коллективном труде «Аграрная история Северо-Запада России...» – 19.

В принципе разрозненные подходы исследователей советского периода во многом совпадают с общепринятой в настоящий момент группировкой Ласлетта. Главным определяющим признаком являлось наличие супружеской пары; если она одна – это «малая» (простая) семья, если их две или более – «сложная» (неразделенная – «отцовская» или «братская»). То же самое можно найти и в работе Ласлетта – «малые» семьи (варианты 3а – 3г) и «сложные» семьи, которые подразделяются на две группы: первая – т.н. «stem family», в официальном переводе «корневая семья»²⁴ (варианты 5а, 5б) – это аналог «отцовской семьи»; вторая обозначена французским термином «freresch» («братства») – это очевидный аналог братских семей. Одиночки и разнородные коллективы («no family», по Ласлетту) рассматривались отдельно и по большому счету были весьма немногочисленными.

Вообще следует отметить, что и среди иностранных исследователей нет единого мнения по поводу классификации. Ласлетт указывает на расхождение его подхода с точкой зрения французского ученого Л. Анри в работе «Manuel de demographie historique» (1967). Оба варианта, рассматривая сложные семьи, учитывают количество семейных пар, однако Анри акцентируется не на самих семейных единицах, а на главах семей. В итоге домохозяйство, оцениваемое Ласлеттом как «расширенное» (супруги, дети плюс один из родителей), для Анри и его сторонников будет «сложным» (если этот один из родителей – отец)²⁵.

Помимо этого, существует еще ряд подходов, отличающихся друг от друга более принципиально. Например, Л. Стоуну (1977) принадлежит идея семьи в виде трех основных исторических типов:

большая «открытая линияжная»²⁶ семья (преобладала в период Средневековья); «ограниченная патриархальная нуклеарная семья», меньшая по размерам (XVI–XVIII вв.); наконец, современная «закрывающаяся, привязанная к дому нуклеарная семья». В работе Роберта Уитона содержится критика классификации Ласлетта; вместо нее используется подход, учитывающий цикл развития семьи, появления и ухода новых ее членов в результате естественных и социальных процессов; им выделялась нуклеарная семья, в которой женатые дети покидали дом; родовая система, при которой один из женатых детей оставался жить с родителями (очень похоже на т.н. «stem family», идеализированную в XIX в. французским автором Ф. Ле Плэ); составная система, предполагавшая совместное проживание родителей и нескольких женатых сыновей²⁷.

Наиболее принципиальным отличием отечественного подхода, как можно заметить, является отсутствие категории «расширенная семья» – «extended family»; этот вариант можно найти в обзорной статье как «специфику англо-американской социологии»²⁸, но его непосредственного применения в историко-демографических исследованиях обнаружить не удалось. Именно наличие данной группы сбивает показатели в работах советского периода, поскольку в нее могли попадать и некоторые варианты сложных семей («усеченная братская семья», и производные от сложной малые семьи (супруги плюс один из родителей). Причем в ряде случаев пересчет в принципе невозможен – из-за особенностей исторического материала или не слишком дробной авторской классификации. Например, распространенный вариант расширенной семьи «супруги, дети плюс один из родителей» (4а, по Ласлетту), в ряде источников не мог быть отмечен, поскольку в первую очередь учитывался мужской пол; точно также могла остаться «незамеченной» племянница, незамужняя сестра или иная родственница женского пола, что в конечном счете приводило к увеличению процента малых семей.

Возникает резонный вопрос: а насколько при таком терминологическом расхождении можно использовать цифры исследователей советского периода? Представляется, что большей достоверностью обладает информация по сложным семьям, обозначенным как «отцовские» и «братские»; многопоколенный состав и экзотика строения (особенно братских коллективов) легко позволяли выделить их в отдельную группу без боязни смешения с другими вариантами. Применительно к малой семье этого однозначно утверждать нельзя; ранее уже указывалось, что данная категория в ряде случаев смешивается с расширенной семьей, так что итоговая картина искажается. Неприменимы для исследований исторической демографии и некоторые этнографические работы, которые порой просто констатировали наличие того или иного типа семьи – без конкретизации их численности²⁹.

Выходов тут несколько. Во-первых, при наличии авторской подробной классификации можно

пересчитать выводы советского периода в соответствии с новой системой; эта работа в основном уже была проделана Б. Н. Мироновым³⁰. Во-вторых, «отделить» малую семью от расширенной, а также уточнить количественный состав других групп можно путем сопоставления их с более точно просчитанной структурой; однако это возможно лишь при наличии довольно хорошего эталонного материала, причем сопоставимого с учетом региона, хронологического интервала и ряда других факторов.

Примечания

- 1 Household and Family in Past Time : Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / Eds. P. Laslett, R. Wall. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1972. P. 31.
- 2 См.: Ласлетт П. Семья и домохозяйство : исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. ст. М., 1979. С. 132–157. С. 26, 27.
- 3 Это даже вызывало критику в научных кругах. См.: Яцунский В. К. О некоторых отстающих участках нашей науки // История СССР. 1959. № 3. С. 26.
- 4 Например : Носевич Н. Л. Еще раз о Западе и Востоке : структуры семьи и домохозяйства в истории Европы // Круг идей : историческая информатика в информационном обществе : тр. VII конф. Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. URL <http://vln.by/pode/116> (дата обращения: 25.05.2014).
- 5 См.: Известия Императорского русского географического общества (далее – Известия РГО). 1877. Т. 13. С. 30.
- 6 Там же. С. 33.
- 7 См.: Задруга и великорусская семья // Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 51–68.
- 8 См., например: Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 124–126.
- 9 Подробнее см.: Мельников П. Ю. Особенности обычного права Российской империи XIX в. : «трудовая теория» крестьянской семьи (основные положения и контраргументы) // Вестн. СГЮА. 2015. № 2 (103). С. 30.
- 10 Подробнее см.: Мельников П. Ю. Крестьянская семья на Севере в XVI–XVII вв. : обобщение и интерпретация исследований советского периода // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 5–9.
- 11 См.: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 19.
- 12 См.: Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX в. М., 1976. С. 77.
- 13 См.: Копанев А. И. Указ. соч. С. 123.
- 14 См.: Аграрная история Северо-Запада России XVII в. (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 59.
- 15 См.: Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 88.
- 16 См.: Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 363 ; Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 24 ; История крестьянства России. С древнейших времен до 1917 г. : в 3 т. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в., 1861 г.). М., 1993. С. 240.
- 17 См.: Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976. С. 31.
- 18 См.: Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998. С. 119.
- 19 Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 44.
- 20 См.: Столяров А. А. К вопросу изучения русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI – начале XX в. // Вопросы этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1980. С. 117.
- 21 См.: Витов М. В. Историко-географические очерки Занонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 129.
- 22 См.: Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Зорина Л. И. Русская сельская семья Чувашской АССР (историко-этнографическое исследование). Казань, 1980. С. 22.
- 23 См.: Биленко М. В. О мордовской семье XVII в. // Советская этнография. 1979. № 1. С. 93.
- 24 «Stem» может быть переведено также как «линия родства», «род», «племя».
- 25 См.: Ласлетт П. Указ. соч. С. 141.
- 26 Линьяж – многочисленный родственный коллектив, связанный кровными узлами, брачными союзами, общим фамильным имуществом.
- 27 Подробнее обзор см. в монографии : Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века. М., 2002. С. 9–16.
- 28 Ганцкая О. А. Семья : структуры, функции, типы // Советская этнография. 1984. № 6. С. 22.
- 29 См. например : Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Н. В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973. С. 94–95.
- 30 См.: Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России : аналитический обзор современной историографии // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 3–29.

Образец для цитирования:

Мельников П. Ю. О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX вв.: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 163–166. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-163-166.

Cite this article as:

Melnikov P. Yu. On the structure of a Russian peasant family in the XVII–XIX centuries: the problem of classification and terminology in the Soviet period studies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 163–166 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-163-166.

УДК 94 (470.1/2) |1868|

ГОЛОД 1868 ГОДА В СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ КРИТИКА ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ

О. В. Кочукова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Статья посвящена малоизвестному эпизоду в истории пореформенной России, вызвавшему определенный общественный резонанс. Голод в Архангельской и Новгородской губерниях в 1868 г. был первым масштабным локальным голодным бедствием после 1861 г. Автор статьи приходит к выводу, что голод стал одним из социальных факторов, повлиявших на начавшийся процесс переосмысления опыта либеральных реформ, и, прежде всего, отмены крепостного права. В статье рассматривается реакция местной администрации на события, связанные с голодом, показана роль Комиссии для пособия голодающим под председательством великого князя Александра Александровича.

Ключевые слова: голод, крестьянская реформа 1861 г., либеральные реформы, Архангельская губерния, Новгородская губерния, Н. А. Качалов, Ф. А. Доброленский (Кирилл), великий князь Александр Александрович, Комиссия для пособия голодающим.

The Famine of 1868 in the Northern Provinces of Russia and Public Criticism of Liberal Reforms

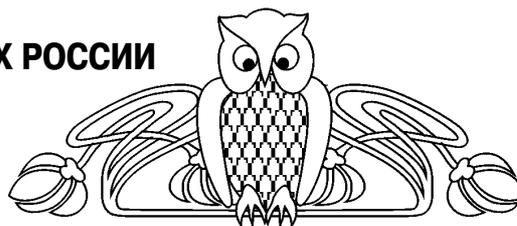
O. V. Kochukova

The article is devoted to a little-known episode in the history of post-reform Russia, which has caused a certain public outcry. Famine in the Arkhangelsk and Novgorod provinces in 1868 was the first large-scale local disaster after 1861. The author concludes that the famine was one of the social factors that influenced the ongoing process of rethinking the experience of liberal reforms, and, above all, the abolition of serfdom. The article deals with the local administration reaction to the events associated with famine, shows the role of the Commission for the starving benefits under the chairmanship of the Grand Duke Alexander Alexandrovich.

Key words: famine, peasant reform of 1861, liberal reforms, Arkhangelsk province, Novgorod Province, N. A. Kachalov, F. A. Dobrolensky (Cyril), Grand Duke Alexander Alexandrovich, Commission for the starving benefits.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-167-171

Истории голода в России посвящена специальная исследовательская литература. Применительно к дореволюционному периоду наиболее изученным является голод 1890-х гг.¹, но локальные голодные бедствия случались достаточно часто, и одним из наиболее показательных для новых исторических условий после отмены крепостного права был голод 1868 г. в северных губерниях России (главным образом, Архангельской). Примечательно, что этот голод даже не упоминается, например, в фундаментальном исследовании по социальной истории

Б. Н. Миронова². Между тем на основании только опубликованных источников можно выявить причины, масштабы и последствия голода 1868 г.

Именно вследствие того, что этот голод был первым масштабным локальным голодом после 1861 г., он вызвал пристальный интерес современников и был одним из ранних социальных факторов, повлиявших на начало становления критической традиции в осмыслении либеральных реформ 1860-х гг., и прежде всего крестьянской.

Характерно и то, что сохранившиеся исторические свидетельства (мемуарные, эпистолярные, газетные публикации) исходят от лиц, занимавших разные социокультурные уровни, и потому дают основу для реконструкции созданных современниками различных способов и моделей осмысления причин голода и методов борьбы с ним. Эти различия определяются в зависимости от социального статуса, уровня образования, политического мировоззрения, сферы профессиональной деятельности. Наиболее основательно фактическая сторона событий нашла отражение в воспоминаниях председателя губернской новгородской управы Н. А. Качалова, принимавшего активное участие в борьбе с голодом³; в мемуарных записках архимандрита Пертоминского монастыря Кирилла (в миру Ф. Л. Доброленского)⁴; в письмах князя В. П. Мещерского, входившего в специальную комиссию по борьбе с голодом; в материалах прессы конца 1860-х гг.⁵

Самую яркую картину голода, непосредственное описание ситуации «изнутри», встречаем в воспоминаниях архимандрита Кирилла. Свои записки о голоде он составил в 1871 г., а в 1882 г. лично передал их в редакцию «Русской старинь», где они и были опубликованы в двух номерах за 1888 г.

В январе 1868 г. Кирилл (Феофан) Доброленский получил назначение на должность настоятеля Пертоминского монастыря в Архангельской губернии. Прежде он служил в Волынской и Смоленской губерниях, а к новому месту службы отправлялся в расстроенных чувствах, ибо «ни в адрес-календаре, ни в святцах не могли даже отыскать имени того монастыря, куда должен был поступить в настоятели»⁶. Как только архимандрит Кирилл разместился в отведенном ему доме, напротив окон увидел человека, умершего от голода. Возникло гнетущее ощущение: «Голод усилился до того, что умирают люди, шедшие в монастырь за пропитанием»⁷. На следующий день он узнал о новом несчастном случае. В близлежащей деревне крестьянин умер от голода, а его жена, испуганная голодной смертью,

схватила на руки своего восьмилетнего ребенка и отнесла в монастырь, оставив на скотном дворе⁸. Так новый настоятель монастыря узнал о том, что с самого начала зимы 1867/1868 г. монастырская братия постоянно кормила всех голодных, приходивших в монастырь за пропитанием. Но средства монастыря уже не позволяли ему выполнять традиционную благотворительную роль. В связи с этим в монастыре стали возникать опасения, что отказ в пособии голодающему населению мог вызвать у отчаявшихся людей решимость разграбить монастырь⁹.

В воспоминаниях архимандрита Кирилла немало страниц, оразивших его первоначальный ужас. «Вид их производил в высшей степени тяжелое впечатление. Изможденные, с потухшим взором, таковы были они. Тупость и какое-то ожесточение проглядывали в их речи»¹⁰. Пищей крестьянского населения многих деревень Архангельской губернии в это время служил хлеб из особого состава муки. Это были олений мох и солома с крыш собственных домов с небольшой примесью ржаной муки. Такая мука имела вредное воздействие на организм. Некоторые умирали уже не от голода, а после того, как их кормили настоящим хлебом в монастыре¹¹.

Вопросы, которые требовали безотлагательного решения, были связаны как с поиском причин создавшегося положения, так и необходимых мер помощи голодающему населению. В зависимости от уровня обладания информацией, современники предлагали разные способы объяснения причин голода. Первый способ исходит от непосредственных очевидцев, пытавшихся оценить ситуацию «изнутри». Так, архимандриту Кириллу голод представлялся явлением «естественным», «традиционным». В его записках присутствует ссылка на географический и природно-климатический фактор (поздняя и холодная весна 1867 г., заморозки летом, скудость рыбных и зверобойных промыслов – традиционных источников крестьянского товарообмена). В таком объяснении голод рассматривается как обычное эпизодическое явление, а его автор еще не предполагает возможности конкретной ответственности за произошедшее со стороны каких-то социальных сил. Тем не менее настоятель монастыря все-таки заметил, что главная особенность ситуации заключалась не в самом факте неурожая, а в отсутствии к зиме 1867/1868 г. достаточных запасов хлеба. Последнее замечание подвигало вплотную к постановке вопроса об ответственности местной администрации.

Другой способ объяснения причин голода можно встретить, обратившись к газетным публикациям за 1868 г. Так, в газете «Голос» встречаем следующее рассуждение: «Что такое голод? Это голод в Архангельской губернии, из портов которой сотни тысяч пудов хлеба отправляют за границу... В каждой стране вывозится за пределы ее только избыток, а не то, что необходимо для ее собственного употребления, для того, чтобы в ней самой, в этой стране, собственный народ не умирал с голоду. В каждой стране, наконец, собственный продукт

стоит дешевле, чем после вывоза его за границу, а наш хлеб продается в Англии дешевле, чем в Твери или Орле, мимо которых он проехал. Давно уже не вывозили мы за границу столько пшеницы, ржи и прочих хлебных зерен, давно уже не лилось с таким изобилием иностранное золото в карманы русских купцов и землевладельцев»¹². В данном случае причины голода связывались с вывозом хлеба в Европу, то есть здесь уже на первом месте оказываются социальные факторы. Автор газетной публикации предпринял очень внятную попытку трактовать голодное бедствие не как традиционное и обычное явление, а, напротив, принципиально новое, связанное с обстоятельствами становления капитализма. Голод, таким образом, рассматривался как следствие обурявшей общество страсти к наживе; а реалии «свободного рынка» объединялись в сознании современников с последствиями либеральной экономической парадигмы, взятой на вооружение с конца 1850-х гг. группой «либеральных бюрократов».

В некоторых публикациях прессы была предпринята попытка связать голод не только с новыми социальными реалиями, но и с деструктивными явлениями в общественном сознании. Так, например, в обзоре за 1868 г., написанном Л. И. Розановым, читаем: «Зная всю степень нужды бедствующего народа, скупали хлеб и задерживали его продажу, чтобы возвысить его в цене, и кровью и жизнями, может быть, сотен людей – нажиться! Мелкие личности, составляющие списки нуждающихся, брали взятки с тех, кого записывали. На станциях железных дорог хлеб, назначенный для продовольствия нуждающимся, лежал недели и месяцы, и прел и гнил под открытым небом! А над всем этим раздавался крик, что голодает народ от того, что спился и распустился после своего освобождения от крепостной зависимости»¹³.

Но ни авторы газетных публикаций, ни архимандрит Кирилл, непосредственно наблюдавший ситуацию, не могли заметить еще одну немаловажную, если не основную, причину голода, связанную не столько с социальной ответственностью либо злонамеренностью каких-то сил (купцов, помещиков, государственной администрации), сколько с определенной непродуманностью в самой стратегии крестьянской реформы 1861 г. Почему в неурожайный год не оказалось достаточных запасов продовольствия? Ответить на этот вопрос можно было, только обладая необходимой информацией о том, как обеспечивались мероприятия по борьбе с голодом в неурожайные годы до 1861 г. и какие изменения принесла с собой отмена крепостного права.

Именно такая постановка вопроса оказалась в центре внимания специальной комиссии по борьбе с голодом, созданной в 1868 г. под председательством великого князя Александра Александровича. К работе в комиссии были привлечены земские общественные деятели-практики. Среди них был Н. А. Качалов, уделивший впоследствии сюжету о голоде 1868 г. немало страниц в своих воспоминаниях.

Н. А. Качалов занимал различные должности на государственной службе и выполнял разнообразную деятельность в общественной сфере: был предводителем белозерского дворянства в Новгородской губернии (с 1854 г.), председателем Новгородской губернской земской управы (с 1865 г.), архангельским губернатором (1869–1870) и директором Департамента таможенных сборов Министерства финансов (1870–1882). Значительное влияние на формирование политических взглядов Н. А. Качалова оказали, во-первых, близкое знакомство с непосредственной реальностью и повседневностью государственной и общественной жизни в провинции и, во-вторых, сближение (по рекомендации князя В. П. Мещерского) с сформировавшимся в конце 1860-х гг. окружением наследника престола, великого князя Александра Александровича. На вечерах у Александра Александровича, которые устраивал В. П. Мещерский, Н. А. Качалов имел возможность встречаться с К. П. Победоносцевым, Д. А. Оболенским, В. А. Черкасским, М. Н. Катковым, И. С. Аксаковым. В 1868 г. Качалов вошел в комиссию под председательством цесаревича Александра Александровича для оказания помощи голодающему населению северных губерний, пострадавших от неурожая, а в 1869 г. принял участие в сопровождении путешествия великого князя по России. Таким образом, в конце 1860-х гг. Н. А. Качалов оказался вовлеченным в особую политическую среду формирования умеренно консервативного переосмысления реформаторского курса «либеральной бюрократии». В этой среде была актуализирована мысль о неизбежности и необходимости корректировки преобразований, «сочиненных» в либерально настроенных петербургских бюрократических сферах, которую нужно было провести исходя из конкретных потребностей и проблем государственной и общественной повседневности.

Объективно критика Качаловым либеральных реформ представляет интерес с точки зрения обнаружения реформаторских рисков, действительно имевших немалое общественное значение. Наиболее ярко это проявляется на страницах его «Записок», посвященных подготовке и проведению в жизнь крестьянской реформы 1861 г. Сама необходимость отмены крепостного права была для Качалова несомненно ясной. Причем в понимании причин крестьянской реформы он обнаружил глубину мышления, поставив на первое место экономические аспекты крепостного права, связанные не столько с известным постулатом о превосходстве вольнонаемного труда (постулат этот неоднократно оспаривался как современниками, так и исследователями¹⁴), сколько с экономическими последствиями использования подневольного труда (отсутствие необходимости для помещиков рассчитывать себестоимость производимой сельскохозяйственной продукции и, как следствие, занижение цен на нее и отсутствие стимулов к интенсификации производства)¹⁵. Но как раз экономическое содержание предстоящего преобразования, по мнению Качалова, отступило

на второй план перед различными политическими соображениями: «Сочувствующая реформе партия, несомненно, состояла из людей честных, умных и желающих пользы России, но люди эти не знали экономического положения государства, страстно стремились к совершению этой великой реформы и, раздражаемые противодействиями, имели в виду только во что бы то ни стало провести эту реформу, и работали, имея в виду только политическую сторону дела, а экономическую ставили на второй план»¹⁶.

Отрицательные экономические последствия крестьянской реформы Качалов напрямую связывал с изначально неправильной установкой реформаторов, стремившихся, прежде всего, к осуществлению идеала крестьян – поземельных собственников и потому настроенных скорее на разрыв многообразных исторически сложившихся связей и взаимодействия крестьянского и помещичьего хозяйств. По мнению автора «Записок», эти связи, напротив, следовало внимательно понять и сохранить либо продумать пути их замены какими-то более модернизированными формами и отношениями. «При существовании крепостного права, – писал Качалов, – помещики из собственных интересов наблюдали, чтобы главная доходная статья, крестьяне, имели свое хозяйство в исправности, ... выгода всегда заставляла помещика каждому из своих крепостных приискать соответственное дело, чтобы каждый приносил пользу, и потому при крепостном праве производительность рабочего населения была полная»¹⁷. С отменой крепостного права исчезла полная занятость крестьянского населения, а помещики столкнулись с проблемой обработки барщинных земель, вместе с тем, исчезли из жизни такие элементы социального попечительства в крепостной деревне, как запасные хлебные магазины и общественные запашки. Итог в глазах мемуариста оказался весьма плачевным: «По случаю непростительного невнимания к экономической стороне крестьянской реформы, помещиков разорили, крестьян освободили от крепостной зависимости от помещиков, но отдали в горшную зависимость от кулаков, которые имеют в виду только личную наживу», ибо «крестьяне знают, что, кроме кулака, нигде уже не получают помощи»¹⁸.

В главе воспоминаний Н. А. Качалова, посвященной его земской службе, есть специальный раздел «Вопрос о народном продовольствии». В этом разделе поставлен вопрос о том, кто нес социальную ответственность в случае возникновения угрозы голодного бедствия и какие меры обеспечивали борьбу с голодом до 1861 г., и как изменилась ситуация после отмены крепостного права. Н. А. Качалов подчеркивал, что до крестьянской реформы правительство не принимало никакого участия в организации специальных мер по борьбе с голодом, так как ответственность в этом отношении традиционно возлагалась на помещиков, городские управления и ведомства государственных имуществ и уделов. Два основных средства противостояния последствиям неурожая представляли собой запасные хлебные магазины и общественные запашки. Эти

социальные институты фактически исчезли вместе с отменой крепостного права. После 1861 г. надзор за запасными хлебными магазинами, которые прежде управлялись специально избранными из дворянской среды смотрителями, был передоверен сельскому и волостному начальству. На практике это привело, по наблюдениям Н. А. Качалова, к тому, что хлебные магазины были вообще разобраны и новые сборы зерна для хранения больше не производились. По этому поводу Качалов замечал: «С уничтожением крепостного права сняли с помещиков и управлений государственных имуществ и уделов обязанность по обозначению народного продовольствия и в то же время разрушили самое существенное пособие: запасные магазины и общественные запашки»¹⁹.

Таким образом, наблюдения и размышления земского деятеля Н. А. Качалова подводили к вопросу о непродуманных последствиях и деталях крестьянской реформы 1861 г. и обнаруживали тему о глубинных и многогранных связях помещичьего и крестьянского хозяйств, которые не всегда были правильно поняты реформаторами, вследствие чего поспешно разрывались, в то время как не были разработаны механизмы их замены. В таком случае голод в Архангельской губернии можно рассматривать как одно из последствий ликвидации попечительских функций, которыми обладали до отмены крепостного права помещики.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о поиске мер по борьбе с голодом со стороны местной администрации. Последняя столкнулась с необходимостью чем-то заменить исчезнувшую дореформенную систему «хлебных магазинов». Показателен тот факт, что на этот процесс оказали влияние либеральные экономические постулаты: была предпринята попытка заменить прежнее натуральное обеспечение голодающего населения денежным эквивалентом. К решению вопроса были привлечены земства, которым передавались определенные денежные суммы. По данным Н. А. Качалова, на миллионное население Новгородской губернии выделялось 150 тысяч рублей²⁰. Такой механизм оказания помощи голодающим на практике совершенно не работал, так как в голодные годы цена на хлеб резко возрастает, соответственно, денежные компенсации обесцениваются. Некоторые земские деятели в связи с этим предлагали в будущем отказаться от идеи денежного эквивалента и восстановить практику «хлебных магазинов», передав их в ведение земств, и ввести для их формирования натуральной сбор по четверти ржи и по четыре четверти овса на ревизскую душу²¹.

Вообще же реакция местной администрации на события, связанные с голодом, была продиктована, кроме всего прочего, и несомненным желанием по возможности скрыть саму ситуацию, как от вышестоящих властей, так и от общественности. Так, по словам архимандрита Кирилла, губернская администрация, «стараясь отклонить от себя вину, уверяла власть и общество, что голод существует только в воображении некоторых лиц». Бурная

общественная деятельность архимандрита Кирилла, стремившегося привлечь деятельное сочувствие общественности, рассылавшего статьи о голоде по местным и столичным периодическим изданиям, вызвала резко враждебную реакцию со стороны властей. Настоятеля монастыря вызвали к губернатору, князю Гагарину, который заявил: «Статья ваша выставляет положение населения в слишком грустном виде, но это совсем не так, голода совсем нет... вы своими заявлениями ставите начальство в затруднительное положение»²².

В связи с этим представляет интерес описание посевной весной 1868 г. в деревнях близ Пертоминского монастыря, сделанное архимандритом Кириллом. Поскольку семян у крестьян не было, монастырь занимался их покупкой и раздачей, но местное начальство в бумажной отчетности представило дело в совершенно ином виде, как будто именно оно-то и облагодетельствовало жителей. Мало того, в адрес крестьянских старшин пришло распоряжение уведомить попечительное уездное начальство о том, каковы всходы семян, розданных от начальства. Архимандрит Кирилл по этому поводу записал: «Старшины видели ложь, фальшь, обман, которыми их хотели опутать, передавали о том своей же братии и с тем вместе делились бумагами со мною, сообщая мне копии таковых распоряжений»²³. В данном случае напрашивается вывод о влиянии поведения местной администрации в период неурожая и голода на падение авторитета государственной власти в глазах крестьянского населения. Нелицеприятная действительность содействовала укреплению в общественном мнении образа мелкого чиновничества, чуждого интересам местного населения, полубразованного, жадного и безынициативного.

Примечательно и то, что само открытие Комиссии для сбора добровольных пожертвований и пособия голодающим под председательством цесаревича Александра Александровича вызвало «оскорбление» многих высокопоставленных чиновников, и особенно – министра внутренних дел П. А. Валуева. По словам Н. А. Качалова, в глазах министра, деятельность комиссии означала признание того факта, что «министерство не может справиться с делом, составляющим главнейшую его обязанность»²⁴. В дневнике П. А. Валуева есть запись от 28 февраля 1868 г.: «Между тем, Комиссия в Аничковом дворце продолжает свои подвиги, и в них за кулисами одну из главных ролей играет Качалов»²⁵.

В самой Комиссии для пособия голодающим были внутренние разногласия. Одна ее часть настаивала на соблюдении всех формальных правил, а другая – считала возможным действовать с применением энергии, риска и инициативы. Такие качества потребовались для организации и проведения особого рода коммерческой операции на хлебном рынке, проведенной, к тому же, в обстановке секретности. Целью этой операции было обеспечить присутствие на рынке достаточного количества хлеба по возможно сниженным це-

нам. Фактически это означало целенаправленное «сбивание цен». Закупки хлеба были произведены на специально выделенные средства: по личному распоряжению императора Александра II министр финансов передал в распоряжение цесаревича, возглавлявшего Комиссию, один миллион рублей. После реализации хлеба по «удержанному» курсу цен деньги были возвращены в казну, и цель снижения цен была достигнута²⁶. В сущности, мероприятия Комиссии по борьбе с голодом в 1868 г. можно рассматривать как одну из первых попыток регулирования рынка в условиях, когда экономические постулаты о «невидимой руке рынка» входили в противоречие с общественным и государственным стремлением к поддержанию социальной стабильности.

Исторические обстоятельства, связанные с голодом 1868 г. в северных губерниях России, а также особенности их общественного восприятия ярко демонстрируют сложность и неоднозначность социальной рецепции реформаторского процесса. Общественная критика крестьянской реформы 1861 г. и реалий рыночных экономических отношений выявляла «слабые звенья» либеральных преобразований, но в то же время и все мероприятия, направленные на борьбу с голодом, были возможны только в условиях формирующихся элементов гражданского общества (роль прессы и общественности во всех перипетиях общественной борьбы в этот период нельзя недооценить).

Примечания

- ¹ См., напр.: *Ермолов А. С.* Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892; *Он же.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909; *Влияние неурожаев на народное хозяйство России / под ред. В. Г. Громана.* Л., 1927; *Хок Стивен Л.* Голод, болезни и структура смертности в приходе Борщевка, Россия, 1830–1912 // Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования. Тамбов, 1991; *Нефедов С. А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005; *Растяжников В. Г., Дерюгина И. В.* Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М., 2009.
- ² См.: *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – нач. XX вв. М., 2010. Гл. 9. Питание, здоровье и биологический статус населения.
- ³ См.: *Качалов Н. А.* Записки тайного советника. М., 2012.
- ⁴ См.: *Архимандрит Кирилл (Доброленский).* Воспоминания о голоде на севере России в 1868 г. // Русская старина. 1888. Т. 57, № 1; № 2.
- ⁵ См.: *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / сост., публ., вступит. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М., 2011.
- ⁶ *Архимандрит Кирилл (Доброленский).* Воспоминания о голоде на севере России в 1868 г. // Русская старина. 1888. Т. 57, № 1. С. 64.
- ⁷ Там же. С. 65.
- ⁸ Там же. С. 67.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 71.
- ¹¹ Там же. С. 71, 72.
- ¹² *Голос.* 1868. № 22. С. 2.
- ¹³ *Розанов Л. И.* Обзорение 1868 года. URL: az.lib.ru/rozanow/text_1868_obozrenie/html (дата обращения: 20.11.2016)
- ¹⁴ См., напр.: *Миронов Б. Н.* Крепостное право: рациональный институт или бесспорное зло? // Крепостное право и его отмена. История и современность: материалы семинара 17 декабря 2004 г. в Санкт-Петербурге. СПб., 2005; *Кочукова О. В.* «Справедливость требует спросить самих крестьян»: опыт диалога либеральных реформаторов с крестьянами накануне реформы 1861 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 17–18.
- ¹⁵ *Качалов Н. А.* Указ. соч. С. 228–230.
- ¹⁶ Там же. С. 264.
- ¹⁷ Там же. С. 268–269.
- ¹⁸ Там же. С. 269.
- ¹⁹ Там же. С. 344–345.
- ²⁰ Там же. С. 345.
- ²¹ Там же. С. 346–347.
- ²² *Архимандрит Кирилл (Доброленский).* Воспоминания о голоде на севере России в 1868 г. // Русская старина. 1888. Т. 57, № 2. С. 421.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Качалов Н. А.* Указ. соч. С. 395.
- ²⁵ *Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел:* в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 186, 249.
- ²⁶ *Качалов Н. А.* Указ. соч. С. 398–402.

Образец для цитирования:

Кочукова О. В. Голод 1868 года в северных губерниях России и общественная критика либеральных реформ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 167–171. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-167-171.

Cite this article as:

Kochukova O. V. The famine of 1868 in the Northern Provinces of Russia and public criticism of liberal reforms. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 167–171 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-167-171.

УДК 94(47).083+929 Корженевский

«ПЕЧЕНЕГ» С ОСТОЖЕНКИ: СУДЬБА И ВРЕМЯ АДВОКАТА П. И. КОРЖЕНЕВСКОГО

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье на основе воспоминаний из личного архивного фонда П. И. Корженевского предпринята попытка реконструкции биографии человека «второго плана» в истории. Автор, с использованием методологии «новой биографической истории» воссоздает, на фоне драматических событий и в панораме известных лиц истории России конца XIX – начала XX в., историко-психологический портрет «незамечательного человека замечательного времени».

Ключевые слова: Петр Корженевский, юрист, политический защитник, общественный деятель, литератор.

The «Pecheneg» from Ostozhenka: the Fate and Epoch of Counsel P. I. Korzhenyovsky

Yu. V. Varfolomeev

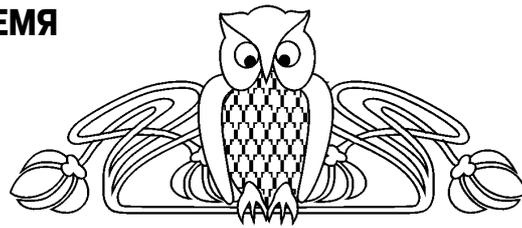
The article, based on the memoirs of P. I. Korzhenyovsky's personal archive, attempts to reconstruct the biography of a «backseat person» in history. Using the methodology of the «new biographical history», the author recreates the historical and psychological portrait of a «common person in a prominent time», amidst dramatic events and famous people of the end of the XIX– the beginning of the XX century Russia.

Key words: Peter Korzenyowski, lawyer, political advocate, public person, writer.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-172-179

«Автобиография незамечательного человека замечательного времени»¹. Именно так озаглавил свои воспоминания адвокат Петр Иванович Корженевский (1872–1968) и, очевидно, поскромничал. Ему действительно довелось жить в замечательное время, а если точнее – в трех очень непохожих и самобытных эпохах, но и его долгая жизнь тоже стала замечательной страницей в многотомной книге человеческого бытия. От императора Александра II до Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева – в таких удивительных временных координатах прошла его жизнь.

Несмотря на то что за свою долгую жизнь юрист и общественный деятель Корженевский стал свидетелем и даже участником знаменательных событий в жизни страны, был знаком с выдающимися современниками дореволюционной России, его имя практически неизвестно широкому кругу исследователей и потомков. Небольшой сколок воспоминаний о нем был опубликован лишь в 2002 г. в журнале «Адвокат»², хотя к фрагментам его мемуаров исследователи

не раз обращались в основном для иллюстрации повседневности и быта Москвы конца XIX – XX в. Объяснением подобного историографического невнимания следует, очевидно, считать своеобразный «злой рок», нависающий над личностью «второго плана» в истории, когда её незаслуженно обходят вниманием, и она, как правило, всегда остается в тени знаменитых современников своей эпохи.

Вопреки этой сложившейся на протяжении многих лет традиции, современная исследовательская парадигма «новой биографической истории» актуализирует концепт «человек второго плана», понимаемый как личность, значимую для истории, хотя и не совершившую великих деяний или открытий. В качестве обоснования такого подхода к исследованию лежат представления М. М. Бахтина и М. Хайдеггера, основанные на акцентировании изучения роли личности в истории, выраженные в наиболее общем виде тезисом: не история действует в человеке, а человек и его поступки создают ее. Здесь как нельзя лучше подходит формула биографики, выведенная в своё время ещё А. И. Герценом: «Жизнь обыкновенного человека тоже может вызвать интерес, если и не по отношению к личности, то по отношению к стране и эпохе, в которую эта личность жила»³.

Судя по всему, «обезличивающий» подход в исторических трудах в настоящее время не совместим с творческим поиском ученых. «Новая биографическая история, поставив во главу угла анализ деятельности индивида, индивидуального сознания и самосознания, личного интереса и целеполагания, помогает, в конечном счете, ответить на вопрос, каким образом и в какой степени, унаследованные культурные традиции, обычаи, представления, определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а тем самым и весь ход событий и их последствия) и какую роль играли в этих границах индивидуальный выбор и инициатива, – отмечает Л. П. Репина. – В результате веками устоявшаяся форма историко-биографических исследований наполнилась новым содержанием, их предметное поле существенно расширилось, а «номенклатура» неизмеримо выросла за счет жизнеописаний людей, которые выступали как реальные агенты, актеры, то есть действующие лица истории, но отнюдь не на главных ролях, и не могут быть

формально причислены к выдающимся историческим деятелям»⁴.

Безусловно, человек второго плана – это своеобразная, незаурядная личность и, по справедливому замечанию А. В. Корневского, «не претендующая на движущую роль в истории, не обгоняющая время, но, тем не менее, как никто другой отражающая в делах и мыслях основные коллизии своей эпохи»⁵. Именно такой личностью, на мой взгляд, и является П. И. Корженевский.

Родился он 2(14) августа 1872 г. в Москве на Остоженке «...под холмом Зачатьевского монастыря»⁶ в семье секретаря Московского окружного суда Ивана Доминиковича Корженевского и жены его Анны Ивановны. Вспоминая о своих ровесниках и знаменательных событиях, произошедших в этот год, Корженевский, с неким мистическим оттенком, отмечал: «Гороскоп нашего времени был беспокойный. Созвездия моего рождения не обещали тихого и мирного жития. Планеты окружали меня в тревожной ситуации»⁷. Незадолго до меня родился у царя Александра II внук Николай. <...> За два года до моего рождения в Симбирске в семье инспектора народных училищ Ульянова родился сын Владимир, а в 1872 г. в немецком княжестве Гессен-Дармштадт родилась принцесса Алиса – русская царица Александра Федоровна. В 1872 г. был переведен на русский язык «Капитал» Маркса...»⁸ Однако, несмотря на такой необычайный «звездопад» лиц и событий, детство и юность Петра Ивановича прошли относительно спокойно.

Его первые воспоминания о малой родине относятся приблизительно к 1877 г.: «Помню небольшой флигель в Мертвом переулке, где мы жили в верхнем этаже, сбоку от главного барского (посредине двора) дома Александровых-Дольниковых. <...> Помню прогулки с няней по Пречистенке к Пречистенским воротам с фонтаном, где брали воду водовозы, возившие ее по домам. Тут же запомнились ряды войск, идущих от центра на Остоженку в Хамовнические казармы, и брызжущие и сияющие звуки браваурной военной музыки заставляют меня прыгать и кричать»⁹.

Мать Петра Ивановича умерла в молодости от туберкулеза, и поэтому он до 10–11-летнего возраста жил не у отца, служившего в это время судебным следователем в г. Верее Московской губернии, а у старшего брата отца – Каэтана Доминиковича. «Помню какой-то вечер, – делился своими детскими впечатлениями Корженевский, – когда было много народу, приезжал отец и подарил мне «Конька Горбунка» Ершова с картинками, и басни Крылова, первые мои книжки»¹⁰.

Из детских воспоминаний и впечатлений о Москве ему особенно запомнились прогулки с теткой в Александровский сад, а также в «город», т. е. в торговые ряды на Красной площади, но перед этим они обязательно посещали часовни Иверской и Трифона на Никольской. Помолвив-

шись и отпив «деревянного масла» из неугасимой лампы или помазав им себе лоб, они непременно приобретали церковную литературу, изданную в Троице-Сергиевой лавре¹¹. Только после этого их путь лежал по направлению к Красной площади.

Пока тетка с приятельницей подолгу сидели у проезда Боровицких ворот, Петр с сестрой взбирались на верхнюю дорожку у самой Кремлевской стены, где с замиранием сердца он испытывал немой восторг – какая это высокая гора, «а на ней стена страсть, какая высокая, а за ней башни, дворцы... все ужас как высоко, как величественно»¹². А вот более благостные и аппетитные воспоминания были связаны у него с торговыми рядами. С сестрой и теткой они долго ходили по рядам, где их без конца зазывали в магазины приказчики, хватали буквально за рукава, убеждая купить что-нибудь, наперебой перечисляя и расхваливая свои товары. «Наконец, наступал самый желанный момент, – вспоминал он, – мы спускались в подвальный этаж, в сундучный ряд, где, между прочим, продавались действительно замечательные квасы и громадные, вкусные дешевые пироги с казавшейся мне невероятно вкусной начинкой»¹³. Усталые, но с покупками и насыщенные «роскошным пиршеством», торжественно возвращались они домой на извозчике за 10 копеек. Все это было ему так интересно, так полно новых необъятных впечатлений, что потрясло юного Петра, как он отмечал, до глубины души.

Но вот на смену беззаботному детству П. И. Корженевского пришли непростые гимназические и университетские будни. Этот период своей жизни он обозначил с определенным идеологическим подтекстом, увязав его с годами правления императора Александра III: «Я начал школу в 1881 г. с убийства Александра II и вступления Александра III и кончил по смерти последнего в 1895 г., т. е. в самый отчаянный период, обративший ее в педагогический застенок»¹⁴.

К вступительному испытанию в гимназию Петр был хорошо подготовлен. Экзамен в подготовительный класс он выдержал успешно и сразу стал первым учеником¹⁵. Его ученье начиналось дома. В пять лет он уже хорошо читал, благодаря занятиям с дядей, рассказы которого были полны ярких и занимательнейших событий и уголков мира. «До сих пор брезжат в моей памяти картины морей, кораблей, стран, горных пространств и несущихся с них бурливых рек, – вспоминал спустя десятилетия Петр Иванович. – Это было так ярко, так сильно захватывало воображение, что я постоянно изображал все это на бумаге»¹⁶. И он понимал, что для того чтобы все это можно было увидеть, надо много и хорошо учиться, а значит, и незачем было откладывать обучение, которое началось тут же, с лежащей под рукой газеты «Современные известия». Буквы пятилетнему мальчику запоминались легко и просто. Очень скоро он уловил и тайну слияния букв в слова, а слов – в предложения. С этого момента Петр

стал «присяжным чтецом» этих «Современных известий», причем и он, и его постоянная слушательница – тетка, обыкновенно не выходили далеко за пределы рубрики «Случай», т. е. хроники происшествий и эпизодов повседневной жизни Москвы. Сложнее, правда, давалась ему таблица умножения, за которую, однако, он все-таки однажды «засел и одолел раз и навсегда»¹⁷.

После довольно однообразной жизни дома с весьма редкими проблесками приездов дяди окунуться в волнующую толпу бурлящей детворы гимназии было для него крайне увлекательно. Об учебе в первом классе 6-й московской гимназии, куда он был принят, никаких особых подробностей в потоке его воспоминаний не осталось, но зато запечатлелась в памяти общая картина о первых школьных предметах, товарищах и учителях. В основном это были неприятные и даже гнетущие впечатления и связаны они были даже не с предметами, которые предстояло изучить, а с персонами учителей.

Учителем русского языка и арифметики был Афеноген Афенонович Соколов, и вполне предсказуемо, с долей «научности» ученики дали ему кличку Фотоген Фотогенович. Это был, по воспоминаниям Корженевского, «крепкий, небольшого роста человек с кругловатой бородкой перца с солью, с движениями рыночного торговца»¹⁸. В этом же классе появился, по словам Петра Ивановича, и «новый враг», но уже не только в лице учителя, а и в самой науке. Это был жупел всех гимназистов – латинский язык. У Корженевского мы находим, возможно, одно из самых точных объяснений такой стойкой и распространенной нелюбви к предмету. «Ужас его был в том, что была непонятна сама цель его существования, – рассуждал он, – и никто не подумал подвести нас к нему»¹⁹. Такая ситуация с преподаванием древнего классического языка складывалась даже тогда, когда учителями были весьма достойные и способные педагоги, как, например, в данном случае – Н. И. Баталин, ставший впоследствии директором 7-й московской гимназии.

По мнению Корженевского, этот человек действительно имел все необходимые качества, чтобы стать директором, но отнюдь не хорошим учителем. «Высокий, непреклонный даже в фигуре с рыжеватой аккуратной бородой, говоривший двумя-тремя словами сухим, мертвым тоном, – предстает он на страницах воспоминаний. – Это был и остался для меня образцом “капитана Немо”. И этот человек, почти не глядевший на нас, почти не говоривший с нами, давивший нас своей фигурой, ростом, ужасом холода, жестоко и молча пригвождал нас стальным взглядом и парализовал всякую способность к какой бы то ни было деятельности»²⁰. Буквально солидарен в характеристике Баталина соученик Корженевского по гимназии И. И. Соколов²¹, который тремя годами позже него имел счастье лицезреть этого педагога. «Латынь и русский язык пре-

подавал в первом классе инспектор гимназии Николай Иванович Баталин, – писал он в своих мемуарах, – человек сухой и суровый, и как преподаватель невыносимо скучный – ни страсти, ни шуток, ни улыбки, ни даже искреннего гнева. С шипением, монотонно проводил он свой урок, держа нас в неослабевающем страхе. Когда мне, уже студентом, случилось побывать у него дома, я нашел человека очень любезного, даже несколько сентиментального, любителя маленьких собачек. Однако в классе он был грозой»²². А таких уроков латинского языка, между прочим, в классе было восемь в неделю, т. е. получается, что в целом по два дня Петр с одноклассниками сидели в этом обучающем гипнозе, а «капитан Немо» преподавал им, кстати, ещё и русский язык.

Трудно сказать, чем бы закончились для Корженевского эти первые шаги по тернистому пути в мир знаний, если бы, по его ироничному признанию, «судьба не сжалилась надо мной, и не послала мне скарлатину, которой я проболел два месяца. Какое счастье – никакая болезнь не могла быть ужаснее такой системы преподавания»²³. И этот двухмесячный «отдых» дал Петру Ивановичу возможность, правда, опять с помощью репетитора, спокойно перейти в следующий класс, а вместе с этим, переехав жить к отцу, он покинул 6-ю и поступил в 1-ю гимназию.

Это было знаменитое, старейшее в России учебное заведение. Располагалась гимназия в самом центре Москвы – напротив Храма Христа Спасителя. Перед домом на Волхонку был большой, роскошный сад, в который, однако, вход гимназистам был строго-настрого запрещен. Дом, в котором помещалась гимназия – бывшая усадьба князей Волконских – был громадный, с массой служб. В гимназии было два отделения – нормальное и параллельное, что на гимназическом жаргоне обозначалось: «параллешки» и «нормашки». Но все остальное, с сожалением констатировал Корженевский, было так же как и в 6-й гимназии, и лавина новых предметов так же неумолимо продолжала наступать гимназистов. «Во втором классе, – вспоминает он, – на нас обрушилось еще два языка – французский и немецкий. В третьем – греческий, в четвертом – славянский. Эти годы были годами какого-то безоглядного мрака и придавленности. Тяжесть пяти-шести языков в пределах только их грамматики и синтаксиса, не имеющих ничего общего с какой-либо, а не только с классической или западной литературой. Ничего яркого, свежего, а весь ужас зубрения тысяч слов, склонений, спряжений, синтаксисов, неправильных глаголов – все это взваливалось на 12–14-летних ребят без всякого подхода, объяснения, каких-либо приемов облегчения»²⁴. И все это сопровождалось строгой дисциплиной, полной отчужденностью наставников, сухими заданиями, жесткими требованиями, увенчанными пугалами любого гимназиста – единицами и двойками.

Даже спустя много лет Корженевский в своих воспоминаниях остро и живо передавал чувство утомленности и физической опустошенности от таких интенсивных и насыщенных занятий. При этом его искреннее старание «одолеть всю эту непроходимую премудрость равнялось разве отчаянию, невозможности и бессилия <...> Не знаю, как я переходил из класса в класс, не сумею изобразить затраченных на это усилий»²⁵. Под впечатлением этих настроений и переживаний спустя несколько лет на одном из первых курсов в университете он написал рассказ «Тяжело», который очень понравился товарищам-студентам, узнававшим в нем свои гимназические будни. Кроме того, Корженевский прочитал свой рассказ одному из наиболее любимых и талантливых профессоров курса – П. Н. Милюкову. Мэтр исторической науки критически воспринял творчество студента и заявил, что это записки «приговоренного к смерти», при этом отметив, что некоторые пассажи недостаточно обоснованы. Между тем и это самое удивительное – и он сразу узнал изображенного на страницах рассказа «просвещавшего» гимназистов по классическим языкам И. Ф. Збраславского²⁶.

Можно отчасти понять иронию и отчаяние Корженевского, которые пропитали его рассказ, если прислушаться к глубокому, хотя, возможно, и не бесспорному наблюдению. «Все учителя этого “классического” отдела классической гимназии были исключительно иноземцы, – утверждал он. – Они как-то и подбирались и дрессировались для определенной цели воспитания русского юношества. Все эти Шадеки, Мареки, Мясопусты, Кабраки, Гавельки, Поспешилы, Збраславские, Павликовские, Млинаручи, Гобзы и т. д. даже говорили на особые лады. У них “поле торчало кустарником”, “устрицы после потопа очутились на дереве”, она “пристально смотрела на него, отвернувшись”, и пояснялось, что это “ирония”». Корженевский приходил к выводу, что «если они не шли сознательно на обращение русской молодежи в полное отупение, то они не могли верить в свое дело. Но они, несомненно, презирали “русских свиней”, а потому даже и не думали о том, как помочь этим “свиньям” одолеть всю глупость их преподавания»²⁷. К слову сказать, не меньшей доли критики за цинизм и двуличие удостоились от Корженевского и законоучители – протоиерей Копиев и о. Орлов²⁸.

С гимназических лет Корженевский запомнил на всю жизнь два, как он их назвал, «волнующих моменты». Один из них был связан с юбилеем «Русских ведомостей» в сентябре 1887 г. Петр очень переживал, опасаясь, что отец и его приятели забудут послать поздравительную телеграмму в адрес редакции. При этом шестиклассник гимназии «настоятельно приставал» к отцу, чтобы их подпись была во множественном числе, – «я уже был преданнейшим поклонником и чтецом “Русских ведомостей”, а это, конечно,

говорит за себя и ярко рисует получаемую оттуда умственную пищу»²⁹. Другое воспоминание было связано с еще одним юбилеем – 50-летием со дня убийства А. С. Пушкина. Несмотря на то что это была печальная дата, она открывала новую страницу в судьбе творческого наследия поэта, так как в этот момент прекращались частные права его законных наследников на издание сочинений великого предка. «Помню, как я спешил купить вышедшее тогда Суворинское издание и проглотил всего Пушкина»³⁰, – с упоением вспоминал Корженевский.

Выпускной класс гимназии запомнился Петру Ивановичу еще и отчаянным неистовством, пышущих энергией и отягощенных знаниями недорослей. Это выражалось в том, что каждую большую перемену (полчаса после третьего урока) все 8 старших классов проводили в сравнительно небольшом зале в глубине коридора. В этот небольшой отрезок времени надо было успеть устроить «стенку» между «параллешками» и «нормашками». И чем меньше на это отводилось времени, тем интенсивнее было противостояние. Все летели туда, как сумасшедшие. Когда запыхавшийся надзиратель поспевал в зал, все было кончено и только по включенным фигурам можно было представить себе все напряжение и остроту произошедшего. Яркой иллюстрацией этих баталий может служить эпизод, описанный Корженевским. «Один раз я видел “страшную” сцену, – вспоминал он, – в коридоре у вазы с водой для питья стоял маленький надзиратель и предлинный ученик. И маленький надзиратель утирал разбитый в кровь нос длинного ученика. Этот ученик был граф Капнист, сын попечителя учебного округа. Но он оказался, хотя и сын попечителя, но истинный гимназист и никого не выдал»³¹, а «стенка» тем временем продолжалась ежедневно, неистово и без перерывов.

В потоке серых гимназических будней и мрачных впечатлений отложились у Корженевского и светлые воспоминания. Связаны они прежде всего с учителями, которых он обозначил как трех праведников, «спасших нашу гимназию, и она не провалилась в тартарары, чего мы ей так часто желали»³². Самый старый из них был преподаватель русского языка и словесности А. В. Тверской. «Это был небольшого роста, плотный человек с прекрасной окладистой бородой, – описывал его Корженевский. – Приверженный к церкви, пунктуальный и невозмутимый человек. Урок он начинал с чтения лекции. Он не признавал учебников и всегда читал сам весь курс. <...> Никогда он не повысил голоса, но у него сидели, затаив дыхание. И даже не от содержания лекций. У него испытывали больше, чем страх, это было что-то другое, пожалуй, удивление. Тверской – проповедовал, он сам благоговел перед своим предметом и поражал нас»³³.

Второй праведник в списке Петра Ивановича был Ф. С. Коробкин. Это был молодой подвижный

человек в пенсне с небольшой бородкой. «Бывший ученик первой гимназии и кажется любимец директора Лебедева, он после университета в одно время с нами поступил учителем в гимназию и вел нас до конца, – уточнял Корженевский. – Это был человек очень жизненный, благорасположенный к человеку и к нам, ребятам. Как он умел объяснять математику, а он не пропустил ни одной страницы без объяснения! Цифры оживали под его рукой, фигуры сами вырастали, накладывались. Узлы действительно попадали в свои точки. И все это ясно, четко, жизненно и совершенно понятно. Математика расцветала, по крайней мере, я просто утопал в ней»³⁴.

А вот третий праведник – Владимир Германович Аппельрот – был для Корженевского не только учителем, человеком в самом широком смысле этого слова, но и «величайшим чудом», как он восторженно признавался. Петр Иванович воспринимал его как немца гетевского периода: «Это был один из немногих учителей, изредка появлявшихся у нас в отбросах наших училищ, учитель, который захватывал и уносил их из этих отбросов и показывал высокие горизонты науки и света»³⁵. Это был не просто преподаватель античной литературы. Это был не поклонник, а жрец античного искусства. Он весь дышал им и пытался все что можно перелить в головы молодежи. Оценивая итоги репетиторства Аппельрота, Корженевский не мог сдержаться восхищения: «И чудо открытия мной в себе человека, человеческих, даже сверхчеловеческих сил, <...> это чудо сделал Аппельрот, потому что “человек он был”!»³⁶.

В 1890 г. П. И. Корженевский успешно окончил знаменитую 1-ю московскую гимназию и поступил на юридический факультет университета, увлекшись, по словам его друга Н. К. Муравьева, «мыслью стать ближе народу в качестве судьи»³⁷. Еще на втором курсе Корженевский, один из немногих студентов, откликнулся на предложение академика И. И. Янжула помочь в устройстве лекций профессоров в пользу голодающих.

После окончания университета в 1895 г. Петр Иванович оказался перед выбором: идти по финансовой части, в народное просвещение или в «пути сообщения, земледелия, технические». Но все это были чуждые ему специальности, признавался он. А вот юстиция. Здесь, прежде всего, знакомая ему «юридическая среда, на которой еще лежал свет великой эпохи 60-х гг.»³⁸ и к которой, конечно, принадлежал его отец.

Поступив на судебскую службу, Корженевский в течение последующих десяти лет служил сначала в Москве кандидатом на судебные должности, а впоследствии – судебным следователем в Вышнем Волочке Тверской губернии и, наконец, в Богородске Московской губернии. Провинциальная атмосфера в период его службы в Вышнем Волочке была развеяна ярким и полезным для начинающегося юриста знакомством. Недалеко от города находилась дача профессора уголовного

права, сенатора Н. С. Таганцева, и выдающийся российский правовед, желая, очевидно, скоротать время в приятных беседах с коллегой-юристом нередко приглашал к себе молодого следователя. Петр Иванович, по его признанию, был в то время приверженцем популярной тогда социологической школы права.

Многочисленные случаи из судебной практики все чаще наводили молодого юриста на мысль о несправедливости существующего порядка вещей. «Все эти случаи в моей жизни были неподготовленными, непартийными, неклассовыми и притом исключительно инстинктивные, – вспоминал Корженевский. – Чисто инстинктивно в таких случаях я шел, что называется, “налево” и если не был “партийным чиновником”, если не был пропитан программой, то всеми фибрами души реагировал в сторону революции»³⁹. И революция не заставила себя долго ждать. Перелом в судьбе судейского чиновника произошел в январе 1905 г. «Днем я был в Москве и зашел к Муравьеву, – передает впечатления тех дней Корженевский. – Его я застал в таком взволнованном состоянии, что невольно спросил, что с ним. Он ответил, что по слухам в СПб произошло что-то совершенно невероятное – была стрельба в народ. Это было непостижимо и зловеще!»⁴⁰

Все последующие дни он уже не мог работать как прежде, ощущал себя как лунатик, и в его сознании как-то мимо прошли Мукденский погром, Цусима, убийство великого князя Сергея Александровича. Все его внимание и энергия обратились к общественной деятельности. 4 февраля он принял активное участие в работе Богородского отделения Технического общества. Было прочитано несколько докладов, где говорилось о состоянии преподавания, а Корженевский выступил с докладом о «муках создания нашего отделения»⁴¹. Деятельность общества и сам Петр Иванович оказались в центре внимания полиции. 28 декабря 1905 г. он был внесен ротмистром Мартыновым в «Список лиц, подлежащих аресту в г. Богородске и уезде» под № 1: «Корженевский П. И., судебный следователь 2-го участка (выбыл 24 декабря в отпуск), самый деятельный участник социал-революционной партии в городе и уезде»⁴².

События развивались стремительно. Корженевский подал в отставку, и это соответствовало не только характеру его оппозиционной деятельности, но и образу его представлений о служении Закону. В качестве своего жизненного кредо он выбрал выражение А. Ф. Кони – «Судебная служба есть служение в настоящем глубоком смысле слова», и здесь же констатировал: «Очень нескоро после многих переживаний я, наконец, нашел (а может быть «получил») удивительное положение в этом юридическом мире – положение адвокатуры»⁴³. Но он не просто перешел в присяжные поверенные, а присоединился к организации политической защиты «Молодая адвокатура»⁴⁴, одним из лидеров которой был его друг еще с

гимназических и университетских лет Н. К. Муравьев. «Мне никак не хотелось отказаться от мысли, что я свободный человек, а не чинуша с кокардой, – передавал свои ощущения от этой метаморфозы в свое судьбе Корженевский. – И сколько переживаний мне стоило, и надо было ждать целых 10 лет, чтобы судьба и революция сделали за меня это – послали меня в такую высокую тогда сферу – политадвокатуру»⁴⁵. И уже в июне 1906 г. П. И. Корженевский, только что вступивший в синергию «Молодая адвокатура», принял участие в защите матросов на процессе по делу о ноябрьском (1905 г.) восстании Черноморского флота⁴⁶.

События, которые привели на скамью подсудимых 37 нижних чина 32-го флотского экипажа крейсера 1-го ранга «Очаков», а также студента Новороссийского университета А. В. Пятиня, П. А. Моисеева и крестьянина Г. П. Ялинича, начали разворачиваться 8 ноября 1905 г. Мятеж очаковцев датируется 11–15 ноября 1905 г., обвинительный акт прокурор военно-морского суда полковник А. И. Крамаревский подписал 11 января 1906 г., судебное разбирательство началось 7 февраля 1906 г.

Процесс над севастопольскими моряками проходил во время работы Первой Государственной Думы. Депутаты активно обсуждали вопрос об амнистии и единогласно приняли законопроект об отмене смертной казни. Учитывая эти обстоятельства, лидер защиты на процессе, Н. К. Муравьев, предложил коллегам сделать необычный и смелый шаг. Вместо речи в заседании суда он посчитал возможным выступить с обращением к Первой Государственной Думе в защиту подсудимых. Эта идея была поддержана, и адвокаты, не сомневаясь в успехе, отправились в Петербург, оставив в суде только одного «дежурного» адвоката П. И. Корженевского для контроля над дальнейшим ходом процесса.

Однако политическая ситуация изменилась кардинальным и драматическим образом. 9 июня Государственная Дума была распущена. Официальное обращение Муравьева к высшему представительному органу страны, упраздненному царским указом, повисло в воздухе. Судьбу «севастопольских узников» их защитники вверили в руки представителей народа, но после 9 июня политическая судьба самих депутатов оказалась в опасности, а после «Выборгского воззвания» бывшие народные избранники сами стали клиентами «Молодой адвокатуры». В то же время в отсутствие защиты подсудимым-морякам был вынесен крайне суровый приговор: четверо были приговорены к смертной казни, 32 человека – к ссылке на каторгу, 50 – тюремному заключению и только 7 человек были оправданы. На этот приговор 31 июля 1906 г. защитниками была принесена кассационная жалоба, «разросшаяся в целую монографию, – уточнял Полянский, – охватывавшую все стадии процесса...»⁴⁷

Вместе с тем сразу после завершения первой части судебного разбирательства власти решили форсировать события и провести один большой процесс над всеми оставшимися группами обвиняемых. Правда, этому воспротивился председатель суда. Не известно, чем бы закончились эти препирательства, но в дело вмешались революционеры. Из канцелярии суда было похищено и уничтожено многотомное следственное дело. Подозрение на соучастие в этом преступлении пало и на адвокатов. «Место хранения дела было известно всем защитникам и некоторым из подсудимых гражданским лицам, которые допускались в канцелярию для обозрения дела», – докладывал в столицу своему начальнику прокурор И. А. Ронжин. Как стало известно впоследствии, в своих подозрениях он оказался прав. Спустя несколько лет, уже при советской власти, этот криминальный «подвиг» социал-демократов был с гордостью удостоверяется: «По делу второй группы партийная организация устроила похищение и уничтожение многотомного следственного производства из помещения суда»⁴⁸, – подтвердил политический защитник И. Н. Мошинский в 1927 г. В статье автор не назвал фамилии адвокатов и участников похищения документов, и только сейчас можно внести определенную ясность в раскрытие тайн этого неординарного события. Теперь понятно, что именно Корженевский был непосредственно вовлечен в эту криминальную историю. А дело обстояло следующим образом.

Заседания суда над революционными матросами происходили с большими перерывами, во время которых в Севастополе в качестве своеобразного «дежурного» адвоката оставался только новоиспеченный «младоадвокат» П. И. Корженевский. В один из таких перерывов произошел скандально-криминальный эпизод. К Петру Ивановичу обратилась жена одного из обвиняемых, заявив, что с ним хочет поговорить один человек. При этом она заговорчески и многозначительно предупредила адвоката о том, что не следует выяснять личность незнакомца, и тем более никому не рассказывать об этом таинственном randevu. При встрече незнакомец, пожелавший сохранить своё инкогнито, поинтересовался у Корженевского, где хранится уголовное дело. Петр Иванович, конечно, хорошо это знал и поведал незнакомцу о том, что дело находится в канцелярии суда. Вскоре соратники обвиняемых матросов проникли ночью в помещение суда, связали сторожа и похитили уголовное дело. В результате слушание дела было надолго отложено, так как на восстановление утраченных материалов потребовалось немало времени.

В связи с утратой материалов дела в августе 1906 г. было возобновлено предварительное следствие, которое закончилось только в октябре. На этот раз суду были преданы 260 человек, в том числе 19 гражданских лиц по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 109 Военно-

морского устава о наказаниях, ст. 110 Военного устава о наказаниях, ст. ст. 51 и 100 Уголовного Уложения. Процесс шёл с 24 октября по 13 ноября 1906 г. Судебные слушания проходили при закрытых дверях в одном из корпусов флотских казарм. На первом же заседании большая группа подсудимых во главе с И. П. Вороницыным бойкотировала суд и была удалена с процесса. «Защитники прокламируют свою солидарность и тоже покидают зал, – вспоминал Вороницын. – Заседание закрывается...»⁴⁹ На дальнейших заседаниях суда присутствовала небольшая группа подсудимых и казенных защитников. Суд приговорил троих к смертной казни, 60 – к каторжным работам на срок от 4 до 20 лет, 104 – к исправительным арестантским отделениям, 47 – к отдале в исправительные батальоны или роты⁵⁰. Так в несколько этапов закончился грандиозный судебный процесс над участниками Севастопольского восстания. Спустя годы, уже в Советской России, П. И. Корженевскому была назначена персональная пенсия, как одному из политических защитников революционных матросов.

В послужном списке присяжного поверенного Корженевского за 1906–1917 гг. целый ряд политических и общественных процессов, среди которых особое место занимали: дело о разгроме экономии Емельяновых, процесс о еврейском погроме в Стародубе, защита рабочего Морозова по обвинению в убийстве двух участников патриотической манифестации, процесс по делу участников Московского восстания 1905 г., дело Фидлеровской дружины, дело 33-х (Московской организации РСДРП), процесс по делу Крестьянского союза и мн. др. Список этот, как признает сам автор, безусловно, не полный. Корженевским были перечислены только наиболее крупные процессы, от которых остались какие-то справки или документы. Кроме непосредственных выступлений на суде, он как член кружка политических защитников принимал также участие в организации защит, в обследовании последствий еврейских погромов, исполнял обязанности секретаря по приглашению членов суда со стороны союза рабочих и пр.⁵¹

После Февральской революции он, так же как и его бывшие коллеги по «Молодой адвокатуре» – А. Ф. Керенский, А. С. Зарудный, П. Н. Переверзев, П. Н. Малянтович, Н. К. Муравьев – включился в работу Временного правительства. 7 марта 1917 г. Постановлением Временного правительства уполномоченный Главного комитета Всероссийского земского союза П. И. Корженевский был назначен на должность директора канцелярии министра путей сообщения⁵². Однако это был, пожалуй, краткий эпизод государственной административной деятельности Петра Ивановича. После большевистского переворота он отошел от активной политической работы, сосредоточившись на литературном труде.

С уходом в 1928 г. на пенсию он всецело отдался интересовавшим его всю жизнь истории и

литературе. За это время он завершил написание «Крестьянской повести», первой главой которой являлся его ранний рассказ «Ванька женился», а другие главы были составлены по материалам, собранным им при защите восставших матросов Черноморского флота 1905 г. и по архивным материалам. Позднее по журналам 1920–30-х гг. Корженевским была подготовлена «Хроника 1905 года»⁵³, которая печаталась в журнале «Каторга и ссылка». За это время им был также написан ряд воспоминаний о гимназии, университете, адвокатуре, Первой мировой войне.

Будучи на пенсии, Корженевский по-прежнему не оставлял своих общественных и литературных занятий. Большой интерес П. И. Корженевского к истории Москвы привел к тому, что он систематически посещал доклады в Историческом музее, а с 1933 г. работал в секретариате Отдела Института истории Академии наук, созданного для составления юбилейной истории г. Москвы. В это время им была написана пьеса «На Москва-реке».

Своей семьи Петр Иванович не имел и жил один. У него была лишь замужняя сестра, которая бывала у него редко, поэтому он всегда радовался приходу немногочисленных друзей и знакомых. Один из таких знакомых, Е. А. Прянишников, вспоминал: «Корженевский был маленького роста, у него были небольшие усики и слегка выпяченная нижняя губа. Из-за большой печени он в шутку называл себя “печенегом”, вспоминая его облик, ярче всего я помню именно это его шутовское определение, свидетельствующее о юморе и самоиронии. Думаю, эти нечасто встречающиеся черты характера важнее для портрета человека, чем подробное описание внешности»⁵⁴. В его памяти Петр Иванович остался хорошо образованным и разносторонне одаренным человеком. После смерти в 1968 г. П. И. Корженевский оставил богатейшее мемуарное наследство, хранящееся теперь в Отделе рукописей РГБ, а свою библиотеку он завещал ВНИИ Советского законодательства⁵⁵.

Судя по воспоминаниям, Корженевский осознавал и позиционировал себя как персону второго плана в истории, но старался в этом качестве быть полезным, стать частью культуры, ретранслятором ее идей – такова была его цель. Оставив свои рукописи, он надеялся, что кто-то из потомков в свое время найдет на запыленной полке его рассказ или исследование и бережно сохранит для последующих поколений, откроет для себя важные социокультурные ценности и интеллектуальные, духовные смыслы.

Примечания

- 1 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 436. Картон 11. Ед. хр. 6. Л. 1.
- 2 Прянишников Е. А. Адвокат Петр Корженевский (1872–1968) // Адвокат. 2002. № 9. С. 85–86.

- ³ Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. М., 1956. Т. VIII. С. 405.
- ⁴ Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих : образы и судьбы : сб. науч. ст. Сер. Человек второго плана в истории / отв. ред. Л. П. Репина ; О-во интелект. истории, Южн. федерал. ун-т. СПб., 2010. С. 6–7.
- ⁵ Корневский А. В. Неукротимый ерисиарх (Штрихи к портрету Н. С. Ильина) // Человек второго плана в истории. Вып. 1 / отв. ред. Н. А. Мининков. Ростов н/Д, 2004. С. 80.
- ⁶ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 9. Ед. хр. 7. Л. 1.
- ⁷ В доказательство беспокойного расположения звезд в год своего рождения П. И. Корженевский приводил факт столкновения Земли с остатками ядра кометы Биэлы. Действительно, 27 ноября 1872 г. в связи с разрушением кометы Биэлы над Землей наблюдался обильный «метеорный дождь», получивший название Андромедиды (Биэлиды).
- ⁸ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 11. Ед. хр. 6. Л. 1об.
- ⁹ Там же. Л. 2.
- ¹⁰ Там же. Л. 3.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 7.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 18.
- ¹⁵ Там же. Л. 19.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 20.
- ¹⁹ Там же. Л. 22.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Соколов Иван Иванович (1874–1967) – педагог, физик-методист, д-р пед. наук, профессор, один из создателей отечественной методики преподавания физики.
- ²² Ключки воспоминаний. Заметки профессор физики И. И. Соколова о его детстве и юности, проведенных в Замоскворечье в конце XIX столетия [Электронный ресурс]. URL: //http://i.plastmuseum.ru/u/4c/93cbdc426d11e4b9319e5ac0679388/-/Daily-01.pdf (дата обращения: 29 ноября 2016 г.).
- ²³ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 11. Ед. хр. 6. Л. 22.
- ²⁴ Там же. Л. 24.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 25.
- ²⁷ Там же. Л. 28–29.
- ²⁸ Там же. Л. 29–30.
- ²⁹ НИОР РГБ. Л. 30.
- ³⁰ Издание включало в себя 10 небольшого размера томов по цене 1 рубль.
- ³¹ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 11. Ед. хр. 6. Л. 33.
- ³² Там же. Л. 40.
- ³³ Там же. Л. 41.
- ³⁴ Там же. Л. 42–43.
- ³⁵ Там же. Л. 44.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Картон 1. Ед. хр. 28. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 2.
- ³⁹ Там же. Л. 5.
- ⁴⁰ Там же. Л. 174.
- ⁴¹ Там же. Л. 175.
- ⁴² Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 17. Оп. 103. Д. 224. Л. 122.
- ⁴³ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 3.
- ⁴⁴ «Молодая адвокатура» – неформальное объединение, содружество (синергия) присяжных поверенных, созданное на рубеже XIX–XX вв. для организации политических защит (подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. «Молодая адвокатура» : политическая защита в России (кон. XIX – нач. XX вв.) : учеб. пособие. Саратов, 2005. 160 с. ; Варфоломеев Ю. В. «Серебряный век» русской адвокатуры (кон. XIX – нач. XX в.). Ч. 1. «Молодая адвокатура» : генезис и эволюция внутрисословных форм объединений политической защиты в России. Энгельс, 2013. 180 с.).
- ⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 7.
- ⁴⁶ Там же. С. 194.
- ⁴⁷ Полянский Н. Н. Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927. С. 75.
- ⁴⁸ Мошинский (Конарский) И. Н. Политическая защита в дореволюционных судах // Девятый вал. М., 1927. С. 66.
- ⁴⁹ Вороницын И. П. Из мрака каторги. Харьков, 1922. С. 21.
- ⁵⁰ Центральный государственный архив Военно-Морского флота (ЦГА ВМФ). Ф. 407. 1906. Д. 78. Л. 102–109.
- ⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 2–2 об.
- ⁵² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 15–15об.
- ⁵³ Корженевский П. И. Хроника 1905 года. М., 1935. 56 с.
- ⁵⁴ Прянишников Е. А. Указ. соч. С. 86.
- ⁵⁵ В настоящее время – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. «Печенег» с Остоженки: судьба и время адвоката П. И. Корженевского // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 172–179. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-172-179.

Cite this article as:

Varfolomeev Yu. V. The «Pecheneg» from Ostozhenka: the fate and epoch of Counsel P. I. Korzhenyovsky. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 172–179 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-172-179.

УДК 94(47).084+338.45(47+57)(09)

РОЛЬ ДИРЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В 1920–1930 ГОДЫ

В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье рассматривается роль директивного государственного планирования в реализации советской модели индустриализации в 1920 – 1930-е гг. Анализируются идеи планового регулирования экономики в 1920-е гг. и эволюция ориентировочного планирования с его косвенными формами регулирования производства в директивное, обязательное для выполнения. Показывается, что непосредственным объектом общего регулирования, планирования и руководства стало отдельное промышленное предприятие, находившееся в полной зависимости от централизованного бюджетного финансирования.

Ключевые слова: директивное планирование, индустриализация, первая и вторая пятилетки, Госплан, ВСНХ.

The Role of Public Policy Planning in the Implementation of the Soviet Model of Industrialization in the 1920–1930s

V. A. Cholakhian

The article discusses the role of public policy planning in the implementation of the Soviet model of industrialization in 1920s and 1930s. It analyzes the ideas of planned regulation of the economy in the 1920s and the evolution of indicative planning, with its indirect forms of regulation of production in decision-making, obligatory for execution. It is shown that a separate industrial enterprise being in a state of complete dependence on centralized budgetary financing became the direct object of the General regulation, planning and management.

Key words: policy planning, industrialization, first and second five-year plan, Gosplan, Supreme economic Council.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-180-186

По мере восстановления промышленности и улучшения социально-экономической ситуации в России вопрос о путях дальнейшего развития приобретал особый интерес. Одной из сильных сторон большевистской доктрины стала идея превращения страны из аграрной в передовую индустриальную державу. Осознание большинством российского общества необходимости ликвидации экономического отставания от Запада делало курс на индустриализацию безальтернативным. «Против ставки на индустриализацию, как таковой, конечно, не может быть возражений, – писал в 1927 г. Н. Д. Кондратьев. – Индустриализация страны, – и это подтверждается исторически, – является необходимой предпосылкой повышения производительности всего народного хозяйства и повышения уровня благосостояния масс»¹.

Экономические успехи нэпа базировались исключительно на мобилизации накопленного ранее материального и интеллектуального потенциала царской России. Однако нэп имел свои пределы и противоречия, в которых большевики видели причины всех хозяйственных трудностей. В ходе острой внутривластной борьбы постепенно к концу 1920-х гг. не только решалась судьба нэповской модели развития, но и складывалась иная стратегия государственной импортозамещающей форсированной индустриализации, основанной на идее директивного планирования. Идеи планового регулирования экономики занимали немалое место в контексте борьбы за власть. Вопрос о соотношении плана и рынка в условиях существования подавляющего государственного сектора в промышленности постепенно приобретал особый интерес. Ещё в начале 1920-х гг. обозначилось размежевание в теоретическом споре двух экономических школ – «генетиков» и «теологов». К первым относились Н. Кондратьев, В. Базаров, В. Гросман и другие, считавшие необходимым сохранение преемственности в экономическом развитии, соблюдение объективных тенденций при планировании в условиях незыблемости рыночных механизмов хозяйствования. В свою очередь, «теологи» в лице Г. Кржижановского, С. Струмилина, В. Милютина видели главное в планировании – цель, а потому склонялись к директивным методам управления экономикой. Спор между ними обобщил Струмилин: «Собственно говоря, против того, что в каждом плане должны сочетаться и научный прогноз, и целевые директивы или, как это по-иному выражается, и генетика, и теология, никто не спорит. Спор идёт лишь об относительном значении каждого из этих моментов в плановом деле. Одни высказываются за «примат» генетики над теологией. Другие наоборот... Находятся, наконец, и такие, которые вообще не придают этому спору никакого значения, признавая его чересчур академическим. Однако на деле, несмотря на весьма отвлечённую обстановку спора и сугубо философскую терминологию, речь идёт о таких проблемах, которые чреватые весьма немаловажными практическими последствиями»².

Действительно, к концу восстановительного периода, когда резервы были исчерпаны и страна столкнулась с необходимостью огромных инвестиций в народное хозяйство, полемика между «генетиками» и «теологами» из научной плоскости перешла в политическую.

В апреле 1925 г. приказом по Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ) было образовано Особое совещание по воспроизводству основного капитала промышленности (ОСВОК) для составления пятилетних планов. За девять месяцев работы ОСВОКа, по воспоминаниям Н. Валентинова, было «сделано 592 доклада 430 докладчиками. Подавляющая масса их состояла из беспартийных специалистов – учёных, инженеров, техников, экономистов, статистиков»³. В том же году началась разработка пятилетнего плана и в Госплане, где «идея прямого регулирования хозяйствующих субъектов посредством плана являлась одним из базовых блоков системы централизованного планирования...»⁴

Такая постановка вопроса соответствовала идейным воззрениям левой оппозиции на план как директиву к исполнению. После завершения работы над контрольными цифрами на 1925/26 г. Госплан начинает играть роль фактического органа планирования. Струмилин так определил свой выбор в пользу директив: «Мы исходим из определённой целевой установки и пользуемся анализом социальных закономерностей лишь для проверки осуществимости поставленных перед собой заданий. Таким образом, по нашему мнению, всякого рода научные прогнозы для нас являются лишь служебным моментом, а целевые установки, которые мы ставим себе сознательно, директивным моментом, – при построении нашего плана...»⁵

В то же время возражения Юровского по докладу Госплана о контрольных цифрах народного хозяйства на 1926/27 г. в плане соблюдения пропорций и выяснения причин имеющихся диспропорций в экономике вызывали растущее неприятие со стороны сталинской группировки. Сталин в 1927 г. прямо заявил, что «наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы»⁶.

Разгром объединённой оппозиции на XIV съезде ВКП (б) позволил сторонникам Сталина подхватить знамя борьбы за директивный план. Ориентировочное планирование с его косвенными формами регулирования производства превращалось в директивное, а контрольные цифры после их утверждения становились обязательными для выполнения. Это требовало от Госплана большей и углубленной, а главное, точной проработки количественных объёмов производства каждого продукта и перспектив развития отдельных отраслей хозяйства. При этом планирование стало осуществляться от достигнутого.

Последнюю попытку сохранить рыночные отношения в экономике и снизить темпы индустриализации во имя сбалансированного развития народного хозяйства предприняли «правые» большевики. Они считали, что план должен быть «и предвидением (прогнозом), и директивной одновременно»⁷, что напоминало взгляды экономистов-«генетиков».

Примечательно, что очередным ходом Сталина в этой кампании стало «шахтинское дело», направленное на разгром кадров старых специалистов Донбасса, симпатизирующих «правым». Решением Политбюро от 15 марта 1928 г. в Донбасс были направлены Томский, Молотов и Ярославский, а Рыков выступил с докладом комиссии политбюро «О практических мероприятиях по ликвидации недостатков, обнаруженных в связи с шахтинским делом» на апрельском (1928 г.) Пленуме ЦК и ЦИК ВКП (б)⁸. Подтвердив связь инженерно-технических специалистов Донбасса с «польской разведкой», Рыков подчеркнул, что партия должна рассматривать эти вопросы с точки зрения нашей «большой политики»⁹.

Подобные заявления одного из лидеров «правых» отражали настроения определённой части большевистской партии, своевременно поддержанные Сталиным в обращении Политбюро: «Враги рабочего класса, бывшие шахтовладельцы и их антисоветские друзья из специалистов, ставшие потом техническими руководителями наших хозяйственных и плановых организаций, – поставили своей целью систематический срыв нашей строительной работы». Далее следовал вывод: «Весьма вероятно, что факты такого вредительства имеются и в других отраслях нашей промышленности»¹⁰.

Таким образом, Сталину при поддержке «правых» большевиков удалось не только разгромить старые «буржуазные» кадры, но и усилить социальную напряжённость в обществе, использовать её в целях поиска внутренних и внешних врагов народа. В такой социально-политической обстановке происходил, по мнению Н. В. Валентинова, «очень опасный перелом правительственной политики, уводящий её от нэпа в какую-то неизвестную, не обещающую ничего хорошего сторону»¹¹.

В соответствии с директивами XV съезда ВКП (б) в Госплане СССР была создана Центральная комиссия перспективного планирования (ЦКПП) во главе с Г. М. Кржижановским, а С. Г. Струмилин и Г. Ф. Гринько стали его заместителями¹². План развития народного хозяйства на 1928/29–1932/33 гг. составлялся в двух вариантах: отправной (минимальный) и оптимальный, на 20 % превосходивший задания первого. Параллельно продолжалась работа над «Контрольными цифрами пятилетнего плана промышленности ВСНХ СССР». В соответствии с решениями ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП (б) в середине декабря 1928 г. ВСНХ подготовил новый проект контрольных цифр на пятилетку, предусматривавший рост тяжёлой индустрии на 221 %, а лёгкой – на 130 %¹³.

Острая дискуссия между специалистами ВСНХ и Госплана по определению экономически обоснованных расчётов была разрешена на высшем политическом уровне. По настоянию Сталина в обоих вариантах пятилетнего плана Госплана были заложены завышенные данные, разработанные

ВСНХ. Несмотря на возражения Кржижановского и других учёных о несбалансированности оптимального варианта пятилетнего плана, 23 января 1929 г. на заседании правительства именно он был принят как директива к исполнению¹⁴.

В апреле 1929 г. XVI конференция ВКП (б) одобрила оптимальный вариант первой пятилетки, а V Всесоюзный съезд Советов в мае того же года окончательно утвердил «Пятилетний

народнохозяйственный план на период 1928/29–1932/33 гг.»¹⁵.

Однако вскоре и эти весьма высокие цифры пятилетнего плана показались Сталину низкими. В обстановке эйфории от первых успехов выполнения планов председатель ВСНХ Куйбышев в ноябре 1929 г. представил уточнённый вариант первой пятилетки, на порядок превосходивший утверждённые в апреле показатели (таблица).

Выработка промышленной продукции в натуральном виде¹⁶

Наименование	План		
	отправной	оптимальный	уточнённый
Нефть, млн т	19,0	21,7	41,4
Каменный уголь, млн т	68,0	75,0	120
Торф, млн т	9,4	12,3	33
Чугун, млн т	8,0	10,0	16
Сталь, млн т	8,3	10,4	19
Прокат, млн т	6,3	8,0	16
Паровозы, шт.	700	825	1800
Сельскохозяйственное машиностроение, млн руб.	525	610	1300
Тракторы, тыс. шт.	50,0	55,0	201
Выработка электроэнергии, млн квт. ч	17000	22000	35000

Приведённые цифры не имели ничего общего с научным экономическим планированием, а свидетельствовали о желании Сталина во что бы то ни стало укрепить своё положение в партии и окончательно добить оппозицию, противившуюся нереальным заданиям.

В основе принятого первого пятилетнего плана лежала концепция ускоренной индустриализации, предполагавшая приоритетное развитие отраслей тяжёлой индустрии: металлургической и топливной промышленности, машиностроения. Такая стратегия экономического развития должна была создать надёжную базу для производства продукции военного назначения. Директивный метод планирования позволял сконцентрировать материальные, финансовые и людские ресурсы на немногих решающих направлениях и широко использовать технику и технологии Запада для создания в стране современной индустрии. Не случайно предусматривался рост валовой продукции всей планируемой промышленности в 2,8 раза, а производство средств производства – в 3,3 раза, причём главная роль отводилась отраслям тяжёлой индустрии, на развитие которых направлялось 78% всех капиталовложений¹⁷.

Не менее важное влияние на формирование централизованной экономической системы оказал и внешний фактор: в условиях противостояния двух диаметрально противоположных политических и идеологических систем большевики рассматривали СССР как «осажденную крепость» в окружении капиталистического мира и стре-

мились в короткие сроки догнать экономически развитые страны. Интересна аргументация, с помощью которой Сталин обосновывал необходимость форсированной индустриализации. «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹⁸.

Такая постановка вопроса в целом соответствовала, по мнению В. А. Красильщикова, и «оборонному сознанию» народа, сложившемуся за несколько веков, и архетипу культуры русского традиционного общества, которое привыкло искать врага¹⁹. Правда теперь эта внешняя угроза принимала классово-идеологическую окраску как противостояние между мировым капитализмом и рабоче-крестьянским государством. В российской действительности 1920-х гг. выбор мобилизационной модели ускоренной индустриализации был предопределён не столько политической волей Сталина, сколько объективными причинами и задачами, стоящими перед страной. Этот выбор в целом соответствовал социокультурным и государственным традициям страны.

В результате выбора стратегии форсированной индустриализации на основе жесткого регулирования и централизованного планирования в годы первой пятилетки определились контуры советской модели экономического развития страны. Резкое ограничение сферы действия товарно-денежных отношений и утверждение административно-командной системы управления сопровождалось возрастанием доли накопления в

национальном доходе от 10% в середине 1920-х гг. до 44% в 1932 г. В дальнейшем в 1930-е гг. она составляла 25–30%²⁰. Для решения проблемы накоплений власти пошли на увеличение денежной эмиссии. Так, в 1929 г. рост денежной массы составил уже 800 млн руб., а в 1932 г. – 2,7 млрд руб. Высокая инфляция сопровождалась ростом цен свободного рынка. В том же 1932 г. их уровень в 8 раз превысил уровень 1928 г.²¹ Другими источниками пополнения бюджета стали добровольно-принудительные «займы индустриализации» и значительное расширение продажи водки. «Надо отбросить ложный стыд, – советовал Сталин Молотову в письме от 1 сентября 1930 г., – и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет действительной и серьезной обороны страны»²². И хотя еще летом 1930 г. Политбюро отклонило предложение Наркомфина о повышении цен на водку²³, решением от 15 сентября того же года Политбюро «предложило СНК СССР принять необходимые меры к скорейшему увеличению выпуска водки»²⁴.

Это создавало материально-ресурсные и финансовые возможности для дальнейшего развития системы приоритетов: огромные капиталовложения в тяжелую промышленность в ущерб уровню жизни населения, поскольку производство товаров народного потребления отодвигалось на второй план.

В целом же промышленное производство развивалось преимущественно экстенсивно за счет строительства новых предприятий и опережающего роста численности работающих по сравнению с увеличением промышленной продукции. Форсирование индустриализации с ее бесконечными импровизациями привели страну в перманентное состояние мобилизации и штурмовщины, усилили кризисные явления, а также способствовали укреплению административно-командной системы управления экономикой. Она основывалась на государственной собственности, «научном планировании» и централизованном ведении хозяйства.

Высшей инстанцией, в конечном счете определявшей принципы экономической политики, было Политбюро, которое, в свою очередь, руководствовалось мнением Сталина. Управление социалистическим народным хозяйством, прежде всего промышленностью, осуществлялось в соответствии с задачами экономического развития, определенными еще в резолюции XVI конференции ВКП (б) в апреле 1929 г., а именно «по линии децентрализации оперативных функций при одновременной централизации планирования и руководства в основных вопросах, по линии создания условий, обеспечивающих как разработку твердых и своевременных планов, так и их полное выполнение»²⁵. ВСНХ превратился в орган не только планово-экономического руководства промышленностью, но также и в институт, определявший техническую политику развития всего

народного хозяйства. В результате осуществления в 1929–1932 гг. кредитной, налоговой и тарифной реформ сфера действий товарно-денежных отношений была значительно ограничена, а частный капитал практически полностью вытеснен из различных секторов экономики.

Непосредственным объектом общего регулирования, планирования и руководства стало отдельное промышленное предприятие (при нэпе им был трест). Ориентация экономики на приоритетное развитие тяжелой индустрии и формирование новых отраслей промышленности привели к росту числа наркоматов, главных управлений и объединений, что, в свою очередь, вошло в противоречие как с множественностью инстанций, так и с функциональным принципом управления в целом.

Одновременно все более формальным становился хозрасчет: предприятия отчисляли практически всю прибыль в госбюджет и находились в полной зависимости от централизованного бюджетного финансирования. Основное внимание всех хозяйственных организаций было сосредоточено на выполнении сверхвысоких планов, а хозрасчету отводилась роль идеологической обработки рабочих. Выступая на XVII конференции ВКП (б) в январе – феврале 1932 г., Орджоникидзе отмечал, что «на протяжении последних лет хозрасчет у нас почти целиком исчез»²⁶. На той же конференции в качестве главных недостатков в управлении промышленностью указывались «громоздкость и оторванность руководящих хозорганизаций от предприятий, недостаточно конкретное руководство предприятия со стороны объединений»²⁷.

Кардинальные изменения системы управления промышленностью разворачивались в направлении отраслевой централизации и были связаны, прежде всего, с преобразованием ВСНХ в отраслевой орган управления: в 1932 г. из его состава выделились два народных комиссариата – легкой и лесной промышленности, а сам он стал базой для образования крупнейшего промышленного наркомата страны – тяжелой промышленности (НКТП)²⁸.

В результате проведенной в конце 1932 г. реорганизации в составе системы управления промышленностью были выделены следующие основные организационные и производственные единицы: промышленные наркоматы и отраслевые главные управления, тресты и промышленные предприятия²⁹. Реорганизация ВСНХ повлекла за собой преобразование республиканских, областных и краевых Советов народного хозяйства в соответствующие наркоматы или управления, т. е. фактически органы отраслевого значения, действовавшие на определенной территории.

Целесообразность производственно-отраслевого принципа управления промышленностью нашла подтверждение в директивах XVII съезда ВКП (б) и получила законодательное выражение

в совместном Постановлении ЦИК и СНК СССР от 15 марта 1934 г.³⁰ Центральный аппарат, руководивший государственным сектором экономики, был построен иерархически и включал несколько уровней управления: правительство, наркоматы, главки, тресты и предприятия. Функциональная часть аппарата управления была ограничена плановыми и технико-экономическими задачами. Взаимоотношения функциональных и отраслевых подразделений воспроизводились на каждом новом иерархическом уровне. Отраслевые подразделения управления были призваны руководить отдельными отраслями, а на функциональные возлагалась задача согласования работы отраслевых органов³¹.

Эффективность работы многоуровневой командной системы управления экономикой определялась с точки зрения успешности выполнения плановых заданий. Последние в силу их нереалистичности и сверхнапряженности по всем показателям было выполнить сложно. Это заставляло руководство наркоматов и главков выбирать приоритетные задачи, в частности, первоочередное выполнение программы в отраслях, считавшихся наиболее важными и, прежде всего, по валовым показателям.

Центр требовал с подчиненных в первую очередь достижения количественных параметров в натуральном и денежном выражении, что достигалось за счет невыполнения плана по качественным показателям: себестоимости, экономии ресурсов, ассортименту и т. д. Это в порядке критики и самокритики признавали и сами хозяйственники, а проводимые по инициативе центра шумные кампании по повышению качества продукции, производительности труда и снижению себестоимости давали лишь временный эффект, поскольку вал оставался основным приоритетом экономической модели. В отличие от рыночной экономики, основанной на свободной конкуренции, максимализации потребления и прибыли, советская плановая система с ее нерыночным характером и внеэкономическим принуждением к труду ориентировалась на экстенсивный экономический рост и была подчинена политическим интересам правящей элиты. Выполнение плана «любой ценой» для хозяйственных руководителей всех рангов в 1930-е гг. являлось важнейшим фактором не только успешной карьеры и благосостояния, но и служило эффективной защитой от возможных репрессий со стороны центра.

Между тем уже в годы первой пятилетки обнаружилось основное противоречие советской планово-распорядительной системы: сверхамбициозность провозглашаемых планов и реальные возможности их выполнения³². Отражением этого противоречия стал экономический кризис, охвативший страну на рубеже первой и второй пятилеток и обусловивший поворот к более умеренному и сбалансированному курсу.

В ходе составления второго пятилетнего плана в 1931 г. стали вырисовываться противоречия

между форсированным развитием и потребностью в экономическом равновесии. Выступая 11 мая 1931 г. на заседании Президиума Госплана, Куйбышев предложил увеличить производство чугуна к 1937 г. до 60 млн т, что свидетельствовало о полной приверженности сверхамбициозным программам первой пятилетки³³.

Однако летом 1931 г. долгосрочные планы были пересмотрены. 11 августа 1931 г. Куйбышев направил в Политбюро и СНК СССР две докладные записки – «Основные линии второй пятилетки» и «О темпах развития металлургии во второй пятилетке», в которых, в связи с «обострившимися хозяйственными трудностями», предлагалось значительно снизить задания пятилетки. В частности, задание по производству чугуна во второй пятилетке предлагалось уменьшить до 45 млн т, а производство предметов народного потребления увеличить³⁴.

Проект «Основных линий второй пятилетки» был рассмотрен в августе 1931 г. на совещаниях при Политбюро, а затем в Совнаркоме СССР. В ходе обсуждения планов возобладал реализм, в частности, предлагалось еще большее сокращение производства чугуна к 1937 г. – до 25–30 млн т. Участники совещания решили также запросить мнение отсутствовавших И. В. Сталина и В. М. Молотова. Вскоре те же совещания приняли предложение Сталина об установлении «по выпуску чугуна точной цифры 25 млн т в последний год пятилетки»³⁵.

Первый вариант нового пятилетнего плана был подготовлен к XVII конференции ВКП (б) (февраль 1932 г.). В соответствии с директивами конференции намечалось дальнейшее сокращение плана на 1937 г. по чугуну до 22 млн т, а также сравнительно низкие темпы увеличения капитальных вложений на всю пятилетку (140–150 млрд руб.)³⁶.

Другой характерной чертой этой версии второго пятилетнего плана была радикальность предложенных более высоких среднегодовых темпов прироста производства предметов потребления по сравнению с увеличением производства средств производства. Согласно резолюции, «обеспечение населения основными потребительскими товарами, и в том числе предметами питания, должно к концу второй пятилетки увеличиться не менее чем в два-три раза против конца первой пятилетки»³⁷.

Следующим шагом к разработке умеренных темпов индустриализации стали решения январского (1933 г.) Пленума ЦК ВКП (б). Выступление Сталина на Пленуме ознаменовало серьезный отход от амбициозных планов предыдущих лет и содержало идеологическое обоснование снижения темпов. Он лукаво заявил, что ввиду достигнутых успехов нет необходимости «подхлестывать и подгонять страну»: «Я думаю, что для второй пятилетки придется взять 13–14% ежегодного прироста промышленной продукции в среднем, как минимум»³⁸.

В течение 1933 г. продолжалась подготовка директив второго пятилетнего плана и к открытию XVII съезда ВКП (б) была представлена новая его версия: среднегодовые темпы промышленного роста – 19%, инвестиции за пятилетие – 133,4 млрд руб.³⁹ В ходе обсуждения этих вопросов на съезде состоялся некий компромисс: по предложению Орджоникидзе были сокращены годовые темпы роста промышленности до 16,5% при сохранении высоких капиталовложений, а объем производства чугуна в 1937 г. установлен в 16 млн т⁴⁰. Молотов оценил принятые решения о снижении темпов роста как проявление «большевистской осторожности, которая требует серьезно учета всей обстановки, в которой мы живем»⁴¹.

Вместе с тем он заявил, что «в наших годовых планах во второй пятилетке мы должны обеспечить не только выполнение, но и перевыполнение заданий второй пятилетки»⁴². Подобные заявления руководителя СНК свидетельствовали о том, что происходившие в 1932–1934 гг. существенные перемены в планировании в сторону более реалистичных цифр экономического роста не были результатом принципиально новой политики, неонэпа, а стали вынужденным ответом на обостряющийся кризис. По мере стабилизации экономики в 1934–1935 гг. вновь наметился поворот «генеральной линии» в сторону увеличения капитальных вложений и контрольных цифр. В декабре 1935 г. Политбюро одобрило директивы плана на 1936 г., предусматривавшие прирост промышленной продукции на 23%, а также завышенные задания по капиталовложениям – 31,6 млрд руб.⁴³ Такой поворот был связан, прежде всего, с развертыванием стахановского движения и массовым пересмотром норм, позволивших выявить значительные резервы производственных мощностей всех отраслей народного хозяйства.

Однако стахановское движение с самого начала вошло в противоречие с логикой развития планово-распределительной системы и вызвало многочисленные проблемы: нарушения производственного процесса, перерасход сырья и материалов, износ оборудования, падение качества, диспропорции между отдельными отраслями и т. д. Нарастание производственных трудностей в очередной раз заставило руководство страны проявить некоторый реализм и относительную осмотрительность. План на 1937 г. предусматривал увеличение промышленной продукции на 20,8 % в сравнении с 30,1 %, планируемых в 1936 г.⁴⁴ Объем капиталовложений был на 10 % ниже ожидаемых результатов 1936 г. в текущих ценах⁴⁵.

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод: хотя качество планирования в сравнении с началом 1930-х гг. улучшилось, все еще сохранялись многие беды начального периода советского планирования: запоздалое утверждение годовых планов, частая их корректировка в течение года, слабая обоснованность плановых заданий и т. д.

Примечания

- 1 Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 141.
- 2 Струмилин С. Г. Советская социалистическая экономика. 1917–1957. М., 1957. С. 73–74.
- 3 Валентинов Н. В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 236–238.
- 4 Май В. А. Реформы и догмы. 1914–1929. М., 1993. С. 188–189.
- 5 О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР : Дискуссия в Коммунистической академии. Изд. 2-е. М., 1928. С. 34–35.
- 6 Сталин И. В. Сочинения : в 16 т. М., 1951. Т. 12. С. 143.
- 7 Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 465.
- 8 См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 677. Л. 5 ; Оп. 2. Д. 354, вып. II. Л. 4.
- 9 Там же. Вып. II. Л. 4.
- 10 Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 676. Л. 3.
- 11 Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 356.
- 12 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 26. Д. 90. Л. 1–2, 74–75.
- 13 См.: Торгово-промышленная газета. 1928. 15 декабря.
- 14 См.: Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 323.
- 15 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. : в 16 т. М., 1983. Т. 4. С. 248–253 ; V съезд Советов : Стенографический отчет. М., 1929. С. 244.
- 16 Таблица составлена по : Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР : в 3 т. М., 1929. Т. 2, ч. 1. С. 254, 255 ; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 26. Д. 66. Л. 46–48, 62–64 ; Оп. 26. Д. 43. Л. 26 ; Оп. 29. Д. 95. Л. 141–143.
- 17 См.: КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 449–450, 453.
- 18 Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. С. 248.
- 19 См.: Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком : Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 90.
- 20 См.: Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. М., 1969. С. 109.
- 21 История России : в 2 т. Т. 2. С начала XIX в. до начала XXI века. М., 2005. С. 576.
- 22 Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. : сб. документов. М., 1995. С. 210.
- 23 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 788. Л. 5.
- 24 См.: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову... С. 211.
- 25 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 230.
- 26 Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи : в 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 352.
- 27 КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 24.
- 28 См.: Постановление ЦИК и СНК СССР «Об образовании народных комиссариатов тяжелой, легкой и лесной промышленности» // СЗ СССР. М., 1932. № 1. С. 4.
- 29 См.: Веденеев Ю. А. Организационные реформы госу-

- дарственного управления промышленностью (историко-правовое исследование). М., 1984. С. 170.
- ³⁰ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 464–466 ; СЗ СССР. 1934. № 15. Ст. 103.
- ³¹ См.: *Маркевич А. А.* Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история : ежегодник. 2004. М., 2004. С. 119.
- ³² См.: *Соколов А. К.* Курс советской истории 1917–1940. М., 2003. С. 87.
- ³³ См.: Плановое хозяйство. 1931. № 2. С. 12.
- ³⁴ См.: *Кузьмин В. И.* Борьба за социалистическую реконструкцию. 1926–1937 гг. Экономическая политика советского государства. М., 1976. С. 187–188.
- ³⁵ Там же. С. 188.
- ³⁶ XVII конференция ВКП (б) : стеногр. отчет. М., 1932. С. 149, 170.
- ³⁷ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 393.
- ³⁸ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 185–186.
- ³⁹ См.: *Девис Р., Хлевнюк О. В.* Вторая пятилетка : механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3. С. 37.
- ⁴⁰ См.: КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 37 ; XVII съезд ВКП (б) : стенограф. отчет. М., 1934. С. 435–436.
- ⁴¹ XVII съезд ВКП (б) : стенограф. отчет. С. 523.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 973. Л. 43–46, 60–63.
- ⁴⁴ См.: Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 г. М., 1937. С. 36.
- ⁴⁵ См.: *Девис Р., Хлевнюк О. В.* Указ. соч. С. 106.

Образец для цитирования:

Чолахян В. А. Роль директивного государственного планирования в реализации советской модели индустриализации в 1920–1930-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 180–186. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-180-186.

Cite this article as:

Cholakhian V. A. The role of public policy planning in the implementation of the soviet model of industrialization in the 1920–1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 180–186 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-180-186.

УДК: 94 (470.67) «1941/1945» –05

ДЕТСКИЕ БУДНИ ТЫЛОВОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на материалах Дагестанской автономной республики)

И. А. Эмирханов

Дагестанский государственный университет, Махачкала
E-mail: historik2008@yandex.ru

В статье на основе опубликованных воспоминаний и архивных документов сделана попытка рассмотреть некоторые аспекты повседневной жизни детей в Дагестане в годы Великой Отечественной войны. Анализируется роль партийно-государственных организаций в улучшении условий жизни подрастающего поколения в военное лихолетье. Особое внимание уделяется трудовым будням, образованию и продовольственному обеспечению детей Дагестана в сложных условиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, детство, продовольственное обеспечение, партийно-государственные структуры, условия жизни, помощь фронту и народному хозяйству.

Children's Daily Routine in the Rear Region During the Great Patriotic War (Based on the Material of the Dagestan Autonomous Republic)

I. A. Emirhanov

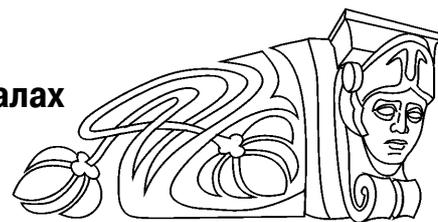
On the basis of published memoirs and archival documents, the author makes an attempt to examine some aspects of daily life of children in Dagestan in the years of the Great Patriotic War. The role of the party and government organizations in improving the living conditions of the younger generation in the war years is analyzed. Particular attention is paid to working life, education and food security of Dagestan children in severe conditions.

Key words: Great Patriotic War, childhood, food security, party-state structures, living conditions, assistance to the front and national economy.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-187-191

В процессе переосмысления событий прошлого исследование вопросов охраны детства и условий жизни детей в кризисные периоды истории страны представляется нам актуальным. Обоснованность в разработке данного вопроса продиктована возрастанием роли и места молодежи в обществе как основного потенциала нашей страны. Перспективы развития России зависят от того, насколько своевременно и результативно государственные структуры смогут создать подрастающему поколению условия, защищающие от социальных катаклизмов и потрясений, а также крепкую материальную и духовную базу для формирования личности. Исследование условий жизни детей в тяжелое военное время дает нам возможность выявить исторический опыт деятельности правительства в этой важнейшей сфере государственной политики.

Великая Отечественная война, которая привела к огромному напряжению материальных,

моральных и людских ресурсов страны, относится к числу наиболее сложных периодов в российской истории. Для современной российской молодежи события того периода постепенно приобретают либо отрицательный, либо романтический оттенок. Молодые люди плохо ориентируются в оценках и итогах войны, имеют слабое представление о жизни и быте той эпохи. Воспоминания современников Великой Отечественной войны представляют большой историко-культурный интерес, так как являются существенным источником развития исторического сознания, исторической памяти советского народа о ключевых событиях того времени. Исследование героических страниц прошлого в истории нашей страны должны стать одним из главных средств патриотического воспитания российской молодежи в духе признательности взрослому поколению, ценой своих жизней и здоровья отстоявших независимость Родины. Знакомство с участниками этих событий поможет подрастающему поколению «составить собственное мнение о событиях Великой Отечественной войны, понять и оценить величие подвига советского народа»¹.

С первых дней Великой Отечественной войны произошла кардинальная трансформация жизни и быта советских граждан. В условиях преимущественного снабжения армии и фронта в военное время государство оказалось не в состоянии полностью удовлетворять потребности населения в продовольствии и товарах повседневного спроса, что привело к значительному ухудшению социально-бытового положения народа. Самой незащищенной категорией населения в условиях войны оказались дети, лишившиеся привычной семейной атмосферы тепла, заботы и уюта. Им пришлось переносить все тяготы военного времени – нехватку продовольствия, одежды и обуви, учебных материалов, а также помогать взрослым в обеспечении фронта всем необходимым. Практически вся домашняя работа легла на плечи несовершеннолетних, потому что матери с утра до поздней ночи были вынуждены работать на промышленных предприятиях и в колхозах.

Война привела к существенным изменениям в организации учебного процесса в стране в целом и к Дагестанской республике в частности. Из-за наплыва большого количества больных и раненых бойцов Красной армии в города и рабочие посёлки Дагестана пришлось освободить большинство школьных зданий под эвакуогоспитали. В результате дети учились в непригодных

помещениях, в три-четыре смены, была сокращена продолжительность уроков (35–40 минут) и перемен, которые длились всего пять минут². Вдобавок сократилось количество учеников в школах, так как часть старшекласников ушла на фронт, другим же пришлось прервать учебу из-за участия в сельскохозяйственном и промышленном производстве республики.

После мобилизации в армию мужчин, бывших основными кормильцами в дагестанских семьях, их женам пришлось искать дополнительный заработок, что сказалось на досуге детей, которые оказались предоставленными самим себе, либо же их воспитанием занимались престарелые люди, в силу своих физических возможностей не способные к тяжелому труду. «Мама во время войны работала в ремесленном училище № 3... В перерыв прибежит, посмотрит все ли у нас в порядке, и опять на работу», – делится воспоминаниями Шамсудин Асельдеров³. Естественно, что это приводило к отсутствию должного контроля за детьми на улице. В результате с началом военных действий республиканским властным структурам пришлось решать новую проблему: часть детей стала пропускать уроки в школах или вообще бросила школу. «Война шла, отцы у всех на фронте, матери на работе, так что за пацанами присматривать было некому», – вспоминает житель Махачкалы Николай Рахманинов⁴.

В сложных военных условиях общеобразовательным учреждениям пришлось усилить работу по охвату всех детей школьного возраста учебой и обеспечить необходимую физическую подготовку школьников. Кроме того, советская школа развернула массовую оборонную и политико-просветительную работу среди детей и подростков, а также направила школьников на заводы, фабрики и в колхозы⁵.

В сентябре 1941 г. Центральным комитетом ВКП (б) и СНК СССР было принято постановление об обучении сельскохозяйственным работам школьников старших классов⁶. Полученные на занятиях знания и приобретенные навыки находили применение на практике в ходе обязательного привлечения старшекласников к сельскохозяйственным работам. В военный период дети изо всех сил старались помочь взрослым, выполняя самые различные поручения: участвовали в противовоздушной обороне – дежурили на крышах домов во время вражеских авианалетов, строили оборонительные укрепления, собирали металлолом, лекарственные растения, теплые вещи для Красной армии, выходили на воскресники. Многие из них сутками работали на заводах, фабриках и производствах, встав за станки вместо ушедших на фронт отцов и старших братьев.

В сельской местности дети трудились на колхозных полях, принимали участие в уборке зерновых культур. Весной они пололи, пахали, сеяли, в летний период собирали пшеницу, ячмень, овес; работали на обмолоте хлебов, а осенью уча-

ствовали в уборке подсолнуха, кукурузы. «Дети, как могли, помогали взрослым. Мы на колхозных полях собирали колосья, пасли быков, приносили воду женщинам, жавшим колосья серпами и выполнявшим другую тяжелую мужскую работу в поле... Все дети уже с шести – семи лет работали вместе с взрослыми, помогали им в силу своих возможностей», – пишет Дадаев Абдулхалик, проживавший в годы войны в селении Каякент Каякентского района⁷.

В школах республики была развернута широкая общественно-полезная работа. Например, летом 1943 г., пятиклассник Пилигской средней школы Табасаранского района в одиночку собрал 870 килограмм колосьев и выработал 58 трудодней⁸. Дагестанские школьники во всем старались показать себя отличными помощниками колхозникам и своим добросовестным отношением к труду заслужили уважение со стороны взрослых.

Учебный процесс в школах республики был затруднен нехваткой учебников, письменных принадлежностей и канцелярских товаров. «Тетрадей у нас не было, – делится воспоминаниями уроженец села Гергебиль Гунибского района Абдулмеджидов Магомед, – не было и чернил, их мы делали сами, сжигая собачью шерсть, кукурузу и из образовавшегося пепла изготавливали чернила»⁹. В качестве тетрадей учащимся приходилось использовать обрывки газет, куски материи или старые книги.

В ряде районов республики учебный процесс был затруднен отсутствием в отдаленных аулах школ или их расположением на окраине населенного пункта, поэтому в зимние месяцы детям, чтобы не замерзнуть, приходилось всю дорогу до школы бежать. Вспоминает Гаджиев Абдулхалик из Хунзаха: «В первом классе, как и у большинства детей, у меня не было обуви и в школу приходилось ходить босиком. Зимой я старался быстро добежать до школы, думал, что таким образом ноги не успеют замерзнуть»¹⁰. Отсутствие теплой одежды и обуви нередко становилось причиной вспышек различных заболеваний и ухудшения здоровья.

Ко всем имеющимся трудностям прибавились и огромные материальные проблемы, в результате чего у многих родителей не получалось должным образом обеспечить своих детей нормальным питанием. Ощущалась нехватка не только продуктов питания – постоянно не хватало и промышленных товаров. Поэтому не все дети могли посещать школу – у одних не было одежды и обуви, чтобы ходить в школу, другим приходилось помогать родным, зарабатывать, чтобы прокормить младших членов семьи. Чаще всего дети донашивали то, что родители успели приобрести еще до войны. «Помню, нам, как семье фронтовика, выделили пару ботинок. Одну пару на троих детей. У сестры была какая-то обувь, а мы с братом носили эти ботинки по очереди. С утра я их надевал и шел в школу, брат ждал пока вернусь, разуюсь, надевал

эти ботинки и сам отправлялся на уроки», – пишет Шамсудин Асельдеров¹¹.

Республиканские власти Дагестана стремились уделять больше внимания улучшению материально-бытовых условий учащихся. Многим школьникам оказывалась материальная помощь. Во многих городских общеобразовательных заведениях было налажено питание, детям выделяли одежду и обувь. При многих школах республики открывались интернаты, куда принимались нуждающиеся дети, преимущественно из семей фронтовиков. К концу войны в таких интернатах находилось более 5 тыс. воспитанников¹². Колхозы, совхозы и промышленные предприятия республики осуществляли шефство над детскими домами. Это частично решало ситуацию с организацией детского питания и их снабжением одеждой и обувью.

Партийно-государственные организации старались создать условия для работающей части молодежи, бросившей школу и занятой в промышленности или в сельском хозяйстве. Так, решением правительства с 1943 г. для них открывались школы рабочей и сельской молодежи.

Исключительное значение придавалось патриотическому воспитанию школьников, которых старались активно задействовать в помощи фронту. Кроме работы на предприятиях и уборке урожая, учащиеся школ принимали активное участие в различных патриотических починах по оказанию помощи фронту: сборе теплых вещей и подарков для воинов, уходе за ранеными, тимуровском движении и других. Особенно широкий размах в Дагестане в годы войны получило тимуровское движение. Учащиеся школ оказывали шефскую помощь семьям погибших фронтовиков, поддерживали инвалидов и стариков, ухаживали за детьми, давая тем самым возможность матерям трудиться на производстве, собирали металлолом, лекарственные растения, шиповник, теплые вещи и белье для воюющей армии, отправляли бойцам Советской армии теплые вещи и подарки.

Учащиеся выполняли различные работы, а полученные деньги перечисляли в Фонд обороны. Школьные коллективы выступали с концертами в госпиталях для больных и раненых солдат и офицеров, помогали им писать письма своим родственникам. «Нам было по 9–10 лет, – вспоминает Маргарита Асратянц, – и мы ходили по квартирам: собирали для посылок на фронт носки, платки, пачки табака. Сами вышивали кисеты... Давали концерты для раненых»¹³. Работа тимуровских команд получила горячую поддержку со стороны общественности и правительства Дагестана, об их делах рассказывали по радио, писали в газетах и журналах, тимуровцы получали сердечную благодарность от десятков тысяч красноармейцев и членов их семей.

Ключевой проблемой партийно-государственных структур республики в годы войны было обеспечение людей продуктами питания. Жители

городов и рабочих поселков получали продовольственные карточки на хлеб, сахар и крупу. Необходимо отметить, что городское население было поделено на несколько групп, которые в зависимости от возраста, характера и значения выполняемой работы снабжались неодинаковым количеством продовольственных товаров. Так, дети до 12 лет получали согласно норме ежедневно по 400 грамм хлеба, сахара и мяса, 300 грамм жиров, а также 800 грамм крупы и макарон¹⁴. Однако этих норм для полноценного питания детей не хватало, и детям приходилось выкручиваться. Они уходили после занятий в ближайшие горы, леса и поля, собирали ягоды, фрукты, грибы, съедобные травы. Даже в городах для того, чтобы выжить, людям приходилось держать скот и сажать огороды, используя для этого любую пустошь.

Гораздо хуже обстояло дело с питанием детей, проживавших в сельской местности. Абдулаев Магомед из селения Батлаич Хунзахского района вспоминает: «Один раз в сутки ели хлеб или хинкал (сваренные в бульоне кусочки теста. – И. Э.), кашу. И то не досыта. Иногда, даже скорее редко, готовили мясо. Мука была из ячменя, пшеницы. В огородах сажали только картошку. Кто мог, держал корову, овец и это спасало от голода... Было время, когда ложились спать голодными. Были дни, когда во рту не было ни крошки еды, от голодной смерти спасала картошка, крапива»¹⁵. «Помню, как ходил в лес и собирал сухие ветки, – пишет Арсланбеков Арслани из селения Кадар Буйнакского района, – продавал их и на эти деньги покупал банку кукурузной муки. Поев, от усталости я сразу засыпал. Мечты у меня тогда были простые – поесть досыта и выспаться»¹⁶.

Дагестанские властные структуры старались больше уделять внимания улучшению здоровья подрастающего поколения, прилагая все усилия для обеспечения хотя бы их минимальных потребностей. В школах городов и рабочих поселков республики для учеников были введены завтраки, дети до одного года снабжались через систему молочных кухонь, где им выделяли специальное питание с повышенным содержанием жиров, а также молоко, крупы, муку, сахар. Для детей, особо нуждавшихся в усиленном и диетическом питании, практически во всех городах Дагестана были организованы специальные столовые, где кормили два раза в день. Многие дети, учившиеся в школах городов и рабочих поселков, пережили голодные военные годы именно благодаря организованному бесплатному питанию.

В связи с гибелью родителей в стране появилось много беспризорных и безнадзорных детей. Несмотря на трудное военное время, республиканские государственные организации стремились выполнять свои обязательства перед ними. Так, для борьбы с этим явлением в городах Дагестана были открыты детские приемники и дополнительные детские дома, предпринимались меры для трудоустройства подростков. Если в довоенное

время число детских домов в Дагестане составляло семь с контингентом в 608 воспитанников, то в 1944 г. их уже было 17 с охватом 2479 детей. К 1945 г. в республике функционировало 28 детских дома с охватом 3510 воспитанников¹⁷. Кроме того, во многих районах организовывались детские дома, находящиеся на балансе колхозов. Например, только в 1943 г. в республике по инициативе колхозников в сельской местности было открыто 30 детдомов¹⁸.

Бывший воспитанник нескольких интернатов и детских домов в годы войны Багомед Гадаевич Алиев вспоминает: «...меня определили в интернат в Левашах. Жилось там трудно. Питание было довольно скудным: на день выдавался кусок хлеба – 400 грамм, а также, да и то не всегда, давали кашу. После уроков многие дети ходили по полям (дело было осенью) и собирали остатки картошки и капусты, чтобы подкормиться». Однако в другом детском доме он отмечает неплохое снабжение. Он пишет, что в детдоме села Усиша Акушинского района «зимой выдавали теплую одежду, летом – легкую, летнюю, получали и обувь. Кормили ... тоже хорошо, особенно в дни праздников (1 мая, 7 ноября, Новый год), когда устраивали праздничные обеды»¹⁹.

Республиканские власти предпринимали меры по охране и восстановлению здоровья несовершеннолетних. Несмотря на существовавшие финансовые и материальные проблемы, партийно-государственные органы Дагестана стремились использовать различные методы и средства для организации отдыха и укрепления здоровья подрастающего поколения. Так, с 1943 г. на территории республики стали открываться санатории, где большое внимание уделялось укреплению здоровья детей и подростков. Практически во всех районах Дагестана во время летних каникул были развернуты пионерские лагеря и детские площадки, куда направлялись в первую очередь дети военнослужащих, инвалидов отечественной войны, рабочих и служащих. Например, постановлением СНК ДАССР и Бюро Дагобкома ВКП (б) от 29 мая 1943 г. на летний период был организован вывоз из городов в пионерские лагеря, а также устройство на летние площадки 4920 детей²⁰.

Помощь детям оказывалась и со стороны простых жителей республики, которые безвозмездно стремились их поддержать, помогая преодолевать тяготы и невзгоды, вызванные войной. Так, на средства колхозов и общественности во многих районах Дагестана были выстроены и расширены школьные здания, выделено большое количество продуктов для организации в школах горячих завтраков, а также оказывалась помощь одеждой и обувью.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны произошло резкое ухудшение положения подрастающего поколения, которое в силу своего возраста и физических возможностей не могло себя самостоятельно обеспечить. В

годы военного лихолетья дети помогали фронту, принимая самое деятельное участие в решении совсем не детских проблем. Воспитанные трудом и доблестью, они рано выросли, заменяя погибших родителей своим младшим братьям и сестрам. Многие, помимо учебы, стали работать в промышленности и сельском хозяйстве, а также участвовать в сборе средств для оказания помощи фронту и народному хозяйству.

Условия жизни детей в годы войны в Дагестане зависели от эффективности политики советских и партийных организаций, которые для улучшения их материально-бытового положения организовывали дополнительное снабжение продовольственными и промышленными товарами, содействовали трудоустройству, а также устраивали им отдых и лечение в лечебно-оздоровительных учреждениях. «Мы постоянно ощущали заботу со стороны государства, со стороны районного и сельского руководства», – пишет воспитанник интерната и детского дома в годы войны Алиев Магомед Гадаевич²¹.

По-разному сложилась судьба детей в годы Великой Отечественной войны, однако общими для всех ребят были беспокойство и переживания за свою родню и друзей, нелегкие условия жизни, тяжелый труд, учеба в экстремальных условиях при отсутствии необходимой одежды, обуви и школьных принадлежностей. Читая воспоминания детей военных лет, не покидает ощущение, что их не оставляла вера в Великую Победу и в безоблачное будущее. Они всегда чувствовали поддержку взрослых, причем необязательно со стороны близких, но и совершенно незнакомых людей, ощущали помощь со стороны партийно-государственных структур и общественных организаций. Все это способствовало их выживанию в военные годы, а после окончания войны – поиску своего места в жизни.

Примечания

- 1 Васенин Д. В., Мокроусова Л. Г., Павлова А. Н. Тыловые будни периода Великой Отечественной войны по детским воспоминаниям // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (22). С. 27
- 2 См.: Малхасян Н. В. Политика советского правительства в области народного образования в годы Великой Отечественной войны // Ярослав. пед. вестн. 2011. Т. I (Гуманитарные науки). № 3. С. 55.
- 3 Анохина С., Санаева П. Был такой город. Махачкала : Воспоминания. Махачкала : Изд. дом «Эпоха», 2013. С. 29.
- 4 Там же. С. 95.
- 5 См.: Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабалева М. Ф. История педагогики. М : Просвещение, 1982. С. 403–404.
- 6 См.: Куманев В. А. Советская школа в годы великих испытаний // Народное образование. 2010. № 4. С. 101.

- ⁷ Детство, опаленное войной. Дагестан 1941–1945 гг. Воспоминания / Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестан. науч. центра Рос. академии наук (ИИАЭ ДНЦ РАН). Махачкала : Изд. дом «Мавраевъ», 2015. С. 131.
- ⁸ См.: Каймаразова Л. Г. Общеобразовательная школа и учительство Дагестана в годы Великой Отечественной войны // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2009. Т. 3, № 4. С. 75.
- ⁹ Детство, опаленное войной... С. 30.
- ¹⁰ Гаджиев А. Честь имею! Записки дипломата и разведчика : часть первая. Махачкала : Изд. дом «Юпитер», 2003. С. 16.
- ¹¹ Анохина С., Санаева П. Указ. соч. С. 30.
- ¹² См.: Каймаразова Л. Г. Указ. соч. С. 77.
- ¹³ Анохина С., Санаева П. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁴ См.: Кузнецова О. Д., Аверченко М. А. Организация продовольственного снабжения в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2015. № 3. С. 54.
- ¹⁵ Детство, опаленное войной... С. 24, 28.
- ¹⁶ Там же. С. 76.
- ¹⁷ См.: Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Документы и материалы). Испр. и доп. изд. Махачкала, 2005. С. 297.
- ¹⁸ Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. П-1 (Дагестанский Обком КПСС). О. 1. Д. 5892. Л. 62.
- ¹⁹ Рагимханова К. Детские дома и интернаты в Дагестане в годы Великой Отечественной войны // РИА Дагестан. URL: http://www.riadagestan.ru/mobile/news/science/detskie_doma_i_internaty_v_dagestane_v_gody_velikoy_otechestvennoy_voyny/ (дата обращения: 12.07.2016).
- ²⁰ См.: Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 444–446.
- ²¹ Детство, опаленное войной... С. 41.

Образец для цитирования:

Эмирханов И. А. Детские будни тылового региона в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дагестанской автономной республики) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 187–191. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-187-191.

Cite this article as:

Emirhanov I. A. Children's daily routine in the Rear Region during the Great Patriotic War (based on the material of the Dagestan autonomous Republic). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 187–191 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-187-191.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(38).09:930.272(38)

«ПАВСАНИЕВО ОПИСАНИЕ ЕЛЛАДЫ», ИЛИ СУДЬБА ОДНОГО РУССКОГО ПЕРЕВОДА, ВЫПОЛНЕННОГО ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II

С. П. Выскубов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: stas_16-92@mail.ru

В статье рассматривается первый русский перевод «Описания Эллады» Павсания (1788–1789 гг.) в контексте культурно-просветительской политики Екатерины II. Этот перевод был выполнен в специальной комиссии под названием «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг» и стал первой в мире удачной попыткой перевести «Описание Эллады» с греческого на современный европейский язык. Поднимается проблема восприятия античного наследия в России эпохи Просвещения как специалистами филологами, так и обычными образованными читателями. Анализ историко-литературного наследия Европы второй половины XVIII в. позволяет понять, каким образом античные авторы и их труды стали неотъемлемой частью русской культуры.

Ключевые слова: Павсаний, «Описание Эллады», Просвещение, И. И. Винкельман, И. Сидоровский, культурная политика Екатерины II, восприятие античного наследия в России.

«Pausanievo Opisanie Ellady» («Descriptions of Greece by Pausanias») or the Fate of One Russian Translation Made in the Time of Catherine the Second of Russia

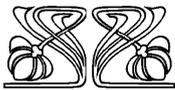
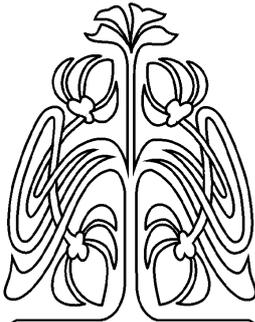
S. P. Vyskubov

The article reviews the first Russian translation of Pausanias' "Descriptions of Greece" (1788–1789) in context of the cultural and educational politics of Catherine the Great in Russia. This translation was made in special commission under the name "Assembly for the translation of foreign books" and became the first one which was fulfilled from the Greek to the modern European language. It is also touched the problem on perception of the classical heritage in Russia in the Age of Enlightenment by both professional philologists and ordinary educated readers. An analysis of the European historical and literary heritage of the second half of the 18th century is important to understand the process by means of which ancient authors and their works became an inalienable part of Russian culture.

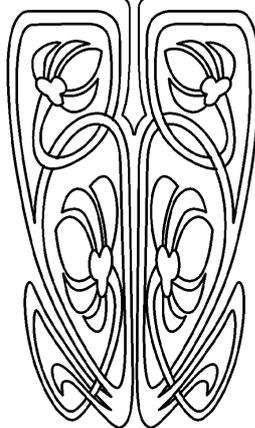
Key words: Pausanias, «Description of Greece», Age of Enlightenment, J. J. Winkelmann, I. Sidorovsky, cultural politics of Catherine the Second, perception of the classical heritage in Russia.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-192-198

Одним из основных направлений культурной политики Екатерины II в 1780-х гг. стало обращение образованной общественности к классицизму в новейшем европейском вкусе. В этот период влияние античного наследия было «ощутимо не только в литературе, но едва ли не во всех сферах духовной деятельности людей»¹. «Греческий проект» императрицы и присоединение Крыма значительно способствовали увеличению интереса к «античным древностям». Наличие рукописных текстов греческих и латинских авторов в государственных и частных коллекциях, формировавшихся по воле московских царей и патриархов XVI–XVII вв., должно было обеспечить прочную основу для знакомства образованной российской публики с сочинениями древних писателей и поэтов. Богатые собрания кодексов ввиду отсутствия отечественных специалистов в области классической филологии становятся

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

предметом изучения немецких специалистов. Рукописи на классических языках из Московской Синодальной библиотеки впервые были описаны в 1770-х гг. филологом и библеистом Х. Ф. Маттеи (1744–1811): в его поле зрения попал кодекс конца XV в., отмеченный в его сводном каталоге номером CXCVI². Этот кодекс, содержащий текст «Павсаниевой Истории», оказался в России в 1655 г. Отголосок итальянского гуманизма, судьба которого заслуживает отдельного исследования, более века оставался в полном забвении. Показательно, что приобщение к рукописным собраниям России, пусть и со стороны немецких ученых, является частью сложных культурно-исторических процессов, которые происходили в эпоху Екатерины II.

Немецкий рационализм проявился не только в работе над рукописями античных авторов, но и подготовил основу для восприятия греко-римской цивилизации с ее материальными и литературными памятниками как духовно близкой европейскому «просвещенному обществу». На этом фоне осмысление древнего памятника принимающей культурой имело целью обнаружить то, что отвечало историко-культурному контексту, в котором существовала принимающая культура. В этой связи представляется актуальным рассмотреть особенности восприятия «Описания Эллады» Павсания как одного из самых «классицистических» сочинений древности в культурной среде российского классицизма и понять, насколько глубоко происходило осмысление текста, заложившего основы современного понимания античного искусства.

Рассмотрение этого феномена невозможно без обращения к тенденциям развития классицизма в Европе второй половины XVIII в. В 1750-х гг. И. И. Винкельман, путешествуя по Италии, тщательным образом изучал известные к тому времени образцы античной пластики. Итогом его исследований стала книга «Geschichte der Kunst des Altertums», увидевшая свет в Дрездене в 1764 г. Оценка Винкельманом древнего искусства во многом сформировала идеализированное представление об античности в XVIII в. и позднее. Двумя годами позже в Берлине был опубликован «Laokoon oder über die Grenzen der Mahlerey und Poesie» Г. Э. Лессинга – идейного оппонента И. И. Винкельмана, где впервые поставлен вопрос о границах поэтического и пластического искусств. Взгляды обоих ученых нашли восторженный отклик у интеллектуальной элиты, их труды перевелись на другие европейские языки³. Несмотря на различие во взглядах, и И. И. Винкельман, и Г. Э. Лессинг искали опору для своих концепций развития античного искусства в свидетельствах древних авторов, при этом особое место было отведено свидетельствам Павсания. «Описание Эллады» служит И. И. Винкельману неисчерпаемым источником для толкования предметов и образов античного искусства: более

двухсот раз ученый ссылается на Павсания, чтобы подтвердить свои догадки относительно того или иного памятника⁴. Г. Э. Лессинг настроен более критично к этому источнику. Он упрекает путешественника в невнимании к таким выдающимся памятникам, как статуя Лаокоона, но все-таки обращается к Павсанию в других своих сочинениях⁵.

Вместе с именами И. И. Винкельмана и Г. Э. Лессинга, хорошо известными российской просвещенной публике, знакомство с Павсанием происходило через учреждение Екатериной II особой *Комиссии*, или «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на российский язык». Ее деятельность (1768–1783) как придворного учреждения выражалась в отборе текстов, подлежащих переводу, поиске подходящих переводчиков, установлении сроков и размеров выплат в качестве вознаграждения за прделанную работу, а также оплате печатания и распространения изданий⁶. В ходе ее работы перевод Павсания был поручен священнику И. И. Сидоровскому (1748–1795) и коллежскому регистратору М. С. Пахомову (1745–1792), которые по характеристике С. П. Семенникова, исследовавшего деятельность «Собрания», проявили «необычайное трудолюбие и старательность в переводах с греческого языка»⁷. Оба переводчика происходили из провинциальных незнатных семей и в начале жизни сталкивались с трудностями. Как отмечает Вяч. Вс. Иванов, «преодоление этих трудностей привело обоих к преподаванию в созданном при Екатерине II учебном заведении для девиц высокого сословия (Смольного института в Санкт-Петербурге в 1764 г. – С. В.). Там они проработали вместе, став свойственниками и сопереводчиками многих древнегреческих авторов»⁸. Сидоровский и Пахомов были из тех немногих, кто делали свои переводы «Творений велемудрого Платона» и «Разговоров Лукиана Самосатского» с древнегреческого оригинала⁹. Как известно, в то время большинство переводов античных авторов осуществлялось с французского, немецкого, а в некоторых случаях с подстрочника или латыни, которую в России знали лучше, чем греческий. Перевод с посредничающего текста, по мысли А. К. Гаврилова, «обеспечивал ясность», но в этом случае переводчик интересуется не воззрениями автора оригинального текста и не переводом, сделанным предшественником данного переводчика, а лишь желанием «поумнеть»¹⁰.

Перевод под названием «Павсаниево описание Эллады, то есть Греции, предложенное с греческого языка на российский» (в трех частях) увидел свет только в 1788–1789 гг., то есть спустя пять лет после завершения деятельности *Комиссии*¹¹. В «Предуведомлении» к переводу, помещенном в первой части вместе с I–IV книгами, дается биография Павсания и объясняется «польза и приятность» этого текста: «...возбуждаемый любовью к своему отечеству, <...> (Павсаний) изыскивает начало или происхождение народов,

в ней (Греции) обитавших, показывает последование и преемственность царей, <...> предлагает родословие великих особ тамо живших»¹².

Здесь отмечена проблема так называемых «Павсаниев», то есть писателей, носящих это имя, – ее решение было предложено только в XX в. Автор «Описания Эллады» обозначен словом

Philostr. Vitae soph. 2.13:

Kaisareia de hē Kappadokōn orei Argaiōi prosoikos Pausaniou tou sophistou oikos. Ho de Pausanias epaideuthē men hypo Hērōdou kai tōn tou Klepsydriou metechontōn heis egeneto, hous ekaloun hoi polloi dipsōntas, <...> pol-lai gar tou Pausaniou kata tēn Rōmēn, hoi dē kai katabious apethane gēraskōn ēdē, tou thronou metechōn, kai meteiche de kai tou Athēnēsīn, hote dē kai apiōn ekeithen epi pasin... (здесь и далее греч. текст дается в лат. транскрипции курсивом. – С. В.)

«Кесария в Каппадокии, по соседству с горой Аргей, была родиной софиста Павсания. Павсаний обучался у Герода, и был одним из членов Клепсидриона, которых обычно называют «жаждущими». <...> Как и многие из них, Павсаний прибыл в Рим, где провел остаток своей жизни; и там умер; когда он был уже стар, он все еще сохранял должность ритора. Кроме того, он занимал кафедру в Афинах» (пер. мой. – С. В.)

При сопоставлении двух текстов несложно заметить, что в «Предупреждении» смешаны традиции о двух «Павсаниях». Большая часть биографических фактов здесь соотносима с софистом, а не с автором «Описания». В указании на место рождения «некоторый Греческий город, находившийся близ горы Сипилы (Магнезия у Сипила в Малой Азии. – С. В.)», удачно подменяет филостратовскую Кесарию у горы Аргей. Вместе с тем, краткая биография автора – важный элемент введения, она должна была сформировать определенный образ автора в умах читателей.

В целом этот перевод нельзя назвать филологически точным. Текст содержит множество неточностей и отступлений от греческого оригинала. Примечания, составленные авторами перевода, в большей степени отражают субъективное отношение к предмету, нежели научный комментарий. Однако обилие примечаний к тексту (около 500) позволяет включить Павсания в раздел

вития, восходящим к греческому *rhētōr (-oros)*, что указывает на ошибочное представление ученых того времени о характере литературной деятельности Павсания¹³, поскольку единственная биография автора с таким именем (имеется в виду Павсаний – софист II в. н.э. из Каппадокии) сохранилась у Филострата Старшего:

Предупреждение. Кн. 1:

«Павсаний, ученый греческий бытописатель и *вития* жил во втором столетии после Р. Х. в царствование Антонина философа. Он родился в некотором Греческом городе, находящемся близ горы Сипилы, и был учеником Ирода Аттика, славного витии. Препроводив долгое время в Греции и упражняясь в разных испытываниях достопамятностей, прибыл напоследок в Рим, где и скончался в старости глубокой. Осталось от него сие превосходное описание Еллады или Греции, состоящее в десяти книгах...» (С. III–IV).

специальной литературы, интересовавшей узкий круг подготовленных читателей¹⁴. Относительно «научности» перевода П. Н. Черняев отмечал, что его ценность для ученых уменьшается, в частности, тем, что «нет указателей вещей и предметов, равно (нет) и оглавления»¹⁵. В издании не было иллюстраций, что не способствовало его популярности. Также отсутствует единообразие в именах собственных, топонимах и этнонимах. Надо отметить, что с последней задачей в полной мере не справился ни один из последующих переводчиков: ни Г. А. Янчевецкий, ни С. П. Кондратьев. Это объясняется отсутствием целого ряда имен и названий в других античных источниках. В некоторых местах перевод греческих понятий является калькой, облаченной в витиеватость литературного слога XVIII в.

Далее приведены примеры слов, переведенных подобным образом в сопоставлении с греческим оригиналом¹⁶ и новейшим переводом¹⁷:

<i>ho kitharōdos</i> (Vol. 1. III.25. P. 334)	<i>гуслебряцатель</i> (Ч. 1. Кн. 3. Гл. XXV. С. 393)	<i>кифаред</i> (III.25.7), об Арионе
<i>ho Tarakshippos</i> (Vol. 2. VI.20. P. 263)	<i>констрашилице</i> (Ч. 2. Кн. 6. Гл. XX. С. 168)	<i>Тракшипт</i> (VI.20.15)
<i>hē Rhōmaiōn hē boulē</i> (Vol. 2. VII.9. P. 311)	<i>советовалище</i> (senatus) (Ч. 2. Кн. 7. Гл. IX. С. 219)	<i>римский сенат</i> (VII.9.3)
<i>Boēdromios</i> (Vol. 3. IX.17. P. 182)	<i>вспомоществовательный</i> (эпитет Аполлона – Ч. 3. Кн. VIII. Гл. XX. С. 44)	<i>Аполлон Боэдромий</i> (IX.17.2)
<i>Androphagos</i> (<i>Tigris</i> – Vol. 3. IX.21. P. 191)	<i>человекоядец</i> (Ч. 3. Кн. 9. Гл. XXI. С. 55)	<i>людоед</i> (то есть тигр – IX.21.4)

Однако критика относительно неточности и субъективизма первого русского перевода Павсания¹⁸ отнюдь не означает, что он неинтересен для

исследователей. Во-первых, этот текст был одним из очень немногих переводов греческих авторов времени Екатерины II, выполненных с греческого

языка. Во-вторых, сам факт его появления говорит о том, что русская культура как восприимчива античного наследия на определенном этапе своего развития могла воспринять и передать сложность и насыщенность такого текста, как «Описание Эллады». Приведенные выше примеры передачи слов иллюстрируют этот тезис. В-третьих, Павсаний на русском языке стал первым опытом перевода этого автора с греческого на современный европейский язык. В Европе вплоть до начала XVIII в. не было ни одного перевода Павсания, кроме трех латинских (Д. Кальдерини, А. Лешера и Р. Амасия), относящихся к концу XV–XVI вв.¹⁹

В 1731 г. был опубликован двухтомный французский перевод аббата Никола Гедиона (Gédoyn; 1677–1744)²⁰, выполненный с латинского перевода Р. Амасия. Главным достоинством французского издания были иллюстрации памятников и карты, но перевод подвергся критике за неточность передачи текста и вольный пересказ²¹.

Примечательно, что популярность французской версии в Европе не стала препятствием для обращения русских переводчиков к греческому оригиналу. Задача, которую решали переводчики, состояла, прежде всего, в стремлении познакомить русского читателя с неизвестным ранее древним автором и сделать его текст доступным для более широкой публики. На рубеже XVIII–XIX вв., как отмечает А. И. Любжин, знание древних языков среди дворян являлось редкостью за исключением лиц, окончивших курс Московского университета или другого подобного учебного заведения²². Отсутствие переводов античного автора на другие европейские языки вплоть до XVIII в. лишь говорит о нем, как о малоизвестном неподготовленному читателю. Круг лиц, особенно тщательно изучавших «Описание Эллады» с момента «второго открытия» сочинения в XV в., состоял из гуманистов, например, Николо Николли, Эразма Роттердамского, Альдо Мануци и таких знатоков греческих древностей, как И. И. Винкельман и Г. Э. Лессинг, не испытывавших острой необходимости в переводах.

Отсутствие каких-либо сведений о греческом оригинале, использованном И. И. Сидоровским и М. С. Пахомовым, затрудняет определение кодекса или издания, положенного в основу перевода. Маловероятно, что переводчики, связанные в силу житейских обстоятельств с Петербургом на протяжении всей их жизни, были знакомы с кодексом XV в. из Московского Синодального собрания²³. Сличение лакун в тексте кодекса (I.2.3, 5.3, 20.3, 23.7, 29.13; X.26.8, 29.7, 31.12 и других мест) с «Павсаниевым описанием...» подтверждает факт использования при переводе издания, основанного на нескольких рукописях. Не исключено, что это могло быть одно из изданий текста Ромула Амасия²⁴ (1489–1552), привезенное по указу патриарха в Москву из Константинополя в 1682 г.²⁵ Однако дальнейшая судьба этого экземпляра не вполне ясна, а вопрос об оригинале,

послужившем основой для русского перевода, остается открытым.

Прослеживая дальнейшую судьбу первого перевода Павсания, можно лучше понять особенности усвоения в России поздней греческой прозы. Эпоха, породившая перевод, была названа переводчиком «золотым веком», когда «весь свет с удивлением взирает на то блаженство России, Отечества нашего, до коего возвысилась она в настоящем...»²⁶ Интересно, что «золотым веком» принято называть период жизни Павсания – время правления династии Антонинов (96–180 гг.), когда древнегреческая культура переживала свой последний расцвет под покровительством императоров-эллинофилов.

Однако содержание переписки между переводчиками и главой Академии наук княгиней Е. Р. Дашковой (1783–1796) показывает, что «золотой век» для этого перевода так и не наступил. В прошении И. И. Сидоровского и М. С. Пахомова от 7 февраля 1789 г. говорится: «Ваше Сиятельство, Милостивая Государыня! Павсаниево описание Эллады или Греции, переведенное с греческого языка и состоящее в трех частях, напечатано уже по предписанию Вашего Сиятельства. <...> ...Всепокорно просим выдать нам за труд, употребленный нами на перевод сего писателя, ... награждение»²⁷. В ответном письме княгиня уведомила переводчиков, что «продажей этой книги 50 рублей не выручено и с начала ее издания, следственно, впоследствии еще менее продаваться будет. Издание книги стало Академии наук в 1800 р<уб.>, следственно, не скорее 30 лет издержанные академией деньги выручиться могут». Несмотря на это, деньги были выплачены по 250 руб. за каждую часть, то есть всего 750 руб.²⁸ Переводу Страбона повезло меньше. Он был подготовлен еще в 1781 г., но так и остался неизданным. Очевидно, что первые переводы Павсания и Страбона, называемые также *географами*, не заняли прочного места в круге чтения российской интеллигенции, столь стремящейся приобщиться к классической культуре.

При просмотре «Каталога русской книги гражданской печати»²⁹ несложно заметить, что незадолго до выхода в свет «Павсаниева описания» и сразу после этого российский образованный читатель мог ознакомиться с некоторыми сочинениями, посвященными в целом той же тематике, что и текст Павсания. Например, среди переводов *Комиссии* названы посвященные античной Греции статьи из энциклопедии французского просветителя Л. де Жокура (1704–1779), собранные в книгу под заглавием «Пелопонис или Аморея...»³⁰. Отобранные для перевода статьи доступны и кратко рассказывают о древнегреческих «областях, городах и племенах» в алфавитном порядке со ссылками на многих античных авторов. Имя Павсания упоминается более пятидесяти раз, и, как кажется, автор и переводчик отождествляют его с *историками*: «Фукидид, Диодор, Павсаний,

Плутарх, Цицерон, Плиний, Елиан (sic); словом вся история упоминает о сем приключении (землетрясение в Лаконии 469 г. до н. э. – С. В.)»³¹. Очевидно, краткие популярные статьи, вмещенные на 215 страницах книжечки, вышедшей тиражом в 1200 экземпляров по 35 коп. за экземпляр, больше пришлись по вкусу тем, кто желал узнать о землях древней Эллады, чем мудреный текст древнего автора в двух томах по 25 руб. Другим источником знакомства с Павсанием до выхода перевода можно назвать переведенное с французского языка «Размышление о греческой истории...»³² аббата Г. де Мабли (1709–1785). Повествуя в первой части труда о древнейшей истории греков, автор логично обращается к поэмам Гомера и свидетельствам Фукидида, но наряду с ними использует и Павсания (С. 11; ссылка на Paus. VIII.3.5). Мабли пишет: «Павсаний повествует, что Оснотрий младший Ликаонов сын, ... испросив у Никтима, брата своего, кораблей и воинов, вздумал, первый из Греков, положить основание нового государства в земле чужестранной». В другом месте приведено свидетельство античного автора о храбрости Бренна, вождя галатов в битве у Фермопил 279 г. до н. э. (с. 217; ссылка на Paus. X.23.6). Стоимость перевода Мабли составляла 60 коп. и делала его более доступным.

Таким образом, перевод декады Павсания проигрывал и в коммерческом отношении. Упрощение текста с целью привлечения широкого круга читателей явно не подходило для сочинений, издание или перевод которых был бесполезен без научного комментария, выполненного специалистом. В этом смысле пример с Павсанием демонстрирует, насколько просветительские идеи Екатерины II распространялись вширь, часто теряя в своей глубине³³. Показательно предпочтение русского образованного читателя знакомиться с Павсанием либо в трудах европейских ученых, либо в иностранных переводах. Ситуация не менялась вплоть до конца XIX в.

Примером этого служат «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (1766–1826), впервые опубликованные в 1791–1792 гг. Автор этих писем, предпринявший в 1789–1790 гг. путешествие по Европе, отмечает: «В семи верстах от Базеля находится... обширный сад... Туда ходил я пешком с двумя молодыми берлинцами, здесь живущими. <...> В сем тихом гроте, в сем святилище меланхолии душа чувствует томное уныние и погружается наконец в сладкую дремоту. Здесь изобразил бы я Ночь, Сон и Смерть, как они, по описанию Павзаниеву, на Ципселевом сундуке изображены были»³⁴. Анализ отрывка показывает, что писатель заимствовал ссылку на Павсания из сочинения Г. Э. Лессинга «Wie die Alten den Tod gebildet»³⁵, работавшего с билингвой Р. Амасия в издании Я. Куна 1696 г. (Eliac. sar. XVIII. P. 422). К французскому переводу Геддиона обращался поэт и драматург В. В. Капнист (1758–1823) в статье «Краткое изыскание о ги-

пербореанах», опубликованной в 1815 г. В одном случае драматург указывает на Павсания (Paus. X.5.8-9) как на «сильнейшее доказательство уважения к нему (Аполлону. – С. В.) гипербореан», в другом (уже в Примечаниях) – ссылается на место (Paus. I.31.2), в котором говорится об аримаспах (Arimaspes)³⁶.

Таким образом, созданное Павсанием во II в. н. э. «Описание Эллады» фактически не заняло прочного места в европейской культуре. Сочинение, целиком посвященное реалиям языческой древности, несомненно, было отвергнуто европейской средневековой культурой. Уровень интереса к этому тексту определялся появлением новых возможностей и потребностей усваивать и изучать сохранившиеся образцы античного искусства в Италии, на Балканах и Причерноморье. Такую возможность Павсанию предоставило именно Новое время, когда рационалистическая мысль Просвещения отводила античности доминирующую роль в европейских культурных процессах³⁷. Предметы и явления, к которым обращается Павсаний, живо интересовали его потомков. Благодаря этому происходит обращение к прошлому опыту не только через текст, но и через сами памятники.

И всё же специфичность текста «Описания» и его композиции не дали ему выйти за рамки узкоспециальной справочной литературы. Эпоха Просвещения стремилась воспринять из Античности принципы идеального государства (Платон, Аристотель) во главе с правителем-мудрецом (Марк Аврелий), примеры полководческого гения (Фемистокл, Александр Великий), образцы искусства, исполненные совершенного художественного вкуса, основы гармонии человека с природой, подарившей благоприятные условия для процветания античной цивилизации. Как следствие, наиболее востребованными оказывались древние тексты и памятники, способные формировать ясные представления обо всем этом. Творение обретает большую ясность, если его создавал великий классик, известный своей незаурядной судьбой. В случае с текстами особенно важным становится то, насколько сформирован определенный образ их создателя. Процесс освоения античного наследия в Новое время являет примеры Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Платона или Аристотеля – авторов, знаменитых как своей жизнью, так и трудами, освещающими круг тем, занимавших просвещенных читателей. Восприятие начинается с личности творца, затем оцениваются его деяния. Так, Марк Аврелий, удачно подходивший на роль «просвещенного монарха», вошел в российскую культуру значительно раньше его «Размышлений»³⁸. Создатель «Илиады» и «Одиссеи» ввиду сомнительности его существования среди некоторых исследователей в конце XVIII в. породил «Гомеровский вопрос», оставшийся во многом открытым и в настоящее время.

В XVIII в. из биографических сведений Павсания были известны лишь время его жизни и предполагаемое место рождения, при этом оставался риск спутать его с другими авторами, носившими такое же имя. Эти сведения дошли благодаря единичному упоминанию в труде о его родине (Paus. V.13.7) и некоторых современных ему событий. Текст, не имеющий выраженного введения, что не характерно для авторов эпохи Империи, на первый взгляд представляется бесконечным нагромождением описаний храмов, статуй, генеалогий царей и художников, мифов и культовых празднеств, зоологических и географических экскурсов, сложных имен и названий. Единый образ памятника литературы и истории распадается в глазах читателя на отдельные элементы. При таком калейдоскопе фактов увидеть авторскую позицию и основную идею, которую Павсаний желал бы донести до читателя, способен лишь подготовленный специалист. Практически ничего не сообщая о себе, древний путешественник увлеченно описывает многочисленные памятники, почти всегда сообщает имена и судьбы тех, кто их сотворил. Создатели памятников выходят на первый план, затмевая создателя описания.

«Описание Эллады» сложно воспринять как грандиозный замысел, подчиненный определенной идее, которая прослеживается во всем тексте. Простота и лаконичность языка и стиля изложения греческого текста не претендовала на образец изящной словесности своей эпохи. Зато в эпоху Екатерины II усилиями переводчиков Павсаний в полной мере обрел витиеватость и изящество слога, но при этом написанное утратило свою ясность. Вышеперечисленные факторы во многом спровоцировали ожесточенную полемику относительно этого древнего текста в среде филологов-классиков в конце XIX – начале XX в.

Таким образом, в рассматриваемый период Павсаний ни в русском переводе, ни в оригинале, к сожалению, по-настоящему не стал достоянием образованной публики.

Благодарности. Автор статьи выражает благодарность зав. отделом рукописей ГИМ – Шульгиной Эмелии Васильевне, зав. читальным залом ОР ГИМ – Казаковой Елене за предоставленную возможность изучить рукопись ГИМ. Син. греч. № 193, а также сотрудников отдела редких книг и рукописей ЗНБ им. В. А. Артисевич Саратовского гос. ун-та за помощь в работе с необходимыми изданиями XVIII в.

Примечания

- ¹ *Кацеев В. И.* К истории классицизма в российской провинции первой половины XIX века : Саратовский грецист Иван Федорович Синайский // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 62–63.
- ² Краткий вариант каталога на латинском языке был опубликован в 1777 г. в России. В статье использовано полное издание : *Matthaei Chr. F. Accurata Codicorum Graecorum Mss. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio.* T. I. Lipsiae, 1805. P. 124.
- ³ *Винкельман И. И.* История искусства древности. Малые сочинения. СПб., 2000. С. 490. (Комментарий И. Е. Бабанова).
- ⁴ Подробнее о самой концепции см.: *Винкельман И. И.* Указ. соч. С. 7–8 ; *Бабанов И. Е.* Очерк жизни и творчества Винкельмана // *Винкельман И. И.* Указ. соч. С. 461–488.
- ⁵ См.: *Lessing G. E.* *Wie die Alten den Tod gebildet.* Berlin, 1769.
- ⁶ *Гаврилов А. К.* Государственный классицизм при Екатерине II // Его же. О филологах и филологии. Статьи и выступления разных лет. СПб., 2011. С. 55.
- ⁷ *Семенников В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг. СПб., 1913. С. 15–16.
- ⁸ *Иванов Вяч. Вс.* Архаизм и новаторство в практике первых русских переводов Платона // *Логос.* 2012. № 6 (90). С. 42–57.
- ⁹ *Черняев П. Н.* Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II // *Филологические записки.* Воронеж, 1905. Вып. III. С. 224.
- ¹⁰ *Гаврилов А. К.* Марк Аврелий в России // Марк Аврелий Антонин. Размышления. СПб., 1993. С. 144.
- ¹¹ *Семенников В. П.* Указ. соч. С. 73–74.
- ¹² *Павсаний, или Павсаниево описание Эллады, то есть Греции :* в 3 ч. СПб., 1788. Ч. 1. С. III–IV.
- ¹³ Надо отметить, что определенного отношения к этому автору не сформировалось. В отчете о ходе работы *Комиссии* по переводам на имя Екатерины II указано, что «из археологов (курсив мой. – С. В.) полностью переведен Павсаний...» (*Черняев П. Н.* Указ. соч. 1905. Вып. III. С. 221).
- ¹⁴ К таким авторам следует отнести и Витрувия, переведенного архитектором В. И. Баженовым и литератором Ф. В. Каржавиным с французского. См.: Марка Витрувия Поллиона об архитектуре 10 книг с примеч. К. Перро / пер. с фр. и примеч. В. Баженова. СПб., 1790–1797. О переводе см.: *Черняев П. Н.* Указ. соч. 1904. Вып. III. С. 40–41.
- ¹⁵ *Черняев П. Н.* Указ. соч. 1905. Вып. I. С. 151–152.
- ¹⁶ Греческий текст приведен по изданию : *Pausaniae Graeciae descriptio :* in 3 vol. / ed. M. H. Rocha-Pereira. Leipzig, 1990.
- ¹⁷ *Павсаний.* Описание Эллады : в 2 т. / пер. и вступ. ст. С. П. Кондратьева. М., 1938–1940. В тексте статьи используется переиздание перевода : Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. 364 с. ; Т. 2. 592 с.
- ¹⁸ Ср.: *Никитюк Е. В.* Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого греческого Возрождения // Павсаний. Описание Эллады / пер. С. П. Кондратьева. СПб., 1996. С. 38.
- ¹⁹ О первых переводах Павсания в XV–XVII вв. см.: *Parks G. B.* *Pausanias // Catalogus translationum et commentariorum.* Washington, 1971. Vol. II. P. 215–220.

- ²⁰ Перевод переиздавался дважды : в 1733 и 1797 гг. В статье использовано 3-е издание : Pausanias ou Voyage historique, pittoresque et philosophique de la Grèce / ed. abb. N. Gedeoni : in IV vols. P., 1796–1797.
- ²¹ Подробнее об этом переводе см.: *Guilmet C.* The French Translation by Nicolas Gêdoyn // Following Pausanias : The Quest for Greek Antiquity. Athens : Oak Knoll Press, 2007. P. 120–124.
- ²² См.: *Любжин А. И.* Римская литература в России в XVIII – начале XX в. М., 2007. С. 29–30.
- ²³ Государственный исторический музей (ГИМ). Син. греч. № 193. Л. 9 об., 33, 34, 166 и др.
- ²⁴ С момента выхода (Рим, 1547) и вплоть до конца XVII в. это издание пользовалось популярностью в Европе, так как было единственным, содержащим полный греческий текст с латинским переводом и научными комментариями. Текст переиздавался в 1551 (Флоренция), 1583 и 1624 (Франкфурт-на-Майне), в 1613 (Ганновер) и 1696 (Лейпциг) гг. (*Parks G. B.* Op. cit. P. 215).
- ²⁵ Подробнее см.: *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 119–120.
- ²⁶ Творения велемудрого Платона : в 3 ч. СПб., 1780–1785. Ч. 1. С. I.
- ²⁷ *Семенников В. П.* Указ. соч. С. 73–74.
- ²⁸ Там же. С. 74.
- ²⁹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. (1725–1800) : в 5 т. М., 1962. Т. 1. С. 350.
- ³⁰ *Жокур Л. де.* Пелопонис, или Морея с находившимися и находящимися в оной городами, областями и другими Примечания достойными местами. СПб., 1769.
- ³¹ Там же. С. 120.
- ³² Перевод, выполненный А. Н. Радищевым, был издан благодаря деятельности «Общества, старающегося о напечатании книг», организованном в 1773 г. Н. И. Новиковым. См.: *Мабли Г. де.* Размышление о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков. СПб., 1773.
- ³³ См.: *Любжин А. И.* Указ. соч. С. 29.
- ³⁴ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // Его же. Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 1. С. 212.
- ³⁵ *Lessing G. E.* Wie die Alten den Tod gebildet. Berlin, 1769. S. 17.
- ³⁶ Pausanias ou Voyage... Т. I. P. 219 ; Т. IV. P. 167. Ср.: *Каннист В. В.* Собрание сочинений : в 2 т. М. ; Л., 1960. Т. 2. С. 163, 182.
- ³⁷ Подробнее см.: *Михайлов А. В.* Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // Его же. Языки культуры. М., 1997. С. 509–510.
- ³⁸ *Гаврилов А. К.* Марк Аврелий в России. С. 157–158.

Образец для цитирования:

Выскубов С. П. «Павсаниево описание Еллады» или судьба одного русского перевода, выполненного при Екатерине II // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 192–198. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-192-198.

Cite this article as:

Vyskubov S. P. «Pausanievo Opisaniye Ellady» (“Descriptions of Greece by Pausanias”) or the Fate of One Translation made in the Time of Catherine the Second of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 192–198 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-192-198.

УДК 94(437)[9/13]

ПРЖЕМЫСЛОВСКАЯ ЛЕГЕНДА И КОРОНАЦИОННЫЙ ОБРЯД ПРАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕХИИ¹

А. Н. Галямичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: galyamichev57@mail.ru

В статье рассматривается эволюция обряда коронации правителей средневековой Чехии с древнейших времён до середины XIV века. Главное внимание уделяется тем аспектам обряда коронации, происхождение которых связано с легендой об основателе династии Пржемысловичей – Пржемысле-пахаре.

Ключевые слова: Чехия, средние века, обряд коронации, Пржемысловичи.

The Legend of Přemysl and the Coronation Ceremony of Medieval Bohemia Rulers

A. N. Galyamichev

The article describes the evolution of the coronation tradition of medieval Bohemia rulers from the earliest times to the middle of the XIV century. The emphasis is made on the aspects of the coronation rite, the origin of which is associated with the legend about the founder of the Přemyslid dynasty, Premysl the ploughman.

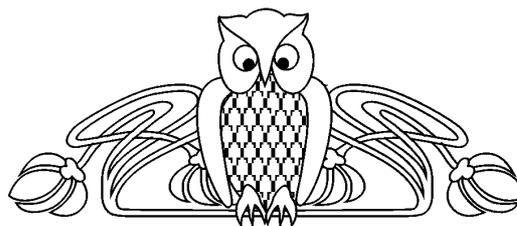
Key words: Bohemia, Middle Ages, coronation rite, Přemyslid dynasty.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-199-201

Карл IV Люксембург – первый из королей Чехии, который стал императором Священной Римской империи (годы правления: 1346–1378), принадлежит к числу наиболее ярких правителей средневековой Европы. Проводимая им политика отличалась тщательной взвешенностью, умением ставить значимые цели и достигать их².

Ещё до коронации в качестве правителя Чехии он позаботился о внесении в сложившийся к середине XIV в. обряд изменений, призванных укрепить королевскую власть. Важнейшим из этих шагов стало изготовление короны святого Вацлава – шедевра ювелирного искусства, остающегося и сегодня одним из символов чешской государственности.

Кроме того, согласно предписаниям разработанного им тогда же «Уложения»³ обряду коронации в соборе святого Вита на Пражском граде должно было предшествовать паломничество будущего короля на Вышеград. Здесь в древней крепости, которая являлась резиденцией чешских князей в XI–XII вв., он должен был поклониться лыковым лаптям и суме Пржемысла-пахаря – основателя княжеской и королевской династии, правившей в Чехии с древнейших времён до 1306 г.

Что же это за предметы, столь необычные для коронационных церемоний европейских правителей XIV века? Куда уходит их родословная?

Исследователь истории средневековой Чехии обладает редкой возможностью реконструкции представлений о происхождении княжеской власти в чешском обществе раннесредневековой эпохи. Эту возможность предоставляет знаменитая «Чешская хроника» каноника Козьмы Пражского, писавшаяся почти одновременно с древнерусской «Повестью временных лет» в первой четверти XII в.

Хроника Козьмы содержит любопытный рассказ о происхождении княжеского рода Пржемысловичей. Я позволю себе напомнить его основной событийный ряд. Хронист пишет, что в древние времена племя чехов управлялось мудрым судьёй Кроком, а после его смерти – дочь Крома Либушей, которая «среди женщин единственная была в своих решениях предусмотрительна, в речи – решительна, телом – целомудренна и нравом – скромна»⁴.

Одно из судебных решений Либуши вызвало, однако, бурный протест. Козьма рассказывает: «Тот, дело которого было проиграно, ... воскликнул, брызжа слюной, переполнившей его рот: «О, оскорбление, непереносимое для мужчин! Эта ничтожная женщина со своим лукавым умом берётся разрешать мужские споры!.. Лучше мужчинам умереть, чем терпеть подобное. Природа выставила нас на позор народам и племенам за то, что мы не имеем правителя и судьи из мужчин и над нами тяготееют женские законы». В ответ на это Либуша, сделав вид, что не заметила нанесённое ей оскорбление, сказала: «Я кажусь вам не слишком умной, ибо веду суд не прибегая к железной палице. Поскольку вы живёте, не ведая страха, то вы, естественно, питаете ко мне пренебрежение. Ибо где страх, там и уважение. А теперь надо, чтобы вы получили правителя более жестокого, чем женщина»⁵.

На следующий день Либуша обратилась к чехам с вопросом о том, настаивают ли они на своём мнении. Услышав единодушный крик с требованием дать им князя, она назвала имя и местонахождение того, кому было суждено стать народом князем, а ей – супругом.

Послы отправились в указанном Либушей направлении и пришли в деревню Стадице, где нашли будущего князя. Им оказался пахарь Пржемысл, который обрабатывал свою ниву на двух пёстрых волах. Выслушав просьбу послов, Пржемысл с готовностью принял предложение стать мужем Либуши и занять чешский престол. Даже не заходя домой, он надел княжескую одеж-

ду и обувь, сел на горячего коня и отправился в путь вместе с послами.

При этом Пржемысл, по словам хрониста, взял с собой лапти, сплетённые из лыка, и велел сохранить их на будущее. На вопрос одного из бойких на язык послов о том, для чего были сохранены эти лапти, «годные только на то, чтобы их выбросить», Пржемысл ответил: «Я приказал и приказываю их сохранить вечно для того, чтобы наши потомки знали, откуда они ведут свой род, чтобы они всегда жили в страхе и настороженности и чтобы людей, посланных им Богом, они не угнетали, не обращались с ними несправедливо по причине [своей] надменности, ибо все мы созданы равными по природе»⁶.

Поучительный рассказ Козьмы зафиксировал бытовавший в сознании чешского общества начала XII в. образ княжеской власти, который был отмечен многочисленными вкраплениями глубинных пластов исторической памяти чешского народа.

В пересказанном Козьмой древнем предании сохранились отголоски событий и явлений чешской истории, относящихся к далёкому прошлому: воспоминания о докняжеском периоде чешской истории, о связанном с утверждением княжеской власти коренном переломе в общественном устройстве, о первоначальном равенстве всех свободных членов племени, наконец, о происхождении княжеского рода в буквальном смысле слова «от сохи», из крестьянского простонародья.

Почему Чехия начала XII в. даёт нам столь своеобразное видение происхождения и сути княжеской власти? Думается, что объяснение следует искать в особенностях процесса становления и раннего развития средневековой чешской государственности. Главной чертой его своеобразия видится органический, естественный, постепенный характер. Волны иноземных вторжений, которые в эпоху раннего средневековья неоднократно накатывались на Западную и Центральную Европу, нарушая естественный ход развития племён, государств и народов, почти не затронули этот благодатный уголок земли, хранимый кольцом пограничных гор, покрытых непроходимыми лесами. Даже венгерское нашествие, которое буквально стёрло с лица земли Великую Моравию и в течение полувека держало в страхе весь западно-христианский мир, не оставило сколько-нибудь глубоких следов в исторических судьбах славянских племён Чешской долины, – и это притом, что «воскресшие гунны» обосновались на постоянное жительство в непосредственном соседстве с Чехией.

Эта органическая постепенность имела следствием длительное сохранение в общественном и государственном устройстве средневековой Чехии институтов, обычаев и традиций, уходявших корнями в первобытную древность. Вплоть до конца XII в. Чехия не знала устоявшейся традиции писаного права, и князь выступал в качестве его источника как олицетворение высшей справедливости,

о чём красноречиво свидетельствуют слова Козьмы Пражского: «Тот, кто управляет законами, законам не подчиняется, ибо у закона, как говорят в народе, нос из воска, и король, у которого рука железная и длинная, направляет его куда захочет»⁷.

Наконец, социальная структура населения чешских земель характеризовалась относительно слабой степенью дифференцированности, относительно широкими возможностями вертикальной социальной мобильности, отсутствием отчётливых юридических границ между социальными верхами и свободным трудящимся населением, сохранением политической и военной роли последнего.

Разумеется, во многих случаях речь шла о сохранении лишь старых форм, исконность и неизблемость которых придавали чешской государственности особую прочность силой авторитета старины – одной из наиболее значимых величин в средневековой системе ценностей.

Вступлению на престол нового правителя предшествовало избрание князя на сейме, право участия в котором формально сохраняли все свободные жители страны. Сама церемония обретения княжеской власти вплоть до конца XII в. происходила в форме древнего обряда «настоления» – восшествия нового правителя на почитавшийся со времён языческой древности каменный престол⁸. Особо почитаемым предметом, освящавшим своей древностью права рода Пржемысловичей на княжескую власть, оставались во времена Козьмы Пражского лыковые лапти, о чём он рассказал в своей хронике.

Временем быстрых и в то же время глубоких перемен во всех сферах жизни средневекового чешского общества стало XIII столетие. Отмеченное интенсивной немецкой колонизацией и утверждением принесённых вместе с ней правовых норм и институтов, оно стало эпохой оформления рыцарского сословия и утверждения в его среде новых форм образа жизни, ценностных ориентиров и стиля мышления, который происходил под определяющим влиянием западноевропейских образцов рыцарской культуры.

В чешские земли пришли рыцарские турниры, гербы и титулы. При королевском дворе находили пристанище и радушный приём странствующие поэты-миннезингеры, а король Вацлав II сам – и безуспешно – пробовал свои силы на поэтическом поприще⁹.

Образ короля-миннезингера плохо сочетался с лыковыми лаптями Пржемысла-пахаря. Их следы постепенно затерялись, исчез из пределов Пражского града и древний каменный престол: коронация Вацлава I в 1228 г. впервые была совершена немецкими епископами по западному образцу¹⁰.

С наибольшей наглядностью изменения в представлениях о природе королевской власти проявились на сейме 1307 г. во время обсуждения вопроса о кандидатуре нового короля после скорострительной смерти едва вступившего на чешский престол Рудольфа Австрийского. В момент наивысшего на-

кала страстей, когда противники кандидатуры брата умершего короля Фридриха Австрийского обвинили одного из предводителей проавстрийской партии пана Тобиаша из Бехине в том, что он пытается навязать чехам короля-иностранца, тот решил возразить на это возможно более язвительным образом.

Он заявил, что если участники сейма намерены возвести на престол непременно местного короля, то лучшим решением будет в этом случае послать гонцов в деревню Стадице и привезти оттуда кого-нибудь из тамошних крестьян в качестве супруга для княжны Элишки, дочери короля Вацлава II, избранник которой имел бы в этом случае наиболее веские основания для вступления на чешский престол.

Эти слова пана Тобиаша вызвали такой взрыв негодования в стане его противников, что самый отчаянный из них, пан Ольдржих из Лихтенбурга, выхватил меч и пронзил им пожилого Тобиаша, после чего заседание сейма превратилось в ожесточённую вооружённую схватку¹¹.

Почему же в середине XIV в. Карл Люксембург вспомнил о лаптях Пржемысла? Объяснение следует, на наш взгляд, искать в особенностях условий, сложившихся к моменту его вступления на престол. Первая половина XIV в. стала временем падения авторитета королевской власти в Чехии, всевластия могущественных панских родов, присвоивших многие королевские земли и замки.

Логичным может показаться предположение о том, что лыковые лапти могли выступить в качестве символа политики обуздания панского своеволия, опоры на другие сословия чешского общества. Однако такое предположение не находит подтверждения в других действиях короля и императора.

Речь в данном случае должна, по-видимому, идти о попытке привлечь на свою сторону представителей всех чешских сословий, озабоченных негативными последствиями ослабления королевской власти в условиях длительного отсутствия в стране его отца – короля-иностранца Иоанна из династии Люксембургов.

Установление возможно более прочной связи своей власти с многовековой пржемысловской традицией (а матерью Карла была последняя представительница древнего рода чешских правителей – Элишка Пржемысловна) было призвано способствовать решению этой задачи.

Другим, внешне совершенно противоположным выражением той же тенденции стал культ

святого Вацлава – представителя рода Пржемысловичей, погибшего мученической смертью в X в. Изготовленная в 1347 г. по повелению Карла IV корона св. Вацлава постоянно хранилась в соборе св. Вита на Пражском граде и являлась главным атрибутом обряда коронации. Она предоставлялась вступающему на престол королю только на время обряда коронации и всякий раз возвращалась к её подлинному владельцу – небесному покровителю Чехии святому Вацлаву.

Таким образом, лапти Пржемысла были возвращены в обряд коронации королев Чехии в XIV в. в качестве одного из символов принадлежности Карла IV к древнему роду правителей Чехии, что было призвано создать возможно более прочное обоснование правомерности и нерушимости его власти перед лицом вызовов того необычайно сложного времени, в какое ему довелось жить и управлять государством.

Примечания

- 1 Настоящая статья написана на основе доклада, прочитанного автором на Пятых научных чтениях памяти профессора С. М. Стама, проходивших в Саратовском государственном университете 26 ноября 2016 г.
- 2 См.: *Леонтьевский А. В.* Искусство возможного в политике Карла IV Люксембурга. Волгоград, 1995. 76 с.
- 3 См.: *Мельников Г. П.* «Уложение о коронации чешского короля» Карла IV : идеология и обряд // Репрезентация власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа) : Славяне и их соседи : тез. докл. XXI конф. М., 2004. С. 55–56.
- 4 *Козьма Пражский.* Чешская хроника. М., 1962. С. 37.
- 5 Там же. С. 38.
- 6 Там же. С. 44.
- 7 Там же. С. 113.
- 8 См.: *Ванечек В.* История государства и права Чехословакии. М., 1981. С. 67–68.
- 9 См.: *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 202.
- 10 См.: *Zupka D.* Rex eris, sirectefacias : si non facias, non eris. Panovníckamoc a jejereprezentácia v stredovekajstrednej Európe (10 – 13. storočie) // Forum Historiae. 2014. № 2 : Moc a stat v stredovekej Európe. S. 209.
- 11 См.: *Kronika Zbraslavská* / ed. V. Novotný. Praha, 1905. S. 195 ; *Kronika Pulkavova* // Fontesrerum Bohemicarum : in VIII t. Pragaе, 1893. T.V. P. 189 ; *Tomek W. W.* Dějepis města Prahy : Ve 12 d. Praha, 1855. D. I. S. 465.

Образец для цитирования:

Галямичев А. Н. Пржемысловская легенда и коронационный обряд правителей средневековой Чехии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 199–201. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-199-201.

Cite this article as:

Galyamichev A. N. The legend of Přemysl and the coronation ceremony of medieval Bohemia rulers. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 199–201 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-199-201.

УДК 327.7(497.6)|1990/2000|

ОПЕРАЦИИ НАТО В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ АЛЬЯНСА НА БАЛКАНАХ В 1990–2000-е ГОДЫ

Е. С. Корнев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: korenev.es@mail.ru

В статье анализируется эволюция участия НАТО в процессе кризисного урегулирования в Боснии и Герцеговине в 1990–2000-е гг. в контексте реализации региональной стратегии Альянса на Балканах. Особое внимание уделяется выявлению реальных целей, к достижению которых стремилась НАТО в ходе операций. Кроме того, проводится анализ геополитической обстановки на Балканах во время конфликта, рассматриваются существовавшие в рамках организации подходы к выстраиванию политики в регионе и к осуществлению миротворческой деятельности.

Ключевые слова: НАТО, Босния и Герцеговина, Балканы, региональная стратегия НАТО.

NATO's Operations in Bosnia and Herzegovina in the Context of the Alliance's Regional Strategy Realization in the Balkans in the 1990–2000s

E. S. Korenev

This article analyses the evolution of NATO's participation in the process of crisis management in Bosnia and Herzegovina in the 1990s–2000s in the context of the Alliance's regional strategy realization in the Balkans. Special attention is paid to the detection of NATO's real aims during the operations. Besides, an analysis of geopolitical situation in the Balkans during the conflict is carried out and the organization's approaches to the formation of regional policy and to peacekeeping are considered.

Key words: NATO, Bosnia and Herzegovina, Balkans, NATO's regional strategy.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-202-207

В начале 1991 г. руководство большинства государств – членов НАТО полагало, что ухудшавшаяся обстановка в Югославии все же не приведет к распаду единого государства, а если это и произойдет, то не будет сопряжено с возникновением очагов масштабной гражданской войны в регионе. Тем не менее ситуация менялась в худшую сторону достаточно быстрыми темпами, что требовало выработки консолидированной позиции Североатлантического альянса.

При этом очевидно, что внутри организации никакого единства по югославскому вопросу не наблюдалось. Существовала группа государств, которые выступали за скорейшее дипломатическое вмешательство НАТО в конфликт, поскольку регион, по их мнению, обладал стратегической значимостью, и нельзя было упустить возможность установить здесь свое влияние на фоне кардиналь-

ной трансформации традиционной региональной архитектуры безопасности. К числу подобных стран относилась прежде всего Германия, которая уже на тот момент активно прорабатывала сценарии возможного вовлечения в процесс разрешения кризиса в индивидуальном формате. Для этих государств было очевидно, что status-quo в регионе окончательно изменился, а следовательно, не стоит ожидать возрождения социалистических режимов в Болгарии и Румынии, а также реинтеграции Югославии. По мнению руководства данных стран, необходимо было начинать работу с новыми региональными акторами и прежде всего как можно быстрее официально признать их.

Кроме того, в рамках НАТО сформировалась группа стран, которые призывали к более осторожной стратегии на балканском направлении. Они не были сильно заинтересованы в увеличении активности Альянса в Юго-Восточной Европе, либо из-за опасений утратить собственное влияние в регионе (Греция), либо исходя из отсутствия исторических связей со странами Балканского полуострова, которые могли бы заставить их принять активное участие в решении региональных конфликтов (Норвегия, Португалия).

Как уже было отмечено, в начале 1990-х гг. на территории Югославии обозначилось сразу несколько конфликтных районов. В зоне повышенного внимания мировой общественности находилась Хорватия, в которой существовали предпосылки для возникновения полномасштабного вооруженного конфликта на почве традиционных сербо-хорватских противоречий. Очевидно, что Загреб, который претендовал на роль одного из главных региональных центров силы, был крайне важен для реализации балканской стратегии Брюсселя. В этой связи Альянс не мог допустить ухудшения обстановки в Хорватии, хотя и не стал открыто вмешиваться в конфликт, ограничившись до определенного времени лишь дипломатическими заявлениями.

Не удалось избежать вспышки насилия и на словенской территории, несмотря на то что здесь отсутствовали предпосылки для межнационального противостояния. Конфликт в большей степени заключался в несовпадении ценностных ориентиров и подходов к хозяйственной деятельности, существовавших на тот момент в Белграде и в Любляне.

Словения, которая была традиционно более развитой в экономическом отношении по сравнению с другими республиками, в условиях нарастающего хаоса приняла решение об ускоренном

выходе из состава СФРЮ. При этом было понятно, что союзный центр будет недоволен подобной инициативой и, несмотря на ослабление своей власти, попытается воспрепятствовать попыткам Любляны обрести полную независимость. Однако вспыхнувшая Десятидневная война, которая сопровождалась мощным дипломатическим давлением на югославское руководство со стороны стран Запада, продемонстрировала неспособность Белграда противостоять словенскому сепаратизму. Подписанное 7 июля 1991 г. при посредничестве ЕЭС Брионское соглашение, с одной стороны, создавало все условия для реального прекращения огня, с другой – формировало правовую базу для выхода Словении и Хорватии из состава СФРЮ¹.

Неспокойно было также на территории сербского Косово. Албанские политические силы были недовольны Конституцией Сербии, принятой в сентябре 1990 г., поскольку она существенным образом ограничивала их возможность влиять на события в крае. В результате в Косово стал искусственно разжигаться пожар межэтнических противоречий между сербами и албанцами, что неминуемо должно было привести к возникновению масштабного конфликта.

Однако в самом начале 1990-х гг. албанские косовары занимались пока лишь формированием политической платформы, на основе которой затем планировали развернуть борьбу с югославским руководством. В тот момент еще не были созданы вооруженные формирования албанцев, поэтому конфликт ограничивался столкновением между демонстрантами и полицией.

За всеми вышеописанными процессами в течение 1991 г. наблюдало военно-политическое руководство НАТО, стараясь сохранить нейтралитет до того момента, пока не будет выработана консолидированная стратегия по югославскому вопросу. Однако с учетом вышеупомянутых противоречий, которые существовали между отдельными членами организации на первом этапе Балканского кризиса, никаких активных шагов Североатлантический альянс не предпринял. В этой связи на определенный период времени НАТО потеряла возможность влиять на события на постюгославском пространстве, и ситуация в регионе фактически не контролировалась Брюсселем до середины 1990-х гг.

На общем фоне набравших обороты конфликтов на Балканском полуострове ситуация в Боснии и Герцеговине до осени 1991 г. не выглядела столь критичной. Эта республика всегда занимала особое место в СФРЮ, потому что была образцом толерантности, межнационального согласия и союзного единства, поэтому до определенного периода, казалось, что возникновение полноценной гражданской войны здесь просто невозможно. Однако резкий рост национализма в республике, начавшийся благодаря радикализации местных национальных политических элит, создал предпосылки для постановки вопроса о выходе Боснии и Герцеговины из состава СФРЮ.

Это обстоятельство вывело конфликт на новый уровень и привлекло внимание различных государств и международных организаций к боснийской проблематике.

В числе заинтересованных сторон оказался и Североатлантический альянс. НАТО первоначально не видела серьезной угрозы в происходивших событиях в Боснии и Герцеговине (БиГ), к тому же на протяжении 1991 г. все шло в целом по плану, который был выгоден ведущим государствам Альянса. Однако после того как в 1992 г. началось вооруженное противостояние сторон и возникла угроза гуманитарного кризиса общеевропейского масштаба, руководство Североатлантического альянса постепенно стало все более активно втягиваться в процесс кризисного урегулирования в БиГ. В итоге практически на десятилетие боснийская проблематика заняла одно из центральных мест в повестке дня организации.

Операции и миссии НАТО по кризисному урегулированию в Боснии и Герцеговине стали первым опытом использования силового потенциала Альянса, опираясь на которой Брюссель принимал дальнейшие решения по развитию своей региональной стратегии на Балканах. Методы и средства, которые применялись на боснийском направлении, также легли в основу инструментария кампаний, проводившихся в Афганистане и Ливии. В этой связи на фоне непрекращающихся попыток Североатлантического альянса проявить свою военную активность под видом миротворческой деятельности за границами зоны своей геополитической ответственности возникает необходимость проанализировать боснийский опыт НАТО для того, чтобы предположить, каким образом может пойти практическое и теоретическое развитие концепции миротворчества организации в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

В 1991 г., когда конфликт в Боснии и Герцеговине находился еще в латентной фазе, НАТО четко не обозначала своей позиции по событиям в республике. Однако после начала полномасштабных военных действий весной 1992 г. стало понятно, что Альянсу нужно срочно формировать политическую платформу по урегулированию кризиса. В целом к лету удалось выработать консолидированную позицию по боснийскому вопросу, которая затем лишь дополнялась определенными положениями.

В заявлении, выпущенном по итогам заседания Совета Североатлантического сотрудничества от 5 июня 1992 г., содержался комментарий, который был посвящен оценке ситуации в Боснии и Герцеговине. В нем отмечалось, что, несмотря на то что все стороны конфликта несут ответственность за сложившуюся обстановку, все же главным виновником всех бедствий являются руководство Югославии и Югославская народная армия². Такая четкая фиксация позиции свидетельствовала о достижении на данном этапе консенсуса внутри НАТО, что позволяло перейти к более решительным действиям.

Буквально через месяц Североатлантический альянс непосредственно вмешался в Балканский кризис. ВМС НАТО организовали патрулирование в водах Адриатического моря, для осуществления резолюций СБ ООН № 713³ и № 757⁴, введивших эмбарго на поставки оружия и всеобъемлющие санкции в отношении бывшей Югославии. В связи с повышением уровня активности военной авиации в зоне конфликта СБ ООН 9 октября 1992 г. решил ввести режим «бесполетной зоны» над Боснией и Герцеговиной.

Поскольку ООН не располагала необходимыми техническими возможностями для наблюдения за территорией Боснии и Герцеговины, она была вынуждена обратиться к государствам – членам организации за помощью в обеспечении деятельности Сил Организации Объединенных Наций по охране (далее – СООНО) на данном направлении. В этих условиях Североатлантический альянс, откликнувшийся на призыв ООН, получил уникальную возможность легитимно повысить уровень своей активности в регионе и обрести ценный опыт мониторинговой деятельности.

Речь шла о проведении тщательной авиационной разведки над территорией Боснии и Герцеговины, данные которой затем позволили спланировать дальнейшие операции. Тем не менее самолеты НАТО в ходе выполнения операции «Скай монитор» не могли сбивать нарушителей режима «бесполетной зоны» и, по сути, были даже бесполезны перед потенциальным агрессором в небе, что, безусловно, не соответствовало амбициям Альянса в этом конфликте, а значит, порождало дискуссии о дальнейшем ходе мониторинговой кампании.

Боснийский вопрос достаточно активно обсуждался на заседании Группы ядерного планирования НАТО на уровне министров обороны, состоявшемся 20–21 октября 1992 г. в Шотландии, что свидетельствовало о повышенном уровне внимания к балканской проблематике на тот момент. В итоговом коммюнике отмечалось, что Альянс, сохраняя приверженность миротворческой деятельности, совместно с силами Западноевропейского союза и ООН продолжает обеспечивать эмбарго на поставки оружия на территорию бывшей Югославии⁵. Кроме того, в документе говорилось о том, что НАТО планирует поддерживать миротворческие усилия ООН в дальнейшем, причем не только в Боснии и Герцеговине, но и в целом на постюгославском пространстве.

В конце 1992 г. президентская кампания в США вышла на финишную прямую. Это означало, что решение в рамках НАТО тех геополитических вопросов, которые могли бы быть сопряжены с использованием силовых методов, выглядело в тот момент нереальным. В этой связи можно констатировать, что подобные формулировки в официальных документах Альянса того периода не имели скрытого смысла, и под ними не маскировалось желание НАТО провести военную операцию, поскольку к ней не были готовы прежде всего США.

Период активизации Альянса на боснийском направлении можно датировать рубежом 1993–1994 гг. Именно в это время вырабатывались основные принципы миротворческой деятельности НАТО и велась усиленная дипломатическая работа по созданию серьезного плацдарма в Боснии и Герцеговине для проведения успешной операции.

Необходимо отметить, что в рамках операции «Скай монитор», проводившейся с октября 1992 г. по апрель 1993 г. авиацией НАТО, было зафиксировано более 500 нарушений режима «бесполетной зоны» всеми сторонами боснийского конфликта. При этом только однажды в марте 1993 г. был установлен факт бомбардировки, когда самолеты Республики Сербской нанесли удары по двум мусульманским селам. В условиях, когда все стороны конфликта высокой интенсивности обладали относительно боеспособной авиацией, такая статистика выглядела вполне приемлемой. Тем не менее с самого начала операции стали выдвигаться предложения переформатировать ее и добавить военнослужащим Альянса функции по обеспечению режима «бесполетной зоны», о чем, в частности, заявил в декабре 1992 г. избранный президент США Билл Клинтон⁶.

После непродолжительных дискуссий данная точка зрения победила. Начиная с апреля 1993 г. Альянс приступил к проведению операции «Запрет на полеты», которая была призвана обеспечить соблюдение режима «бесполетной зоны».

К лету 1993 г. руководство Альянса пришло к выводу, что кольцо вокруг боснийских сербов необходимо сжимать, в этой связи помимо миротворческих усилий все более активно стали говорить об ужесточении политики в их отношении. Кроме того, более отчетливо, чем раньше была выражена готовность Североатлантического альянса использовать свой силовой потенциал для наведения порядка в зоне конфликта. В частности, в своем заявлении для прессы генеральный секретарь НАТО Манфред Вёрнер по итогам специальной встречи Североатлантического совета по Боснии и Герцеговине, состоявшейся 2 августа 1993 г., отметил, что Альянс может нанести авиаудары по позициям боснийских сербов в случае ухудшения обстановки вокруг Сараево и в других зонах безопасности⁷.

При этом нельзя не отметить, что даже в 1994 г. НАТО была лишь ограниченно втянута в Боснийскую войну. Выполняя положения резолюции СБ ООН № 816⁸, организация контролировала соблюдение режима запрета на полеты в зоне конфликта. Очевидно, что только вооруженные силы Республики Сербской обладали относительно боеспособной авиацией на тот момент, и подобные действия НАТО носили ярко выраженный антисербский характер. Хотя стоит согласиться с оценкой известного военного эксперта и участника боевых действий в Боснии и Герцеговине О. Валецкого. Он отмечал, что самолеты Альянса в феврале – апреле 1994 г. предпринимали лишь отдельные акции (были сбиты

4 легких штурмовика «Ястреб» вооруженных сил Республики Сербской, а также нанесены ограниченные удары по позициям сербов), которые не могли окончательно переломить ход боевых действий⁹.

Тем не менее можно признать, что постоянное присутствие самолетов Альянса в небе над Боснией и Герцеговиной стало фактором психологического давления на военно-политическое руководство Республики Сербской. Это обстоятельство во многом привело к тому, что в течение 1994–1995 гг. боснийские сербы, опасавшиеся начала масштабных бомбардировок со стороны НАТО, совершили несколько фатальных ошибок.

С военно-стратегической точки зрения выглядело абсолютным провалом решение отвести тяжелые вооружения от Сараево, поскольку это давало неоспоримое преимущество боснийским мусульманам на этом направлении. 9 февраля 1994 г. на встрече Североатлантического совета было принято заявление, осуждавшее продолжавшуюся осаду Сараево. В частности, в этом документе содержался призыв к боснийским сербам в течение десяти дней перегруппировать под контролем СООНО тяжелые вооружения, расположенные на расстоянии менее 20 километров от центра города¹⁰. Понятно, что Республика Сербская, учитывая ее ограниченный военный потенциал, не могла долго сопротивляться подобному давлению со стороны НАТО. Тем не менее потеря контроля над событиями в непосредственной близости от боснийской столицы делала практически невозможным итоговый успех в войне.

Второй серьезной ошибкой стал захват миротворцев ООН в заложники, которые, по мнению сербских военных, должны были стать живым щитом, способным защитить важные объекты инфраструктуры от бомбардировок НАТО. Естественно, что СБ ООН сразу же осудил действия боснийских сербов в своей резолюции 998¹¹ и призвал их немедленно освободить весь персонал СООНО.

Подобное решение руководства Республики Сербской продемонстрировало, что оно потеряло возможность адекватно оценивать оперативную обстановку, так как попыталось при помощи такой радикальной акции защитить свою территорию от авиаударов Альянса. Однако эффект получился обратным, захват заложников лишь ускорил проведение военной операции Североатлантического альянса против боснийских сербов.

Как и во многих других вопросах, в НАТО позиция США была решающей при планировании миротворческих операций на Балканах. Однако необходимо отметить, что в начале своего первого президентского срока Б. Клинтон, который являлся последовательным оппонентом боснийских сербов, не мог форсировать события. С одной стороны, это можно было объяснить рядом внешнеполитических неудач, крупнейшей из которых стала операция в Сомали, что заставляло прези-

дента быть более осторожным при планировании инициатив на Балканах.

С другой стороны, на тот момент в процессе урегулирования конфликта в Боснии и Герцеговине доминировал ЕС и отдельные европейские государства, допускаявшие большое количество ошибок. Такое положение дел давало возможность США подождать еще немного, чтобы дискредитировать миротворческие усилия своих европейских союзников, а затем продемонстрировать всему миру, что именно Вашингтон, а не Брюссель, Париж или Берлин умеет решать такие серьезные вопросы.

Американцы в отличие от европейцев обладали запасом времени, поскольку им в силу географического фактора в случае резкого ухудшения обстановки в Боснии и Герцеговине не угрожал экспорт нестабильности или гуманитарный кризис, вызванный притоком беженцев. В этой связи американская дипломатия в основном ограничивалась постоянными обвинениями в адрес боснийских сербов и руководства Югославии, а также вела работу с союзниками, для того чтобы привлечь их в будущем к миротворческой операции.

Безусловно, учитывая огромную разницу военного потенциала, можно констатировать, что Альянс мог провести успешную операцию против боснийских сербов даже в случае выступления на их стороне Югославии в любой момент с начала конфликта. Однако политические и так называемые имиджевые риски были достаточно высоки, поскольку спонтанная кампания могла бы выглядеть скорее как акт агрессии, а не миротворчества. К тому же потери в ходе проведения такой неподготовленной операции оказались бы неоправданно высокими.

В этой связи руководство Альянса планомерно осуществляло в течение трех лет подготовку к полномасштабному вмешательству в конфликт под видом миротворческой деятельности. За этот период был не только ослаблен военный потенциал Республики Сербской и дестабилизирована социально-экономическая обстановка на ее территории, но и в результате информационной войны создан негативный образ боснийских сербов в глазах мирового сообщества.

Целый ряд необдуманных действий со стороны руководства республики, накопившихся к лету 1995 г., и прежде всего уже упоминавшийся захват в заложники миротворцев ООН, облегчали задачу для НАТО, необходимо было лишь найти *casus belli*. Как известно, такими поводами стали два события: так называемая резня в Сребренице, произошедшая в июле, и взрыв на рынке Маркале в конце августа. Объективного расследования ни в том, ни в другом случае не было проведено, а в качестве виновников происшествий были названы сербы.

Североатлантический альянс отреагировал на эти события незамедлительно, резко осудив оба инцидента и развернув спешную подготовку к операции. Поскольку возник благоприятный

момент для нанесения ударов по позициям боснийских сербов, НАТО не стала ждать разрешения со стороны СБ ООН, так как согласование итогового текста с Россией могло растянуться на неопределенный срок. К тому же Альянс мог опереться на ранее достигнутые договоренности с ООН, которые закрепляли его особую роль в разрешении конфликта в Боснии и Герцеговине. Тем не менее, важно подчеркнуть, что никаких законных оснований для проведения кампании против боснийских сербов у Брюсселя не было.

Операция «Преднамеренная сила», проводившаяся Альянсом в августе – сентябре 1995 г. фактически стала финальным аккордом Боснийской войны. Как отмечается на официальном сайте НАТО в разделе «Операции по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине»¹², проведение подобной кампании позволило установить баланс сил между сторонами конфликта на земле и склонить руководство Республики Сербской к переговорам. Действительно, до начала операции НАТО боснийские сербы могли рассчитывать на более удачное для них завершение войны, однако бомбардировки хоть и не уничтожили их военный потенциал, но сделали дальнейшие боевые действия бессмысленными.

В этой связи можно отметить, что операция «Преднамеренная сила» позволила НАТО не только добиться тактических целей, поставленных перед ее началом, но и заложить основы для установления полного контроля над Боснией и Герцеговиной. Подписанное 5 октября под непосредственным контролем США соглашение о прекращении огня на всей территории страны, содержавшее требование к сторонам конфликта обеспечить выполнение комплекса мер гуманитарного характера, стало прологом для переговоров в Дейтоне.

Само Дейтонское соглашение, которое было подписано в Париже 14 декабря 1995 г., создало новую конфигурацию государственного устройства Боснии и Герцеговины. Вот как оценивает данный документ профессор МГИМО Е. Г. Пономарева: «При главном политическом и гуманитарном достоинстве Дейтонских соглашений – прекращении открытого вооруженного конфликта – они зафиксировали на десятилетия вперед перераспределение суверенных полномочий БиГ в пользу международных структур и создали громоздкую и неэффективную систему организации власти»¹³. Очевидно, что такое будущее для Боснии и Герцеговины конструировалось, в том числе исходя из интересов НАТО, которая сразу же приступила к проведению операции по поддержанию мира в целях обеспечения военных аспектов соглашения.

Несмотря на тот факт, что миротворческий контингент под руководством НАТО включал и российских военнослужащих, что затрудняло принятие решений по некоторым тактическим вопросам, тем не менее, общий ход операции протекал под полным контролем организации, а все серьезные действия предпринимались в ее ин-

тересах. После того как истек годовая мандат Сил по выполнению мирного соглашения (ИФОР), учрежденных в соответствии с резолюцией СБ ООН 1031¹⁴, принятой 15 декабря 1995 г., было решено продлить присутствие миротворцев в составе Сил по стабилизации (СФОР) на основании резолюции СБ ООН 1088¹⁵ от 12 декабря 1996 г. При этом автоматически проводившееся продление мандата СФОР в течение нескольких лет происходило в связи с отсутствием стабильности на боснийской территории.

Широкий круг полномочий, который, по сути, получил контингент НАТО по Дейтонскому соглашению¹⁶, позволял не только заниматься практическим разведением сторон, мониторингом процесса отвода тяжелых вооружений, разминированием, но и оборонной реформой, т. е. фактически устанавливал контроль со стороны Брюсселя над военным строительством в Боснии и Герцеговине. Это было крайне важно для Североатлантического альянса в контексте реализации его региональной стратегии на Балканах. К началу 2000-х гг. в «балканском» багаже НАТО помимо продолжительной боснийской кампании имелись операция против Югославии, три миссии и операции в Македонии, а также новые члены организации из числа государств Балканского полуострова: Болгария, Словения и Румыния. На этом фоне в июне 2004 г. на встрече в верхах в Стамбуле руководителями государств – членов Альянса было принято решение о завершении операции СФОР до конца года в связи с улучшением ситуации в области безопасности в стране и в регионе¹⁷.

На самом деле всеобъемлющей стабилизации обстановки в Боснии и Герцеговине не произошло, так как оставался еще целый комплекс проблем, которые не были решены миротворческим контингентом под эгидой НАТО практически за десятилетие. Альянс, осуществляя операции по поддержанию мира, был заинтересован не столько в выполнении заявленных военных аспектов Дейтонского соглашения, сколько в реализации собственных интересов.

В тот момент, когда цели, связанные с установлением полного контроля над всей военно-политической и социально-экономической сферой Боснии и Герцеговины, были выполнены, стал возможен вывод контингента из страны и передача ответственности ЕС в соответствии с пакетом соглашений «Берлин плюс». К тому же это событие совпало с переориентированием ведущего государства – членов Альянса на ближневосточную повестку дня, что требовало переброски дополнительных сил в этот регион. Однако на самом деле НАТО не уходила из Боснии и Герцеговины, поскольку в Сараево продолжал действовать штаб, а в соседних странах размещались воинские контингенты государств-членов Альянса, которые могли быть в короткие сроки переброшены на боснийскую территорию в случае необходимости.

Таким образом, миротворческие операции НАТО в Боснии и Герцеговине сыграли крайне важную роль для реализации региональной стратегии организации на Балканах в 1990–2000-е гг. Несмотря на то что вмешательство Альянса в Боснийскую войну происходило под видом миротворчества, есть все основания утверждать, что свой силовой потенциал НАТО использовала не столько для стабилизации обстановки в стране, сколько для достижения собственных геополитических целей.

Североатлантический альянс нанес первый сокрушительный удар по позициям сербов в регионе, которые выступали за сохранение Югославии и могли рассматриваться в качестве основных союзников России на Балканах. При этом НАТО продемонстрировала не только свою способность изматывать противника при помощи методов военно-политического и социально-экономического давления и нанести решающий удар, но и готовность конструировать новый тип государственного устройства в постконфликтный период. После подписания Дейтонского соглашения все рычаги реального контроля над ситуацией в Боснии и Герцеговине оказались в руках руководства Альянса, что позволило Брюсселю перейти к следующим этапам установления собственной геополитической гегемонии на Балканах.

Примечания

- 1 См.: Брионская декларация (7 июля 1991 г.) // Словения. Путь к самостоятельности. Документы. М. : Индрик, 2001. С. 246.
- 2 Statement issued at the Meeting of the North Atlantic Cooperation Council. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23984.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.09.2016).
- 3 Резолюция 713 от 25 сентября 1991 года. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/597/33/IMG/NR059733.pdf?OpenElement>. (дата обращения: 15.09.2016).
- 4 Резолюция 757 от 30 мая 1992 года. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/012/64/IMG/NR001264.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.09.2016).
- 5 Final Communiqué. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23977.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.09.2016).
- 6 Sciolino E. Clinton Urges Stronger U. S. Stand On Enforcing Bosnia Flight Ban. URL: <http://www.nytimes.com/1992/12/12/world/clinton-urges-stronger-us-stand-on-enforcing-bosnia-flight-ban.html> (дата обращения: 15.09.2016).
- 7 Press Statement by the Secretary General Following the Special Meeting of the North Atlantic Council. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24147.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.09.2016).
- 8 См.: Резолюция 816 (31 марта 1993 г.) // Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1–2 / сост. и отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М. : Индрик, 2000. С. 52.
- 9 См.: *Валецкий О.* Югославская война 1991–1995. М. : Крафт+, 2011. С. 119.
- 10 Decisions taken at the Meeting of the North Atlantic Council in Permanent Session 1. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24465.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.09.2016).
- 11 Резолюция 998 от 16 июня 1995 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/179/36/PDF/N9517936.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.09.2016).
- 12 Peace support operations in Bosnia and Herzegovina. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52122.htm (дата обращения: 15.09.2016).
- 13 *Пономарева Е. Г.* Дейтон : ловушки и дилеммы мирного соглашения // Международная жизнь. 2011. № 2. С. 115.
- 14 Резолюция 1031 (15 декабря 1995 г.) // Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1–2. М. : Индрик, 2000. С. 93, 94.
- 15 Резолюция 1088 от 12 декабря 1996 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/362/45/PDF/N9636245.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.09.2016).
- 16 См.: Дейтонское соглашение. Приложение 1-А. Соглашение о военных аспектах мирного урегулирования // Международные организации и кризис на Балканах. Документы : в 3 т. Т. 3. Документы международных организаций по мирному урегулированию кризиса в Хорватии, Боснии и Герцеговине 1990-х гг. / сост. и отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М. : Индрик, 2000. С. 214–215.
- 17 Istanbul Summit Communiqué Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_21023.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.09.2016).

Образец для цитирования:

Корнев Е. С. Операции НАТО в Боснии и Герцеговине в контексте реализации региональной стратегии Альянса на Балканах в 1990–2000-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 202–207. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-202-207.

Cite this article as:

Korenev E. S. NATO's Operations in Bosnia and Herzegovina in the Context of the Alliance's Regional Strategy Realization in the Balkans in the 1990-2000s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 202–207 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-202-207.

УДК [94:327] (73+569.1) |1993/2000|

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СИРИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ Б. КЛИНТОНА (1993–2000 гг.)

В. А. Музалевская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: victorimuzalevskaya@yandex.ru

В статье рассматривается сирийская политика США в период правления двух администраций Б. Клинтона. Автором даются характеристика и анализ основных событий, направлений взаимодействия и подходов администрации, Конгресса и представителей других групп интересов, оказывавших влияние на осуществление политики в отношении Сирии в рассматриваемый период. **Ключевые слова:** американо-сирийские отношения, сирийская политика США, Билл Клинтон, Конгресс США, Сирия, Ближний Восток.

The Main Syrian Policy Vectors of B. Clinton's Administration (1993–2000)

V. A. Muzalevskaya

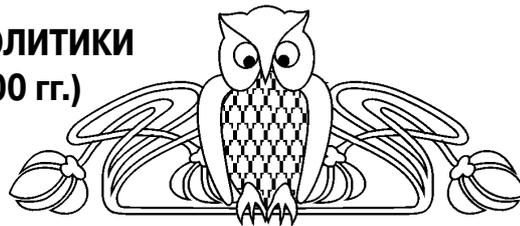
The article discusses the Syrian policy of the U. S. in the period of Bill Clinton's two administrations. The author gives the description and analysis of key events, areas of interaction and approaches of the administration, Congress, and representatives of other interest groups that influenced the implementation of policy towards Syria in the period under review.

Key words: U.S.-Syrian relations, Syrian policy of the United States, Bill Clinton, Congress U.S., Syria, Middle East.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-208-211

Демократ Билл Клинтон возглавил американскую администрацию в тот период после окончания холодной войны, когда антисоветская риторика осталась в прошлом, а США находились в процессе переосмысления своей роли в мире, в частности на Ближнем Востоке. Ближневосточный процесс мирного урегулирования стал приоритетным направлением политики новой администрации. Уже в сентябре 1993 г. были достигнуты мирные договорённости между Израилем и Палестиной в Осло. Эти договорённости открыли серию встреч, визитов и переговоров на Ближнем Востоке под патронажем США, что стало, по словам президента Клинтона, «началом новой эры, не только для Ближнего Востока, но и для всего мира»¹.

Фактически с этого момента США взяли на себя роль «глобального посредника» и именно в этой роли они представляли свою внешнюю политику на Ближнем Востоке. Здесь главной для Вашингтона стала линия переговорного процесса по урегулированию арабо-израильского конфликта, в первую очередь, с помощью диалога

между Израилем и Сирией. По мнению экспертов, достижение мирных договорённостей между Тель-Авивом и Дамаском имело большие шансы на успех в период администрации Б. Клинтона. Америка была основным и «незаменимым» участником переговорного процесса. В редких случаях Израиль и Сирия вели переговоры «за спиной» США, но, как правило, такие встречи не имели серьезных результатов.

Сирия, участвуя в этих переговорах, надеялась на получение определенных преференций со стороны Вашингтона, в первую очередь, в том, что США используют своё влияние на Израиль для получения от него значительных уступок, особенно по вопросу о возвращении к территориальному статусу, существовавшему до 4 июня 1967 г. Кроме того, Дамаск хотел отмены санкций со стороны США, исключения из «террористического списка», а также получения экономической помощи, инвестиций и активизации двухсторонней торговли².

Взяв курс на достижение израильско-сирийского мира как главного приоритета своей администрации, Клинтон выбрал в качестве госсекретаря сторонника этого курса, Уоррена Кристофера, который, добиваясь реализации этой цели, бывал на Ближнем Востоке более двадцати раз. Кроме того, двигаться в выбранном направлении Клинтону помогала команда таких специалистов, как специальный координатор по Ближнему Востоку Деннис Росс, представитель США в ООН Мадлен Олбрайт (госсекретарь в 1997–2001 гг.), советник по национальной безопасности Сэмюэль Бергер, члены СНБ Роберт Мэлли и Брюс Ридель, помощник государственного секретаря по делам Ближнего Востока Мартин Индик и др. В целом американская команда была небольшой, но сплоченной группой единомышленников, имевшей солидный опыт работы в предыдущих администрациях³.

Следует отметить также значение для политики Клинтона на Ближнем Востоке таких государственных деятелей из администрации предыдущего президента Дж. Буша-старшего (1989–1993), как экс-госсекретарь Джеймс Бейкер и американский посол в Сирии Эдвард Джереджан. Именно они привлекли Сирию к коалиции против Саддама Хусейна в 1990 г., к участию в Мадридской конференции 1991 г., а также стали рассматривать Хафеза Аль-Асада и Ицхака Рабина как лидеров, с которыми «можно иметь дело»⁴.

Необходимо отметить, что в администрации Клинтона практически все разделяли мнение о

возможном прогрессе в переговорном процессе между Израилем и Сирией⁵. Приоритетность сирийско-израильского направления переговоров и выделение в нем Сирии как ключевой стороны подтверждается и тем фактом, что президент Б. Клинтон сам дважды встречался с Х. Асадом в 1994 г. – в январе в Женеве и в октябре в Дамаске.

Уже во время первой встречи в Женеве (16 января) президент Б. Клинтон назвал Сирию «ключом к достижению прочного и всеобъемлющего мира», а также выразил надежду на то, что Израиль ответит положительно на призыв Сирии к справедливому и равноправному миру, который учитывал бы интересы всех сторон. Тем самым он, по сути, занял позицию Асада, который считал, что такая политика должна была стать залогом стабильности в регионе⁶. Во время первой встречи Асад заявил о готовности участвовать в обсуждении «нормальных мирных отношений» между Сирией и Израилем⁷.

Во время второй встречи (в октябре 1994 г., т. е. через неделю после террористической атаки на автобус в Тель-Авиве) президент Б. Клинтон подтвердил свою приверженность решению арабо-израильского конфликта на основе резолюций 242 и 338 ООН и принципа «земля в обмен на мир», а также добавил, что мир должен гарантировать безопасность от внезапного нападения с любой стороны⁸.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос о терроризме играл немалую роль в сирийской политике США. Этому вопросу уделялось внимание ещё со времён администрации Джимми Картера ввиду того что Сирия периодически попадала в «террористические списки» государственного департамента США. Причастность Сирии к терроризму, обвинения в пособничестве и укрывательстве часто использовались как рычаги давления на Сирию и служили поводом для наложения на неё санкций со стороны Конгресса. Тем не менее хотя на прошедшей в октябре встрече в Дамаске Клинтон выразил сожаление по поводу того что аль-Асад не высказал публичного осуждения недавнего теракта в Израиле, по сути, администрация нивелировала вопрос о терроризме в интересах мирного процесса.

Здесь надо подчеркнуть, что в целом администрация не отказалась от использования жупела терроризма в отношении Дамаска. Хотя начиная с 1986 г. США открыто не обвиняли Сирию в терроризме и не приписывали ей участие в терактах, однако в ежегодных отчётах Госдепартамента 1994, 1995 и 1996 гг. упоминалось о связях Асада с террористическими группировками. Тема «сирийского терроризма» постоянно поднималась Конгрессом, на что администрация не могла не реагировать⁹.

Тем не менее позиция администрации была не очень жесткой. Так, в октябре 1995 г. в ответ на действия Хезболлы США призвали Сирию оказать влияние на эту организацию. Спикер госдепартамента Николас Бёрнс в своём выступлении заявил,

что США «не считают, что Сирия контролирует Хезболлу, но Сирия, безусловно, может повлиять на поведение Хезболлы»¹⁰. В конечном итоге, удаление Сирии из «террористического списка» в 1996 г., по мнению многих экспертов, способствовало привлечению Дамаска к переговорам с Тель-Авивом. Важнейшим этапом двусторонних переговоров Израиля и Сирии стала их встреча в декабре 1995 г. в Мэрилэнде. Правда, она была прервана из-за срочного отъезда израильской делегации домой ввиду произошедших терактов в Израиле в марте и апреле 1996 г.¹¹

Значительная часть демократов поддерживала политику администрации. Ее сторонники в конгрессе считали, что политика в отношении Сирии – это политика дипломатического сотрудничества с важным государством на Ближнем Востоке, которое граничит с дружественными США государствами и является важным элементом для достижения мира и стабильности в регионе¹².

Однако надо сказать, что ставка на Сирию и ее лидера Х. Асада принималась не всеми даже в демократической партии. Так, часть демократов считала, что президент США должен «переместить фокус своего внимания на разрыв отношений между Израилем и Палестиной», на то, что У. Кристофер проигнорировал этот разрыв, уделяя слишком большое внимание переговорам с Сирией. Дамаск, полагала часть демократов, перестанет затягивать переговоры с Израилем, если увидит прогресс на израильско-палестинском направлении процесса мирного урегулирования¹³.

Естественно, что ближневосточный курс администрации Клинтона столкнулся с серьезным сопротивлением. Сразу после встречи американского и сирийского лидеров в Женеве в 1994 г. последовала жесткая реакция как со стороны Израиля, так и американских республиканцев. Например, Итамар Рабинович, посол Израиля в Вашингтоне и главный переговорщик с Сирией, заявил о том, что встреча в Женеве и заявления Б. Клинтона возлагали на Израиль большую ответственность за переговоры, что администрация Клинтона идёт на поводу у Асада, и президент США придаёт настолько большую важность переговорам между Израилем и Сирией, что практически полностью одобрил политику Сирии в Ливане¹⁴. Это, конечно, не устраивало Израиль.

Что касается республиканцев в США, то они указывали, что «сирийский диктатор будет стараться получить поощрения от Клинтона за возвращение Сирии к арабо-израильским переговорам, которые она бойкотировала с сентября отчасти из-за непринятия Асадом соглашения между Израилем и Палестиной»¹⁵. Клинтон не должен был поддерживать У. Кристофера в его намерении «умиротворить» Сирию посредством дипломатических уступок только для того, чтобы вернуть её к переговорам. Это будет выглядеть как поощрение Асада за затяжку переговоров, а также ужесточит его требования в будущем¹⁶.

Кроме того, зондируя намерения Дамаска, Клинтон не должен был упускать из вида основные интересы и цели США в отношении Сирии: прекращение поддержки международных террористов, построение независимого Ливана, пресечение незаконного потока наркотиков из подконтрольного Сирии Ливана, а также сдерживание угроз со стороны радикальных исламских фундаменталистских группировок, таких, как прикрываемая Сирией Хезболла. Стоит отметить, что вопрос о присутствии Сирии в Ливане, которое было одобрено предыдущей администрацией США, очень критично рассматривалось республиканцами в период президентства Б. Клинтона – они много раз выдвигали в Конгрессе требование освободить Ливан от сирийского контроля.

Большое внимание уделяли республиканцы присутствию Сирии в «террористических списках» США, возможной отмене санкций и, следовательно, полном удалении Сирии из этих списков. Вероятность последнего вызывало сильное беспокойство в рядах республиканцев, которые требовали от администрации усиления давления, а не «умиротворения» Х. Асада¹⁷. Многие республиканцы указывали на то, что Дамаск просто использует своё положение, в том числе влияние на террористические группировки, для сохранения ведущей позиции в арабо-израильском процессе урегулирования и для получения уступок со стороны США¹⁸.

Очень жестко республиканцы встретили планы администрации отправить контингент американских солдат на Голанские высоты для мониторинга израильско-сирийских переговоров. Как только эта инициатива была озвучена в Вашингтоне, началась масштабная кампания с целью предотвратить её осуществление. Среди участников кампании были в основном консервативные организации, а также активисты из еврейской общины в США, поддерживаемые и подпитываемые израильской партией Ликуд¹⁹. Республиканцы же были уверены, что данная инициатива спровоцирует осложнения в американо-израильских отношениях. Они предупреждали администрацию, что для осуществления плана обязательно потребуется одобрение Конгресса и выделение необходимых средств, а это будет весьма проблематично²⁰.

Особенно активен в этом вопросе был председатель Комитета сената по иностранным делам Джесси Хелмс, который раскритиковал идею об отправке американских войск на Голанские высоты для наблюдения за предстоящими мирными переговорами между Израилем и Сирией²¹. Его поддерживал председатель Комитета Палаты представителей по международным отношениям Бенджамин Гилман. Сначала Гилман выступал за размещение американских войск на Голанских высотах, но потом, видимо, из-за давления в своем избирательном округе в Нью-Йорке стал критиковать режим Х. Асада. Кроме того, он активно

выступал против уступок Сирии, характеризуя политику США как политику поощрения Дамаска в обмен на его участие в мирном процессе, и эти поощрения, по его мнению, были слишком непропорциональными, и что Сирии на самом деле нужен не мир, а мирный процесс.

Также с критикой плана выступал сенатор Роберт Доул, говоривший с иронией о «возможном переносе посольства США из Израиля в Иерусалим»²². Консервативные газеты указывали, что сирийская политика США должна прежде всего выстраиваться на основе национальных интересов США, а не Израиля²³.

Надо сказать, что эта кампания резко снизила вероятность получения Сирией финансовой или военной помощи со стороны США. И хотя кампания не привела к прекращению израильско-сирийских переговоров, однако она создала для них значительные препятствия²⁴.

К концу первого президентского срока Б. Клинтона администрация достаточно уверенно придерживалась своей политики в отношении Сирии, не предпринимая каких-либо шагов по смене курса²⁵. Однако промежуточные выборы в конце 1996 г. укрепили республиканское большинство в Конгрессе, и администрации приходилось уже с трудом сдерживать напор оппозиции по сирийскому вопросу. Основной упор консерваторы делали на ужесточении законодательства таким образом, чтобы не столько наказать Сирию, сколько не дать президенту делать какие-либо уступки Х. Асаду. Так, конгрессмен Ч. Шумер в 1997 г. представил на рассмотрение законопроект Н. Р. 3080 с целью переубедить президента в его определении Ливана и Сирии как «неосновных стран-экспортёров и производителей наркотиков» (названных так в рамках закона о иностранной помощи 1961 г.). Новый законопроект Шумера признавал их «основными странами», осуществлявшими незаконный оборот наркотиков²⁶.

Усиление законодательного давления на сирийскую политику администрации последовало в рамках законопроекта о запрете торговли США с Сирией и Суданом (по причине включения их в «список государств-спонсоров терроризма»), представленный также Ч. Шумером и его коллегой Б. Макколумом. По их мнению, законопроект должен был закрыть «дыру» в законодательстве, исключив из списков реципиентов помощи Сирию и Судан. Данный билль предполагал, что США и их компании не должны были вкладывать деньги в государства, спонсирующие терроризм, – только финансовое давление было способно повлиять на их поведение²⁷. Указанная законодательная активность привела к принятию в 1998 г. Конгрессом новых резолюций, таких как Н. Р. 4569, запрещающей прямое и косвенное финансирование Сирии.

В целом кумулятивный эффект давления на администрацию привел к тому, что возможности президента в отношении удаления Сирии из «списка государств-спонсоров терроризма»

и «экспортёров наркотиков» были значительно ограничены²⁸. И хотя администрация продолжала делать шаги по организации встреч между Сирией и Израилем, однако достичь окончательных результатов на этом направлении переговоров не удалось. Тем не менее мирные переговоры в Мэриленде в 1999 г. привели к выводу израильских войск из Южного Ливана (24 мая 2000 г.), а также выводу части сирийских войск (в июне 2001 г.). Окончательно Сирия вывела свои войска в 2002 г.²⁹

Таким образом, несмотря на частично успешное завершение переговоров между Сирией и Израилем, приведшее к двустороннему выводу войск, отношения между Дамаском и Тель-Авивом в конце срока правления администрации Клинтона были явно очень сложными. Сама Сирия из-за давления консерваторов в США не смогла получить от Вашингтона ожидаемых экономических уступок. Впоследствии эту ситуацию исправить Дамаску уже не удастся, поскольку администрация следующего президента США Дж. Буша-младшего внесёт кардинальные перемены в свою ближневосточную политику и будет отдавать приоритет совсем другим государствам в регионе.

Примечания

- ¹ U. S. President Bill Clinton, Israeli Prime Minister Yitzhak Rabin, and PLO Chairman Yasir Arafat : Speeches at the Signing of the Israel-PLO Declaration of Principles (September 13, 1993) // *The Israel-Arab reader* / eds. W. Laquer, B. Rubin. L., 2008. P. 425.
- ² Kurtzer Daniel C., Lasensky Scott B., Quandt William B., Spiegel Steven L., Telhami Shibley. *The Peace Puzzle : America's Quest for Arab-Israeli Peace, 1989–2011*. L., 2012. P. 61.
- ³ Ibid. P. 63.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Ibid. P. 71.
- ⁶ Rabil Robert G. *Syria, the United States, and the war on terror in the Middle East*, Praeger Security International. L., 2006. P. 100.
- ⁷ Fields J. *Adversaries and statecraft : explaining U. S. foreign policy toward rogue states*. URL: <http://digitallibrary.usc.edu/cdm/compoundobject/collection/p15799coll127/id/490523/rec/1> (дата обращения: 12.11.2015).

- ⁸ Rabil Robert G. Op. cit. P. 100.
- ⁹ Ibid. P. 100–101.
- ¹⁰ *News Agencies ; Alon Pinkas adds*. US urges Syria to restrain Hizbullah. URL: <http://libproxy.uwyo.edu/login/?url=http://search.proquest.com/docview/321200004?accouacco=14793> (дата обращения: 01.11.2016).
- ¹¹ Fields J. Op. cit.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Viorst M. Put Syria Aside for the moment // *The New York Times*. OP-ED. 1994. October 17.
- ¹⁴ Rabil Robert G. Op. cit. P. 100.
- ¹⁵ Соглашения, подписанного между Израилем и Палестиной в Осло.
- ¹⁶ Phillips James A. Clinton meets Assad : no time to appease Syria. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/1994/01/clinton-meets-assad-no-time-to-appease-syria> (дата обращения: 01.09.2015).
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Clawson P. Let's Get Tough on Syria. URL: <http://libproxy.uwyo.edu/login/?url=http://search.proquest.com/docview/1000298845?accouacco=14793> (дата обращения: 5.10.2015).
- ¹⁹ Rabil Robert G. Op. cit. P. 101.
- ²⁰ Walker M. Congress covets US foreign policy. URL: <http://libproxy.uwyo.edu/login/?url=http://search.proquest.com/docview/294920145?accouacco=14793> (дата обращения: 1.09.2015).
- ²¹ Rabil Robert G. Op. cit. P. 102.
- ²² Walker M. Op. cit.
- ²³ Szygenda A. J. U. S. Foreign Policy toward Syria Should Be Dictated by Our National Interest. URL: <https://www.questia.com/read/1G1-56835885/u-s-foreign-policy-toward-syria-should-be-dictated?projectchange=US> Syrian foreign policy (дата обращения: 7.11.2016).
- ²⁴ Rabil Robert G. Op. cit. P. 103.
- ²⁵ Fields J. Op. cit.
- ²⁶ Rabil Robert G. Op. cit. P. 103–104.
- ²⁷ US Congress to consider trade ban with Syria // *Pro Quest Historical Newspapers : The Jerusalem Post*. 1932–2008. P. 9.
- ²⁸ Rabil Robert G. Op. cit. P. 104.
- ²⁹ Fields J. Op. cit.

Образец для цитирования:

Музалевская В. А. Основные направления сирийской политики администрации Б. Клинтона (1993–2000 гг.) // *Иzv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Istorija. Meždunarodnye otnošenija*. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 208–211. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-208-211.

Cite this article as:

Muzalevskaya V. A. The main Syrian policy vectors of B. Clinton's administration (1993–2000). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 208–211 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-208-211.

УДК 94 (4+470+571+5)

СОЗДАНИЕ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ЕАЭС И РЕСПУБЛИКОЙ ВЬЕТНАМ: ИТОГИ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА

М. В. Лапенко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: lapenkovm@mail.ru

Несмотря на достаточно сложную социально-экономическую ситуацию в странах-участницах и неблагоприятную мировую экономическую конъюнктуру, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) выстраивает устойчивые экономические связи с внешними партнерами, создавая так называемый «внешний контур».

В настоящее время интерес к сотрудничеству с ЕАЭС проявили не только страны постсоветского пространства, но и внешние партнеры. Именно поэтому Евразийская экономическая комиссия приступила к выработке наиболее эффективных форм взаимодействия с третьими странами. Одной из таких форм может стать Зона свободной торговли (ЗСТ).

В статье анализируются переговорный процесс по созданию Зоны свободной торговли, а также перспективные направления сотрудничества ЕАЭС и Вьетнама. Автор приходит к выводу, что Соглашение о ЗСТ между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом – это не только первый успешный опыт создания либерального торгового режима с третьей страной, но и в целом начало реализации более активной политики сотрудничества ЕАЭС с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Евразия, региональная интеграция, Вьетнам, Зона свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам.

Free Trade Zone EAEU – Vietnam: the Results of the Negotiations Process

M. V. Lapenko

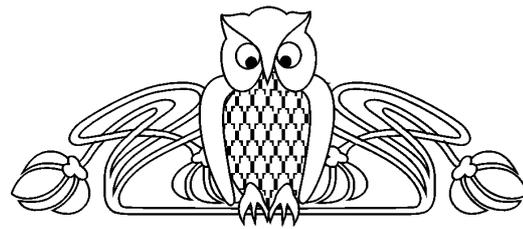
Despite a difficult social-economic situation in the participating countries and the adversity of the global economic environment, the Eurasian Economic Union (EAEU) is building stable economic relations with external partners, creating a so-called «external boundary».

Today, not only post-Soviet states take interest in cooperation with the EAEU, but external partners as well. That is why the Eurasian Economic Commission has started to work out the most effective forms of cooperation with the third countries. One of these forms can become a Free Trade Zone (FTZ).

In this article the negotiating process concerning the establishment of a Free Trade Zone and future-leaning directions of cooperation between the EAEU and Vietnam are analyzed. The author concludes that the agreement between the EAEU and Vietnam is not only the first successful experience of creating a liberal trade regime with a third country, but is in general the beginning of the implementation of a more active policy of cooperation between the EAEU and the Asia-Pacific region.

Key words: Eurasian Economic Union (EAEU), Eurasia, regional integration, Vietnam, Free Trade Zone EAEU – Vietnam.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-212-215

Евразийский экономический союз, созданный на основе подписанного в Астане 29 мая 2014 г. Договора о ЕАЭС, не только поступательно реализует заявленные в Договоре основные цели и задачи по созданию общего рынка, но и, несмотря на достаточно сложную социально-экономическую ситуацию в странах ЕАЭС и неблагоприятную мировую экономическую конъюнктуру, выстраивает устойчивые экономические связи с внешними партнерами, создавая так называемый «внешний контур».

В настоящее время интерес к сотрудничеству с ЕАЭС проявили не только страны постсоветского пространства, но и внешние партнеры из дальнего зарубежья. Именно поэтому Евразийская экономическая комиссия приступила к выработке наиболее эффективных форм взаимодействия с третьими странами. Одной из таких форм может стать Зона свободной торговли (ЗСТ).

По словам премьер-министра России Дмитрия Медведева, около 40 государств заявили о готовности провести переговоры по аналогичному сотрудничеству с Евразийским экономическим союзом. При этом уже сейчас есть позитивный пример завершения переговорного процесса и начала создания Зоны свободной торговли между ЕАЭС и правительством Социалистической Республики Вьетнам.

Переговорный процесс между Евразийской экономической комиссией и правительством Вьетнама начался еще на этапе функционирования Таможенного союза, для чего была создана совместная исследовательская группа по изучению возможности и целесообразности заключения соглашения о Зоне свободной торговли между государствами – членами Таможенного союза и Вьетнамом.

Осенью 2012 г. работа совместной исследовательской группы была завершена. В совместном заявлении для СМИ по поводу завершения работы стороны отметили многолетний высокий уровень сотрудничества между странами в различных торгово-экономических и инвестиционных сферах деятельности, приверженность всестороннему развитию торговли и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и выразили уверенность, что заключение соглашения укрепит сотрудничество сторон в качестве стратегических партнеров¹.

Завершение работы совместной исследовательской группы позволило сторонам перейти непосредственно к началу переговорного процесса по тексту соглашения о ЗСТ, который состоял из

восьми раундов². Итогом переговоров стало подписание соответствующего заявления 15 декабря 2014 г. на о. Фукуок (Вьетнам) главой делегации ЕЭК членом коллегии (министром) по торговле Андреем Слепневым и министром промышленности и торговли Вьетнама Ву Хюи Хоангом.

Комментируя достигнутые результаты, министр по торговле ЕЭК Андрей Слепнев отметил, что стороны завершили обсуждение всех существенных положений будущего соглашения, при этом смогли достичь справедливого баланса выгод для обеих сторон и разработать необходимые инструменты минимизации рисков для бизнеса. «Конечно, наша работа на этом не закончена, – отметил министр, – остающиеся вопросы будут согласовываться в режиме консультаций. Кроме того, экспертам и юристам с обеих сторон предстоит доработать технические вопросы по тексту соглашения с тем, чтобы в первой половине будущего года мы смогли бы подписать соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом»³.

Соглашение об образовании Зоны свободной торговли между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом было подписано 25 мая 2015 г. в Бурабае (Республика Казахстан) на заседании глав правительств ЕАЭС. Соглашение стало первым международным документом о Зоне свободной торговли между ЕАЭС и третьей страной. Председатель коллегии Евразийской экономической комиссии Виктор Христенко назвал подписание данного документа историческим актом⁴.

Основной целью данного соглашения стало создание режима свободной торговли. Причем на половину товарных позиций, находящихся в сфере регулирования ЕЭК, таможенные пошлины должны были обнулиться с момента вступления в силу соглашения по оставшейся группе товаров – в течение переходного периода до 2025 г. (перечень товарных групп был представлен в отдельном документе, утвержденном решением коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 апреля 2016 г.)⁵. Первоочередной практической задачей стала необходимость повышения уровня товарооборота между странами – участницами ЕАЭС и Республикой Вьетнам с 4 млрд долл. (текущий объем) до 10 млрд долл. (к 2020 г.).

При этом соглашение не ограничивается только торговлей, но охватывает все основные направления торгово-экономического сотрудничества: устойчивое развитие, единые принципы конкуренции (транспарентность, недискриминация, справедливость, приоритетность интересов потребителей), защиту интеллектуальной собственности, электронную коммерцию, торговлю услугами, перемещение физических лиц, взаимные инвестиции и другие сферы⁶.

За процедурой подписания последовала серьезная подготовительная работа по реализации данного соглашения. План мероприятий по имплементации соглашения был утвержден

решением Совета ЕЭК от 21 августа 2015 г. и предусматривал такие мероприятия, как подготовка к ратификации соглашения, разработка и внедрение электронной системы происхождения и верификации происхождения товаров, принятие порядка взаимодействия между государствами – членами ЕАЭС и ЕЭК по вопросам торговых споров с третьими сторонами, ежегодный мониторинг хода реализации соглашения и подготовка соответствующего доклада и др.⁷

Для популяризации идеи создания ЗСТ, развития взаимной торговли и повышения осведомленности об экономическом потенциале заинтересованных сторон в конце ноября 2015 г. в Ханое был организован первый бизнес-форум «Евразийский экономический союз – Вьетнам».

В данном форуме приняли участие более 50 компаний стран – участниц ЕАЭС (в том числе «российские тяжеловесы» – «Газпром нефть», «Камаз», «Русал», «ОАК», банк «ВТБ», «РЖД»), около 100 вьетнамских компаний (в том числе Vinacomin, Petrovietnam, Vietsovpetro, VietJetAir, Вьетнамский банк инвестиций и развития), представители совместных бизнес-ассоциаций, сотрудники дипломатических миссий, представители профильных министерств и ведомств. В качестве организаторов выступили: Евразийская экономическая комиссия, Министерство промышленности и торговли Вьетнама, Министерство экономического развития Российской Федерации, Центр международной торговли г. Москвы и Торгово-промышленная палата Вьетнама. В ходе мероприятия состоялись презентации таких отраслей, как сельское хозяйство, машиностроение, авиастроение, автомобилестроение, нефтехимия, строительство и финансы, отдельная часть форума была посвящена установлению бизнес-контактов между предпринимателями.

В рамках работы Евразийской экономической комиссии было подготовлено несколько изданий, среди них: «Особенности ведения бизнеса в Социалистической Республике Вьетнам. Справочник участника внешнеэкономической деятельности» и «Экспорт во Вьетнам. Особенности ведения бизнеса во Вьетнаме». Здесь в простой и доступной форме предприниматели из стран – участниц ЕАЭС могут узнать о ведении бизнеса во Вьетнаме: особенностях государственного регулирования, налогообложения, сертификации, санитарного и фитосанитарного контроля, этапах либерализации таможенных пошлин, формах иностранных инвестиций, регулировании труда, а также необходимую справочную информацию по заполнению таможенной декларации во Вьетнаме, нормативно-правовым актам, имеющим отношение к экспортно-импортным операциям и контактные данные по экспортно-импортным процедурам во Вьетнаме⁸.

Почему именно Вьетнам оказался на переломной линии по выстраиванию Зоны свободной торговли с ЕАЭС? Какой интерес представляет

Социалистическая Республика Вьетнам для стран – участниц ЕАЭС? Во-первых, Вьетнам – это одно из наиболее динамично развивающихся государств Юго-Восточной Азии. Конкурентными преимуществами являются: потенциальный рынок в 90 млн человек, дешевая рабочая сила, формирование благоприятного инвестиционного климата, политическая стабильность. Во-вторых, серьезный интерес представляют интеграционные связи Вьетнама, а именно лидерство в Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), участие в АТЭС и Транстихоокеанском партнерстве.

Поскольку все страны – участницы ЕАЭС были заинтересованы в интенсификации сотрудничества с Вьетнамом, процедура ратификации соглашения о ЗСТ прошла в рабочем порядке. Первым к процедуре ратификации приступил Сенат Республики Казахстан в начале февраля 2016 г.

24 февраля президент Казахстана Н. Назарбаев подписал закон «О ратификации Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны».

1 мая 2016 г. президент Республики Беларусь А. Лукашенко подписал закон «О свободной торговле между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом» на основе принятого ранее законопроекта о ратификации данного договора Палатой представителей Национального собрания Беларуси. Первый заместитель главы МИД Беларуси Александр Михневич, комментируя данное событие, отметил, что ратификация соглашения о ЗСТ и его реализация будут способствовать развитию торгово-экономического сотрудничества между Беларусью и Вьетнамом. По его словам, членство Вьетнама в Ассоциации Юго-Восточной Азии создаст белорусским экспортёрам благоприятные условия для доступа к рынкам других стран этого региона.

Президент РФ В. Путин 2 мая 2016 г. подписал указ о ратификации Соглашения и двух протоколов о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом (в первом российско-вьетнамском протоколе уточняется перечень обязательств РФ и Вьетнама по торговле услугами, учреждению и деятельности компаний, а также перемещению физических лиц, вторым протоколом регулируются взаимоотношения России и Вьетнама с учетом обязательств обеих стран в рамках ВТО).

Президент КР Алмазбек Атамбаев 2 июня 2016 г. подписал закон о ратификации соглашения о торговле между ЕАЭС и Вьетнамом на основе соответствующего закона, принятого ранее Жогорку Кенешем (25 мая 2016 г.).

Национальное собрание Армении ратифицировало соглашение о создании Зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Вьетнамом 17 июня 2016 г. На

этом ратификационные процедуры были завершены. По условиям соглашения о ЗСТ документ вступает в силу через 60 дней после его ратификации всеми сторонами.

Подводя итог, необходимо отметить, что в целом соглашение о ЗСТ между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом – это не только первый опыт создания либерального торгового режима с третьей страной, но и начало реализации более активного экономического сотрудничества ЕАЭС со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Соглашение о ЗСТ дает не только возможности увеличить товарооборот, но и открывает новые перспективные направления перед производителями стран-ЕАЭС по выстраиванию и углублению производственной кооперации.

Вьетнам уже сейчас активно участвует в развитии производственно-сбытовых цепочек в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В свою очередь, углубление торгово-экономических связей с Вьетнамом позволит производителям и поставщикам стран ЕАЭС получить доступ к участию в уже налаженных производственно-сбытовых связях в АТР. При этом, что не менее важно в условиях острой конкурентной борьбы, соглашение о ЗСТ предусматривает и механизмы защиты внутреннего рынка через триггерный механизм, квотирование объемов беспошлинно ввозимой продукции и других мер нетарифного регулирования.

Примечания

- ¹ Совместное заявление для СМИ о завершении работы совместной исследовательской группы по изучению возможности и целесообразности заключения Соглашения о зоне свободной торговли между государствами – членами ТС и Социалистической Республикой Вьетнам. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-09-2012.aspx> (дата обращения: 15.10.2012).
- ² Там же.
- ³ Делегации Таможенного союза и Социалистической Республики Вьетнам завершили на переговорах обсуждение принципиальных вопросов Соглашения о свободной торговле. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/15-12-2014-1.aspx> (дата обращения: 20.12.2014).
- ⁴ По итогам второго заседания Евразийского межправительственного совета подписано Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-05-2015-5.aspx> (дата обращения: 29.05.2015).
- ⁵ Перечень отдельных товаров, в отношении которых применяются ставки ввозных таможенных пошлин в соответствии с Соглашением о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, от

- 29 мая 2015 года, и размеров таких ставок. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Актуальный%20перечень%20Вьетнам.pdf (дата обращения: 02.12.2016).
- ⁶ Обзор соглашения о Зоне свободной торговли между странами ЕАЭС и Вьетнамом. URL: [/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Обзор%20Соглашения%20о%20свободной%20торговле%20между%20странами%20ЕАЭС%20и%20Вьетнамом.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Обзор%20Соглашения%20о%20свободной%20торговле%20между%20странами%20ЕАЭС%20и%20Вьетнамом.pdf) (дата обращения: 02.12.2016).
- ⁷ Решение Совета ЕЭК № 53. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0158506/cncd_10092015_53 (дата обращения: 02.12.2016).
- ⁸ Особенности ведения бизнеса в Социалистической Республике Вьетнам. Справочник участника ВЭД. М., 2015. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/EEC_Vietnam_int-cont.pdf; Экспорт во Вьетнам. Особенности ведения бизнеса во Вьетнаме. М., 2015. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Vietnam_Preview.pdf (дата обращения: 02.12.2016).

Образец для цитирования:

Лапенко М. В. Создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Вьетнам: итоги переговорного процесса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 212–215. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-212-215.

Cite this article as:

Lapenko M. V. Free trade Zone EAEU – Vietnam: the results of the negotiations process. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 212–215 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-212-215.

УДК [94:329.12:327](470)

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РОССИИ В 2014 Г.: ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ЯБЛОКО»

Д. В. Редченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: engels-volga@yandex.ru

Статья продолжает цикл публикаций автора, посвященный внешнеполитическим взглядам одной из ведущих оппозиционных либеральных партий России – РОДП «Яблоко». В данной статье внимание автора сконцентрировано на трактовке этой частью российских либералов причин, характера и последствий воссоединения Крыма с Россией. Особое место при этом отводится поиску членами партии взаимоприемлемого варианта компромисса между Россией и Украиной по крымскому вопросу.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика России, партия «Яблоко», российская либеральная оппозиция, Крым, Украина, Евромайдан.

**The Accession of the Crimea to Russia in 2014:
The Position of the Russian United Democratic
Party «Yabloko»**

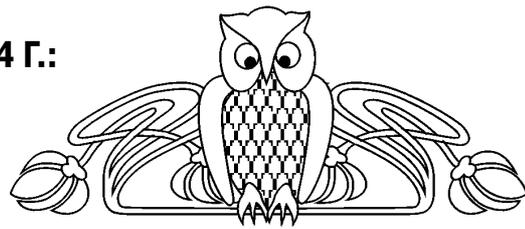
D. V. Redchenko

The article continues the cycle of the author's publications devoted to the foreign policy views of one of the leading liberal opposition parties in Russia – the Russian United Democratic Party «Yabloko». In this article the author's attention is concentrated on the interpretation of the causes, nature and consequences of the reunification of the Crimea with Russia by this part of the Russian liberals. A special place is given to the party members' search of a mutually acceptable compromise between Russia and Ukraine on the Crimean issue.

Key words: international relations, foreign policy of Russia, party «Yabloko», Russian liberal opposition, Crimea, Ukraine, Euromaidan.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-216-222

Возникнув более двадцати лет назад в качестве ведущей проевропейской либерально-демократической оппозиционной силы, ныне существующая Российская объединенная демократическая партия «Яблоко» вплоть до настоящего времени смогла сохранить этот статус. Кроме того, благодаря демонстративной приверженности к умеренной, ответственной и конструктивной политике «Яблоко» в отличие от остальных своих сородичей по оппозиционному либеральному флангу долгое время сохраняло шансы избежать своей окончательной маргинализации. Однако результаты парламентских выборов в России в сентябре 2016 г., на которых «яблочники» набрали всего 1,99 % голосов, не только не позволили им сформировать свою фракцию в Государственной Думе, но и лишили их прежнего государственного финансирования, полагающегося в случае преодоления трехпро-

центного барьера. Главная причина провала партии на выборах, на наш взгляд, состоит в позиции, занятой «Яблоком» по крымскому вопросу. Именно этот вопрос окончательно «похоронил» в глазах российского избирателя и «Яблоко», и всю прочую либеральную оппозицию, выступившую против вхождения Крыма в состав России.

Основным аргументом российской власти в защиту международно-правовой оправданности присоединения Крыма в 2014 г., как и в случае признания независимости Абхазии и Южной Осетии в 2008 г., стало предотвращение массовых расправ над местным населением со стороны центрального правительства и действующих от его лица вооруженных формирований. В своем обращении по Крыму 18 марта 2014 г. российский президент В. В. Путин так объяснил принятое решение о вхождении Республики Крым и г. Севастополь в состав России: «... те, кто стоял за последними событиями на Украине ... планировали захватить власть, не останавливаясь ни перед чем. В ход были пущены и террор, и убийства, и погромы. Главными исполнителями переворота стали националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты. Именно они во многом определяют и сегодня ещё до сих пор жизнь на Украине. ... Тем, кто сопротивлялся путчу, сразу начали грозить репрессиями и карательными операциями. И первым на очереди был, конечно, Крым, русскоязычный Крым. В связи с этим жители Крыма и Севастополя обратились к России с призывом защитить их права и саму жизнь, не допустить того, что происходило, да и сейчас ещё происходит и в Киеве, и в Донецке, в Харькове, в некоторых других городах Украины. Разумеется, мы не могли не откликнуться на эту просьбу, не могли оставить Крым и его жителей в беде, иначе это было бы просто предательством»¹.

Любопытную трансформацию в этой связи претерпела позиция партии «Яблоко». В феврале 2014 г., т. е. до обнародования планов Кремля о вмешательстве в украинские события, «яблочники» целиком и полностью разделяли озабоченность российского руководства по поводу происходящего в Украине и положения в ней русскоязычного населения. В заявлении председателя РОДП «Яблоко» С. С. Митрохина от 19 февраля 2014 г. говорилось: «В настоящее время конфликт на Украине перешел в стадию массового кровопролития. ... очевидно, что ответственность за эту кровь несет не только власть, но и оппозиция. Считаю возможными совместные

действия с радикальными националистами, полукриминальным элементом и просто хулиганами, лидеры оппозиционных парламентских партий отдали им контроль над протестными массами и потому не смогли предотвратить начало применения насилия и его эскалацию. Политическая оппозиция, объединившись с радикалами всех мастей и ультранационалистами, тем самым легитимировав их, упустила существовавший шанс на мирное развитие событий. ... Это обернулось трагедией, возникла опасность развязывания гражданской войны с перспективой хаоса и распада страны»².

В условиях победившего Евромайдана эти опасения «яблочников» только укрепились. Как указывалось в новом заявлении председателя «Яблока» от 24 февраля 2014 г., «тревогу вызывает то, что одной из первых инициатив депутатов Верховной рады стала отмена “Закона о языковой политике” от 2012 г., согласно которому русский язык получал статус регионального там, где он является родным как минимум для 10% населения (в 13 из 27 регионах Украины)». Но и на этом Рада не остановилась: сейчас разрабатывается новый законопроект о национальных языках, в котором украинский язык будет закреплен как единственный государственный. Эти решения грубо противоречат Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, подписанной Украиной в 2006 году. Отмена регионального статуса русского языка в корне противоречит нормам и практике европейских стран. «...В условиях смены власти и продолжающихся конфликтов принятие такого закона может стать спусковым крючком для новых столкновений и углубления конфликта между русскоязычными и украиноязычными регионами, группами населения»³. Принятый Верховной радой закон о языках, по мнению Сергея Митрохина, не был случайностью: «Понятно, что это решение принято под влиянием националистов, которые сегодня считают себя главными героями Майдана. Ведь их главная цель – не евроинтеграция Украины, а ее “украинизация”»⁴.

Однако последующая политика новой киевской власти, именуемая «декоммунизацией», а по факту представляющая собой также и «дерусификацию», проявившая себя в сносе памятников (только в Киеве главный архитектор столицы С. Целовальник насчитал 145 памятников, подлежащих уничтожению), осквернении могил, переименовании городов и улиц⁵, возражений со стороны «яблочников» уже не встречает. Связано это было с тем, что 1 марта 2014 г. в ответ на просьбу властей Крыма оказать содействие в обеспечении мира и спокойствия на территории республики, руководство России принимает решение об использовании Вооружённых Сил России на территории Украины «до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране». С этого времени «яблочники» начинают всячески преуменьшать опасность, грозящую населению Крыма.

Уже 2 марта 2014 г. председатель «Яблока» С. Митрохин резко меняет тональность своих заявлений: «В настоящий момент нет непосредственной угрозы жизни, здоровью, безопасности россиян, русских, русскоязычных, всех людей ни в Крыму, ни на Востоке Украины, а потому – нет ни малейших оснований для развязывания войны и попыток военной оккупации Украины. Все вопросы защиты прав русскоязычного населения можно решить мирным путем»⁶. В тот же день с аналогичными оценками происходящего в Украине и Крыму выступил основатель и фактически главный лидер партии Г. Явлинский, помимо всего прочего обративший внимание на все чаще раздававшиеся предложения защитить жителей Крыма путем присоединения полуострова к России: «Нет никаких подтверждений якобы имеющей место «угрозы жизни граждан России» в Крыму и других регионах Украины. Ни в Крыму, ни на востоке Украины люди вовсе не хотят никакого отделения или тем более вторжения российских войск. ... Конечно, русскоязычное население Крыма и других регионов опасается националистов и радикалов, которые сыграли большую роль в смене власти в Киеве, и не доверяет нынешней центральной власти. Однако это абсолютно решаемые проблемы в рамках обычной жизни и не требуют военной интервенции. Если рассматривать вопрос с точки зрения оправдания угрозы вторжения, то в этом плане роль национал-фашистов в Украине в данный момент несоразмерно преувеличена»⁷.

Именно такое видение лидерами «Яблока» ситуации в Украине и Крыму было закреплено в заявлении Политкомитета партии, принятом 14 марта 2014 г.: «Политкомитет выражает несогласие с решениями государственного руководства и парламента России, заранее допускающими ввод и использование ее Вооружённых сил на территории Украины в отсутствие достоверных свидетельств о применении насилия или о явной подготовке таких действий со стороны киевского руководства в отношении мирных жителей Крыма и других окраин этой страны»⁸.

Отрицая справедливый характер вмешательства России в события, происходившие в Крыму и Украине в целом, в тот же день в другом своем заявлении «яблочники» раскрывали истинные, в их понимании, мотивы российской власти и лично президента России В. В. Путина: борьба с европейским влиянием на постсоветском пространстве, насаждение «квазиевразийской» идеологии и, тем самым, «сохранение “суверенной” криминально-олигархической системы власти» в России»⁹. Непосредственно в Крыму В. В. Путиным как руководителем такой системы власти, по мнению С. С. Митрохина, решались следующие четыре задачи: «1) Это «реванш» его системы, он показал, что может побеждать носителей “оранжевой революции” на их собственной территории, не говоря уже о самой России; 2) “имперский пиар” создает Путину имидж

“собирателя русских земель”, решается задача укрепления власти; 3) наносится очередной удар по внутренней оппозиции. Все, имеющие другое мнение по вопросу присоединения Крыма, – СМИ, партии, общественные движения, группы и лидеры общественного мнения – уже объявляются “предателями Родины”; 4) резко повышается градус конфронтации с внешним миром, что также поднимает рейтинг¹⁰.

Формы и методы самой операции по отделению Крыма от Украины также получили в «Яблоке» негативные комментарии. В заявлении политкомитета партии от 14 марта 2014 г. говорилось: «Чрезвычайно важно, что в Крыму пока нет кровопролития. Но нельзя не видеть: в Крыму сегодня происходит массовое унижение людей, стоящих на позиции Конституции Украины (например, избивание во время митингов 9 марта) и украинских военных (принуждение к отказу от присяги или сдаче оружия). Это выглядит не иначе как месть народу Украины за попытку продемонстрировать достоинство и самоуважение»¹¹.

Международно-правовая обоснованность присоединения Крыма к России, тем более, вызвала возражение в руководстве «Яблока». Оба лидера партии сразу же охарактеризовали его как незаконную и немотивированную аннексию. Так, уже 15 марта 2014 г. председатель «Яблока» С. Митрохин по поводу предстоящего присоединения Крыма к России заявил: «Использование военной силы для аннексии части Украины противоречит Уставу ООН, нормам международного права и Конституции России. Резкое изменение политической юрисдикции в мирном и бесконфликтном регионе исторически беспрецедентно»¹². Ту же оценку, но уже после вхождения полуострова в состав Российского государства, дал и Г. Явлинский: «Это – аннексия. Это – нарушение международного права, и является абсолютно незаконным действием. Это – нарушение Устава ООН, это – нарушение всех законов и прав. Не случайно нет ни одной страны в мире, которая бы поддержала эту аннексию»¹³.

Соответственно нелегитимным объявлялся и проведенный 16 марта 2014 г. общекрымский референдум, на котором более 96% жителей республики высказались за вхождение полуострова в состав России. В заявлении политического комитета «Яблока» от 30 октября 2014 г. говорилось: «Мы не считаем законным референдум 16 марта 2014 г., спешно и вне всяких правил, законов и норм проведенный под “охраной” российских вооруженных сил»¹⁴. Как разъярял чуть позже руководитель партии Сергей Митрохин: «Без согласия Украины, равноправной агитации ЗА и ПРОТИВ, международных наблюдателей, да еще и под дулами автоматов – не референдум это, а грубая пародия на плебисцит»¹⁵.

Таким образом, в целом, по словам основателя «Яблока» Г. Явлинского, «то, что произошло с Крымом – это совершенно не правовая

военно-политическая операция ... это аннексия, прикрытая так называемым референдумом»¹⁶. Некоторые члены партии давали еще более хлесткие оценки. Так, на заседании Федерального совета партии, проходившем 13 декабря 2014 г., член бюро «Яблока» А. В. Гнездилов назвал присоединение Крыма к России «аншлюсом», проводя тем самым параллели с захватами нацистской Германии, а другой член бюро Б. Л. Вишневецкий низвел присоединенный к России Крым до термина «ворованное»¹⁷.

Однако далеко не все в партии согласились с такими оценками присоединения Крыма к России. На том же заседании Федерального совета ряд участников выразили сомнения по поводу правильности занятой «Яблоком» позиции по Крыму. Главным их аргументом было то, что российский народ в подавляющем большинстве приветствует решение руководства России о присоединении Крыма, а позицию «Яблока» в этом вопросе воспринимает как предательскую. Так, член Федерального совета партии от Саратовской области А. В. Родионов поделился следующими впечатлениями от общения с избирателями: «Российское общество сказалось: нет, Крым наш, а “яблоки” не наши. Вы понимаете, это произошло. И не надо себя обманывать. Мы переступили вот эту красную черту, которая отделяет понимание общества и даже критику его от неприятия общества. ... Я полагаю, здесь произошел некий этический сбой, мы приняли сторону противника. Дело в том, что началась борьба за передел мира и она начата не нами, и мы находимся по существу в обороне. Это нужно иметь в виду. Во всяком случае, так понимает российское общество»¹⁸. В связи с этим другой «яблочник», член Политкомитета партии М. И. Амосов, выступил с предложением «смягчить риторику» и отказаться, например, от употребления слова «аннексия» применительно к присоединению Крыма к России¹⁹.

Однако уже следующая выступавшая, член бюро «Яблока», председатель гендерной фракции Г. М. Михалева выразила отношение большинства «яблочников» к подобным выводам и предложениям: «Вы знаете, роза пахнет розой, хоть назови её, хоть нет. Давайте и мы не будем говорить “аннексия”, но она останется аннексией. Это нарушение Устава ООН, нарушение всех международных договоров, нарушение нашей Конституции. ... Нет, мы теперь будем закрывать на это глаза. И знаете, не надо обманывать наше народонаселение... Наше народонаселение сейчас кричит, что Крым наш, а через полгода, через год скажет: нужен нам этот Крым, вы верните нам старые цены. ... В условиях нынешней жестокой гебельсовской пропаганды, конечно, у людей “крышу снесло”. Кроме того, что мы победили в Великой Отечественной войне и полетели в космос, Крым ещё наш – великая гордость великороссов. Но ведь это все же меняется. И поменяется очень быстро. И нам не надо терять наши конкурентные преимущества.

... Давайте сейчас не будем приспосабливаться к избирателю, давайте будем честны перед ним»²⁰.

Что касается последствий присоединения Крыма к России, то они, по мнению «яблочников», носят для страны и рядовых россиян самый разнообразный, но исключительно негативный и даже катастрофический характер. Если собрать их воедино, то получим внушительный список, предрекающий России и всему миру скорое апокалиптическое будущее.

1. Подрыв действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) вследствие разрушения системы гарантий, выданных Украине Россией совместно с США и Великобританией в 1994 году, что приближает мир к ядерной войне²¹.

2. Превращение России в государство с нулевой международной репутацией, страну, «которая подписывает договоры, а потом демонстративно их не соблюдает»²².

3. Появление у России международно непризнанных границ, выпадение тем самым из правового поля, что в перспективе провоцирует как отдельные автономии внутри России, так и сопредельные страны к возбуждению территориальных претензий и их реализации «по крымскому сценарию», если не сразу, то в момент, когда режим покажет первые признаки слабости²³.

4. Вхождение России в клуб стран-изгоев, таких как Иран и Северная Корея. Ее международная изоляция на фоне небывалого сплочения США и их союзников²⁴.

5. Санкции Запада против России, новая холодная война и как следствие спад производства, закрытие предприятий, снижение зарплат, рост цен в стране²⁵.

6. Огромные и непосильные для бюджета страны финансовые вливания в Крым для доведения зарплат и пенсий жителей республики до среднероссийского уровня, создания и перестройки на полуострове инфраструктуры, включая строительство моста через Керченский пролив²⁶.

7. Превращение Украины из дружественного и братского для России государства в страну, стремящуюся к реваншу²⁷.

8. Возможная негативная реакция исламского мира и исламских экстремистов на положение крымских татар, угроза активизации террористической войны против России, уже ведущейся ваххабитским подпольем на Северном Кавказе²⁸.

9. Проблемы, с которыми столкнулись сами крымчане, такие как отключение энергии, невозможность выезда за границу, специальные санкции Запада против Крыма и т. д.²⁹

В то же время, несмотря на однозначно негативную оценку характера и последствий присоединения Крыма к России, сторонников безусловного возвращения Крыма Украине в «Яблоке» почти не нашлось. Исключительным в этом плане оказалось выступление члена Бюро партии Б. Л. Вишневого на уже упомянутом заседании Федерального совета. Позиция, выска-

занная им, была максимально простой: «Значит ворованное (Крым. – Д. Р.) должно быть возвращено. Вот такой должна быть позиция партии. Без объяснения причин, почему это сложно, почему это нельзя. Да, большинство наших граждан, наверное, выступает против этого. ... Что касается мнения наших граждан, то, вы уж простите, когда обсуждается вопрос о возврате ворованного, суд обычно не учитывает мнение тех, кто украл, он учитывает мнение тех, у кого украли, оно является определяющим в этой ситуации»³⁰.

Данное выступление поддержки среди других членов Федерального совета не нашло, более того, вызвало оживленное несогласие многих последующих выступавших, в том числе и лидера «Яблока» Г. Явлинского. В своем заключительном слове он дал такой ответ Вишневскому: «Я хочу обратиться к тому, что говорил мой товарищ и друг Борис Лазаревич Вишневецкий. У него было красивое выступление, но оно, с моей точки зрения, для митинга, а не для ФС. ... Он говорит: «Как взяли – так и отдайте!» и «мало ли какие народы чего хотят, чего не хотят...», имея в виду большинство российских граждан. Но есть одно обстоятельство, на которое я хотел обратить внимание уважаемого Бориса Лазаревича: 2 миллиона человек, которые живут в Крыму. И вот для меня, например, имеет огромное значение, чего они хотят, так же как и то, чего хотят все остальные (народы. – ред.). Я их считаю людьми, я их уважаю, они для меня являются в самом широком смысле моими согражданами и меня точка зрения этих людей волнует и интересует»³¹.

Аналогичное видение проблемы содержалось и в основном выступлении председателя партии С. Митрохина: «Казалось бы, в чем должна состоять наша позиция, с точки зрения поверхностных людей, по Крыму. Ну, очень просто, взять и вернуть Крым. Так многие считают, например, украинцы так считают. Но чтобы это означало, если бы мы так просто сказали, мы просто придем к власти и возьмем – вернем Крым. Я выношу за скобки сейчас мнение граждан по этому вопросу, понятно, оно будет отрицательным, но не из-за этого мы такую позицию не занимаем. А из-за того, что решение типа «взять и вернуть», – такое же примерно популистское и примитивное, как провести этот самый не очень понятный референдум, который провели. Решение, конечно, безответственное, которое неизбежно повлечет за собой гражданскую войну в Крыму потому, что, конечно, большинство людей с этим будут не согласны»³².

В силу этого «Яблоко» с самого начала стало придерживаться курса на достижение компромисса между Россией и Украиной по крымской проблеме при обязательном учете мнения самих жителей полуострова. Уже 14 марта 2014 г. Политкомитет «Яблока» предложил широкую программу взаимных уступок России и Украины, которые могла бы обсудить специально созванная международная конференция. В число

участников конференции должны были войти все заинтересованные страны: Украина, Россия, ЕС (при обязательном представительстве Германии, Великобритании, Франции и Польши), США, Турция, Канада, а также представители парламента и общин Крыма. Право председательства «яблочники» предлагали предоставить странам, не вовлеченным в кризисную ситуацию, но понимающим происходящее в Европе и на постсоветском пространстве, таким, например, как Казахстан и Испания. В качестве основной уступки со стороны России «Яблоко» предлагало отказ от присоединения Крыма. Взамен Украина шла бы навстречу по целому ряду важнейших для Москвы вопросов: подтвердила свой внеблоковый и безъядерный статус и гарантировала отсутствие на ее территории баз и объектов иностранных вооруженных сил; предприняла все необходимые меры по искоренению и недопущению распространения на Украине нацистской, фашистской, антирусской и антисемитской идеологии; осуществила разрушение всех незаконных вооруженных формирований на территории Украины; согласилась на существенное расширение автономии Крыма, включая укрепление статуса Российского Черноморского флота в Севастополе; заявило о своем намерении рассмотреть на конституционном уровне перспективу федерализации Украины, имея в виду не только расширить автономный статус Крыма, но и предоставить реальное самоуправление регионам Украины; признала русский язык в качестве регионального (а в перспективе, возможно, и второго государственного). Контроль за выполнением данных обязательств, в случае согласия сторон, возлагался бы на ОБСЕ. При этом «яблочники» допускали любые другие варианты компромисса по Крыму³³.

После того как весьма скоро выяснилось, что первоначальный план «Яблока» востребован не будет, в партии стали появляться самые разные варианты решения крымского вопроса: от предоставления Крыму какого-либо особого статуса в составе Украины³⁴ до выплаты Россией Украине компенсаций или репараций за ее согласие с потерей Крыма³⁵. Хабаровская региональная партийная организация, к примеру, разработала новый подробный план компромисса, включающего, помимо других, следующие положения: «1) признание Россией и Украиной наличие территориального спора по поводу Крыма, с обеих сторон; 2) с согласия стран Запада, Российская Федерация должна принять на себя часть государственного долга Украины, причитающегося на долю Крыма; 3) Россия должна обеспечить защиту имущественных и гражданских прав Украины, ее предприятий и граждан и предоставить Украине при сохранении ее внеблокового и безъядерного статуса базу флота в Крыму»³⁶.

В итоге руководство «Яблока» в октябре 2014 г. остановило свой выбор на варианте, предусматривающем проведение нового референдума

в Крыму, в ходе которого жителям полуострова нужно было выбрать: хотят ли они жить в составе Украины, независимого Крымского государства или России. Общепризнанная легитимность этого референдума основывалась бы на длительной и тщательной его подготовке в рамках обновленного украинского законодательства, согласованного с органами власти Крыма, Москвой, ЕС, ОБСЕ и ООН³⁷. При этом, как указывал Сергей Митрохин, «до установления легитимной юрисдикции Крыма по итогам полноценного референдума там должны действовать российские законы, так как альтернативой им в сложившихся условиях является хаос и бесправие жителей региона»³⁸. Однако готовность Украины и стран Запада к новому референдуму по Крыму, который вряд ли бы принес победу сторонникам Киева, даже у самих «яблочников» вызывала большие сомнения. Как заметил С. Митрохин: «Когда легитимный референдум может быть проведен – сегодня сказать невозможно. Для этого необходимы огромные усилия России на международной арене ...»³⁹

В связи с этим в угоду Западу «яблочники» постепенно трансформировали нацеленную на нахождение компромисса идею нового крымского референдума в нечто совершенно неприемлемое уже для российской стороны. В интервью журналистам «Интерфакса» от 4 марта 2016 г. Явлинский обозначил следующую схему урегулирования крымской проблемы: «Сначала нужно признать, что Россия поступила противозаконно, нарушила международные нормы и подписанные нами самими договоры. Затем необходимо созвать международную конференцию с участием стран ЕС, Украины, России, других заинтересованных государств и выработать пошаговый план, как решать эту проблему». При этом проведение нового референдума в Крыму в плане Явлинского оказывалось последним и совсем необязательным этапом: «Конечно, хорошо бы в Крыму провести референдум под международным контролем. Но это мое личное мнение. Как решит конференция – другой вопрос»⁴⁰. Таким образом, под видом первоначальной компромиссной идеи о новом референдуме лидер «Яблока» представил, по сути, совсем другой план, сводившийся в сухом остатке к признанию Россией незаконности присоединения Крыма и затем к созыву (если этого пожелают Украина и Запад) международной конференции, автоматически превращающейся из площадки для переговоров в судилище над Россией.

Несмотря на абсолютную неприемлемость такого видения судьбы Крыма, как для российской власти, так и для подавляющего большинства рядовых граждан страны план Явлинского по Крыму целиком вошел в предвыборную программу «Яблока», утвержденную XIX съездом партии в июне 2016 года. Основные ее положения по крымскому вопросу звучали следующим образом: «... мы считаем, что Крым принадлежит Украине, его аннексия незаконна и должна быть отменена;

... необходима инициатива с российской стороны о проведении международной конференции по Крыму с участием представителей народов полуострова, Украины, России, Евросоюза, самого широкого круга заинтересованных сторон. ... Возможное решение проблемы Крыма – проведение международно-признаваемого референдума, полностью соответствующего украинскому законодательству и международно-правовым нормам, под объективным международным контролем»⁴¹.

Свой провал на выборах с этой позицией по Крыму «яблочники» предпочли не связывать, традиционно все списав на административный ресурс, задействованный Кремлем, и массовые фальсификации при подсчете результатов голосования в пользу правящей партии⁴². Однако подобная «страусиная» поза, занятая руководством «Яблока», годящаяся для самооправдания, в то же время лишает партию всяких перспектив успеха, в том числе на предстоящих в 2018 г. президентских выборах.

Подводя общий итог вышеизложенному, можно констатировать, что РОДП «Яблоко» с самого начала твердо придерживается исключительно негативного отношения к характеру, методам и результатам присоединения Крыма к России, считая его неоправданной и незаконной аннексией. Главная причина свершившегося события, по мнению «яблочников», состоит в великодержавном, антизападном и антидемократическом курсе нынешней российской власти. Таким образом, присоединение Крыма для «яблочников» – это, прежде всего, демонстрация силы и наказание Украины за ее европейский выбор. В то же время, позиционируя себя в качестве конструктивной части оппозиции, «Яблоко» выступило за разрешение российско-украинских территориальных разногласий путем нахождения взаимоприемлемого компромисса. Однако все предложенные «яблочниками» варианты такого компромисса в условиях ожесточенного противостояния Запада и России оказались невостребованными. В период же думской предвыборной кампании 2016 г. в «Яблоке» и вовсе перестали искать устаивающее обе стороны решение и фактически заняли общую с другими оппозиционными российскими либералами позицию полной капитуляции России в крымском вопросе.

Примечания

- ¹ Полный текст обращения Владимира Путина по Крыму. 18.03.2014. URL: <https://russian.rt.com/article/24532> (дата обращения: 10.11.2016).
- ² За кровь на улицах Киева несет ответственность не только власть, но и оппозиция. Заявление Председателя РОДП «Яблоко». 19.02.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/news/2014/02/19> (дата обращения: 10.11.2016).
- ³ Понижение статуса русского языка на Украине – отход от европейских норм. Заявление Председателя РОДП

«Яблоко». 24.08.2014. URL: http://www.yabloko.ru/news/2014/02/24_3 (дата обращения: 10.11.2016).

- ⁴ Сергей Митрохин : Большая ошибка Рады. Блог Сергея Митрохина на «Эхо Москвы». 25.02.2014. URL: http://www.yabloko.ru/blog/2014/02/25_0 (дата обращения: 10.11.2016).
- ⁵ См. подробнее: *Цыплин В. Г.* «Зачистка» памятников участникам ВОВ как способ поддержания температуры риторики против России в 2015 году // Конфликты в современном мире : международное, государственное и межличностное измерение : материалы V Междунар. науч. конф. / отв. ред. Ю. О. Бронникова, Л. В. Мясникова, Т. Г. Фирсова. М. : Изд-во «Перо», 2016. С. 487.
- ⁶ Развязавший войну будет проклят навеки. Блог Сергея Митрохина на «Эхо Москвы». 02.03.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/blog/2014/03/02> (дата обращения: 10.11.2016).
- ⁷ Явлинский о вводе войск в Украину. Блог Григория Явлинского. 02.03.2014. URL: http://www.yabloko.ru/blog/2014/03/02_0 (дата обращения: 10.11.2016).
- ⁸ Украинские уроки для России. Заявление Политкомитета РОДП «Яблоко», принято 14 марта 2014 года. 19.03.2014. URL: http://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2014/03/19 (дата обращения: 10.11.2016).
- ⁹ Нет войне! Заявление Политкомитета РОДП «Яблоко». 14.03.2014. URL: http://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2014/03/14 (дата обращения: 10.11.2016).
- ¹⁰ Крымский реванш. Блог Сергея Митрохина на «Эхо Москвы». 24.03.2014. URL: http://www.yabloko.ru/blog/2014/03/24_0 (дата обращения: 10.11.2016).
- ¹¹ Нет войне!..
- ¹² Сергей Митрохин : За мир с Украиной и Евросоюзом! Блог Сергея Митрохина на «Эхо Москвы». 15.03.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/blog/2014/03/15> (дата обращения: 10.11.2016).
- ¹³ Григорий Явлинский : «Россия теперь страна с нулевой репутацией». russian.rfi.fr. 27.03.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/news/2014/03/27> (дата обращения: 10.11.2016).
- ¹⁴ Россия и Украина. Заявление Политического комитета. 30.10.2014. URL: http://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2014/10/30 (дата обращения: 10.11.2016).
- ¹⁵ Крымский грабеж. Блог Сергея Митрохина. 17.02.2015. URL: http://www.yabloko.ru/blog/2015/02/17_0 (дата обращения: 10.11.2016).
- ¹⁶ Интервью Григория Явлинского // Аргументы.ру. 23.03.2015. URL: <http://www.yabloko.ru/publikatsii/2015/03/23> (дата обращения: 10.11.2016).
- ¹⁷ Федеральный совет, онлайн-трансляция. 13.12.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/2014/12/13> (дата обращения: 10.11.2016).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: Нет войне!.. ; Сергей Митрохин : За мир с Украиной...

- 22 Явлинский : Присоединение Крыма обойдется бюджету России в триллионы рублей. Пресс-релиз, видео. 19.03.2014. URL: http://www.yabloko.ru/news/2014/03/19_1 (дата обращения: 10.11.2016).
- 23 См.: Нет войне!.. ; Сергей Митрохин : За мир с Украиной... ; Крымский реванш...
- 24 См.: Сергей Митрохин : За мир с Украиной... ; Украинские уроки для России. Заявление Политкомитета РОДП «Яблоко», принято 14 марта 2014 года. 19.03.2014. URL: http://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2014/03/19 (дата обращения: 10.11.2016).
- 25 См.: Путь к миру. Заявление Политкомитета РОДП «Яблоко». 14.03.2014. URL: http://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2014/03/18 (дата обращения: 10.11.2016) ; Крымский реванш... ; Интервью Григория Явлинского // Аргументы.ру. 2015.23.03. URL: <http://www.yabloko.ru/publikatsii/2015/03/23> (дата обращения: 10.11.2016).
- 26 См.: Сергей Митрохин : За мир с Украиной... ; Явлинский : Присоединение Крыма обойдется бюджету России в триллионы рублей. Пресс-релиз, видео. 19.03.2014. URL: http://www.yabloko.ru/news/2014/03/19_1 (дата обращения: 10.11.2016).
- 27 См.: Полный текст выступления Сергея Митрохина на Федеральном Совете. Стенограмма выступления 13 декабря 2014 года. 22.12.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/news/2014/12/22> (дата обращения: 10.11.2016).
- 28 См.: Крымский реванш...
- 29 Григорий Явлинский об итогах года. Радио Свобода. 26.12.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/publikatsii/2014/12/26> (дата обращения: 10.11.2016).
- 30 Федеральный совет. Онлайн-трансляция. 13.12.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/2014/12/13> (дата обращения: 10.11.2016).
- 31 Ответы Григория Явлинского на вопросы Федерального совета партии «Яблоко». Стенограмма выступления 13 декабря 2014 года. 22.12.2014. URL: http://www.yabloko.ru/federalnyj_sovet/2014/12/22 (дата обращения: 10.11.2016).
- 32 Полный текст выступления Сергея Митрохина на Федеральном Совете. Стенограмма выступления 13 декабря 2014 года. 22.12.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/news/2014/12/22> (дата обращения: 10.11.2016).
- 33 Путь к миру. Заявление Политкомитета РОДП «Яблоко». 14.03.2014. URL: http://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2014/03/18 (дата обращения: 10.11.2016).
- 34 Сергей Иваненко о выборах на Украине в программе «Баррикады». «Говорит Москва», аудиозапись и расшифровка эфира. 29.05.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/news/2014/05/29> (дата обращения: 10.11.2016).
- 35 Сергей Митрохин : Крым будет источником вечной вражды с Украиной и нестабильности для РФ // Анна Веллер, Собеседник. 02.06.2014. URL: http://www.yabloko.ru/publikatsii/2014/06/02_0 (дата обращения: 10.11.2016).
- 36 Федеральный совет, онлайн-трансляция. 13.12.2014. URL: <http://www.yabloko.ru/2014/12/13> (дата обращения: 10.11.2016).
- 37 Россия и Украина. Заявление Политического комитета. 30.10.2014. URL: http://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2014/10/30 (дата обращения: 10.11.2016).
- 38 Крымский грабеж. Блог Сергея Митрохина. 17.02.2015. URL: http://www.yabloko.ru/blog/2015/02/17_0 (дата обращения: 10.11.2016).
- 39 Там же.
- 40 Григорий Явлинский : «Я выиграю выборы у Путина». О своих планах и планах соратников Григорий Явлинский рассказал журналистам «Интерфакса» Василию Антипину и Андрею Новикову. 04.03.2016. URL: http://www.yabloko.ru/publikatsii/2016/03/04_0 (дата обращения: 10.11.2016).
- 41 Предвыборная программа партии «Яблоко» «Уважение к человеку». Принята на XIX съезде партии (Москва, 1–3 июля 2016 г.). URL: http://www.yabloko.ru/content/2016_0 (дата обращения: 10.11.2016).
- 42 Эмилия Слабунова об итогах выборов. Программа «Грани времени», Радио «Свобода», 24.09.2016. URL: <http://www.yabloko.ru/publikatsii/2016/09/24> (дата обращения: 10.11.2016).

Образец для цитирования:

Редченко Д. В. Присоединение Крыма к России в 2014 г.: позиция Российской объединенной демократической партии «Яблоко» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 216–222. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-216-222.

Cite this article as:

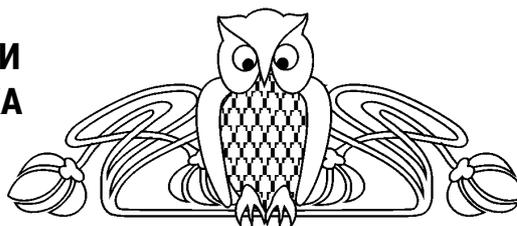
Redchenko D. V. The accession of the Crimea to Russia in 2014: The position of the Russian United Democratic Party «Yabloko». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 216–222 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-216-222.

УДК 94(574)|1995/2005|+327

ИЗМЕНЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА И ИНТЕРЕСЫ КАЗАХСТАНА

Г. С. Саркулова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: galiyasarkulova@mail.ru

В статье анализируется ситуация в области безопасности Каспийского региона на рубеже XX века в условиях борьбы с международным терроризмом. При этом особое внимание автор уделяет исследованию позиции Казахстана по вопросам обеспечения безопасности в регионе и его сотрудничеству с региональными игроками и внешними акторами.

Ключевые слова: Республика Казахстан, международные отношения, региональные отношения, безопасность, постсоветское пространство, Каспийский регион.

Changing the Security Architecture of the Caspian Region in the Early 21st Century and the Interests of Kazakhstan

G. S. Sarkulova

The article analyzes the situation in the field of security in the Caspian region at the turn of the 20th century concerning the struggle against international terrorism. Particular attention is paid to the study of the position of Kazakhstan in ensuring regional security and its cooperation with regional and external actors.

Key words: Republic of Kazakhstan, international relations, regional relations, security, post-Soviet space, Caspian region.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-223-227

Региональная безопасность в конце 1990-х гг. была многоуровневой и являлась отражением взаимоотношений между странами, как на двусторонней основе, так и в рамках международных и региональных структур. Нестабильность многополярного мира определялась внешними интересами ведущих мировых акторов, стремлением независимых стран постсоветского региона занять свое место под солнцем, нарастающими вызовами безопасности со стороны терроризма, экстремизма, миграции и некоторыми другими региональными компонентами.

К началу XXI в. Республика Казахстан подошла с внятным и апробированным набором внешнеполитических ориентиров, которые опирались на принципы многовекторности в международных делах, при сохранении приоритета собственных интересов. Исходя из национальных интересов Казахстана, которые вытекали из стремления обеспечить для себя благоприятные внешние и внутренние условия существования, руководство страны было нацелено на развитие энергетического сектора экономики с привлечением иностран-

ных инвестиций, что, безусловно, вело к развитию транспортно-логистической инфраструктуры Каспийского региона в целом.

Геополитический расклад в регионе к концу 1990 – начала 2000-х гг. состоял из нескольких узлов интересов и противоречий между акторами. С одной стороны, стремление ведущей на тот момент державы Соединенных Штатов Америки установить в регионе свое влияние и иметь возможность контролировать каспийские энергоресурсы, с другой – наличие в регионе естественных интересов Российской Федерации, которая постепенно начала усиливать свое присутствие в регионе. Нельзя не отметить и желание закрепиться в регионе со стороны Европейского Союза, который через свои программы выстраивал двусторонние отношения со странами региона. Свои интересы здесь имели также региональные игроки, как Иран, Турция, Китай. При этом стороны в конкурентной борьбе пытались ограничить влияние друг друга на процессы в зоне Каспия. Таким образом, существовал целый комплекс интересов и противоречий, в котором Казахстан не только имел свое место, но и был активно задействован в процессе формирования архитектуры безопасности региона.

Ситуация в мире в области обеспечения безопасности резко меняется после террористических ударов по США 11 сентября 2001 г.¹ Ведущая мировая держава оказалась под ударом международных террористов, базирующихся по сведениям американцев в Афганистане. События 11 сентября явились серьезным ударом по концепции незыблемости и недостижимости Штатов. В этот момент проявилась уязвимость сверхдержавы со стороны нетрадиционной угрозы, не имеющей постоянной локализации и национальности.

После известных событий Соединенные Штаты представили новую внешнеполитическую стратегию, которая была сформулирована в так называемой «Доктрине Буша». Общая суть ее сводилась к следующим компонентам: во-первых, это идея непревзойденного американского военного превосходства; во-вторых, это концепция «превентивной войны», т. е. готовности наносить военные удары до того, как в отношении США и их союзников будут предприняты агрессивные действия²; в-третьих, это готовность действовать в одиночку, если многостороннего сотрудничества будет невозможно достичь³.

Так, атака террористов «развязала руки» американской внешней политике, в основе которой лежало

стремление к мировому господству и закреплению в стратегически важных регионах мира. Регион Каспия был одним из таких. На фоне ведения антитеррористической войны и необходимости формирования соответствующей коалиции США активизировали контакты с государствами постсоветского пространства, особенно со странами Центрально-азиатского региона⁴. В «Стратегии национальной безопасности» США от 2002 г. впервые на первое место был поставлен Евразийский регион с ядром в Каспийском регионе и Центральной Азии (ЦА). Американская администрация определила данный регион (Центральной Евразии) центром мировой политики в XXI веке и здесь сосредоточены вызовы и возможности для Америки в XXI в.

Далеко идущие планы США в отношении данного региона достаточно четко описала заместитель госсекретаря США по делам Европы и Евразии Э. Джоунс. Во время своего официального визита в республики Центральной Азии в январе 2002 г. она заявила: «Когда конфликт в Афганистане завершится, мы не уйдем из Центральной Азии. Во всех пяти странах мы должны расширять постоянную поддержку демократических институтов, местных неправительственных организаций и независимых СМИ»⁵.

Вскоре после теракта 11 сентября активизировались встречи на высшем уровне между США и руководителями центрально-азиатских стран. Увеличились финансирование государств региона, усилились программы помощи процессу демократизации и перехода к рыночной экономике. Между сторонами заключались дополнительные договоры о стратегическом сотрудничестве, активизировалась совместная работа в рамках программы «Партнерство во имя мира» по линии НАТО. Появилось новое стратегическое направление сотрудничества – борьба с международным терроризмом и экстремизмом⁶. В ноябре 2002 г. на Пражском саммите НАТО было заявлено о стратегической значимости Кавказа и Центральной Азии для Запада.

В 2002 г. США закрепились в Центральной Азии в военно-политическом отношении, имея в Узбекистане и Киргизстане свои авиабазы и получив разрешение от Таджикистана на промежуточные посадки военной авиации. Активное включение государств региона в деятельность международной антитеррористической коалиции являлось неотъемлемой частью всего процесса усиления американского присутствия в регионе. С геополитической точки зрения наличие военных баз на территории стран ЦА, а также укрепление военно-политических связей с государствами постсоветского пространства в целом являлись выгодными для США, исходя из возможности контролировать Центрально-азиатский регион и иметь выход к нефтеносному Каспию, который был объявлен «зоной жизненно важных интересов» Вашингтона. В свою очередь, одной из актуальных задач американской внешней политики являлось вытеснение России из региона Каспия

и ЦА либо, по крайней мере, максимальное ослабление ее роли в этих государствах.

Еще в феврале 1997 г. американский сенатор Роберт Бирд в своей речи «Американская политика по отношению к Каспийскому региону» назвал Азербайджан стратегическим партнером США на Кавказе⁷. Свое военное присутствие в Каспийском регионе Соединенные Штаты зафиксировали в этой стране посредством НАТО после событий 11 сентября. Приняв участие в деятельности международной антитеррористической коалиции, Азербайджан открыл свое воздушное пространство для Североатлантического альянса и создал условия для возможности использования имеющейся инфраструктуры воздушного транспорта. Тем самым Баку оказывал поддержку силам коалиции в оснащении дислоцированного в Афганистане воинского контингента НАТО.

Закрепленный конституционно в 1995 г. (и признанный Генеральной Ассамблеей ООН)⁸ внешнеполитический нейтралитет Туркменистана не был нарушен в начале 2000-х гг., несмотря на серьезные вызовы безопасности. Ашхабад избегал вступления в региональные политические и военные альянсы (кроме СНГ) и старался поддерживать партнерские отношения, как с Западом, так и с Востоком. Так, после событий 11 сентября 2001 г. Туркменистан отказался предоставить странам антитеррористической коалиции аэродромы для военных целей. В то же время Ашхабад принял участие в гуманитарной миссии, разрешив функционирование двух важнейших коридоров для поставки гуманитарных грузов афганскому населению⁹.

С 2000 г. Москва активизируется в направлении укрепления своего влияния в регионе Каспийского моря. В Концепции внешней политики России, принятой в 2000 г., было заявлено, что в целях осуществления основных внешнеполитических приоритетов необходимо главные усилия направить на «формирование пояса добрососедства по периметру границ, содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения потенциальных очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах»¹⁰. При этом особо подчеркивалось, что, «рассматривая Большое Средиземноморье как связующий узел таких регионов, как Ближний Восток, Черноморский регион, Кавказ, бассейн Каспийского моря, Россия намерена проводить целенаправленный курс на превращение его в зону мира, стабильности и добрососедства»¹¹.

Основные направления политики России на Каспии согласно стратегии внешней политики РФ состояли в «стремлении к выработке такого статуса Каспийского моря, который позволил бы прибрежным государствам развернуть взаимовыгодное сотрудничество по эксплуатации ресурсов региона на справедливой основе, с учетом законных интересов друг друга».

Каспийский регион традиционно считался зоной естественных интересов России. В то же

время историческое присутствие Москвы в одном из важнейших геополитических узлов не ограничивалось связями с прибрежными странами, а также распространялось и на регион Центральной Азии, ситуация в котором напрямую влияла на архитектуру безопасности в зоне Каспия. В связи с этим Россию не могло устраивать заметное усиление присутствия со стороны Соединённых Штатов у своих южных границ в начале 2000-х гг.

Необходимо отметить, что события 11 сентября создали определенную почву для сближения Москвы и Вашингтона. Россия одной из первых выразила свою готовность оказывать США помощь в войне с терроризмом¹². На встрече со своим российским коллегой Игорем Ивановым в Шанхае 18 октября 2001 г. госсекретарь США Колин Пауэлл отметил, что «Россия и США близки по вопросу борьбы с международным терроризмом»¹³. Однако новое направление российско-американского сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности крайне тесно граничило с вопросами соперничества двух стран в регионе Центральной Евразии¹⁴.

С началом всеобъемлющей войны с международным террором Россия выступила с расширенной программой вклада в общее дело и оказывала всяческую поддержку США в проведении операции в Афганистане. Москва оказывала информационную поддержку Вашингтону по линии спецслужб, открыла свое воздушное пространство, поддержала решение центрально-азиатских стран предоставить аэродромы для операций в Афганистане, а также расширила военно-техническое сотрудничество с Северо-атлантическим альянсом. На начальном этапе борьба с международным терроризмом способствовала укреплению двусторонних отношений России и США.

Однако, несмотря на заверения Вашингтона об ограниченности по времени военного присутствия в Каспийско-центрально-азиатском регионе, США не спешили ослаблять свое влияние после окончания фазы активных действий в Афганистане в 2002 г. Сроки базирования американских сил не определялись по времени, а военное присутствие приобретало долгосрочный характер. Госдепартамент обосновывал свою политику через призму стратегических интересов США в регионе Каспия и необходимости защиты транспортно-логистической системы региона. Расширение военно-политического присутствия США и укрепление их связей с регионом Каспия и ЦА означало для Москвы потерю ее позиций и ослабление влияния на формирование региональной системы безопасности.

В новых геополитических условиях преимущества оказались в руках США, которые инициировали и возглавили антитеррористическую коалицию. Фактически все страны Каспийского региона (кроме Ирана, у которого были напряженные отношения с США и в целом с Западом), так или иначе, оказывали содействие силам антитеррористической коалиции. В то же время страны Каспия и ЦА являлись членами региональных

организаций, таких как СНГ, ОДКБ, ШОС (в которых ведущей силой рассматривались Россия и Китай соответственно), на уровне которых проходило взаимодействие по вопросам борьбы с терроризмом, экстремизмом и координация внешнеполитической деятельности¹⁵.

Достаточно знаковое событие с точки зрения влияния на архитектуру региональной безопасности произошло в октябре 2003 г., когда была открыта российская авиабаза в Киргизии, расположенная в нескольких километрах от базы ВВС США в Манасе¹⁶. Факт открытия первой с момента распада Советского Союза российской военной базы на территории другого государства говорил об усилении геополитического соперничества в Центральной Евразии, а также о попытке уравновесить растущее влияние США в регионе со стороны России¹⁷.

После 11 сентября 2001 г. Казахстан, как и многие другие страны, выразил свою готовность участвовать в совместном «походе» против международного терроризма. После 2001 г. активизировались казахстанско-американские связи. Так, во время одного из визитов высокопоставленных лиц США, в частности министра обороны Дональда Рамсфелда в феврале 2004 г. в Астану, было заявлено, что «стабильность в Каспийском регионе есть важный фактор не только для Казахстана, но и для всего мира»¹⁸. Вашингтон увеличил финансирование Казахстана в целях укрепления военно-политического сотрудничества. США всячески пытались продемонстрировать свое намерение и заинтересованность в налаживании тесных связей с руководством РК.

Нужно отметить, что Вашингтону удалось добиться определенных успехов в укреплении связей с Казахстаном. На основе меморандумов, подписанных в 2001–2002 гг., США имели право пользоваться воздушным пространством Казахстана и совершать незапланированные посадки в аэропорту Алма-Аты. Казахстан оказал поддержку Соединённым Штатам как в афганской кампании 2002 г., так и в иракской 2003 г. В 2003 г. между РК и США был подписан план пятилетнего военного сотрудничества¹⁹. Документ охватывал такие сферы двустороннего взаимодействия, как совместное противодействие международному терроризму, развитие миротворческих сил, укрепление боеспособности сил воздушной обороны казахстанских вооруженных сил, развитие военной инфраструктуры Каспийского региона, военно-морских сил и т. д.

При этом Казахстан оказался в довольно непростом геополитическом положении в начале XXI в. Ему приходилось балансировать между интересами США и России. С одной стороны, интересы России как стратегического партнера Казахстана и важного регионального игрока являлись неоспоримыми, с другой, крупнейшим иностранным инвестором в Казахстане являлись США.

Как уже отмечалось, отношения России и Казахстана носили стратегический, союзнический характер. Вопросы углубления сотрудничества в

разных областях обсуждались в 2001–2002 гг. на встречах В. Путина с президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым в Ереване, Шанхае, Сочи, Москве, Алма-Ате, Ашхабаде. Существовала практика регулярного обмена посланиями, телефонными разговорами между президентами двух государств. Контакты происходили как на уровне глав государств, так и на уровне министров иностранных дел. Постоянные связи поддерживались и по линии региональных систем безопасности.

Главы государств не раз подтверждали приоритетный уровень взаимоотношений между странами во многих областях, в том числе в сфере обеспечения безопасности. В частности, как заявил президент Казахстана Н. Назарбаев на открытии Года Казахстана в России в 2003 г. «... Мы являемся теми государствами, которые не имеют никаких взаимных долгов, никаких противоречий, никаких нерешенных проблем»²⁰. В свою очередь, президент России В. Путин отмечал: «Российско-казахстанское взаимодействие все больше становится важнейшим фактором региональной безопасности. Мы вместе противостояем международному терроризму, содействуем урегулированию локальных конфликтов, сотрудничаем в борьбе с транснациональной преступностью»²¹.

Спецификой Каспийского региона является тесное переплетение геополитики с транспортно-логистическими коридорами и контролем над ними. В связи с этим необходимо отметить введение в действие летом 2001 г. нефтепровода Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), ставшего первым реально осуществляемым стратегическим проектом международного масштаба для Казахстана и России. В 2002 г. Казахстан и Россия подписали беспрецедентное соглашение по транспортировке нефти, утверждающее объемы ее транзита на ближайшие 15 лет²². Таким образом, РК и РФ значительно углубили уровень сотрудничества на перспективу.

С учетом нарастания геополитической конкуренции в зоне Каспия, усиления влияния США под предлогом ведения антитеррористической войны и в целях противодействия вызовам и угрозам в 2003 г. Москва впервые выдвинула идею о создании своего рода «щита» Каспийского региона – объединенных военно-морских сил прикаспийских государств «КАСФОР» («Caspian Force» – Каспийская сила)²³. Находясь с визитом в Баку, министр обороны Сергей Иванов заявил, «что данная структура могла бы взять на себя функции “некоторых совместных сил”, в частности подразделений пограничных войск и войск специального назначения»²⁴.

Среди основных задач «КАСФОР» отмечались борьба с распространением оружия массового уничтожения, терроризмом, контрабандой, незаконным оборотом наркотиков. Выступая на круглом столе в Совете Федерации в 2005 г., посвященном проблемам реализации единой международной системы коллективной безопасности в бассейне Каспийского моря, посол

по особым поручениям МИД РФ, руководитель рабочей группы по Каспию Александр Головин заявил, «что влияние нерегиональных сил в бассейне Каспийского моря должно быть как можно меньше»²⁵. Он отметил также, что «в проекте конвенции по Каспийскому морю зафиксированы положения о запрете плавания судов под флагами неприкаспийских государств... Мы добиваемся фиксации в конвенции положений о недопустимости присутствия вооруженных сил государств, не относящихся к Каспийскому региону. Иран нас в этом поддерживает, другие государства пока проявляют сдержанность»²⁶.

Стоит отметить, что государства Прикаспия по-разному относились к идеи присутствия сил третьих стран в регионе. Так, в 2003 г. Азербайджан вел переговоры с США об укреплении водных границ страны, защите принадлежащих республике нефтегазовых месторождений от атак террористов и неприяТЕЛЬСКИХ СИЛ²⁷. В то время как Иран и Россия занимали четкую позицию недопустимости привлечения в зону Каспия иностранных военных сил. Российская инициатива о формировании КАСФОР была поддержана Казахстаном, при этом Туркменистан отнесся с настороженностью к данной идее, рассмотрев в ней стремление Москвы усилить свое влияние в регионе.

С начала 1990-х гг. и до событий 11 сентября 2001 г. архитектура безопасности в Каспийском регионе в основном формировалась посредством сотрудничества государств постсоветского пространства в рамках региональных структур. Внешний фактор имел место быть в регионе, однако его масштабы не были столь значительны в этот период времени.

Ситуация меняется после террористических ударов по США 11 сентября 2001 г. С этого момента начинается активная фаза формирования международной антитеррористической коалиции по борьбе с терроризмом, которая включала в себя десятки стран мира. Силы коалиции возглавили Соединённые Штаты, которые взяли на себя функции локомотива в войне против террора, корни которого, по их мнению, следовало искать в Афганистане. Появился враг номер один для всего цивилизованного мира, и бороться с ним необходимо было совместными усилиями.

В результате архитектура безопасности Каспийского региона и Центральной Азии после 2001 г. претерпела существенные изменения. Начала происходить постепенная милитаризация Центральной Евразии на фоне соперничества ведущих держав (мировой в лице США и региональной в лице России) за влияние в Каспийско-центрально-азиатском регионе. На ситуацию в области безопасности стали влиять три основных компонента: иностранное военное присутствие в регионе в рамках деятельности международной антитеррористической коалиции; усиление соперничества России и США; сотрудничество государств региона в рамках региональных структур.

В сложившихся условиях Казахстан был уравновешенно активен, как в отношениях с Россией, так и с Западом. Конфликтный потенциал в регионе Каспия был высок, что противоречило внешнеполитическим интересам страны, которая выступала за формирование вокруг своих границ зоны стабильности и мира. После событий 11 сентября Астана выразила свою поддержку силам коалиции и принимала активное участие в борьбе с терроризмом. В то же время казахстанскому руководству удалось сохранить и развить стратегический характер взаимоотношений с союзнической Россией.

Примечания

- 1 Lorente R. Bush tells nation : get ready for war response must be «sweeping, sustained and effective» // South Florida Sun – Sentinel. 2001. September 16. P. 1A.
- 2 Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009. С. 83.
- 3 Shribman D. Bush doctrine slipping under political radar // The Boston Globe. 2002. December 24. P. 3.
- 4 The Road to War // Wall Street Journal. 2003. March 20.
- 5 Мирзоев Э. Индия и Пакистан на грани войны // Вестник. 2002. № 2 (287). 17 янв.
- 6 Tisdall S. War in Afghanistan : Powell priority to cement coalition // The Guardian. 2001. November 29. P. 9.
- 7 Панкратенко И. Интерес Тегерана к каспийскому узлу формируется прежде всего в сфере безопасности и проблемы Каспия должны решаться соседями, а не международными «экспортерами демократии» // Центр стратегической конъюнктуры. URL: <http://conjuncture.ru/caspirania-org-02-07-2014/> (дата обращения: 15.09.2016).
- 8 Агамамедова З. Нейтралитет Туркменистана // Журнал теории международных отношений и мировой политики «Международные процессы». URL: <http://www.intertrends.ru/three/012.htm> (дата обращения: 15.09.2016).
- 9 Панфилова В. Россия и Туркмения продолжают диалог на высшем уровне // Независимая газ. 2002.19.01. URL: http://www.ng.ru/cis/2002-01-19/5_dialog.html (дата обращения: 15.09.2016).
- 10 Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. // Независимая газ. 2000.07.11. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html (дата обращения: 15.09.2016).
- 11 Там же.
- 12 Halperin M. Collective security // American Prospect. 2001. October 22. P. 11.
- 13 Игорь Иванов и Колин Пауэлл отметили близость позиции России и США по вопросу борьбы с международным терроризмом // ИА РИА Новости. 2001. 18 окт. URL: <http://www.ria.ru/politics/20011018/1245.html> (дата обращения: 06.06.2016).
- 14 Jafalian A. Russie, Etats-Unis, Asiecentrale : la nouvelle version du grand jeu. Annuaire militaire et strategique. Paris, 2002. P. 55–70.
- 15 Чернышёв Г. В. В перспективе – сотрудничество // Военные знания. 2005. № 8. С. 4.
- 16 Россия подарила Киргизии вооружения и техники на 3 миллиона долларов // ИА Lenta. 2003. 23 окт. URL: <https://lenta.ru/world/2003/10/23/weapons/> (дата обращения: 06.09.2016).
- 17 Utyaganova M. Opening of Russian Airbase in Kyrgyzstan. Analyst. Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University. 2003. November 5.
- 18 Чеботарев А. Казахстан и Иран : геополитика Каспийского региона // ИАЦ МГУ им. Ломоносова. 2009.09.04. URL: <http://ia-centr.ru/expert/4370/> (дата обращения: 06.06.2016).
- 19 Старчак М. Россия как приоритет многовекторной политики в развитии обороноспособности Казахстана // Журн. Казахстан в глобальных процессах. 2008. № 2. С. 34.
- 20 Кондрашов А. Россия и Казахстан поклялись в вечной дружбе // Vesti Россия. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=100372&tid=12749> (дата обращения: 06.09.2016).
- 21 Выступление В. В. Путина на открытии Года Казахстана в России 18 февраля // Журн. Дипломатический вестн. 2003. Март. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/337de296bb68953d4c3256d17004c727e!OpenDocument (дата обращения: 11.08.2016).
- 22 Ертисбаев Е. Казахстан и Назарбаев : логика перемен. Астана, 2001. С. 498.
- 23 Власов А. Азербайджан и стратегии безопасности для Каспийского региона (часть 2) / ИАЦ МГУ им. Ломоносова. URL: <http://ia-centr.ru/expert/721/> (дата обращения: 11.09.2016).
- 24 Мамедов Д. «Каспийский страж взял верх» // Общед. еженед. газ. Военно-промышленный курьер. 2006. Вып. № 36 (152). 20 сент.
- 25 Между США и Россией : Азербайджан за неделю // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/418052.html> (дата обращения: 11.09.2016).
- 26 Там же.
- 27 Ахундова У. Каспий мутят // ИА inosmi.ru. URL: <http://inosmi.ru/caucasus/20111011/175837412.html> (дата обращения: 11.09.2016).

Образец для цитирования:

Саркулова Г. С. Изменение архитектуры безопасности Каспийского региона в начале XXI века и интересы Казахстана // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 223–227. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-223-227.

Cite this article as:

Sarkulova G. S. Changing the security architecture of the Caspian region in the early 21st century and the interests of Kazakhstan. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 223–227 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-223-227.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94 (470.44–25) |1606/1614|

САРАТОВ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ (1606–1614)

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории Саратова в один из самых драматических периодов истории России начала XVII в. Особое внимание уделено хронологии событий, происходивших в этом городе и участникам так называемого «Саратовского осадного сиденья». Выявлены имена некоторых рядовых защитников Саратова и их дальнейшая судьба.

Ключевые слова: Смутное время, царевич Иван-Август, воевода Замятня Сабуров, боярин Ф. И. Шереметев, четвертные приказы, кормленые и расходные книги.

Saratov in the Time of Troubles (1606–1614)

Ya. N. Rabinovich

The article deals with the unknown pages of Saratov history during one of the most dramatic periods of Russian history of the early XVII century. Special attention is paid to the timeline of events happening in this city and the participants of the so-called «Saratov Siege». The names of some common defenders of Saratov and their further fate are brought to light.

Key words: Time of Troubles, prince Ivan-August, voivode Zamyatniya Saburov, boyar F. I. Sheremetev, rules governing feudal tenants, books of charges.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-228-240

История Саратова в Смутное время прямо связана с такими деятелями Смуты, как самозванец Илейка Муромец, а также другие самозванцы (Август, Осиновик и Лавр). Им противостояли царские воеводы боярин Федор Иванович Шереметев, воеводы Саратова Замятня Иванович Сабуров, Владимир Владимирович Аничков и Степан Никифорович Чепчугов, а также рядовые защитники города Саратова, имена которых приведены в данной статье. Сторонним наблюдателем, пытавшимся лавировать между противоборствующими сторонами, был ногайский бий Иштерек.

Впервые в Смутное время Саратов упоминается в источниках с 1606 г. В истории Саратова Смутного времени можно выделить несколько этапов.

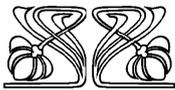
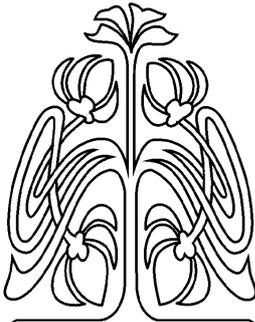
Первый этап связан с походом «царевича» Илейки Муромца (май – июнь 1606 г.) и разграблением города отрядами этого самозванца.

Второй этап – это поход судовой рати боярина Ф. И. Шереметева, восстановление порядка в Саратове (лето 1606 – весна 1607 г.) при воеводах Замятне Сабурове и Владимире Аничкове.

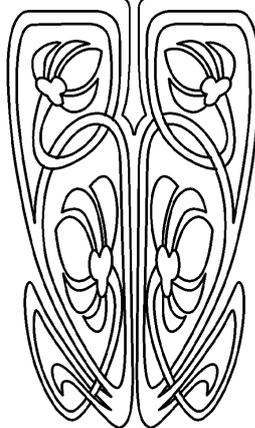
Третий этап связан с новым походом очередного самозванца Ивана-Августа летом 1607 г., безуспешной попыткой этого «царевича» захватить Саратов и прорваться вверх по Волге к Казани.

Четвертый этап – очередной поход летом 1608 г. уже трех самозванцев (Август, Осиновик и Лавр), поражение этих «царевичей» под Саратовом, убийство здесь же одного из них и бегство двух других в Тушино к Лжедмитрию II.

Пятый этап – самый таинственный и неизвестный. Он начинается с похода боярина Ф. И. Шереметева из Царицына через Саратов и

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Самару к Казани в сентябре 1608 г. и завершается уходом служилых людей (стрельцов) из Саратова в Самару. Уход личного состава гарнизона Саратова в Самару означал конец существования первоначального Саратова. Когда это произошло – неизвестно (в период с конца 1608 г. и до конца 1613 г.). Существует ряд версий о времени уничтожения первоначального Саратова, о виновниках этих событий.

Рассмотрим подробно все эти пять этапов.

Первый этап. Илейка Муромец – один из предводителей гражданской войны в России начала XVII в. в период восстания Ивана Болотникова (1606–1607 гг.). Сохранилось масса источников о его пребывании в Путивле и дальнейшем движении на Тулу, так же, как и о капитуляции в Туле и последующей казни в Москве. О начальном периоде в его биографии источников значительно меньше. Среди них можно назвать «Новый летописец», «Карамзинский хронограф», «Сказание Авраамия Палицына», «Пискаревский летописец». Некоторые сведения об Илейке сохранились в актовых материалах и Разрядных записях. Иностранцы, бывшие в России во время Смуты, такие, как голландский купец Исаак Масса и писатель Элиас Геркман, немецкий наемник Конрад Буссов, французский капитан Жак Маржерет, шведский дипломат Петр Петрей, придворный Марины Мнишек поляк А. Рожнятовский и другие также сообщают об Илейке¹.

Основным источником являются показания самого «царевича Петра». Взятому в плен в Туле Илейке 10 октября 1607 г. сразу же устроили допрос, тщательно выяснили все детали его биографии, чтобы исключить в дальнейшем любые слухи о его царском происхождении. Эти показания «царевича Петра» были приложены к грамоте Василия Шуйского в Соль-Вычегодскую (возможно, и в другие города)². В этом документе дается полная хронология всех походов Илейки. Особый интерес представляет начальный этап его биографии до того момента, как он летом 1606 г. со своими казаками ушел с Волги и переехал на Донец, а конкретно – пребывание его в Саратове во время его странствий.

С 1599 г. в возрасте 12–13 лет Илейка начинает странствовать по Волге. С этого времени он неоднократно бывал в Саратове. За 1599–1603 гг. он пять раз посещал Саратов, затем в 1604–1605 гг. он дважды побывал в Терском городке.

После ряда приключений в районе Терского городка и Астрахани (1604–1605 гг.), когда терские казаки провозгласили Илейку «царевичем Петром Федоровичем», этот «царский племянник» весной 1606 г. в составе крупного отряда терских казаков отправился вверх по Волге к «царю Дмитрию».

В конце апреля и в начале июня 1606 г. Илейка со своим войском оказывался в районе Саратова: по пути из Астрахани к Свияжску и при возвращении на Низ к Камышинке. Первый раз казаки направлялись на службу к «царю Дмитрию»,

а второй раз, когда бежали от двигавшейся из Нижнего Новгорода к Астрахани судовой рати боярина Ф. И. Шереметева. К тому времени казаки уже знали об убийстве Лжедмитрия I и воцарении Василия Шуйского, от которого они не ждали пощады.

Рассмотрим первый поход Илейки из Астрахани к Свияжску к «царю Дмитрию Ивановичу». Все началось с того, что в апреле 1606 г., когда терские казаки вместе с Илейкой оказались возле Астрахани, здесь произошел первый конфликт казаков с местным воеводой князем И. Д. Хворостининым. В Астрахань казаков не пустили, опасаясь грабежа. Возможно, что воевода Хворостинин не выдал служилым людям, вернувшимся из Терского похода, причитающееся им жалование. Теперь Илейка со своим отрядом из Астрахани пошел «вверх Волгой к Гришке Расстриге ко двору». По пути из Астрахани к Свияжску к отряду Илейки примкнули некоторые астраханские стрельцы, недовольные произволом местного воеводы, а также волжские казаки и разные гулящие люди.

Что касается первого похода к «царю Дмитрию», то вряд ли казаки вели себя мирно по отношению к встретившимся им по пути купеческим караванам. Как отмечал Вадим Иванович Корецкий, двигаясь вверх по Волге, отряд Илейки пополнялся новыми людьми: «...восставшие принимали к себе волжских казаков, астраханских, царьцывских, саратовских, самарских стрельцов, громили купеческие караваны, истребляли дворян»³.

Возможно, что истребление дворян по пути в Москву еще не носило массового характера, какое мы наблюдаем на обратном пути, особенно в южных крепостях.

Сведения о походе Илейки на Волге уже в апреле – мае 1606 г. достигли Москвы. Воеводы Царицына, Саратова и Самары, видя под стенами своих крепостей большую массу вооруженных людей, откупались от казаков. Тем более что переписка «царя Дмитрия» с Илейкой весной 1606 г., как считает В. И. Корецкий, носила в целом дружественный характер⁴. Во время своего допроса – после капитуляции Тулы – Илейка сообщил о письме к нему Лжедмитрия I, которое он получил в Самаре. Это письмо «царевичу Петру Федоровичу» привез царский гонец Третьяк Юрлов. Царь Дмитрий велел своему «племяннику» «идти в Москву наспех»⁵. Об этой переписке «царевича» Петра Федоровича с его «дядей, царем Дмитрием Ивановичем» сообщает также француз Жак Маржерет. Он отмечал, что «в конце апреля император Дмитрий получил известия, что между Казанью и Астраханью собрались около четырех тысяч казаков..., которые разбойничали вдоль Волги и говорили, что с ними находится молодой принц по имени царь Петр, ... который родился около 1588 года и был тайно подменен»⁶.

Современный исследователь самозванцев в России О. Г. Усенко пишет, что воеводам по-

волжских городов, в том числе и Саратова, были отправлены из Москвы царские «подорожные» грамоты с указанием о предоставлении «корма» казакам на всем их пути к столице⁷. Хотя, учитывая время, необходимое на доставку таких грамот, вряд ли они достигли Саратова и Царицына к маю 1606 г., когда Илейка двигался вверх по Волге в сторону Москвы.

Уже в конце апреля – начале мая 1606 г. Илейка со своим войском оказался возле Саратова. Обстоятельства этого (шестого по счету) пребывания Илейки в Саратове неизвестны.

Теперь рассмотрим возвращение Илейки из-под Свияжска к Камышинке. В конце мая 1606 г. отряд Илейки находился уже у Вязовых гор «*выше Свияжского города десять верст*». Здесь их встретил стрелецкий голова из Кокшайска, с которым был казак, только что приехавший из Москвы. Через него люди Илейки узнали, что «*в Москве Гришку Расстригу убили всем миром*»⁸. После этого казаки прекратили поход к Москве и повернули назад. Убийство Лжедмитрия I произошло 17 мая, гонец мог доставить эти сведения в Свияжск не ранее, чем через 7–10 дней.

Однако следует учесть ещё одно обстоятельство. Возвращение отряда Илейки могло быть связано с другими событиями. Хорошо известно, что Лжедмитрий I готовил на лето 1606 г. поход на Азов против турок, а также на Северный Кавказ, чтобы рассчитаться за гибель войска И. М. Бутурлина (или хотя бы укрепить гарнизоны Астрахани и Терского городка). В Нижнем Новгороде весной 1606 г. происходило формирование судовой рати боярина Ф. И. Шереметева. Эта судовая рать уже в мае двигалась из Нижнего Новгорода в сторону Свияжска и Казани. Встреча с таким войском не сулила казакам Илейки ничего хорошего.

Скорее всего, известие о приближении рати Ф. И. Шереметева заставило казаков Илейки прекратить дальнейший поход и повернуть назад. В «Карамзинском хронографе» сказано, как казаки Илейки, обманув казанских воевод В. П. Морозова и Б. Я. Бельского, ночью прорвались мимо Казани подле нагорной стороны, «*на Низ проехали тихим обычаем и вора Петрушку с собой провезли*». Далее казаки, «*едучи Волгой, на встрече всяких служивых людей и торговых и промышленных побивали до смерти и грабили, и Самару и Саратов проехали, и не доехав Царицына, проехали рекою Камышенкой в Украйные города*»⁹.

Фраза «Саратов проехали» не должна никого вводить в заблуждение. Из-за отсутствия источников трудно представить, что же действительно происходило в Саратове в июне 1606 г. при возвращении Илейки из-под Свияжска. Остается открытым вопрос: как действовали против казаков воевода Саратова и стрелецкий голова, сопротивлялись ли саратовцы казакам? Имена начальных людей города в это время неизвестны. Известно только, что в 1604 г., за два года до этих событий, в Саратове был воеводой Борис Никифорович

Давыдов, а стрелецкий гарнизон возглавлял стрелецкий голова Иван Савостьянов¹⁰.

Если по пути в Москву казаки вели себя «не очень вежливо», что же тогда говорить о возвращении отряда Илейки на Низ, когда казаки узнали, что бояре убили «доброе царя Дмитрия»? Теперь казаки не только грабили караваны, но и нападали на царских воевод, захватывали города, забирая в них продукты, припасы, товары купцов. Голландский купец Исаак Масса писал о том, что купцы, бывшие в Саратове, Самаре и других местах, претерпевали страшные бедствия от казаков Илейки¹¹. Н. М. Карамзин привел конкретные цифры: «*...сии мятежники, грабили всех купцов на Волге между Астраханью и Казанью, так что добычу их ценили в 300 тысяч рублей*»¹².

Жак Маржерет писал, что «*казаки захватили и разграбили три замка вдоль Волги, захватили несколько маленьких пушек и другое военное снаряжение*»¹³. Судя по данному сообщению, казаки Илейки на обратном пути заняли три волжских городка и забрали найденные там пушки. Здесь речь идет о Самаре, Саратове и, возможно, о временном укреплении на Камышинке, ведь часть гарнизона этих крепостей присоединилась к восставшим.

Сведения об участии саратовских и самарских стрельцов в дальнейшем походе Илейки Муромца содержатся в одном из летописцев, который обнаружил В. И. Корецкий полвека назад в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН в составе сборника первой четверти XVIII в. среди рукописей Н. П. Лихачева. Автор этого летописца прямо указывает на присутствие в войске «царевича Петра» стрельцов из ряда поволжских городов: «*И астраханские, и терские, и саратовские и самарские стрельцы крест [ему] [це] ловали*»¹⁴. Этот факт о поддержке восстания стрельцами из поволжских городов, в том числе из Саратова, в других источниках отсутствует.

В июне 1606 г. жители Саратова последний раз видели проплывавшего мимо города Илейку Муромца. Это было седьмое посещение Илейкой Саратова. Исаак Масса писал, что во время восстания Болотникова (1606–1607) Самара и Саратов держали сторону Василия Шуйского. Однако порядок в этих волжских городах, скорее всего, был восстановлен уже после ухода Илейки, только после прибытия в город судовой рати боярина Ф. И. Шереметева в начале июля 1606 г. Скорее всего, тогда же был назначен Шереметевым новым воеводой Саратова Владимир Аничков¹⁵.

Некоторое время казаки Илейки, по его словам, «*стояли всем войском на Камышенке, с Камышенки перевозились на реку Иловлю, а Иловлю перегребли на Дон, а Доном ехали до Монастырского, затем вверх до Донца, а Донцом вверх погребли верст сто*»¹⁶.

Заметим, что ни Исаак Масса, ни летописец о восстании Болотникова не упоминают о Царицыне и царицынских стрельцах, что косвенно подтверждает тезис о том, что при возвращении Илейки он

перебрался на Дон не возле Царицына у Переволоки, а севернее, у Камышенки. Царицын в начале июня 1606 г. избежал участи Самары и Саратова и не был разграблен казаками. Зато ровно через год, в июне 1607 г., Царицын перешел на сторону нового самозванца Ивана-Августа.

Ряд исследователей, в том числе Н. И. Костомаров, некритично отнеслись к сообщениям источников («Карамзинского хронографа» и др.). Игнорируя показания Илейки на допросе после падения Тулы, эти исследователи считают, что Илейка летом 1606 г. был в Царицыне, участвовал в убийстве воеводы Акинфиева и посла царя Василия Шуйского к шаху Аббасу кн. И. П. Ромодановского. Для этих исследователей основным источником был Новый летописец, составленный через двадцать лет после описываемых событий. Фактически убийство воеводы Акинфиева и посла Ромодановского произошло не летом 1606 г., а через год, летом 1607 г., при царевиче Иване-Августе. Илейка в это время находился в осажденной Туле. Из дневника монахов-кармелитов (об этом источнике речь пойдет впереди) хорошо видно, что русское посольство в Персию отправилось из Казани в конце июля 1606 г. К этому времени Илейка уже покинул Волгу. За месяц до отправки послов и кармелитов судовая рать боярина Шереметева «расчистила» всю Волгу от казаков вплоть до Царицына. Кроме того, монахи-кармелиты прямо говорят, что именно русский посол (этим послом мог быть только кн. И. П. Ромодановский) принял решение о зимовке в Царицыне в конце 1606 г. в связи с начавшимся восстанием в Астрахани.

Находясь в районе Камышенки в конце июня – начале июля 1606 г., думая покинуть берега Волги, «царевич Петр» не знал, что враждебная ему ранее Астрахань, воевода которой в свое время не пустил отряд казаков в город, 17 июня 1606 г. подняла восстание против нового царя Василия Шуйского. Астраханцы выступили теперь за «истинного царя Дмитрия», спасшегося чудесным образом.

Жак Маржерет писал, что после смерти Лжедмитрия I часть казаков некоторое время находилась в каком-то замке «на полдороге» между Казанью и Астраханью, «в надежде грабить купцов, торгующих в Астрахани, или ... чемнибудь у них поживиться». Судя по описанию, этим замком мог быть Саратов или временное казачье укрепление на Камышинке. К моменту отплытия Маржерета из Архангельска (август 1606 г.) он получил новые известия, «что там все успокоилось и сказанные казаки все это оставили»¹⁷. В это время казаки Илейки уже перебрались с Волги на Донец. В июле 1606 г. Илейка навсегда покинул Волгу.

Второй этап. «Карамзинский хронограф» сообщает о составе рати Шереметева. В неё входили два приказа московских стрельцов (стрелецкие головы Осип Пуляев и Андрей Микулин), отряды письменных голов Семена Чередова, Афанасия

Молвянинова, Чулка Бартенева, служилые люди из Нижнего Новгорода, Арзамаса, Чебоксар, Курмыша и других городов.

Хронология похода рати боярина Ф. И. Шереметева по Волге к Астрахани четко прослеживается по актовым материалам времени правления царя Василия Шуйского. Эти документы являются важным источником о событиях на Нижней Волге, в том числе в Саратове в 1607–1608 гг. Этот сборник документов включает в себя ряд актовых материалов, посвященных событиям Смуты в районе Саратова, Царицына и Астрахани. Прежде всего, это донесения боярина Шереметева царю Василию Шуйскому, а также отписки этого воеводы в Посольский приказ. Особый интерес представляют челобитные и донесения переводчика Прокопия Вразского, который часто направлялся к ногайскому мурзе Иштереку, чтобы заставить его принять активное участие в борьбе против самозванцев и мятежных Царицына и Астрахани. В этих актовых материалах довольно подробно говорится как о восстании в Царицыне летом 1607 г., так и о взятии Царицына штурмом войсками Шереметева 24 октября 1607 г.¹⁸

25 июня 1606 г. Шереметев находился в Самаре, где получил грамоту царя Василия Шуйского с инструкцией о дальнейших действиях. Илейка к этому времени уже спешно покидал Саратов и двигался дальше в сторону Царицына. Будучи в Самаре, Шереметев отправил к ногайскому мурзе Иштереку письмо с арзамасцем Алексеем Тоузакковым. Иштерек должен был со своими людьми прибыть в район Царицына или Астрахани и принести шерть (присягу) новому царю Василию Шуйскому. Шереметев, находясь в Самаре, не знал, что в это время (17 июня 1606 г.) служилые и посадские люди Астрахани во главе с воеводой кн. И. Д. Хворостининым подняли восстание против нового царя Василия Шуйского, считая, что царь Дмитрий все еще жив.

Судовая рать боярина Ф. И. Шереметева, встречи с которой так боялся Илейка, в начале июля 1606 г. сделала остановку в Саратове. Наведя порядок в Саратове, назначив в эту крепость надежных воевод, снабдив гарнизон припасами и вооружением, Шереметев двинулся дальше к Царицыну. 24 июля 1606 г. Шереметев находился уже в районе Царицына. Здесь он получил грамоту от Иштерека, «написанную татарским письмом», после чего продолжал движение к Астрахани. В это же время Шереметев узнал, что Астрахань восстала против Шуйского¹⁹.

Подробное описание боевых действий рати Шереметева в районе Астрахани (куда он прибыл в начале августа 1606 г.) и Царицына в 1606–1608 гг. – это сюжет отдельного рассказа. Пока стоит привести лишь общую хронологию событий, так как эти события напрямую связаны с Саратовом.

В начале августа 1606 г. Шереметев находился уже возле Астрахани, на Балчике. Туда к нему

прибежал 15 августа переводчик Прокофий Вразский. 6 сентября 1606 г. произошел бой у Балчика с мятежными астраханцами. В дальнейшем всю зиму 1606/1607 гг. войско Шереметева находилось на Балчике. Эта зимовка в необорудованном месте была очень тяжелой.

19 мая 1607 г. Шереметев отправляет донесение царю Василию Шуйскому о победе под Астраханью: «...астраханские и Терские изменники, воры и богоотступники, узнав свои воровские затайные вины, добились челом государю и крест все целовали». Царь Василий, обрадованный этим донесением, отправляет окружную грамоту, в которой заявляет, что ему «многие службы показали ратные люди, которые были с воеводой Шереметевым и что служили ему и прямили ногайские люди, Иштерек князь и мурзы со всею Ногайскою ордою». Однако эта радость была преждевременной. Возможно, узнав об отступлении повстанческого войска Болотникова из-под Москвы, часть астраханцев хотела присягнуть Шуйскому (велись какие-то переговоры), но верх в Астрахани в итоге взяли противники Шуйского. В конце мая 1607 г. произошло восстание в Царицыне против Василия Шуйского. Теперь Шереметев на Балчике отрезан от центра страны. Его положение становится довольно трудным. Летом 1607 г. развернулись ожесточенные бои с мятежниками в районе Саратова.

30 июля 1607 г. из Царицына мимо Балчика к Астрахани плыли астраханские люди и воровские казаки. В это время произошел тяжелый бой возле Балчика правительственных войск Шереметева с мятежниками, которые в итоге сумели прорваться в Астрахань. Возможно, что об этом бое писал в донесении царю сам Шереметев: «...а на нас, холопей твоих, в ту пору пришли под городок твои государевы изменники, астраханские и терские люди и юртовские татарова и донские и волские и терские казаки конные и пеши з большим и верховым нарядом»²⁰.

В августе 1607 г. положение мятежной Астрахани становится более прочным в связи с прибытием новых отрядов воровских казаков во главе с Иваном-Августом. Дальнейшая блокада Шереметевым Астрахани становится бесполезной, поэтому в сентябре 1607 г. Шереметев планирует начать отход от Астрахани к Царицыну и ведет переписку с воеводой Саратова Замятней Сабуровым по совместному наступлению на Царицын с двух сторон, с юга и севера. Мурза Иштерек также должен был принять участие в этом походе²¹.

В начале октября 1607 г. Шереметев прекратил осаду Астрахани, отправился вверх по Волге к Царицыну. Воевода понимает, что второй такой тяжелой зимовки в необорудованном месте, без поддержки из центра в окружении враждебных сил ему не выдержать. 24 октября 1607 г. войско Шереметева штурмом взяло Царицын. Участники похода боярина Шереметева к Астрахани позже сообщали: «А как боярин пошел вверх под Ца-

рицын и город Царицын взятем взял, и я царю Василью Ивановичю служил и у взятыя города был на приступе и языки имал». Вначале эти служилые люди указывали, что они сражались на Балчике, а потом во главе с Шереметевым по приказу царя Василия Шуйского отступили от Астрахани и приняли участие в штурме и взятии Царицына. Некоторые из участников «Царицынского взятия» уточняют, что после освобождения Царицына от сторонников самозванца они с Шереметевым находились в Царицыне целый год. Это в целом соответствует действительности. Шереметев находился в Царицыне с 24 октября 1607 г. до сентября 1608 г. Среди таких служилых людей можно отметить несколько нижегородцев: это Мясоед Никитин Рокотов, Иван Васильевич Рушенинов, Иван Петрович Хохлов, Иван Козлов и др. Василий Федорович Приклонский так писал о своей службе и службе брата Осипа Приклонского: «И как боярин по государеву указу пошел вверх под Царицын, и Царицын взятем взяли и на Царицыне были год». Точно так же утверждали другие нижегородцы – Михаил Иванович Соловцов и Павел Семенович Арбузов, а Григорий Владимирович Жедринский отмечал, что был при штурме Царицына начальником артиллерии, ему «был приказан наряд»²².

Осенью 1607 г. положение Шереметева в районе Царицына – Саратова укрепляется. Однако зимой 1608 г. многие ногайские мурзы «отпали» от союза с Василием Шуйским, стали грабить в окрестностях Самары и Царицына. Астраханский воевода кн. Д. И. Хворостинин и самозванный царевич Иван-Август (а также другие царевичи) переманили на свою сторону ногайских мурз, которые снова «отпали» от московского царя. Поэтому Шереметев всю зиму, весну и лето 1608 г. продолжал находиться в Понизовье. С ноября 1607 г. по август 1608 г. основной базой Шереметева оставался Царицын. Низовье Волги от Царицына до Астрахани было под контролем мятежников.

В августе 1608 г. Шереметев получил приказ царя Василия Шуйского – идти со своей ратью на защиту Москвы. В это время Москва была осаждена войсками нового самозванца Лжедмитрия II, который устроил свой лагерь в Тушино. В сентябре – октябре 1608 г. войско Шереметева начинает поход из Царицына через Саратов, Самару, Тетюши к Казани. Дальнейшие события, связанные с походом Шереметева, после того как он прибыл в октябре 1608 г. в Казань, не имеют отношения к Саратову.

Третий этап. Воеводой Саратова в начале 1607 г. был назначен Замятня Иванович Сабуров. Это был один из высших представителей государева двора. В начале 1605 г. во время похода воевод Бориса Годунова против Лжедмитрия I Замятня Сабуров местничал с такими людьми, как боярин В. В. Голицын и А. А. Телятевский. Он был первым воеводой полка левой руки. После

прихода к власти Лжедмитрия I всех Годуновых и их родственников Сабуровых и Вельяминовых постигла опала. 8 июня 1605 г. 37 представителей Сабуровых и Вельяминовых посадили в тюрьму, а через неделю, 15 июня, по указу «царя Дмитрия Ивановича» Замятню Сабурова вместе с женой отправили в ссылку в Свяжск в сопровождении пристава, костромского сына боярского Улана Щепина. В конце июня 1605 г. Замятню Сабурова передали в Свяжске местному воеводе Василию Борисовичу Сукину, который по государеву указу выделил опальному воеводе отдельный двор²³.

В конце 1605 г. Лжедмитрий I всех Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых вернул из ссылки, но при этом назначил их воеводами в Сибирские и Понизовые города – Тюмень, Пелым, Верхотурье, Свяжск, Ядрин, Чебоксары, Цивильск, Курмыш, Кокшайск, Тетюши, Самару и др. В этой разрядной записи Саратов не указан. Замятня Иванович Сабуров записан воеводой в Кузьмодемьянске. На следующий год в начале царствования Василия Шуйского летом – осенью 1606 г. во время похода к Астрахани судовой рати боярина Шереметева мы видим Замятню Сабурова уже воеводой в Чебоксарах²⁴. Пострадавший от Лжедмитрия I Замятня Сабуров был сторонником нового царя Василия Шуйского. На него царь Василий вполне мог положиться.

Трудно сказать, когда Замятня Сабуров прибыл из Чебоксар в Саратов и кого он сменил в этом городе. Самая ранняя дата его воеводства в Саратове в обнаруженных к настоящему времени документах относится к лету 1607 г. Возможно, что Замятня Сабуров прибыл в этот город из Чебоксар в мае 1607 г. Навигация на Волге начинается в апреле, плавание через Казань и Самару могло занять две недели. Другой дороги в то время для нового воеводы Саратова не существовало. В «Карамзинском хронографе» в качестве помощника Замятня Сабурова указан Владимир Аничков. Учитывая, что в составе рати Шереметева находились нижегородцы «всем городом», то вполне возможно, что нижегородского помещика Владимира Аничкова мог назначить временным начальником в Саратов (до приезда воеводы из Москвы) сам Шереметев при наведении порядка в этом разграбленном казаками Илейки Муромца городе. Известно о переписке Сабурова и Аничкова с Ф. И. Шереметевым, когда тот стоял еще на Балчике. Шереметев посылал из своего лагеря под Астраханью к Замятне Сабурову и Владимиру Аничкову небольшую отряд (станицу): «3 Балчика на Саратов станицу сына боярского Игнатья Соколкина»²⁵. В ответ Сабуров и Аничков также посылали к Шереметеву на Балчик станицу служилых людей. Судя по переписке Шереметева с Сабуровым и учитывая скорость доставки писем из Саратова на Балчик, можно сделать вывод, что Замятня Сабуров прибыл в Саратов на должность воеводы намного раньше, чем Шереметев отступил из Балчика к Царицыну. Воеводство

Сабурова в Саратове началось задолго до начала октября 1607 г. и уж никак не в 1608 г., как считал А. А. Гераклитов²⁶.

Цитата из «Карамзинского хронографа» – это основной источник информации о тех событиях, поэтому стоит привести ее полностью: «Того же 116 году (1607/1608 г. – Я. Р.) на Саратове с ратными людьми с Низовых городов были воеводы Замятня Иванович Сабуров, да товарищ ему был Володимер Володимеров сын Аничков, а с ними ратные люди». Далее в этом источнике говорится о неудачной осаде Саратова мятежниками: «И под Саратов приходили воры с Астрахани, а с ними был вор, назывался царевичем Иваном Ивановичем, царя Ивана Васильевича сыном; и к Саратову русские воры приступали с такими ж приступы, и на Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на вылазках астраханских воров многих побили». В заключение приводится важная информация о том, что после поражения под Саратовом самозванец Иван-Август отступил в Астрахань: «и вор, который назывался царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми в Астрахань»²⁷.

Для уточнения точной хронологии событий важна следующая фраза в данном источнике, которая помещена сразу же за этими сведениями об отступлении самозванца от Саратова к Астрахани: «А боярин Федор Иванович Шереметев с товарищи и с ратными людьми стояли от Астрахани за 15 верст на острове на Балчике». Таким образом, эти события происходили до октября 1607 г. (до времени отступления Шереметева от Балчика к Царицыну). Уже говорилось, что в начале октября 1607 г. Шереметев принял решение о прекращении безуспешной осады Астрахани. Войско Шереметева не получало поддержку с севера из-за мятежа царицынцев (Волжский путь был перекрыт мятежниками). Поэтому Шереметев принял решение об отступлении от Астрахани к Царицыну. 24 октября 1607 г. Шереметев штурмом взял Царицын и надолго обосновался в этом городе²⁸. Мнение А. А. Гераклитова, что Шереметев отступил от Астрахани летом 1608 г., после чего там объявились самозванцы и начали поход на Саратов, следует, по нашему мнению, считать ошибочным²⁹. По-видимому, Гераклитов не был знаком с документами, опубликованными А. М. Гневушевым в центральном издании (ЧОИДР) за 8 лет до выхода его труда, иначе бы он пришел к другим выводам.

Нельзя буквально понимать слова «Карамзинского хронографа», что Шереметев «стоял на острове на Балчике, и стоял два года». Эти «два года» в действительности – всего лишь один год и три месяца (с августа 1606 по октябрь 1607 г.). Запись в «Хронографе» помещена под 116 годом (1607/1608 г.), но этот поход к Саратову царевича Ивана-Августа был осуществлен несколько ранее, в августе 1607 г., когда боярин Ф. И. Шереметев

ещё находился под Астраханью, «на острове на Балчике».

Планируя поход с целью освобождения Царицына, Шереметев составляет план совместного удара на Царицын с юга и севера. Согласно данному плану отряд служилых людей из Саратова и ногайцы Иштерека должны были поддержать главные силы Шереметева. В своем донесении посол к Иштереку переводчик Прокопий Вразский подробно излагает обстоятельства взятия Царицыны правительственными войсками: «И октября в 24 день (1607 г.) пришел боярин Шереметев и воеводы со всеми людьми и з снарядом под Царицын и город и острог взяли и государевых изменников – царицынских людей, их жен и детей побили и поимали, а иные в степь побежали»³⁰.

Неизвестно, сумели ли Сабуров и Аничков из Саратова прибыть к Царицыну, но Иштерек, как обычно, саботировал это указание и предпочитал быть сторонним наблюдателем. В Царицыне Шереметев обосновался надолго, он находился здесь до августа 1608 г.

Появление царевича Ивана-Августа в Астрахани можно отнести также к лету 1607 г, а не к 1608 г, как считал Гераклитов. Уже летом 1607 г. царевич Август двинулся вверх по Волге на Москву. На его пути оказался Саратов, где воеводами в то время были Замятня Сабуров и Владимир Аничков.

Ещё один источник, который позволяет уточнить хронологию событий в районе Саратова, – это дневник путешествия монахов-кармелитов, которых римский папа отправил через Россию в Персию. Кармелиты убыли из Москвы в конце зимы 1606 г., ещё при Лжедмитрии I, их радушно принял в Казани воевода Степан Волосский, склонный к католичеству, сторонник Лжедмитрия I. Но в конце мая 1606 г., когда в Казани узнали о смерти самозванца и начале царствования Василия Шуйского, положение для кармелитов изменилось в худшую сторону. 24 июля 1606 г. (по новому стилю) кармелиты смогли выехать из Казани в сторону Астрахани. Они плыли вместе с посольством кн. И. П. Ромодановского, которое Василий Шуйский отправил к персидскому шаху Аббасу. 20 августа 1606 г. караван судов, на котором плыли кармелиты, достиг Царицына. В дневнике кармелитов ничего не сказано о Саратове, который они посетили в первой половине августа 1606 г. Они только указывали, что на всем протяжении реки (более чем 1200 км) «только время от времени можно было встретить несколько жалких поселений, жителями которых являлись в основном солдаты, да приговоренные к ссылке». «Жалкие поселения» – это Самара, Саратов, Царицын. В Царицыне кармелиты узнали о мятеже в Астрахани. Русский посол приказал каравану сделать остановку в Царицыне. Здесь кармелиты и послы задержались почти на год, с августа 1606 г. до июня 1607 г.

Одним из первых на данный источник обратил внимание И. И. Смирнов. В своей монографии

о восстании Болотникова историк привел цитату из дневника кармелитов: «В день Пятидесятницы (3 июня 1607 г. нов. ст. – И. С.) Царицына достиг слух, что Димитрий ещё жив, это вызвало восстание жителей против воеводы». В это же время к Царицыну подошел передовой отряд самозванца Ивана-Августа. Жители арестовали царицынского воеводу Ф. П. Акинфова и московского посла, а 24 июля 1607 г. вместе с кармелитами отослали этого посла в Астрахань. Казаки войска Ивана-Августа и сам предводитель оказались благодетелями для кармелитов, дали им провизию, снабдили судном с гребцами и большой охраной. На девятый день (1–2 августа) недалеко от Астрахани кармелитам встретился сам царевич Иван-Август, который отправился во главе семитысячного войска в сторону Москвы. Здесь на месте встречи произошло убийство московского посла, а через день кармелиты отправились дальше к Астрахани, в то время как царевич Иван-Август двинулся к Царицыну. 7 августа 1607 г. корабль кармелитов с охраной казаков благополучно добрался до Астрахани, миновав лагерь Шереметева на Балчике (кармелиты при этом приводят подробное описание речного боя возле Балчика). Местный астраханский воевода (мы знаем, что это был кн. И. Д. Хворостинин) встретил кармелитов радушно, но не отпустил их далее в Персию, ожидая письменного разрешения от самозванца. После того как царевич Иван-Август дал свое согласие на отплытие кармелитов в Персию, они 26 августа 1607 г. покинули Астрахань³¹.

В августе 1607 г. царевич Иван-Август двигался из Царицына к Саратову, но главной целью похода была Москва, соединение с Болотниковым и царевичем Петром Федоровичем, которые в то время находились в Туле.

Хроника кармелитов позволяет датировать прибытие войска самозванца Ивана-Августа к Саратову и начало Саратовского осадного сиденья второй половиной августа 1607 г., если принять во внимание, что Иван-Август в первых числах августа встретил кармелитов недалеко от Астрахани и потом нигде не задерживался по пути из Царицына в Саратов. Упорная оборона защитников Саратова в августе – сентябре 1607 г. вынудила этого «царевича» прекратить дальнейший поход и вернуться в Астрахань.

В ряде источников говорится о тех служилых людях, которые отличились при обороне Саратова от самозванных царевичей. Позже, уже при новом царе Михаиле Романове, некоторые из этих служилых людей были награждены, а другим подтверждено жалование, полученное при царе Василии Шуйском. Пока обнаружены имена семи рядовых защитников Саратова. О них упоминается в таких источниках, как Кормленные книги Костромской, Владимирской и Галицкой четвертей. Эти четверти были финансовыми органами, одной из задач которых являлась выдача регулярного жалования служилым людям. На основании изу-

чения данных источников можно сделать вывод, что в обороне Саратова участвовали служилые люди по отчеству (дети боярские) из Курмыша и Казани. Именно они, а также командиры стрелецких отрядов были первыми помощниками воевод Замятни Сабурова и Владимира Аничкова.

Одним из таких источников является «Кормленая книга Костромской чети», опубликованная А. Н. Зерцаловым в 1894 г. Эта книга позволяет выяснить имена четырех защитников Саратова. Все они продолжали служить при Михаиле Романове. Весной 1615 г. они находились в Москве, а 3 апреля 1615 г. всем этим четверым служилым людям были даны дополнительные придачи к денежному окладу³².

Формулировки при награждении приведены разные – «за Саратовскую службу и за осадное сиденье с Замятней Сабуровым в плавной», за то, что «при царе Василье были на службе в Саратове, в осаде сидели». Это дети боярские из Курмыша. В виде награды они были «пущены в четь», стали получать регулярное жалование из Костромской чети в размере 7–8 рублей. По-видимому, некоторые из этих людей прибыли в Саратов во время плавания судовой рати боярина Ф. И. Шереметева к Астрахани и были оставлены в крепости для укрепления ее гарнизона.

Один из этих служилых людей – Юрий Шапилов. О нем сказано, что «за Саратовскую службу и за осадное сиденье при царе Василии был пущен в четь в 8 руб.; да ему же дачи боярские за осадное сиденье придано к 8 руб. еще 6 руб.». Он также получил придачи в размере 5 рублей за Нижегородскую, Касимовскую и Арзамасскую службу³³. Эта фраза свидетельствует, что Юрий Шапилов уже осенью 1608 г. покинул Саратов и в составе судовой рати боярина Шереметева двинулся на север к Нижнему Новгороду, а затем участвовал во взятии Касимова и Арзамаса. Фраза «дачи боярские» говорит о том, что он позже участвовал в освобождении Москвы в составе Подмосковского или Нижегородского ополчения.

Другой курмышский сын боярский – Степан Васильевич Евлашев. Он был награжден «за Саратовскую службу и осадное сиденье при царе Василии с Замятней Сабуровым в плавной – из городовых пущен в четь вновь в 8 рублей». Степан Евлашев так же, как и Юрий Шапилов, вскоре покинул Саратов, участвовал в освобождении Касимова (получил еще 2 рубля), а затем – в обороне Москвы от тушинцев. За эту «Московскую осадную службу» ему было придано еще 4 рубля. Биография этого служилого человека необычна. Разберем одну фразу о награждении Степана Евлашева: «... да ему ж справлено за Терскую службу, как они пришли с Терки во 114 году, к 14 рублем 6 рублей»³⁴. Получается, что Степан Евлашев был на Тереке вместе с Илейкой Муромцем, вместе с ним в 114 г. (1605/1606) вернулся к Астрахани, возможно, что даже участвовал в походе Илейки по Волге. Затем в одном из городов (Саратов, Самара

или Казань) он отстал от этого казачьего отряда и присоединился к войску Шереметева. Так он оказался в Саратове. Маловероятно, что он после Терека все время находился в Астрахани, потом перебежал на Балчик к Шереметеву, который еще до лета 1607 г. отправил его в Саратов к Замятне Сабурову.

Третий курмышский сын боярский – Матвей Долбилов. Про него сказано, что он «при царе Василье за Саратовское осадное сиденье и за Курмышский бой пущен в четь в 8 рублей». Подробности этого Курмышского боя неизвестны. Затем Матвей Долбилов участвовал в Чебоксарском осадном сиденье (зима 1608/1609), был ранен, получил придачу 5 рублей. Весной 1609 г. Матвей Долбилов отличился при взятии Касимова, а также при «Василегородском взятии» – взятии Васильурска (еще 4 рубля)³⁵.

Весной 1613 г. этот Матвей Долбилов находился в Москве, возможно, что участвовал в избрании Михаила Романова. Тогда же ему по его челобитной было пожаловано поместье отца и деда, и дана ввозная грамота. По его же просьбе по указу Михаила Романова вскоре после прибытия молодого царя в Москву было принято решение 24 мая 1613 г. пошлины с этой грамоты не брать³⁶.

Четвертый служилый человек из Курмыша – Федор Васильевич Дубенский. Он был пущен в четь (стал получать жалование в Костромской чети в размере 7 рублей) за то, что «был он при царе Василье на службе в Саратове, в осаде сидел». Далее он получил придачи за Арзамасское взятие и за раны (3 рубля). Этот человек позже участвовал в постройке нового города Царицына, который был восстановлен осенью 1615 г. 1 апреля 1617 г. Федору Дубенскому в Москве «за Царицынскую службу и за городовое поставлень придано рубль». Федор Дубенский успел также отличиться в завершающих боях под Москвой с польским королевичем Владиславом. В составе армии князя Бориса Лыкова он оборонял Можайск летом 1618 г., а затем отступил к Москве. Уже после окончания Смуты 5 апреля 1620 г. он получил еще 1 рубль «за Можайскую службу и за отход 126 году»³⁷.

Еще один защитник Саратова был коренным жителем города, во всяком случае, он долгое время служил в Саратове в качестве стрелецкого сотника. Этот «саратовский сотник Микита Муромцев» получал жалование из Владимирской чети. Судя по высокому для стрелецкого сотника денежному окладу, он служил давно, был опытным воином. В сохранившейся части Кормленной книги Владимирской чети отмечено, что его оклад составлял 15 рублей (это в два раза выше, чем у курмышских детей боярских). В декабре 1611 г. руководители ополчения утвердили его прежний оклад 15 рублей, кроме того, ему «по боярскому приговору за службу придано 10 рублей»³⁸. Микита Муромцев, по-видимому, участвовал в освобождении Москвы, находился в составе ополчения.

В «Кормленной книге» Галицкой чети упоминается еще один защитник Саратова – казанский жилец Афанасий Семенович Соловцов, который был награжден «за царевскую и саратовскую службу и за осад и за выласки...» После Саратова Афанасий Соловцов участвовал в походе из Казани к Свяжску, а затем в двух походах против горной черемисы. Он же в 1611/1612 г. был отправлен гонцом от казанских воевод в Вятку с призывом объединиться против польских захватчиков. За это Афанасий Соловцов из городских людей с мизерным окладом в 4 рубля был по боярской грамоте (т. е. по решению руководителей ополчения) пущен в четь. Ему был установлен оклад в 7 рублей. Афанасий Соловцов принял активное участие в освобождении Москвы от польских интервентов. В другом документе уточняется: «*И в прошлом де во 121-м году был он на нашей службе под Москвою с нашим боярином и с воеводою с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским...*» За эту «подмосковную службу» в 1612/1613 г. ему по боярской грамоте (т. е. до прибытия в Москву Михаила Романова) было придано еще 5 рублей. 15 мая 1615 г. накануне отправки Афанасия Соловцова на службу в Астрахань («астраханская посылка») он получил эти четвертные деньги в размере 12 рублей. В свое время А. А. Гераклитов писал об этом же казанском жильце Соловцове, который был на государственной службе «на низу в Плавной с воеводою нашим з Замятнею Сабуровым; а после де Замятни был на Саратове три годы; и как Саратов царю Василью изменил, а целовал крест вору, и он в те поры ушел в Казань»³⁹.

Казанец Иван Брехов, отправленный в июле 1614 г. гонцом к шаху Аббасу (это был первый гонец, отправленный в Персию по Волге через Самару и освобожденную Астрахань), в своей челобитной царю Михаилу Романову сообщал, что он «на Саратове в асаде с Замятнею с Ивановичем Сабуровым сидел, тебе государю служил». Иван Брехов был опытным бывалым воином. За его плечами было 25 лет службы. Он пять лет находился в Терском остроге, сидел в осаде на Койсе, был в Тарках и Кабарде. После Саратова Иван Брехов сражался под Казанью со сторонниками самозванца, оборонял Москву от тушинцев, участвовал в ополчении, «с польскими и с литовскими людьми бился на боях яственно». Иван Брехов успел принять участие в весеннем 1614 г. походе в Литву стольника князя А. М. Львова, а в июне 1614 г. вернулся в Москву. После подачи челобитной царю Михаилу Федоровичу 21 июля 1614 г. Ивану Брехову были даны дополнительные деньги («подмога») в размере 30 рублей. К тому времени, несмотря на многолетнюю службу, он имел небольшое жалование «с городом» в размере 10 рублей⁴⁰.

Зима – весна 1608 г. прошли для саратовцев относительно спокойно. Боярин Шереметев, находясь в Царицыне, препятствовал движению на север воровских отрядов. Скорее всего, Замятня

Сабуров умер во время этой зимовки. Новым воеводой Саратова стал Степан Никифорович Чепчугов. Он упоминается в источниках только однажды, в донесении Ф. И. Шереметева царю Василию Шуйскому. Судя по данному донесению, Степан Чепчугов еще зимой 1607/1608 г. находился в Саратове. Отправляя 3 марта ногайского посла через Саратов в Москву, Шереметев будучи в Царицыне знал, что в Саратове находится воевода Степан Чепчугов. С. Н. Чепчугова мог назначить воеводой в Саратов как Ф. И. Шереметев, так и князь Иван Голицын, которого царь Василий Шуйский после капитуляции Болотникова в Туле отправил на помощь к Шереметеву. В 1608 г. князь Иван Голицын со своим войском дошел только до Казани, там дождался возвращения судовой рати Ф. И. Шереметева.

3 марта 1608 г. Шереметев из Царицына отправил ногайского посла в Москву через Саратов с наказом воеводе Саратова Степану Чепчугову. В донесении царю Василию Шуйскому боярин Шереметев писал: «*И мы, холопи твои, Иштерекowych послов, Боймамат Кучюмова с товарищи девять человек с Царицына отпустили к тебе ко государю марта в 3 день, а в приставах с ними послали Василия Мотовилова, Филиппа Есинова, Якуша Елизарова, да провожатых до Саратова и корм им до Саратова дали, а на Саратов к Степану Чепчугову писали, чтоб он им дал корм по росписи с Саратова до Самары*». Аналогичные указания были даны воеводам Самары и Казани Богдану Вельяминову и Богдану Бельскому⁴¹.

Четвертый этап. Летом 1608 г., когда обстановка под Москвой резко осложнилась (Лжедмитрий II создал Тушинский лагерь и блокировал столицу), царь Василий Шуйский приказал воеводе Шереметеву срочно идти на выручку Москве. Именно к этому периоду относится второе наступление трех царевичей к Саратову. Однако и на сей раз саратовская крепость оказалась неприступной. После того как войско Шереметева двинулось мимо Саратова к Казани, для защитников Саратова настали тяжелые времена.

Лжедмитрий II имел сведения об астраханских царевичах, «своих родственниках», еще в апреле 1608 г. Он писал, что в Астрахани появились царевич Август князь Иван (якобы сын Ивана Грозного и Анны Колтовской), царевич Лаврентий (якобы внук Ивана Грозного, сын Ивана Ивановича и Елены Шереметевой). Далее в грамоте Лжедмитрия II перечислены ещё с десяток царевичей, однако среди них нет Осиновика, третьего самозванца, который осаждал в 1608 г. Саратов⁴². В «Новом летописце» сказано, что в 1608 г. под Астраханью появилось три самозванных царевича «*един назвался Август, царя Ивана сын, другой же назвался Осиновик, сын царевича Ивана, а третий назвался Лавер, царя Федора Ивановича сын*»⁴³.

Отметим, что здесь в отношении царевичей имеется несколько расхождений между текстом «Нового летописца» и грамотой Лжедмитрия II. В

грамоте самозванца не только пропущен царевич Осиновик, но и царевич Лавр (Лаврентий) назван сыном Ивана Ивановича, а в «Новом летописце» – сыном Федора Ивановича.

Эти три царевича штурмовали летом – осенью 1608 г. Саратов. После поражения от саратовских воевод в лагере восставших вспыхнула междоусобица. В. Н. Татищев, первый обратил внимание на такой важный источник по истории Смуты на Волге, как «Новый летописец». Он отмечал, что «Август по согласию с Лавром Осиновика на Волге повесили». Не сумев прорваться через Саратов вверх по Волге, царевичи Иван-Август и Лавр двинулись к Москве по суше через земли мордвы. В Тушино Лжедмитрий II приказал их повесить: «И так сии воры достойный своему воровству престол высокий достали, а пришедшие с ними многие разбежались, другие же целовали крест вору тушинскому»⁴⁴.

С этими самозванными царевичами связан еще один эпизод Смутного времени. Речь идет о сражении на Камышинке, о котором писал в свое время Адам Олеарий. В начале сентября 1636 г. он плыл по Волге вместе с другими членами голштинского посольства в Персию. Через несколько дней после Саратова корабль голштинцев «Фредерик» проплыл мимо реки Камышенки. Олеарий в этот день отмечал: «Дальше с правой стороны находится гора и река Камышенка. ...По этой реке, как говорят, донские казаки со своими мелкими лодками направляются к Волге. Поэтому это место и считается крайне опасным в отношении разбойников. Здесь на высоком берегу направо увидели много водруженных деревянных крестов. Много лет тому назад русский полк бился здесь с казаками, которые хотели укрепить это место и закрыть свободный проход по Волге. В этой стычке, как говорят, пали с обеих сторон 1000 человек, и русские были здесь погребены»⁴⁵. Олеарий не знал, когда именно происходил этот бой, он писал, что это было «много лет назад». Однако опубликованные недавно сотрудином РГАДА А. С. Антоновым документы позволяют уточнить, что этот бой происходил в сентябре 1608 г., когда боярин Ф. И. Шереметев отступил из Царицына к Саратову и далее к Казани. «Воровские казаки», о которых говорится в источниках, – это люди самозванных царевичей. Об этом бое позже вспоминали в своих челобитных некоторые участники данного события – нижегородские служилые люди Иван Петрович Хохлов, Василий Федорович Приклонский, Григорий Владимирович Жедринский, Павел Семенович Арбузов. Все они входили в состав войска боярина Шереметева.

Василий Приклонский и Павел Арбузов прямо указывают, что этот бой происходил на Камышенке: «И как боярин пошел с Царицына и будет на Камышенке, и тут на Камышенке с воровскими казаки был бой, и мы на том бою государю служили и с ними бились. И с того бою пришли в Казань». Так писал Василий При-

клонский о службе своей и брата Осипа. Павел Арбузов также сообщал, что «как боярин пошел с Царицына, и будет на Камышонке, тут был бой с воровскими людьми с казаки, и я на том бою служил и с вора бился».

Мясоед Рокотов уточнял место данного боя, в котором участвовал его родственник Иван Хохлов: «А как боярин пошел с Царицына вверх в Казань, и на Волге приходили на боярина воровские казаки на Осиновке, и с ними был бой, и он, Иван, на том бою с варами бился и языки имал».

Григорий Жедринский не указывает точного места боя, отмечая лишь, что это произошло после ухода Щереметева из Царицына: «И по государеву указу боярин с Царицына пошел вверх, и сверху шли в встречу боярина воровские казаки, и боярину был бой с воровскими казаки, я на том бою з боярином был, государю служил».

Аналогично сообщал о службе Михаила Ивановича Соловцова его зять Сергей Малой: «И по государеву указу боярин Федор Иванович с Царицына пошел вверх. И сверху шли навстречу боярина воровские казаки, и боярину был бой с воровскими казаки. И тесть мой Михаил Соловцов на том бою з боярином был, государю служил»⁴⁶.

Все участники боя отмечают, что воровские казаки шли к Камышинке «сверху», т. е. из Саратова. Поэтому можно предположить, что в сентябре 1608 г. после неудачи под Саратовом отряды самозванцев повернули на юг к Царицыну. На середине этого пути в районе Камышенки произошел этот бой самозванных царевичей с войском Шереметева. Судя по описанию Адама Олеария, видевшего множество могильных крестов, обе стороны понесли большие потери. Боярин Шереметев не сумел уничтожить воровских казаков. Он довольствовался тем, что расчистил себе дальнейший путь в сторону Казани. Похоронив павших воинов, люди Шереметева двинулись дальше к Саратову.

Прекращение существования первоначального Саратова

Н. И. Костомаров приводит интересные сведения о том, что 22 февраля 1609 г. «из отдаленного Саратова прибыли посадские к царю с изъявлением покорности. Оттуда доставил в Тушино князь Владимир Бахтеярович Ростовский с казаками двух самозванцев»⁴⁷. Если принять версию историка, то в конце 1608 г. в Саратове произошел переворот, жители изменили царю Василию и признали власть Лжедмитрия II. П. Г. Любомиров по поводу кн. В. И. Бахтеярова-Ростовского писал: «2 февраля 7116 г. ему было сказано боярство (т. е. 2 февраля 1608 г. он находился в Москве. – Я. Р.)... Позже Бахтеяров попал как-то поневоле в Тушино (по одному известию, привезен был из Астрахани, но когда и зачем он оказался в Астрахани, не знаю)»⁴⁸.

Сведения о присяге Саратова Тушинскому вору содержатся в «Дневнике» Яна Сапеги, который был известен Н. И. Костомарову. В дневнике

за 1609 г. имеется следующая запись: «22 февраля приехали гонцы к Е. М. (к его милости, т. е. к Яну Сапеге. – Я. Р.) из Саратова с повинной челобитной от детей боярских, и от посадских и от всего того саратовского уездного мира с изъявлением верноподданнических чувств и покорности е. м. царю»⁴⁹. Отметим, что в этот момент Сапега находился возле Троице-Сергиева монастыря, саратовцы приехали 22 февраля именно туда, а не в Тушино. Саратовского уездного мира в те годы, как и через 50 лет, еще не существовало, а вот небольшое количество детей боярских и посадских людей имелось в этой пограничной крепости. О князе В. И. Бахтеярове-Ростовском в «Дневнике» Сапеги ничего не говорится, трудно сказать, откуда Н. И. Костомаров взял данную информацию.

Неизвестно, какую роль в переходе Саратова на сторону самозванца сыграл кн. В. И. Бахтеяров-Ростовский, который якобы доставил из этого города в Тушино двух самозванцев, но воевод Владимира Аничкова и Степана Чепчугова в это время в Саратове уже не было. Владимир Аничков в 1609 г. находился уже в Москве, обороняя столицу от тушинцев. За свои заслуги, «за московское осадное сидение», царь Василий пожаловал его вотчиной в Нижегородском уезде⁵⁰. Другой воевода Саратова Степан Чепчугов также в 1609 г. находился не в Саратове, а в Казани и Свияжске. Об этом говорится в одном документе: «Да в том же во 117-м году, как пришли из Астарахани под Свияжской Петр Бутурлин да Офанасей Благой, а с ними низовые воровские многие астраханские стрелцы и волские и терские и яцкие казаки, и в те поры отец мой Ондрей да Григорей Веревкин от боярина от Василья Петровича Морозова с товарищи были посылоны с казанскими ратными людьми на помощь к Свияжскому с воеводою с Степаном Чепчуговым»⁵¹.

Возможно, что этот поход мятежников (астраханских стрелцов, волжских, терских и яцких казаков) во главе с Петром Бутурлиным и Афанасием Благим в 1609 г. из Астрахани к Свияжску каким-то образом связан с прекращением существования первоначального Саратова. Судовая рать мятежников в то время проплывала мимо Саратова.

Весной следующего 1610 г. еще одна судовая рать мятежников «с Низу» во главе с князем Романом Троекуровым и Петром Бутурлиным пыталась штурмовать Нижний Новгород. В источнике говорится, что приходили «низовые воры, стрелцы, и казаки, и татарове и черемиса, ... воровские люди князь Роман Троекуров и Петр Бутурлин с конной и струговой» ратью. Благодаря помощи воевод князя Василия Мосальского и Владимира Аничкова мятежники были разбиты, осада Нижнего Новгорода была прекращена⁵².

Из-за отсутствия источников трудно сказать, когда же и при каких обстоятельствах прекратил свое существование первоначальный Саратов. Одни считают, что это связано с деятельностью

атамана Ивана Заруцкого, который с осени 1613 г. обосновался в Астрахани, поэтому, мол, Саратов был сожжен зимой 1613/1614 г., а остатки гарнизона в эту тяжелую зиму с трудом добрались до Самары. Другие – что Саратов был сожжен по приказу боярина Ф. И. Шереметева, который со своим войском осенью 1608 г. из Царицына направлялся в сторону Москвы (чтобы город не достался сторонникам самозванца, Шереметев приказал сжечь Царицын, а заодно и Саратов)⁵³.

Третьи связывают сожжение Саратова с деятельностью враждебных в те годы ногайских татар и приводят свою дату прекращения существования первоначального Саратова (1611–1612, зима 1613/1614). В. В. Трепавлов пишет: «В 1611–1612 гг. окраины Московского государства подверглись атакам ногайской конницы. Степняки приходили под Тулу и Самару, сожгли Саратов»⁵⁴.

Четвертые не исключают бытовую версию, когда от неосторожности деревянный город сгорел дотла, а на восстановление его в то тяжелое время не было сил, поэтому жители не спеша зарыли все оставшееся ценное имущество, включая колокола, и ушли в Самару. Сюда же можно отнести пятую версию, когда в течение нескольких лет отчаявшиеся голодные саратовские стрельцы решили уйти в Самару (поближе к хлебной Казани) и сами сожгли свой город.

Мы встречаем краткое упоминание о Саратове в донесении самарского воеводы кн. Д. П. Лопаты-Пожарского, который в 122 году (1613/1614 г.) прислал в Москву, в приказ Казанского дворца «окладные книги прошлого 121 года» (1612/1613 г.). В этих окладных книгах записано, что на Самаре уже в 1612/1613 г. имелись «саратовских конных стрельцов 75 человек, да пеших 130 человек. И обоего саратовских стрельцов на Самаре 205 человек»⁵⁵.

В другом донесении от начала марта 1614 г. (получено в Москве 25 марта) самарский воевода сообщил, что в Самаре имеется саратовских конных стрельцов 77 человек, и те люди разоренные, «ис Соратова пришли в Самарской душею да телом». Когда именно гарнизон Саратова покинул свой город и ушел в Самару, источники не сообщают. Это могло произойти и в 1610, 1611, 1612 и в начале 1613 года, но никак не зимой 1613/1614 г., как считал А. А. Герасимов⁵⁶.

В ряде документов, связанных с походом весной 1614 г. войска князя И. Н. Одоевского (младшего брата новгородского воеводы) к Астрахани против атамана Заруцкого, говорится уже о нежиле Саратовском городище; по-видимому, нового города в это время ещё не было. Однако в документах за 1616 г. Саратов уже упоминается как укрепленный пункт с гарнизоном, в котором имеется свой воевода. В «Памяти дьякам Петру Микулину с товарищи» от 20 мая 1616 г. говорится о Саратове, как о существующем городе⁵⁷. Но это уже история нового, левобережного Саратова.

Примечания

- 1 Подробную характеристику источников об Илейке Муромце см.: *Рабинович Я. Н.* «Царевич Петр Федорович» в Царицыне (1599–1606 гг.) // Вопросы краеведения : материалы краеведческих чтений. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. Вып. 13. С. 98–105.
- 2 Грамота царя Василия Шуйского в Соль-Вычегодскую о взятии Тулы с приложением показаний «царевича Петра». 1607 г., октября 19 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук (далее – ААЭ) : в 3 т. СПб., 1836. Т. 2 (1598–1613), № 81. С. 175. См. также: *Смирнов И. И.* Когда был казнен Илейка Муромец (Несколько хронологических сопоставлений) // История СССР. 1968. № 4. С. 108–119.
- 3 *Корецкий В. И.* Илейки Муромца восстание 1605–1607 // Отечественная история : энцикл. : в 5 т. Т. 2 : Д–К. М., 1996. С. 338.
- 4 *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 253–257.
- 5 Грамота царя Василия Шуйского... // ААЭ. Т. 2, № 81. С. 175.
- 6 *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и Великого Княжества Московского // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / подг. текста, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л., 1986. С. 272.
- 7 *Усенко О. Г.* Казаки и самозванцы в период Смуты // Мининские чтения : Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Нижний Новгород, 2012. С. 67.
- 8 Грамота царя Василия Шуйского... // ААЭ. Т. 2, № 81. С. 175.
- 9 См.: Карамзинский хронограф... // *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений, включенный в хронографы русской редакции / собр. и изд. А. Поповым (далее – *Попов А.* Изборник...). М., 1869. С. 330 ; См. также: Карамзинский хронограф // Восстание Болотникова. Документы и материалы / сост. А. И. Копанев, А. Г. Маньков. М., 1959. С. 109–110 ; *Смирнов И. И.* Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 1953. С. 137–150. (Приложение).
- 10 См.: *Рабинович Я. Н.* Первые воеводы города Саратова (1590–1609) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 98–101.
- 11 *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 153–154.
- 12 *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. XII. Примечания // Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Кн. III (т. IX–XII). СПб., 1843. Т. XI. Стб. 144–145.
- 13 *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи... С. 273.
- 14 *Корецкий В. И.* Летописец с новыми известиями о восстании И. И. Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 130.
- 15 Подробнее об этом воеводе см.: *Рабинович Я. Н.* Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 92–98.
- 16 Грамота царя Василия Шуйского... // ААЭ. Т. 2, № 81. С. 175.
- 17 *Маржерет Ж.* Указ. соч. С. 273.
- 18 Акты времени правления царя Василия Шуйского (19.5.1606 г. 17.7.1610 г.) / собр. и ред. А. М. Гневушев // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1915. Кн. 2 (253), № 91–100. С. 156–235.
- 19 Отписки в Посольский приказ Астраханских воевод Шереметева с товарищами по делам ногайским. 1608 (далее – Отписки...) // ЧОИДР. 1915. Кн. 2 (253), № 93. С. 156–188 ; Дело по отписке воеводы Шереметева о прошении царю Василию переводчика Вразского о придаче ему денежного и хлебного жалования за многократные его к ногайцам посылки и за претерпенное от астраханцев, изменивших государю, разорение. 1608, март (далее – Дело по отписке...) // ЧОИДР. 1915. Кн. 2 (253), № 96. С. 201–206.
- 20 Отписки... С. 161.
- 21 Там же. С. 156–188 ; Дело по отписке... С. 201–206.
- 22 К начальной истории нижегородского ополчения : Сказки нижегородских дворян о службе в 1606–1610 гг. // *Антонов А. В.* Историко-археографические исследования : Россия XV – начала XVII века (далее – Сказки нижегородских дворян...). М., 2013. С. 306–336.
- 23 *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907 г. Кн. 3 (222). С. 200–202.
- 24 *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 84, 140, 243,
- 25 Отписки... С. 174.
- 26 *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 64.
- 27 *Попов А.* Изборник... С. 339, 340.
- 28 Подробно о взятии Царицына войсками Шереметева см.: *Рыбалко Н. В.* Управление «Понизовыми городами» в период междоусобия (1610–1613 гг.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 6.
- 29 *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 124.
- 30 См.: Отписки... С. 173.
- 31 *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова 1606–1607 гг. М., 1951. С. 95, 244–247 ; *Пирлинг П.* Из Смутного времени. СПб., 1902. С. 66 ; См. также: *Свиридонова В. П., Тюменцев И. О.* Описание путешествия монахов по Волге в 1606–1607 годах (главы из «Хроники кармелитов») // Стрежень : Научный ежегодник : в 12 вып. Вып. 2. Волгоград, 2001. С. 390–420.
- 32 Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалова // РИБ : в 39 т. СПб., 1894. Т. 15.
- 33 Там же. С. 17.
- 34 Там же. С. 2.
- 35 Там же. С. 39.

- ³⁶ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) : Подписные челобитные об освобождении от уплаты пошлин с марта по август 121 г. / под ред. Л. М. Сухотина. М., 1915. № 276. С. 105.
- ³⁷ Кормленая книга Костромской чети... С. 113.
- ³⁸ Кормленая книга Владимирской четверти 123 г. : Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 44.
- ³⁹ Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–7125 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 81 ; Царская грамота нижегородским воеводам об удовлетворении челобитья казанского жильца А. Соловцова о возвращении ему старинного дворового места в Нижегородском кремле. 1614, апреля 20 // Подвиг Нижегородского ополчения : в 2 т. Нижний Новгород, 2011. Т. 1, ч. 1 (памятники документальные). № CLXIX. С. 317–318. См. также: *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. С. 196.
- ⁴⁰ Посольство Ивана Брехова : Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией (далее – Памятники) : в 3 т. Т. 2 / под ред. Н. И. Веселовского // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества (далее – Труды...). СПб., 1892. Т. 21. С. 314.
- ⁴¹ Отписки... С. 161.
- ⁴² Грамота Лжедмитрия II в Смоленск об астраханских царевичах. 24 апреля 1608 г. // *Бутурлин Д.* История Смутного времени в России в начале XVII века : в 3 ч. Ч. 2. СПб., 1841. Прил. № 7. С. 56–58.
- ⁴³ Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) : в 43 т. Т. 14. СПб., 1910. С. 72. Глава «О ворах Асторханских, кои назывались царевичи».
- ⁴⁴ *Татищев В. Н.* История Российская : в 7 т. Т. 6. М. ; Л., 1966. С. 326.
- ⁴⁵ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск, 2003. С. 336.
- ⁴⁶ Сказки нижегородских дворян... № VII. С. 316 ; № XI. С. 322 ; № XIII. С. 326 ; № XIV. С. 328 ; № XVII. С. 333.
- ⁴⁷ *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII в. М., 1994. С. 452, 453.
- ⁴⁸ *Любомиров П. Г.* Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.). М., 1939. С. 272.
- ⁴⁹ Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. в 9 т. Т. 9 / сост. И. О. Тюменцев [и др.]. М. ; Варшава, 2012. С. 94–97.
- ⁵⁰ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. Т. 8 / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М., 2009. С. 113, 207, 389.
- ⁵¹ Сказки нижегородских дворян... № VI. С. 314.
- ⁵² Там же. № V. С. 312 ; № VIII. С. 319 ; № XIII. С. 327 ; № XIV. С. 329 ; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 277.
- ⁵³ *Тюменцев И. О.* Начало Царицына : гипотезы и факты // Стрежень : Научный ежегодник. Вып. 1. Волгоград, 2000. С. 140, 141.
- ⁵⁴ *Трепавлов В. В.* История Ногайской орды (2-е изд., испр. и доп.). Казань, 2016. С. 356.
- ⁵⁵ Посольство в Персию Михаила Никитича Тиханова : Памятники... Т. 2 // Труды... Т. 21. С. 241.
- ⁵⁶ Там же. С. 229 ; *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. С. 197.
- ⁵⁷ Посольство в Персию Федора Исаковича Леонтьева : Памятники... Т. 3 // Труды... СПб., 1898. Т. 22. С. 144.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Саратов в Смутное время (1606–1614) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 228–240. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-228-240.

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. Saratov in the Time of Troubles (1606–1614). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 228–240 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-228-240.

УДК 94(47).031:902(470.44)|18|

ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В РАБОТАХ САРАТОВСКИХ ИСТОРИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А. С. Майорова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Majorova-as@mail.ru

Современными исследователями поднят вопрос о причинах отсутствия стабильного интереса у саратовских историков XIX в. к изучению остатков золотоордынского города Увека. В трудах Г. С. Саблукова и А. Ф. Леопольдова использован в основном материал, полученный при раскопках Царевского городища, которое идентифицировалось как развалины одной из столиц Золотой Орды Нового Сарая. Изучение остатков столицы огромного государства казалось приоритетной задачей для историков. Осуществление раскопок на Уеке для археологов первой половины XIX в. представлялось сложным.

Ключевые слова: история Золотой Орды, предшественники Саратова, Царевское городище, И. И. Лепехин, епископ Иаков.

Monuments of the Golden Horde in the Works of Saratov Historians of the First Half of the XIX Century

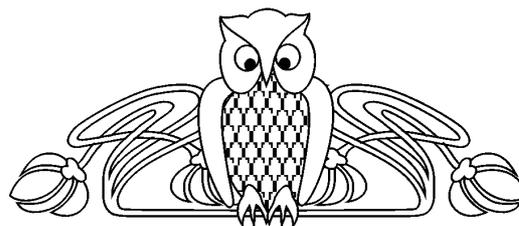
A. S. Mayrova

Modern researchers noticed the lack of sustainable interest to the remains of the Golden Horde city Uvek among Saratov historians of the XIX century. G. S. Sablukov and A. F. Leopoldova mainly use the material obtained during excavations of Tsarevskoye settlement which was identified as the remains of New Sarai, one of the capitals of the Golden Horde. The study of the remnants of the huge state capital seemed a priority task for the historians. The excavations at Uvek were a difficult undertaking for archeologists in the first half of the XIX century.

Key words: Golden Horde history, Saratov predecessors, Tsarevsky settlement, I. Lepekhin, Bishop Jacob.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-241-247

Интерес историков к археологическим памятникам, как показывает практика, довольно часто имеет общественный резонанс. Внимание общественности к тому или иному объекту наследия, полученного нами от минувших веков, связано с целым рядом причин. Это можно видеть и на примере Саратовского Поволжья, если сравнивать, каким образом менялось отношение к отдельным памятникам археологии в разные периоды истории нашего региона. В настоящее время широко обсуждаются проблемы исторической судьбы остатков средневекового города Увека (Увека), которые находятся в черте современного Саратова. Недавно была проведена представительная конференция, посвященная изучению этого городища, а также перспективам его реконструкции и

использования в качестве основного компонента новой рекреационной зоны¹.

Некоторые историки-регионоведы склонны считать Саратов прямым наследником средневекового Увека, несмотря на то что между эпохой, когда жизнь на Уеке затухла, и временем, когда был основан Саратов, прошло два столетия. Так, К. А. Аблязов утверждает, что «с точки зрения установления исторической связи между Уеком и Саратовом имеет значение тот неопровержимый факт, что золотоордынский Уек представлял собой крупную городскую агломерацию, простирающуюся по обоим берегам Волги на протяжении 15–20 км. Вокруг города археологи насчитали около 50 более мелких поселений... Уже сегодня ясно, что город Саратов был основан в 1590 году на территории Большого Уека»². Этого же мнения придерживается и исследователь из Казани А. А. Бурханов, который пишет: «Русский Саратов был основан в конце XVI в. на территории Большого Уека»³. Р. А. Сингатулин старается обосновать предположение о преемственной связи между Саратовом и золотоордынским городом, опираясь на материалы археологических находок, которые свидетельствуют о существовании поселений на территории, которую ныне занимает Саратов, в XVI–XVIII вв.⁴

Данный тезис развивает в своей статье С. А. Браташова: «...Археологические данные, а именно многочисленные фрагменты керамики, монетный материал, погребения казацкого некрополя промежуточного периода между исчезновением золотоордынского Уека и становлением левобережного «лугового» Саратова доказывают, что урбосистема Уек–Яйлак не прекратила своего существования в конце XIV в... Она лишь трансформировалась в урбосистему Увешинской станицы и «дозасекинского» Саратова»⁵. Следует заметить, что для доказательства существования Увешинской станицы и «дозасекинского Саратова» автор приводит цепочку предположений вместо ссылок на источники. Эта гипотетическая урбосистема представлена С. А. Браташовой в качестве преемницы якобы существовавшей ранее системы Уек–Яйлак.

В связи с этим необходимо обратить внимание также на вопрос о том, что такое Яйлак. Это интерпретация названия места, отмеченного на карте венецианских картографов Фр. и Д. Пиццигани 1367 г. на левом берегу Волги напротив Увека⁶. По мнению С. А. Браташовой, таким

образом указано наименование городского поселения. Однако Ф. А. Рашитов упоминает это место на луговой стороне реки как расположение летнего становища ханов Золой Орды⁷. Его мнение справедливо, поскольку Рашитов опирается на смысловое значение слова, которое в несколько искаженном виде использовано на карте Пищигани. Необходимы дополнительные аргументы, основанные на археологических материалах, чтобы говорить определенно о существовании городского поселения там, где находился яйлак, т. е. летнее становище.

Возможность преемственной связи между Саратовом и Увеком рассматривается сторонниками этой идеи как главный аргумент в пользу установления новой даты основания современного Саратова, которая «отодвигается» ко времени возникновения Увека. А. А. Бурханов считает, что результаты археологических исследований и изучение письменных источников, проведенных в последнее десятилетие, позволяют «поставить вопрос о необходимости подготовки юбилея – 750-летия Увека–Увека–Саратова»⁸. Историков, которые поддерживают данное предложение, не смущает тот факт, что в нашем распоряжении нет сведений о дате основания Увека.

Следует заметить, что не все современные археологи согласны с представлением о том, что Саратов является «прямым наследником» Увека. А. Б. Малышев пишет: «В историческом ключе золотоордынский город Укек и русский город-крепость Саратов – это два разных города, между датами существования которых не менее 150–200 лет»⁹.

Сама проблема преемственности Саратова по отношению к этому городу Золотой Орды была поставлена сравнительно недавно. Об этом свидетельствуют наблюдения В. Н. Данилова, который специально рассмотрел вопрос об изучении Увека саратовскими историками, начиная с середины XIX в.¹⁰ В. Н. Данилов отмечает, что на конференции в 2002 г. впервые был выдвинут Ф. А. Рашитовым и Р. А. Сингатулиным спорный тезис о том, что «российский город Саратов возник на историческом фундаменте золотоордынского Увека и других татарских поселений; он является наследником и продолжателем традиций городской ремесленно-торговой культуры, сложившейся в регионе в XIII–XIV вв.»¹¹.

В связи с появлением данного тезиса В. Н. Данилов обратился к историографической традиции и выяснил, какое место занимала тема Увека в исследованиях саратовских историков в течение двух прошедших столетий. Он отметил, что в трудах первых крупных историков-краеведов, А. Ф. Леопольдова, Д. Л. Мордовцева и даже Г. С. Саблукова, который специально занимался памятниками Золотой Орды, тема Увека «была лишь обозначена, но особо не акцентировалась»¹². Л. Ф. Недашковский подробно рассмотрел все труды исследователей, посвященные Увеку¹³. По-

мимо известных в региональной историографии работ, созданных в первой половине XIX в., он указывает на статью Г. С. Саблукова, посвященную Увекскому городищу, которая была написана в 1846 г. Однако эта статья вышла в свет только в 1884 г. в Казани¹⁴, поэтому она не всегда привлекает внимание саратовских историков. На основании сведений, которые приводит Л. Ф. Недашковский, видно, что археологическое исследование остатков Увека началось с середины 60-х гг. XIX в.¹⁵ Что касается саратовских археологов, то изучение ими городища началось после революции 1917 г.¹⁶

Можно отметить, что версия о связи Саратова с Увеком не обусловлена длительной историографической традицией Саратовского Поволжья. Ф. А. Рашитов предложил свое объяснение сложившегося положения. Он пишет, что Укек и Саратов разделены не только двухвековым временным расстоянием, но и принадлежностью к двум разным государствам и цивилизациям. По его мнению, «тюрко-татарский и мусульманский Укек воспринимался в православной России как нечто чуждое и даже враждебное. И это несмотря на то, что в Уеке, как и в других городах Золотой Орды, существовала русско-православная община, а в освоении и благоустройстве Саратовского края в XVII–XVIII вв. наряду с русскими принимали участие и татары»¹⁷.

Чтобы выяснить, насколько справедливо объяснение, предложенное Ф. А. Рашитовым, необходимо обратиться к трудам исследователей, которые занимались историей Саратовского Поволжья в XIX в. Что касается историографии темы Увека в XX в., то В. Н. Даниловым показано, что уже в конце XIX в. наблюдается интерес к этому археологическому объекту со стороны членов Саратовской ученой архивной комиссии, а в первые годы после революции ученые историко-филологического факультета Саратовского университета вели раскопки на его территории. После 1923 г. исследования Увека прекратились, археологические раскопки возобновились только в конце 1980-х гг.¹⁸ Следовательно, вывод Ф. А. Рашитова о том, что Укек воспринимался в православной России как «нечто чуждое и враждебное», не имеет достаточного обоснования.

Отмеченные В. Н. Даниловым чередования периодов повышенного внимания к Увекскому городищу и прекращения его активного изучения позволяют предположить, что они являются результатом очень сложных социокультурных процессов. Причем историографическая традиция сама по себе может играть здесь очень важную роль. Начальный этап описания и изучения Увека русскими учеными можно видеть во второй половине XVIII в., как неоднократно отмечали историки¹⁹.

Первое описание Увека в русской научной литературе принадлежит выдающемуся ученому И. И. Лепехину. Он посетил Саратов и его окрестности в ходе академической экспедиции

в 1768 г. и побывал на Увек. В своих «Дневных записках», опубликованных в конце XVIII века²⁰, автор не только повествует о внешних приметах памятника, но высказывает мнение о его идентификации. И. И. Лепехин упоминает земляной вал, окружавший городище, и указывает высоту вала – «не более двух сажень»²¹.

Согласно его сообщению, он посетил «жилища татар» на Увек, беседовал с местными жителями, собрал там нумизматический материал и какие-то бытовые предметы (возможно, женские украшения). На основании этих находок и знакомства с устной традицией ученый смог сделать некоторые выводы. У И. И. Лепехина не было сомнения относительно того, что на месте городища был когда-то татарский город. В качестве доказательства того факта, что он принадлежал именно татарам, ученый называет «находимые на Увек» медные и серебряные монеты, кольца, серьги, посуду. От местных жителей ему было известно, что во время паводка, после того как сойдет вода, здесь собирали серебряные монеты, чтобы затем продать их в Саратове серебряникам. Лепехин упоминает о том, что видел у одной женщины «золотые татарские подвески, найденные также на волжском берегу»²². Очевидно, не только надписи на монетах, которые удалось прочесть переводчикам, давали основание идентифицировать городище как татарский город. К числу находок, позволяющих подтвердить эту идентификацию, И. И. Лепехин отнес женские украшения и посуду, найденные на городище. Возможно, эти предметы имели ясно выраженные признаки, которые позволяли их сопоставлять с аналогичными вещами из обихода татар в XVIII веке.

И. И. Лепехин сообщает, что он сам набрал на Увек «немало медных денег и другой мелочи», причем некоторые монеты оставил себе, а затем просил переводчика прочесть надписи на монетах и истолковать их. В результате ему удалось выяснить некоторые даты и имена ханов, при которых монеты были отчеканены. Эти сведения И. И. Лепехин поместил в эпизоде «Дневных записок», посвященном Увеку²³.

Следующее по времени известное нам сообщение об этом археологическом памятнике встречаем в одном из первых описаний Саратовской губернии, составленном в 1807 г.²⁴ Необходимо иметь в виду, что в самом первом описании губернии нет упоминания о городище на Увек, поскольку в нем вообще не представлены материалы исторического характера²⁵. «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии», составленное в 1807 г. под руководством губернатора П. У. Белякова, было впервые опубликовано только в 2011 г. в Волгограде²⁶. О самом факте существования этого ценного источника саратовские историки узнали в конце XIX века. Позднее его рукопись была найдена П. Г. Любомировым и использована им в одной из своих работ. Саратовскому исследователю М. В. Булычеву удалось

выявить два списка данного описания, один из которых положен в основу названной выше публикации²⁷. В «Топографическом и историческом описании...», помимо другого ценного материала, представлены исторические сведения о городах и уездах, а также об археологических памятниках и мемориальных объектах на территории губернии и в ее городах.

Информация такого характера встречается при описании нескольких городов губернии и их окрестностей. В начале XIX в. губернской администрации удалось выявить ряд различных по характеру объектов, связанных с преданиями о прошлом. Причем чаще всего они находились вблизи городов или в самих городах. Большинство из них отмечены в Саратовском и Царицынском уездах. Памятники прошлого, которые зафиксированы в топографическом описании, в большинстве случаев представляют собой археологические объекты.

При описании Саратовского уезда указаны три таких объекта: гора Увек, «насыпной мар» в окрестностях села Широкого и «в луговой стороне старый Саратов»²⁸. Информация об Увек дает некоторое представление о том, как выглядело городище двести лет назад и какими сведениями о его происхождении располагали составители описания. Площадь городища, находившегося на горе, не была занята застройкой и оно имело внушительные размеры. В описании сказано, что вдоль берега Волги остатки города тянутся на полторы версты. В те времена еще сохранялся вал, поднимавшийся в гору и окружавший городище. Как было сказано выше, этот вал привлек внимание Лепехина. В «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии» отмечены провалы на территории городища: «Внутри видимо множество больших ям и погребов, бывших, по видимому, с кирпичными стенами»²⁹.

В описании упоминается о том, что на городище «и поныне находят мелкую серебряную татарскую и болгарскую монету», а также о находках «давних времен» – медной и глиняной посуды и «утварей женских» (очевидно, имеются в виду украшения). Обращает на себя внимание тот факт, что составитель описания не называет ни имени, ни предполагаемого времени существования города, ни государства, к которому он принадлежал. О городище сказано, что это «остатки бывшего издревле в неизвестные времена и какого точно заселения»³⁰. Таким образом, в топографическом описании этот археологический памятник не обойден вниманием, хотя информация об Увек, представленная в нем, имеет гораздо меньший объем, чем в сочинении И. И. Лепехина. Совершенно очевидно, что составителям описания не был известен научный труд И. И. Лепехина – ведь его автор, помимо очень интересного рассказа о находках, сделанных на Увек, высказал мнение о том, к какому этносу принадлежало основное население города. Тем не менее в топографическом

описании, как видим, присутствуют сведения об этом городище.

Составители описания не обошли вниманием и другие археологические памятники, сведения о которых им удалось получить от чиновников из уездов Саратовской губернии. В разделе «Топографического и исторического описания...», посвященном Царицынскому уезду, есть подраздел «Достойные замечания остатки древности». В нем сообщается, что там «есть многие остатки древних городов»³¹. Составитель называет урочище между Волгой и Ахтубой, «довольно известное и многими описанное Царевы Пады называемое». Здесь дана характеристика его состояния – «многие каменные развалины, обратившиеся в одни груды, каменные погребя или ямы и приметный земляной вал, четверугольником построенный» – и указана примечательная площадь памятника – 30 верст. И далее приведено пояснение происхождения развалин: «остатки столицы татар известных под именем Большой или Золотой Орды, называвшейся Сарай (по-русски: Царев город)»³². В настоящее время это археологический памятник Царевское городище, который находится на окраине села Царев Ленинского района Волгоградской области. По сведениям Л. Ф. Недашковского, площадь памятника в пределах укрепленной части – 160 га³³.

«Топографическое и историческое описание...», конечно, не является историческим трудом. Однако его необходимо принимать во внимание при изучении процесса познания прошлого на территории Саратовской губернии. При этом следует учитывать, что историки XIX в. не могли им воспользоваться, поскольку его рукопись, как было отмечено выше, была найдена уже в XX в.

В середине 40-х гг. XIX в. был написан первый в русской историографии труд, посвященный истории Золотой Орды. В нем значительное место занимают сведения о городах, существовавших на территории этого государства. Автором данного труда является Г. С. Саблуков. В 1830–1849 гг. он работал в Саратовской духовной семинарии, а затем перешел в Казанскую духовную академию и прославился как ученый-ориенталист. Две его работы по истории Золотой Орды были впервые опубликованы в 1844 г. в Саратове³⁴. Позднее одна из них – «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» – была опубликована в Казани отдельным изданием³⁵. В качестве источников для написания этого труда Саблуков, помимо письменных материалов, использовал археологические находки, сделанные на территории Саратовской губернии, – монеты, ювелирные изделия, обломки архитектурного декора.

В связи с вопросом, который был поставлен современным исследователем Ф. А. Рашитовым о причинах отсутствия интереса со стороны русских историков к изучению Увека, следует обратить внимание – есть ли в труде Г. С. Саблукова материал об этом городище. Как справедливо отметил В. Н. Данилов, тема Увека у него

лишь обозначена. При этом сведениям о городах Золотой Орды Г. С. Саблуков отвел в своем «Очерке» значительное место. Особое внимание автор уделяет вопросу о столице, точнее, о двух столицах Кипчакского царства. Саблуков пишет, что Сарай, основанный Батыем, был столицей его преемников до конца XIII в. Его место, как пишет Г. С. Саблуков, «занимает ныне село под именем Селитренного городка». В настоящее время это археологический памятник – Селитренное городище на территории Харабалинского района Астраханской области. Саблуков излагает свою точку зрения по поводу времени перенесения столицы ханов: «Новый Сарай, являющийся первый раз на монете Тохтагу-хана, был столицей Орды с XIV столетия до ее падения»³⁶. Местоположение Сарай-аль-Джедиды, т. е. Нового Сарая, «по русским летописям Большие Сарай», Саблуков определяет следующим образом: «на месте нынешнего Царева при вершине Ахтубы»³⁷.

Перечисляя города Золотой Орды, Г. С. Саблуков называет и Увек, причем он отнесен к тем городам, «которых или начало или место определенно не известны»³⁸. Можно полагать, что место Увека было хорошо известно Саблукову, но у историка не было сведений относительно даты его основания. Автор «Очерка» изучал артефакты и монеты, происхождение которых было связано с развалинами этого городища. Саблуков упоминает перстни из коллекции Маурина, найденные на Увеке, по словам владельца коллекции³⁹. Судя по содержанию сочинения Г. С. Саблукова, а также по отсутствию ссылок на «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии», историк не был знаком с этим источником, в котором дана характеристика развалин Увека.

Г. С. Саблуков приводит данные, которые ему удалось выявить, о планировке городов, существовавших «в Кипчаке», об их архитектуре и благоустройстве на основании археологических данных и письменных свидетельств, в том числе графической фиксации развалин на территории Булгара⁴⁰. Кроме Булгара Г. С. Саблуков имел сведения о памятниках Старого Крыма. Эти сведения изложены очень кратко. Более крупный фрагмент раздела его работы, посвященного городам Кипчака, составляет общая характеристика «обширных развалин» «больших Сараев», т. е. Царевского городища⁴¹.

Для составления этого описания Г. С. Саблуков использовал материалы археологических раскопок, которые велись на его территории. Изучение Царевского городища началось уже в 30-е гг. XIX в., что видно из документов государственного архива Саратовской области. Самые ранние сведения об этом относятся к 1837 г. Сохранился рапорт (сообщение) протоиерея Иосифа Шиловского, который осуществлял раскопки, саратовскому епископу Иакову от 9 февраля 1837 г. В нем содержится описание развалин города на р. Ахтубе в Царевском уезде⁴². В 1843–51 гг. рас-

копки на городище производились под руководством знаменитого археолога А. В. Терещенко⁴³.

Содержание монографии Г. С. Саблукова свидетельствует о том, что города Золотой Орды были объектом пристального внимания этого исследователя, несмотря на то, что большинство их населения не исповедовало православие и не принадлежало к русскому этносу. Некоторые результаты изучения им материала с Увекского городища представлены в «Очерке внутреннего состояния Кипчакского царства». Однако Г. С. Саблуков не мог написать об Увекке так, как он писал о Царевском городище, потому что раскопки на Увекке начались после того, как его работа впервые была опубликована в Саратове. Царевское городище в силу его особенностей было более доступным для археологических исследований, раскопки на нем велись, как было сказано, уже до начала 40-х гг. XIX в. Кроме того, остатки столицы некогда могущественного государства, несомненно, вызывали у историков повышенный интерес.

Результаты исследования Г. С. Саблукова были использованы А. Ф. Леопольдовым в его «Историческом очерке Саратовского края», который вышел в свет в 1848 г.⁴⁴ С именем А. Ф. Леопольдова историки обычно связывают начало первого этапа историко-краеведческих исследований в Саратовском Поволжье. В 20–30-е гг. XIX века вышли его первые труды по статистике, истории, географии и этнографии Нижневолжского региона. В его творчестве, многообразном по содержанию, значительное место занимают работы по истории Саратовского Поволжья.

Саратовский историк А. А. Гераклитов даже полагал, что А. Ф. Леопольдов был единственным человеком, который интересовался историей Саратовского Поволжья в первой половине XIX в. По его мнению, до 30-х годов XIX ст. «мы не можем указать ни на одного саратовца, проявляющего хотя бы какой-нибудь интерес к тому краю, среди которого он рос»⁴⁵. А. А. Гераклитов назвал А. Ф. Леопольдова «пионером в деле изучения прошлого нашего края»⁴⁶. Через семьдесят лет после выхода в свет монографии А. А. Гераклитова В. Г. Миронов и В. М. Захаров⁴⁷ повторили этот тезис.

Создавая «Исторический очерк Саратовского края», А. Ф. Леопольдов поставил перед собой масштабную задачу – осветить историю Саратовского Поволжья с тех времен, от которых дошли первые сведения о населявших его народах. Наиболее ранние сведения такого рода он усматривает в трудах «греческих писателей», которые «темно намекали» о заселении «этой страны» скифами⁴⁸. Далее, опираясь на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, Леопольдов называет хазар, печенегов, торков, болгар. Много места в своем сочинении он отвел периоду, когда Нижнее Поволжье находилось под властью Золотой Орды. При этом он использует труд Н. М. Карамзина, опубликованные письменные источники и, как

отмечалось выше, результаты научных изысканий Г. С. Саблукова, которые к тому времени уже были помещены в качестве статей в «Саратовских губернских ведомостях».

А. Ф. Леопольдов упоминает Увек (Укек): «В здешнем крае были татарские города: Сарай, Укек и др [угие]»⁴⁹. Никаких подробностей об остатках Увека у Леопольдова мы не встречаем. Так же как и Г. С. Саблуков, он не был знаком с содержанием «Топографического и исторического описания...» Из сочинения Г. С. Саблукова он позаимствовал общие замечания об особенностях планировки и архитектуры городов Золотой Орды и целый ряд сведений об этом государстве. Особо следует отметить, что А. Ф. Леопольдов не упоминает о развалинах Старого Сарая.

Можно было бы предположить, что Селитренное городище не интересовало его, поскольку находилось за пределами Саратовской губернии. Однако замечания Леопольдова по поводу судьбы Сарая показывают, что у него было свое представление об истории столицы ханов Золотой Орды. Он не разделял точку зрения Г. С. Саблукова о том, что статус столицы и наименование Сарай первоначально имел город, развалины которого находились на территории Астраханской губернии (Селитренное городище). А. Ф. Леопольдов пишет, что Сарай был основан Батыем между 1242 и 1254 гг., в русских летописях он впервые упоминается после 1261 г., а «самое цветущее время» Сарая «было во время управления Узбека и Джанибека»⁵⁰. Таким образом, столица ханов, по мнению Леопольдова, и в XIII, и в XIV в. находилась в урочище, получившем спустя несколько столетий наименование Царевы Пады (Царевское городище).

Автор «Исторического очерка» пишет: «Где могила Сарая и где кости этого сраженного великана? – спрашивают археологи. Без дальних мудрований можно и должно сказать, что столица Золотой Орды находилась в урочище, называемом Царевы Палы или на месте и в окрестностях нынешнего города Царева»⁵¹. А. Ф. Леопольдов здесь называет «дальними мудрованиями» высказанные Г. С. Саблуковым соображения относительно существования Старого Сарая, Сарая-Бату. Однако он не приводит аргументов в пользу своей собственной точки зрения о «единственном» Сарае. Интересно то, что А. Ф. Леопольдов цитирует в «Историческом очерке» отрывок из сочинения арабского путешественника Ибн-Баттуты, который посетил столицу ханов в 1334 г.⁵² Этот источник не был использован Г. С. Саблуковым. А. Ф. Леопольдов полагал, что путешественник описал именно тот город, развалины которого находились в урочище Царевы Пады. По мнению современного исследователя Е. М. Пигарёва, Ибн-Баттута посетил не новую столицу, а Старый Сарай⁵³.

Вопрос о том, какой город видел и описал путешественник, нельзя назвать решенным. В

настоящее время существует предположение, что столица в Золотой Орде была одна, но находилась она не там, где указывал Леопольдов – в урочище Царевы Пады, – а на месте Селитренного городища (Старый Сарай)⁵⁴. О статусе и названии города, остатки которого известны как Царевское городище, имеются две версии. Одна традиционная, согласно которой этот памятник представляет собой развалины Нового Сарая (Сарай ал-Джедид). Согласно другой версии, высказанной недавно, этот археологический памятник – остатки города под названием Гюлистан, известного по нумизматическим материалам⁵⁵.

Вне зависимости от того, как современные исследователи интерпретируют историю столицы Золотой Орды, категорическое утверждение А. Ф. Леопольдова о том, что был только один Сарай и его расположение отмечено обширным Царевским городищем, вызывает вопрос – почему он пренебрег мнением Г. С. Саблукова? Ведь аргументов, опровергающих это мнение, он не представил. Можно предположить, что ему казалась очень привлекательной мысль о том, что именно на территории Саратовской губернии когда-то находилась столица могущественного государства. Картина обширного богатого города с величественными постройками, многолюдными базарами, с разноязычным населением, которая была нарисована Ибн-Баттутой, поразила его воображение. Леопольдову хотелось, чтобы эта картина имела прямое отношение к истории Саратовской губернии.

Если столице Золотой Орды в сочинении А. Ф. Леопольдова уделено достаточно много внимания, то для Увека он не нашел места в своем сочинении. По сравнению с Сараем, т. е. с тем городом, развалины которого получили название Царевское городище и о котором уже в первой половине XIX в. сложилось определенное представление на основании археологических материалов, Увек казался менее интересным памятником. Его развалины, как видно из материалов «Топографического и исторического описания...», занимали гораздо меньшее пространство, чем Царевское городище. На поверхности почвы на Увек, судя по тому же источнику, не было видно остатков зданий, а только «ямы и погреба». Поэтому археологическое изучение городища на Увек тогда еще не начиналось. Увек оказался «в тени» более крупного и более доступного для изучения памятника.

Как мы убедились, саратовские историки первой половины XIX в. с большим интересом относились к изучению остатков столицы Золотой Орды. Их совершенно не смущало то обстоятельство, что это государство и его города относились к иной цивилизации, чем цивилизация православной России. По содержанию работ Г. С. Саблукова и А. Ф. Леопольдова можно видеть, что они включают в историю региона события, которые происходили на берегах Волги в период существования Золотой Орды. А. Ф. Леопольдову принадлежит

любопытное описание возникновения государства Батые. Кратко рассказав о приходе его войска на берега Волги, он пишет: «Скоро Батый от Волги двинул ужасную рать свою на внутренность России, погромил ее цветущие области почти от Новгорода до Киева, завоевал земли Половецкую и Мордовскую, покорил многие области польские, Венгрию, Кроаццию, Сербию, Дунайскую Булгарию, Молдавию, Валахию и, приведши в ужас Европу, воротился к берегам Волги – владыкою России, земли Половецкой, Тавриды, стран кавказских и всех от устья Волги до реки Дуная, жил здесь, и уже с этой поры русские князья от страха начали ходить в Орду для испрошения престолов и других милостей»⁵⁶.

Если судить по тону его повествования, А. Ф. Леопольдову казалась очень привлекательной сама идея о связи истории завоеваний Батые с историей Поволжья и о том, что столица ханов находилась «здесь», на территории Саратовской губернии. Недаром он описывает огромное пространство, на котором жили народы, подвластные ханам Золотой Орды, получавшие от них повеления с берегов Волги. Отблеск величия Золотой Орды придавал особую значимость всему, что происходило впоследствии в Саратовском Поволжье. Можно сказать, что имперское сознание определяло интерес А. Ф. Леопольдова к истории государства, созданного наследниками Чингисхана. Приоритеты, обозначенные в трудах Саблукова и А. Ф. Леопольдова, в частности повышенное внимание к столице Золотой Орды, продолжали оставаться актуальными в историографической традиции Саратовского края в течение длительного времени.

Примечания

- 1 См.: Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Увек : прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (4–6 июня 2015 г., г. Саратов). Саратов, 2016. 259 с.
- 2 *Аблязов К. А.* Увек и Саратов как вехи урбанизационного процесса в регионе // Историко-археологические памятники ... С. 22.
- 3 *Бурханов А. А.* Памятники археологии и архитектуры золотоордынских городов : проблемы изучения, сохранения и использования // Историко-археологические памятники... С. 28.
- 4 *Сингатулин Р. А.* Особенности исследований на Увекском городище : ошибки интерпретации данных // Историко-археологические памятники ... С. 138.
- 5 *Браташова С. А.* Увешинская станица и Саратау : к вопросу о сохранении урбосистемы Увек – Яйлак // Историко-археологические памятники... С. 217.
- 6 Там же. С. 215.
- 7 *Рашитов Ф. А.* Культурно-символическое наследие Увека для Саратова : трудности перевода // Историко-археологические памятники ... С. 249.

- ⁸ Бурханов А. А. Указ. соч. С. 25.
- ⁹ Малышев А. Б. Этнокультурная характеристика населения Саратовского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Историко-археологические памятники... С. 192.
- ¹⁰ Данилов В. Н. Место Увека в региональном краеведении // Историко-археологические памятники... С. 39–43.
- ¹¹ Цит. по: Данилов В. Н. Место Увека в региональном краеведении... С. 42.
- ¹² Там же. С. 40.
- ¹³ Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. 224 с.
- ¹⁴ Там же. С. 6.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Данилов В. Н. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁷ Рашитов Ф. А. Указ. соч. С. 249.
- ¹⁸ Данилов В. Н. Указ. соч. С. 40, 41.
- ¹⁹ См., например: Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 5 ; Малов Н. М. Изучение и моделирование исторической топографии золотоордынского города Укека // Историко-археологические памятники... С. 113.
- ²⁰ [Лепехин И. И.] Дневные записки путешествия доктора Академии Наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. СПб., 1795 : в 4 ч. Ч. 1. С. 378–390.
- ²¹ Там же. С. 380.
- ²² Там же. С. 379.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011. С. 37.
- ²⁵ См.: Описание Саратовского наместничества // Собрание сочинений, выбранных из месящесловов за разные годы : в 10 ч. СПб., 1790. Ч. 6. С. 23–62.
- ²⁶ Топографическое и историческое описание...
- ²⁷ См.: Клейтман А. Л. «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии» как памятник провинциальной историографии и исторический источник // Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 9–10.
- ²⁸ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 37.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. С. 82.
- ³² Там же.
- ³³ Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010. С. 31.
- ³⁴ Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства // Саратовские губернские ведомости. 1844. № 26–36 ; Он же. Монеты Золотой Орды // Саратовские губернские ведомости. 1844. № 2, 3.
- ³⁵ Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Казань, 1895. 60 с.
- ³⁶ Там же С. 28.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 35.
- ⁴⁰ Там же. С. 30–32.
- ⁴¹ Там же. С. 31–32.
- ⁴² ГАСО Ф. 12. Оп. 1. Д. 506 а. Л. 44–49.
- ⁴³ Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья... С. 31.
- ⁴⁴ Леопольдов А. Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. 196 с.
- ⁴⁵ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVII вв. Саратов, 1923. С. 28.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ См.: Захаров В. М., Миронов В. Г. У истоков саратовского исторического краеведения : учеб. пособие по курсу «Историческое краеведение». Балашов, 1991. С. 6–7.
- ⁴⁸ Леопольдов А. Ф. Указ. соч. С. 1.
- ⁴⁹ Там же. С. 18.
- ⁵⁰ Там же
- ⁵¹ Там же. С. 20.
- ⁵² Там же. С. 19.
- ⁵³ См.: Пигарёв Е. М. Музеефикация Селитренного городища – строительство музея под открытым небом в рамках национального проекта культурного наследия // Музей в региональном пространстве : презентация исторического наследия, культурная и историческая миссия : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию Саратовского областного музея краеведения (13–15 декабря 2011 г.). Саратов, 2011. С. 23.
- ⁵⁴ Волгоград в начале XXI века : учеб. пособие. Волгоград, 2011. С. 124.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Леопольдов А. Ф. Указ. соч. С. 3, 4.

Образец для цитирования:

Майорова А. С. Памятники Золотой Орды в работах саратовских историков первой половины XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 241–247. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-241-247.

Cite this article as:

Mayorova A. S. Monuments of the Golden Horde in the works of Saratov historians of the first half of the XIX century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 241–247 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-241-247.

УДК 624.2].8 (470.44–25) (092)

ПРОЕКТ СТРОИТЕЛЬСТВА МОСТА ЧЕРЕЗ ВОЛГУ ОКОЛО САРАТОВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. В. Зайцев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru

Создание моста через Волгу в начале XX в. являлось важнейшим условием интенсивного экономического развития Нижнего Поволжья. Статья посвящена предпосылкам и обстоятельствам возникновения данного проекта. На основе архивных и опубликованных источников автор рассматривает его обсуждение местными властями и правительством России. Столкновение интересов Саратовской городской думы и общества Рязано-Уральской железной дороги замедлило утверждение проекта и не позволило начать строительство моста до революции 1917 г.

Ключевые слова: история России начала XX в., история Саратова, железнодорожный транспорт, мост через Волгу.

The Project of Bridge Construction Across the Volga near Saratov in the Early XX Century

M. V. Zaytsev

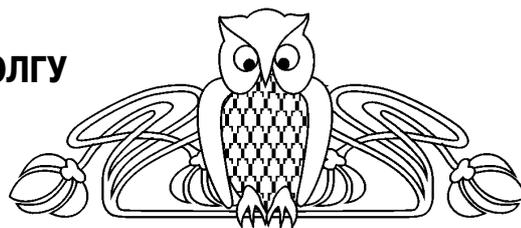
Creating a bridge over the Volga River in the early twentieth century was the most important condition for rapid economic development of the Lower Volga region. The article is devoted to the background and circumstances of this project's emergence. On the basis of archival and published sources, the author considers its discussion by the local authorities and the Russian government. The conflict of interests between the Saratov City Duma and the joint-stock company of Ryazan-Ural Railway slowed the approval of the project and didn't allow to start bridge construction before the Revolution of 1917.

Key words: history of Russia in the early XIX century, history of Saratov, railway transport, bridge across the Volga.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-248-255

История развития транспортной сети Поволжья имеет еще немало любопытных и в то же время малоизученных вопросов. К таким, в частности, относится план создания мостового перехода через Волгу возле Саратова, разрабатывавшийся в начале XX столетия.

Этот сюжет еще не получил должного освещения в исторических исследованиях. Так, коллективная монография «Очерки истории Саратовского Поволжья...» ограничивается лишь кратким упоминанием данного факта: «Купцы высказались за то, чтобы <...> соорудить мост через Волгу. Были даже разработаны проекты, но вопрос не был решен, ибо наступила Первая мировая война»¹. Большинство же работ по истории Саратовского края не содержит даже подобных упоминаний об этом проекте, поэтому указанная тема, безусловно, нуждается в более тщательном изучении.

В последней трети XIX в. основная роль в транспортной сети Нижнего Поволжья переходит к железным дорогам. «Прорывным» в этом смысле стал 1871 г., когда начала функционировать линия, соединившая Тамбов (уже связанный к тому моменту железнодорожными путями с центром России) и Саратов. С 1892 г. Тамбово-Саратовская дорога стала частью сети акционерного общества Рязано-Уральской железной дороги (далее – РУЖД), которое с этого момента занималось развитием данного вида транспорта в нижеволжском регионе. К 1900 г. сеть РУЖД выросла более чем в 10 раз, достигнув 3,6 тыс. верст. Были выстроены несколько крупных линий, в том числе Ртищево – Пенза – Таволжанка, Тамбов – Камышин, Аткарск – Вольск и Покровская слобода – Уральск (с веткой на Александров Гай). После завершения строительства Астраханской железной дороги (1909 г.) земледельческие губернии Нижнего Поволжья оказались связаны как с центральным промышленным районом, так и с Каспийским морем, что обеспечивало организацию хлебного экспорта².

Развитие железнодорожного транспорта оказало мощное влияние на экономику Саратова, который в ту эпоху являлся крупнейшим и наиболее интенсивно развивающимся городом Нижнего Поволжья. Не случайно правление РУЖД разместилось именно в нем. Он являлся узловым центром транзита грузов между центральным земледельческим и промышленным регионом, с одной стороны, и степными юго-восточными областями, с другой. Это способствовало не только социально-экономическому росту, но и увеличению численности населения, а также культурному развитию Саратова.

Естественным препятствием для стабильного железнодорожного движения через Саратов в широтном направлении являлась Волга. На другом ее берегу находилась слобода Покровская, формально относившаяся к Самарской губернии, но экономически тесно связанная с центром губернии Саратовской. Для соединения станций, расположенных в этих населенных пунктах, общество РУЖД было вынуждено содержать паромы, осуществлявшие переправу железнодорожных составов между двумя берегами.

Переправа, оборудованная по последнему слову техники, находилась в 12 верстах к югу от Саратова возле села Набережный Увек, получившего свое название от золотоордынского города, когда-то располагавшегося на этом месте. Здесь на обеих сторонах Волги располагались ряжевые

массивы, по которым рельсы подходили к самому берегу реки. Перевозку составов осуществлял паровой паром, способный вмещать до 28 вагонов одновременно, а зимой путь для него прокладывал паромод-ледокол, бравший также на борт грузы и пассажиров. Интересно, что паром и ледокол были английского производства. С запуском в эксплуатацию Астраханской железной дороги нагрузка на переправу увеличилась, что привело к появлению второго парома, выстроенного на Сормовских заводах и вмещавшего до 30 вагонов. Теперь обмен между двумя берегами Волги мог достигать 300 вагонов в сутки в каждую сторону³.

Поблизости от переправы находилось несколько важных вспомогательных объектов. В затоне рядом с ней располагался плавучий док для ремонта судов. На берегу, в окрестностях станции Увек, стояли нефтеналивные резервуары, принадлежащие РУЖД и частным владельцам, куда нефть закачивалась с баржей. Они вмещали до 4.140 тыс. пудов «черного золота». А неподалеку имелось еще и нефтехранилище товарищества братьев Нобель, емкостью 1.730 тыс. пудов. Кроме того, возле станции располагались большие амбары для хранения различных грузов. Из-за сложного рельефа (крутой откос берега) существовала специальная система для спуска и подъема грузов в вагонетках по рельсам. Оборот этой системы в навигацию составлял до 5 млн пудов⁴.

Несмотря на обеспеченность переправы всеми необходимыми средствами, она значительно задерживала движение грузов по железной дороге, что заставило правление общества РУЖД задуматься о строительстве моста, который связал бы два берега Волги. Эта стройка должна была стать частью другого, еще более масштабного проекта, предусматривавшего модернизацию линии Покровская слобода – Уральск (замена узкой колеи на широкую), соединение станции Уральск со станцией Илецк Ташкент-Оренбургской железной дороги и организацию Южно-Сибирской магистрали. Существующая переправа, конечно, не смогла бы обслуживать возросшие потребности саратовского узла. В 1914 г. один из правительственных источников отмечал: «теперь при развившейся работе Заволжских линий Общества, когда всякое малейшее нарушение правильности работы паромов, хотя бы из-за незначительной их порчи, вызывает залежи грузов с Астраханской линии, притом часто скоропортящихся, как напр.: фрукты, свежая рыба; с окончанием же Обществом постройки линии Уральск – Илецк, устанавливающейся соединении с Ташкентской жел [езной] дорогой и привлекающей оттуда новый поток грузов, эти затруднения в переправе чрезвычайно возрастут»⁵. Исходя из этого, правление общества РУЖД к 1911 г. разработало и представило в Министерство путей сообщения проект, в котором предполагалось, что мост будет построен в том месте, где действовала паромная переправа⁶.

Когда представленные планы стали обсуждаться правительственными инстанциями, к делу энергично подключилась Саратовская городская дума, члены которой прекрасно осознавали насколько решение этого вопроса может повлиять на дальнейшее развитие города. Интересы городского самоуправления в столице представляли депутаты Государственной думы от Саратовской губернии А. А. Добровольский и А. М. Масленников. Последний к этому времени уже много лет состоял гласным городской думы, а Добровольский, забегаая вперед, будет избран гласным в 1913 г.

Весной 1911 г. городская дума для обсуждения вопроса о строительстве моста избрала специальную комиссию, куда вошли городской голова В. А. Коробков, А. М. Масленников, А. А. Добровольский, П. М. Репин, Г. Г. Дыбов, Ф. П. Шмидт и М. Ф. Волков⁷. Кроме того, были выделены деньги на разработку проекта моста и на составление «Экономической записки», посвященной значению этой стройки для развития Саратова и всего Нижнего Поволжья⁸.

«Экономическая записка» представляет собой любопытный документ, суммирующий основные социально-экономические показатели Саратова и прилегающих к нему территорий, с точки зрения перспектив хозяйственного развития региона в связи с усовершенствованием транспортной сети. Прежде всего, она констатирует лидирующее положение города среди остальных крупных центров Нижнего Поволжья по основным социально-экономическим показателям. Население Саратова к 1 января 1911 г. достигло 220 тыс. чел., количество объектов недвижимости, не считая принадлежавших казне и духовному ведомству, составляло 14.205, а их суммарная стоимость (только по официальной оценке) – 86,8 млн руб. Число торговых и промышленных заведений, даже без учета акционерных компаний, превышало 10 тыс., их общий оборот – 197 млн руб. Баланс оперирующих в городе банков к концу 1909 г. достиг 54 млн руб., а прибыль Саратовского отделения Государственного банка в 1895–1905 гг. превышала показатели аналогичных учреждений всех поволжских центров, включая Казань, Нижний Новгород и Самару⁹.

Развитие мукомольной промышленности в Саратове и Саратовской губернии опережало, по утверждению авторов записки, все прочие города и губернии России. Мельницы только Саратова были оборудованы на ежегодный разمول 26 млн пудов пшеницы и 7,5 млн пудов ржи. Весьма впечатляли и позиции местной маслособойной отрасли: в городе находилось 15 предприятий, способных перерабатывать почти 9 млн пудов семян в год. К этому нужно добавить 4 крупных и 10 средних металлообрабатывающих и машиностроительных заводов, 2 табачных фабрики, бумагопрядильную мануфактуру, 11 лесопильных заводов и другие предприятия различной специализации.

Город являлся крупным транспортным узлом, лежавшим на пересечении волжской и железнодорожной магистралей. По Волге через саратовские пристани проходило каждую навигацию более 74 млн пудов разнообразных грузов, а через городские станции железной дороги – более 27 млн пудов ежегодно. Основными объектами грузоперевозок были зерно, мука, масленичные семена, подсолнечное масло, нефть, мазут, керосин, лес, рыба, железо, сталь, изделия из железа и чугуна, мануфактура, табак и соль¹⁰. Масштабный грузооборот способствовал интенсивному росту в Саратове торговли, сборы с которой составляли важную часть доходов бюджета городского самоуправления. Эти доходы составили в 1911 г. более 3,9 млн руб.¹¹

Таким образом, Саратов являлся крупнейшим торговым и промышленным пунктом юго-востока европейской части России, «экономическим центром тяготения» для обширного края, включавшего не только Саратовскую губернию, но и части Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Астраханской. Особенно тесные связи имелись с Заволжьем, административно входившим в состав Новоузенского и Николаевского уездов Самарской губернии, а также Уральской области. Из этого степного региона в Саратов массово поступала продукция сельского хозяйства (зерно, скот, шерсть, рыба), а отправлялись туда результаты их переработки и другая продукция саратовских предприятий (мука, бакалея, мануфактура, железо). Именно открытие железнодорожной линии между Покровской слободой и Уральском (1894 г.) окончательно переориентировало Заволжье на связи с Саратовом, тогда как до этого товары из Уральска чаще отправлялись в Самару и Оренбург¹².

Строительство железной дороги на Уральск привело и к быстрому экономическому росту Покровской слободы. Оставаясь формально сельским поселением, по своему торгово-промышленному значению она опережала многие уездные города. На 1 января 1910 г. в слободе проживало 33 тыс. официально зарегистрированных жителей, хотя местный биржевой комитет считал, что реальное количество населения составляет 42 тыс. Здесь находилось 7 отделений различных банков, хлебная биржа, 718 торговых и промышленных заведений (в том числе 2 механических завода и 2 паровых мельницы). Суммарный оборот заведений, подлежавших обложению промысловым налогом, достигал 14 млн руб., оборот хлебной торговли – 17,5 млн руб., другими товарами – до 10 млн руб. в год. Саратовские мукомолы ежегодно закупали в слободе до 5,5 млн пудов зерна, а отправляли туда до 1 млн пудов муки. Мануфактурных и бакалейных товаров, железа и прочей продукции промышленного производства слободой закупалось в Саратове на 3,5 млн руб. в год. Столь впечатляющие социально-экономические показатели поставили вопрос о придании поселению

городского статуса, что в 1911 г. считалось делом ближайшего будущего¹³.

Очевидно, что своим интенсивным развитием слобода была обязана, прежде всего, близости к Саратову и тесным связям с ним. Поэтому в конце XIX в. даже появилась идея об административном объединении этих двух поселений в одно. В 1896 г. Покровскую слободу и Саратов посетил министр финансов С. Ю. Витте, который, принимая представителей города, недвусмысленно дал понять, что ходатайство о присоединении слободы к городу в качестве пригорода было бы встречено правительством благосклонно. Саму идею активно поддержали торгово-промышленные круги слободы и Саратовский биржевой комитет, а новоузенское земство выступило еще и за включение всего уезда в состав Саратовской губернии. В 1901 г. Саратовская городская дума обратилась в высшие инстанции с соответствующим ходатайством, однако вопрос о присоединении слободы к городу не был решен, в первую очередь, из-за отсутствия постоянной надежной переправы¹⁴.

Переправа через Волгу между Саратовом и Покровской слободой летом осуществлялась разными способами. Паромная переправа РУЖД была рассчитана только на перевозку пассажиров и грузов, движущихся по дороге, осуществлялась ниже по течению Волги (что составляло путь почти в 20 верст) и довольно дорого стоила. Поэтому основными средствами сообщения между городом и слободой служили муниципальный перевоз, сдававшийся Саратовской городской думой в аренду предпринимателям, и лодки частных владельцев. Зимой открывалась санная дорога, проходившая по волжскому льду, и именно тогда осуществлялся основной объем грузоперевозок. Днем и ночью в Саратов из Заволжья и обратно тянулись обозы, перевозившие за сезон около 12 млн пудов различных товаров. Пассажирские перевозки в это время также увеличивались.

Главным недостатком этих видов переправы был их сезонный характер. Во время ледостава и ледохода сообщение между двумя берегами Волги совершенно прекращалось. Зимний санный путь, проходивший по «труднопроезжей» дороге через песчаные бугры срединного острова, к концу зимы сильно портился и становился опасным еще до начала ледохода¹⁵.

Опираясь на эти факты, городской голова В. А. Коробков, представляя думе «Экономическую записку», резюмировал: «Дороговизна переправы, ее затруднительность, а в некоторые времена года и совершенная невозможность, являются огромным тормозом в дальнейшем развитии как торговых, так и всяких иных отношений между городом, слободой и Заволжьем. Только с устройством постоянной переправы через Волгу – город, слобода и Заволжье, издавна тяготеющие друг к другу, будут тесно и неразрывно связаны одной общей жизнью: экономической, культурной, административной и проч.». В связи с этим

городское самоуправление Саратова выдвинуло свой проект соединения Саратова и Покровской слободы железнодорожным мостом «с пешим, конным и трамвайным движением»¹⁶.

К ноябрю 1911 г. городской вариант проекта моста был составлен. Его первое принципиальное отличие от проекта РУЖД заключалось в месте, избранном для мостового перехода. План железнодорожников предусматривал два возможных варианта: напротив станции Увек (в 12 верстах от Саратова ниже по течению Волги), либо напротив разъезда Лесопильный (в 6 верстах от города). Преимущества этих вариантов правление РУЖД видело в том, что они могли быть выполнены с наименьшими затратами, поскольку к тем местам уже вели подъездные пути, к тому же Волга здесь сужалась, что давало прямую экономию на строительстве собственно мостовых пролетов. Кроме того, эти направления сокращали расстояние при проходе поездов из Заволжья на проектируемую тогда дорогу от Саратова к Миллерово¹⁷.

Согласно городскому проекту мост нужно было построить непосредственно от центральной части Саратова к Покровской слободе. При этом подъездной путь проходил бы от станции Саратов–1 к берегу Волги по территории города. Данное обстоятельство несколько не смущало авторов проекта, так как маршрутом прокладки пути должен был стать Глебучев (Глебов) овраг, который издавна являлся антисанитарной «язвой» городского пространства. Вопрос о его упорядочении безрезультатно муссировался Саратовской городской думой с начала 1870-х гг. Теперь же в связи с проведением железнодорожного полотна появлялась возможность частично засыпать овраг, а частично застроить его объектами, необходимыми для обслуживания дороги¹⁸.

Еще одно важное различие между планом РУЖД и городским заключалось в том, что первый предусматривал строительство чисто железнодорожного моста, а второй – комбинированного, при котором верхний ярус был бы приспособлен под движение поездов, а нижний – под конное, пешее и трамвайное движение. Необходимо отметить, что подобных сооружений тогда в России не существовало. Это делало проект уникальным, но и, в совокупности с другими особенностями, более дорогостоящим. По первоначальным подсчетам городских властей их вариант моста обошелся бы в 13,7 млн руб.¹⁹ Сумма, которую планировала затратить на реализацию своего проекта РУЖД (если был бы одобрен «увекский» вариант), составляла 8,6 млн руб.²⁰ Колоссальная по тем временам разница в 5 с лишним миллионов рублей и стала камнем преткновения.

Городская дума в ходатайстве, обращенном к правительству, доказывала, что лишние затраты, которые придется произвести на стройку сейчас, в будущем окупятся с лихвой с точки зрения экономического эффекта. Во-первых, значительно сократятся ежегодные расходы населения на пере-

праву между Саратовом и Покровской слободой. Во-вторых, доставка грузов из одного поселения в другое по прямому железнодорожному пути приведет к экономии на тарифах, что выгодно как частным лицам, так и государству. В-третьих, это возымеет многочисленные положительные последствия, не поддающиеся точному учету: рост грузоперевозок, развитие торговли и промышленности, как во всем регионе, так и конкретно в Саратове и Покровской слободе. В-четвертых, населению Заволжья будет облегчен доступ к образовательным и культурным учреждениям Саратова, в том числе к открытому недавно десятому университету империи. «С открытием университета, – утверждали авторы городского проекта, – Саратов становится умственным и научным центром юго-востока России, и просветительное влияние этого центра будет тем сильнее, чем ближе, чаще и многостороннее будут сношения с ним окружающего населения»²¹.

Обсуждение вопросов о мосте и развитии железнодорожных путей на юго-востоке России вступило в активную фазу в январе 1912 г. Необходимо отметить, что в самой Саратовской городской думе были гласные, скептически относившиеся к идее вмешиваться в это дело. Они опасались возможных негативных последствий для города, в том числе лишних финансовых издержек. Но сторонники городского проекта, осознававшие насколько его реализация может благотворно повлиять на развитие Саратова, составляли большинство. И самое главное, среди них были наиболее влиятельные члены муниципалитета – городской голова В. А. Коробков, гласные А. М. Масленников, М. Ф. Волков, Г. Г. Дыбов, П. М. Репин. Своим авторитетом они смогли убедить скептиков, и именно им дума доверила отстаивать интересы города в различных высоких инстанциях²².

Главным препятствием положительного для Саратова решения вопроса о мосте была позиция РУЖД. Общество естественно не хотело нести дополнительные расходы на строительство по городскому проекту, причем его представители заявляли, что перерасход составит не 5, а все 11 млн руб. Используя чисто бюрократические методы, представители дороги «втихомолку» проталкивали в министерствах и ведомствах свой вариант проекта, чему представители города пытались противодействовать. М. Ф. Волков при поддержке других членов самоуправления добивался, чтобы в высоких кабинетах позиция Саратова была учтена, используя, в том числе, личные связи. Так, саратовский проект в той или иной степени поддерживали министр внутренних дел А. А. Макаров, служивший ранее прокурором Саратовской судебной палаты, и бывший городской голова А. О. Немировский, в это время также находившийся на службе в МВД²³.

Однако их содействия было недостаточно, чтобы городская точка зрения возобладала. Саратов,

имевший тогда годовой бюджет на уровне 3,5–4 млн руб. и непростое финансовое положение²⁴, не мог себе позволить покрыть разницу между проектами. Хотя наиболее горячие сторонники идеи, в частности М. Ф. Волков, высказывались за то, чтобы муниципалитет все же принял какое-то финансовое участие в реализации проекта, утверждая, что город слишком много потеряет, если мост будет построен на Уевке²⁵. С этой целью 8 октября 1912 г. городская дума постановила бесплатно отвести под сооружение моста и подъездного пути 70 тыс. квадратных саженей земли, стоимостью 500 тыс. руб. Кроме того, в случае выпуска облигаций для покрытия перерасхода на строительство муниципалитет брал на себя гарантию доходности по ним до 50 тыс. руб. в год. В ноябре того же года дума направила ходатайство министрам внутренних дел, финансов и путей сообщения, в котором утверждалось, что сборы за проезд и проход по мосту будут превышать 250 тыс. руб. в год, что позволит в перспективе покрыть лишние затраты на стройку²⁶.

В течение 1912–1913 гг. дело продолжало муссироваться в правительственных инстанциях. Затяжной характер оно приобрело не только из-за противоречий между Саратовской городской думой и РУЖД по поводу места строительства моста, но и разных других нюансов. Например, Министерство путей сообщения вообще выдвинуло идею о переходе Волги тоннелем и поручило правлению РУЖД разработать соответствующий проект. Изначально этот вариант выглядел слабым, как с технической точки зрения, так и с финансовой, но, тем не менее, он обсуждался, что затягивало решение всего вопроса²⁷. Только в феврале 1913 г. идея с тоннелем была полностью отвергнута, отчасти по финансовым причинам, отчасти из-за скептического отношения к ней Военного министерства²⁸.

Еще больше дело осложняло положение самого общества РУЖД. По условиям концессии предприятие с 1 января 1917 г. должно было перейти в собственность государства, однако акционеры, не желавшие терять доходы, начали переговоры с правительством об отсрочке выкупа дороги казной. В. Н. Коковцов, возглавлявший тогда министерство финансов и Совет министров Российской империи, в принципе благосклонно смотрел на сохранение некоторых железных дорог в частных руках. При этом в подобных ситуациях он добивался от акционерных обществ за отсрочку выкупа обязательства расширять свою рельсовую сеть. Однако министр путей сообщения (1909–1915) С. В. Рухлов напротив выступал категорически за переход частных дорог к государству²⁹. Возможно, по этой причине МПС увязало вопрос о продлении срока выкупа дороги с окончательным решением вопроса о мосте. В такой ситуации правление РУЖД, не имея гарантий продления концессии, вообще не могло принять решение о начале строительства мостового

перехода, поскольку средства в этом случае были бы для акционеров потрачены впустую. Данное обстоятельство также затягивало дело³⁰.

Правительство обязало рязано-уральцев сделать расчеты строительства моста и по городскому проекту. По вполне очевидным причинам их расчеты показали экономическую невыгодность данного варианта, причем полная стоимость реализации ими указывалась уже в огромной сумме – 29 млн руб., следовательно, перерасход, относительно собственного проекта РУЖД, составил бы более 20 млн руб. Кроме того, отмечались технические сложности, например, ненадежность подверженного оползням северного склона Глебова оврага, к которому примыкала бы саратовская сторона моста³¹. В ответ на это город стал делать свои расчеты стоимости. Так, в частности, согласно выкладкам муниципалитета, отчуждение недвижимых имуществ на территории, отходящей под полотно железной дороги от станции Саратов–1 до берега Волги, обошлось бы в 1,2 млн руб. (по подсчетам РУЖД – 2,6 млн). При этом только 20% этой земли принадлежало частным владельцам, а остальная – городу, хотя и была занята арендаторами. Последнее обстоятельство упрощало и удешевляло отчуждение³².

Саратовская городская дума пыталась увеличить шансы на реализацию своего замысла всеми доступными способами. Например, с этой целью в марте 1914 г. гласные приняли решение ходатайствовать о присвоении будущему мосту имени цесаревича Алексея³³. Примерно в то же время в правительстве поступили обращения городских дум и биржевых комитетов Нижнего Новгорода, Самары, Симбирска, Царицына, Астрахани с просьбами решить дело в пользу саратовского проекта. Торгово-промышленные круги Поволжья беспокоило, что увекский вариант, запланированный для места сужения Волги, усложнит судоходство, поскольку увеличит скорость течения и без того сильного здесь³⁴.

Летом 1914 г. вопрос рассматривался в Инженерном совете при Министерстве путей сообщения. Совет отдал предпочтение проекту РУЖД, то есть одобрил создание чисто железнодорожного моста на Уевке. Правда специалисты обратили внимание на то, что подъездной путь к мосту в этой местности проходит на территории также не очень надежной, с большой вероятностью оползней. Тем не менее 23 августа 1914 г. Совет министров Российской империи утвердил представление министра путей сообщения, предполагавшего реализацию проекта РУЖД.

Город не сдавался. Уже в ноябре 1914 г., создавая новую депутацию для ходатайства по данному делу, дума приняла решение, в случае необходимости «пойти на большие жертвы в деле гарантии излишне затраченного на постройку моста капитала». Управа уже тогда предлагала повысить гарантию доходности моста с 50 до 300 тыс. руб., но гласные, обеспокоенные непро-

стым финансовым положением муниципалитета, выбрали расплывчатую и осторожную формулировку. Одновременно появился еще один проект мостового перехода, который, что интересно, был создан тем же человеком, которому принадлежали и оба проекта, обсуждавшиеся ранее Инженерным советом – инженером А. М. Фроловым. Неизвестно, что его заставило продолжить поиск оптимального решения, но его третий проект строился на критике двух предыдущих. Теперь он отмечал неудобство и опасность устройства моста на Увеке и доказывал, что наиболее целесообразным был бы переход между Саратовом и Покровской слободой через срединный песчаный остров, который нужно было бы укрепить. Причем стоимость такого моста определялась в 15 млн руб., а моста на Увеке – в 11 млн, и такой перерасход выглядел не столь катастрофическим³⁵.

Основываясь на этих данных, представители саратовского самоуправления вновь инициировали обсуждение вопроса в правительственных инстанциях. В январе 1915 г. городской проект был поддержан Советом съездов судовладельцев волжского бассейна, отмечавшим его предпочтительность с точки зрения условий судоходства³⁶. Собирались мнения различных специалистов о технических нюансах реализации тех или иных вариантов проекта. Любопытно, что заключение о состоянии берега Волги в тех местах, где планировалось создание подъездных путей, дали не только геологи, но и археологи. По сведениям Саратовской ученой архивной комиссии, факт «сползания» территории древнего поселения Увек в Волгу отмечали еще академик И. И. Лепехин (в конце XVIII в.) и ориенталист Г. С. Саблуков (в середине XIX в.). Сама комиссия занималась более или менее регулярным изучением увекских древностей с 1890-х гг. и за это время неоднократно наталкивалась на свидетельства значительного смещения пластов почвы, которое нарушало целостность археологических памятников и приводило к повреждению существующих хозяйственных объектов. Из-за постоянных оползней сама РУЖД была вынуждена ликвидировать находившийся в 1890-е гг. на Увеке элеватор³⁷.

На протяжении 1915 и 1916 гг. городское самоуправление упорно боролось за осуществление своего проекта. Правда, общество РУЖД также не отступало от своей позиции, не желая нести дополнительные расходы. В январе 1916 г. состоялось очередное заседание Инженерного совета, на котором А. М. Фролов подробно излагал и защищал свой окончательный проект. Председатель правления общества РУЖД Ф. И. Шмидт по пунктам критиковал его доводы. Но представители Саратова, в числе которых были городской голова М. Ф. Волков, А. М. Масленников, А. А. Добровольский, П. М. Репин, страстно защищали интересы города и, как резюмировал Волков, отчитываясь об этом заседании думе,

«борьба была упорная, но с перевесом в пользу города Саратова»³⁸.

В пылу жарких споров даже появилась идея о строительстве двух мостов: железнодорожного на Увеке и пешеходно-экипажно-трамвайного от Саратова к Покровску (к этому времени слобода уже получила городской статус). Такой вариант Саратов также устраивал, при условии, что оба моста будут строить РУЖД. В мае 1916 г. городская дума постановила, что при любом устраиваемом город решении, муниципалитет гарантирует ежегодную доходность от эксплуатации моста (или мостов) в размере 200 тыс. руб. Компенсировать дополнительные расходы планировалось введением специального сбора с привозимых по железной дороге в Саратов и Покровск грузов, а также с пассажиров³⁹. Стоит отметить, что городская дума высказывала готовность принять на себя дополнительные финансовые гарантии в ситуации, когда ее бюджет испытывал повышенную нагрузку в связи с ухудшением экономической конъюнктуры, вызванным Первой мировой войной⁴⁰.

Бескомпромиссная борьба города и общества РУЖД, всеми силами отстаивавших собственные интересы, не позволяла властям прийти к какому-либо однозначному решению. Так, в утвержденном 21 июля 1916 г. дополнении к уставу РУЖД, говорилось, что общество «обязывается своим распоряжением и за свой счет по первому требованию правительства приступить к сооружению в Саратове, через Волгу, двухъярусного моста для двухпутного железнодорожного и одновременно трамвайного, экипажного и пешеходного движения. При этом от правительства будет зависеть заменить один двухъярусный мост двумя одноярусными разделенными мостами – железнодорожным и городским». Примечание к данному пункту поясняло, что «устройство и приспособление моста через Волгу для экипажного, трамвайного и пешеходного движения, с сооружением соответствующих подъездов к мосту, обязательно для общества при условии обеспечения со стороны Саратовского городского управления уплаты обществу Рязанско-Уральской железной дороги <...> по триста тысяч рублей ежегодно в течение срока, на который будет образован капитал для постройки этого моста»⁴¹.

Это «соломоново решение», во-первых, зафиксировало финансовые обязательства муниципалитета уже в размере 300 тыс. руб., а во-вторых, оставляло железнодорожникам теоретическую возможность все-таки реализовать увекский вариант. Поэтому и в дальнейшем городская дума испытывала определенные опасения по этому поводу, даже несмотря на то что министр путей сообщения (1915–1916) А. Ф. Трепов явно находился на стороне Саратова. По некоторым сведениям, ему трижды приносился на окончательное утверждение проект моста на Увеке и он каждый раз отклонял такое

решение вопроса. Горячим и, что характерно, бескорыстным сторонником городского проекта стал и инженер А. М. Фролов, которому МПС поручило руководить составлением окончательного проекта. Выполняя эту работу Фролов исходил из того, что двухъярусный мост пройдет через Покровск и Саратов. Любопытно, что помимо прочего планировались создание в Саратове набережной, а также гидротехнические работы по укреплению срединного песчаного острова, что отклонило бы основное русло Волги ближе к саратовскому берегу (и то и другое являлось давними мечтами городского самоуправления)⁴².

Подготовительные работы и изыскания проводились в обстановке некоторой неопределенности, обусловленной как редакцией дополнения к уставу РУЖД, так и нестабильной ситуацией в правящих сферах. Осенью 1916 г. Трепов представил на утверждение Совета министров саратовский вариант, но неизвестно обсуждался ли вопрос до его отставки с занимаемого поста в декабре этого года. Обеспокоенные сменой министра, городской голова М. Ф. Волков и гласный П. М. Репин в начале 1917 г. побывали на аудиенции у его преемника Э. Б. Кригер-Войновского и попросили подтвердить решение о мосте в пользу Саратова. На это новый глава МПС дал опять-таки не вполне определенный ответ. С одной стороны, он заявил: «успокойте думу, скажите ей, что мост будет у Саратова», с другой стороны, высказал опасение, что РУЖД будет по-прежнему помогать мосту на Увек⁴³.

Тем временем Россия втягивалась в процесс разрушения прежних государственных институтов: после Февральской революции началась смена высших, центральных и местных органов власти. Несмотря на это, баталии вокруг моста продолжались в Инженерном совете МПС даже весной 1917 г., когда один из его членов доказывал невозможность реализации городского проекта⁴⁴. Однако это одно из последних упоминаний в источниках обсуждения плана строительства моста. В июле этого года радикально обновился состав Саратовской городской думы, куда пришли представители революционно-демократических кругов, мыслявшие совершенно иными категориями, нежели прежние гласные. А в октябре наступил новый этап разрушения государственности, после которого все прежние замыслы были уничтожены.

Только преодолев экономические трудности, вызванные последствиями Гражданской войны, власти уже Советской России вернулись к необходимости создания мостового перехода у Саратова. Поскольку в данную историческую эпоху все локальные интересы были принесены в жертву государственным, в 1935 г. появился чисто железнодорожный мост на Увек. Автомобильно-пешеходный мост между Саратовом и Энгельсом⁴⁵ был запущен в эксплуатацию только в 1965 г.

Примечания

- 1 Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) : в 3 т. Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2. С. 83. Дословное повторение этого отрывка есть в научно-справочном издании, см.: Энциклопедия промышленности, строительства и бизнеса Саратовской области. Саратов, 2005. С. 93.
- 2 См.: Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 240.
- 3 См.: Рязано-Уральская железная дорога и ее район. СПб., 1913. С. 153–155.
- 4 Там же. С. 155–156.
- 5 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 966. Оп. 1. Д. 13. Л. 20 об.
- 6 См.: Известия Саратовской городской думы (далее – ИСГД). 1912. Январь. Отд. V. С. 4.
- 7 См.: Краткий отчет о деятельности Саратовского городского общественного управления за 1909–1912 гг. Саратов, 1913. С. 12.
- 8 См.: ИСГД. 1912. Январь. Отд. V. С. 4.
- 9 См.: Экономическая записка к проекту перехода через Волгу с железнодорожным мостом в гор. Саратове [Саратов, 1911]. С. 1–2.
- 10 Там же. С. 2.
- 11 См.: Зайцев М. В. Финансовое положение саратовского городского самоуправления в 1892–1913 гг. // Клио. 2005. № 2 (29). С. 163.
- 12 Экономическая записка к проекту... С. 2–3.
- 13 Там же. С. 4. Преобразование Покровской слободы в город Покровск произошло в 1914 г.
- 14 Там же. С. 5.
- 15 Там же. С. 5–7.
- 16 Там же. С. 7.
- 17 См.: Пояснительная записка к предварительному проекту перехода через р. Волгу с железнодорожным мостом в г. Саратове [Саратов, 1911]. С. 1–3.
- 18 Там же. С. 3, 4.
- 19 Там же. С. 11.
- 20 См.: ИСГД. 1912. Январь. Отд. V. С. 5.
- 21 Экономическая записка к проекту... С. 9–14.
- 22 См.: ИСГД. 1912. Январь. Отд. V. С. 3–25.
- 23 См.: ИСГД. 1912. Июнь–сентябрь. Отд. V. С. 67–71.
- 24 См. об этом подробнее : Зайцев М. В. Финансовое положение саратовского городского самоуправления в 1892–1913 гг. // Клио. 2005. № 2 (29). С. 162–172.
- 25 См.: ИСГД. 1912. Июнь–сентябрь. Отд. V. С. 73.
- 26 См.: Докладная записка представителей Саратовской городской думы : городского головы В. А. Коробкова и гласных думы М. Ф. Волкова и П. М. Репина по ходатайству о постройке железнодорожного моста через Волгу между Саратовом и Покровской слободой в 2 яруса с приспособлением для пешего, конного и трамвайного движения. Саратов, 1912. С. 1–4.
- 27 ИСГД. 1913. Январь. Отд. II. С. 20–22.
- 28 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3027. Л. 10–14 об.
- 29 Подробнее об этом см.: Зайцев М. В. Государственная

- деятельность В. Н. Коковцова. 1896–1914 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 191, 192.
- ³⁰ См.: РГИА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 13. Л. 20–20 об.
- ³¹ См.: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3028. Л. 32.
- ³² Там же. Д. 3027. Л. 173–178.
- ³³ Там же. Л. 172.
- ³⁴ Там же. Д. 3028. Л. 7–8 об.
- ³⁵ Там же. Д. 3027. Л. 258. Д. 3028. Л. 33 об.–34.
- ³⁶ Там же. Д. 3028. Л. 40–41 об.
- ³⁷ Там же. Л. 61–61 об.
- ³⁸ ИСГД. 1916. Январь – март. Отд. II. С. 13–15.
- ³⁹ См.: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3028. Л. 73–74 об., 77–79 об.
- ⁴⁰ Подробнее об этом см.: Зайцев М. В. Городской бюджет Саратова во время Первой мировой войны // Новейшая история Отечества XX–XXI вв. : сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 2. С. 58–69.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3028. Л. 100–100 об.
- ⁴² См.: ИСГД. 1916. Июль – сентябрь. С. 329–335, 359.
- ⁴³ См.: ИСГД. 1917. Январь – июнь. Отд. II. С. 44.
- ⁴⁴ Там же. С. 90.
- ⁴⁵ Город Покровск изменил название на Энгельс в 1931 г.

Образец для цитирования:

Зайцев М. В. Проект строительства моста через Волгу около Саратова в начале XX в. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 248–255. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-248-255.

Cite this article as:

Zaytsev M. V. The project of bridge construction across the Volga near Saratov in the early XX century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 248–255 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-248-255.

УДК 2(09) (470.44) |1917|

КОНФЕССИИ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ, ИХ ПОЛОЖЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ НА НАСЕЛЕНИЕ К 1917 ГОДУ

Е. А. Петрова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: lena02-07@mail.ru

Автор проводит компаративный анализ положения, деятельности и влияния на население основных конфессиональных объединений и групп, представленных в Саратовском Поволжье, накануне революционных событий 1917 года. Опираясь в основном на ранее не вводившиеся в научный оборот архивные источники, автор приходит к выводу об уникальности Саратовского Поволжья как поликонфессионального региона с высокой степенью межконфессиональной толерантности.

Ключевые слова: Саратовское Поволжье, религиозные объединения и группы, православные, старообрядцы, католики, протестанты, лютеране, баптисты, мусульмане, иудеи, секты.

Religious Confessions, their Position and Influence on the Population of the Saratov Volga Region by 1917

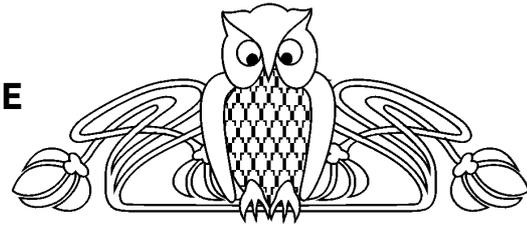
Е. А. Petrova

The author makes a comparative analysis of the position, activities and influence of the main religious confessions and groups on the Saratov Volga region population by 1917. Basing mainly on new archival sources, the author concludes that the Saratov Volga region was a unique multi-confessional area with a high religious tolerance.

Key words: Saratov Volga region, religious confessions and groups, Orthodox, Old Believers, Catholics, Protestants, Lutherans, Baptists, Muslims, Jews, sects.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-256-261

Поликонфессиональность Российской империи в начале XX века была естественным положением вещей, в силу большого количества народов различных вероисповеданий, населявших ее огромную территорию. Но даже на этом фоне

Саратовское Поволжье выделялось тем, что здесь в тесном контакте и взаимодействии проживали народы, представлявшие все основные мировые религии (христианство всех направлений, ислам, иудаизм, буддизм). Согласно переписи 1897 г. на территории Саратовской губернии проживало 46 этносов¹. Здесь были представлены многими тысячами верующие и действовали почти все известные на тот момент религиозные исповедания – православие, старообрядчество, русское сектанство (молокане, беглопоповцы и др.), католицизм, протестантские конфессии: лютеранство, баптизм, евангельское христианство, адвентизм, меннонитство, штундизм, а также ислам, иудаизм и представленный небольшим количеством верующих – буддизм (калмыки). Конфессиональный состав Саратовской губернии в 1897 и в 1913 гг. представлен в таблице².

Из приведенных данных видно, что в Саратовской губернии, как и во всей Российской империи, Православная церковь была главенствующей. Согласно законам Российской империи (ст. 42), царь был верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры, а интересы веры трактовались как совпадающие с интересами империи⁴.

Православная Саратовская епархия представляла собой социальный институт, оказывающий огромное идеологическое воздействие на сознание местного населения. К 1915 г. в Саратовской епархии насчитывалось 971 церковь, 93 часовен и молитвенных домов и 15 монастырей. Духовенства без монастырского насчитывалось: протоиереев – 53, священников – 928, дьяконов – 264, псаломщиков – 902; монашествующих – 604, послушников – 2 381⁵. Как видно

Конфессиональный состав Саратовской губернии в 1897 и 1913 гг.³

Конфессии Саратовской губернии	Конфессиональный состав населения по данным переписи 1897 г.		Конфессиональный состав населения в 1913 г. по данным текущего учета	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Православные (сторонники РПЦ, старообрядцы, представители других церквей и сект)	2 138,5	88,91	2 874,7	87,36
Католики	34,4	1,42	57,8	1,76
Протестанты	135,4	5,62	227,2	6,90
Мусульмане	94,3	3,92	125,9	3,83
Иудеи	2,5	0,10	4,1	0,12
Буддисты	0,7	0,03	1,1	0,03
Всего	2 405,8	100,00	3 290,8	100

из таблицы, число лиц православного вероисповедания в губернии еще в 1897 г. превышало 2 млн человек, а к 1913 г. приближалось к 3 млн. Подавляющую часть православных составляли члены РПЦ, что позволяло выделить Саратовскую епархию как одну из наиболее крупных в Российской империи.

Особенно заметно православное духовенство проявляло себя на ниве миссионерской деятельности. В епархии было большое количество различных благотворительных и попечительских обществ, членами некоторых являлись нередко высшие иерархи не только Саратовской епархии, но и других епархий⁶. При этом членами общества могли быть лица обоего пола, всех званий, состояний и вероисповеданий в неограниченном количестве⁷. Сфера деятельности обществ заключалась в помощи нуждающимся, бедным слоям населения. Общества при учебных заведениях оказывали помощь в выдаче бесплатных учебников, одежды и обуви и оплаты обучения «недостаточным учащимся»⁸. Большая деятельность попечительских обществ заключалась в призрении бедных и нищенствующих детей и немощных стариков⁹, в оказании помощи домам трудолюбия, в которых велась не только попечительская трудовая деятельность, но и существовали особые отделения для призрения беспризорных детей¹⁰. В период Первой мировой войны такие общества оказывали помощь больным и раненым воинам, а также семьям призванных на войну¹¹.

Все это способствовало распространению авторитета и влиянию Православной церкви в обществе, а также привлечение к активной деятельности не только наиболее богатых и влиятельных людей среди высших сословий общества, но и интеллигенции.

Поддержание авторитета Православной церкви представлялось особенно важным, если учитывать факт того, что в предреволюционные годы моральный авторитет духовенства был подорван. И едва ли не главную роль в этом играло материальное положение приходского духовенства¹². «Собирая с народа по копейкам как попрошайка и завися экономически от милости прихожан, какое духовное влияние может иметь наш сельский священник?» – писал в 1914 г. церковный публицист и историк Иван Георгиевич Айвазов¹³.

Повышению авторитета Православной церкви в обществе способствовали Саратовская духовная семинария¹⁴ и открытое в 1866 г. Братство Святого Креста. В Саратовской губернии, особенно зараженной расколом, епархии были нужны образованные священнослужители. А Братство открыло несколько окружных противораскольничьих библиотек и содействовало духовенству в духовно-нравственном просвещении народа¹⁵, в условиях огромного распространения старообрядческих общин в губернии и роста приверженцев их числа, особенно после издания закона о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.

Старообрядчество исторически сложилось в Саратовской губернии еще со времен раскола в XVII веке¹⁶, когда раскольники бежали на окраины (каким в то время являлся Саратовский край), спасаясь от преследования властей. Массовое поселение старообрядцев в этих местах началось в середине XVIII века. Это было связано с разрешением староверам занимать пустующие земли по рекам Большому и Малому Иргизам. Здесь образовались знаменитые иргизские раскольничьи монастыри¹⁷. Влияние и распространение старообрядчества было весьма заметным еще до принятия знаменитого закона о веротерпимости 1905 г. Так, на конец XIX века саратовские миссионеры называли численность староверов – 126 тыс. чел.¹⁸ Такая большая численность староверов стала следствием активной пропаганды раскола среди местного населения. Исследователи отмечают, что мнение о некоторой «закрытости» старообрядчества вовсе не объективно, поскольку ранее старообрядчество было направлено в большей мере на распространение раскола: «Чем шире распространялась старообрядческая деятельность, чем больше областей она охватывала, чем охотнее старообрядцы шли навстречу обществу, не поступаясь верой, тем больше росло и влияние древлеправославия. В этом один из секретов так называемого «золотого века старообрядчества»¹⁹.

В Саратовской губернии наибольшее количество старообрядцев проживало в Хвалынске и Хвалынском уезде, в Саратове с уездом, в Вольске с уездом, а также Аткарском, Сердобском, Балашовском и Царицынском уездах²⁰.

К началу XX века старообрядчество Саратовской губернии, которое составляло значительную долю населения и играло важную роль в экономическом и культурном развитии края, было представлено двумя главными толками: «поповцами» (например, представители многочисленной Белокриницкой иерархии)²¹ и «беглопоповцами», которые отрицали всякую церковную иерархию (например, старообрядцы Спасова согласия)²².

Большую роль в узаконении и признании старообрядческих общин сыграл закон «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. А Именной Высочайший указ от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» закрепил право перехода и прописал правила устройства старообрядческих общин, права и обязанности их последователей²³.

После издания закона о веротерпимости старообрядцы и те, кто причислял себя к таковым (часто по официальным спискам люди были причислены к РПЦ, хотя на деле продолжали исповедовать старую веру), стали массово организовывать религиозные общины, желая официального признания своих юридических прав. За период с 1906 по 1915 г. больше 50 общин пожелали быть официально признанными²⁴.

С этого времени начинается так называемый период «золотого десятилетия» свободы старообрядчества с 1906 по 1916 г.²⁵, вплоть до революции 1917 г., когда вклад старообрядцев в экономику и культуру региона становится огромным, как и рост влияния среди населения. Так, в 1913 г. в Черемшанах был созван старообрядческий съезд, на котором, в частности, рассматривался вопрос об организации старообрядческого благотворительного общества и об образовании старообрядческих школ²⁶.

С приобретением юридических прав старообрядческие общины максимально активизировали свою деятельность, применяя богатый опыт для реализации новых возможностей строительства храмов²⁷, устройства богаделен и школ. Благотворители из староверов, среди которых были богатые купцы и промышленники, так же как старообрядческие общины, брали на себя попечение о престарелых и неимущих²⁸. Огромную роль сыграли старообрядцы и в деле народного просвещения. Так, в 1910 г. в Саратове было открыто первое старообрядческое начальное училище. И даже была послана телеграмма на Высочайшее имя Государя императора «в коей повергают к стопам его величества одушевляющие их чувства беспредельной любви и благодарности за дарованные милости»²⁹.

Помимо Русской православной церкви, а старообрядцы, хотя и в расколе, относились к русской церкви, на территории Саратовской губернии существовали и активно действовали официально признанные инославные конфессии, главными из которых являлись Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви.

История римско-католических христиан в Саратовской губернии тесно связана с судьбой российских немцев в Поволжье. 25 % из немцев колонистов, приглашенных Екатериной II, были католиками. Католицизм исповедовали не только немцы колонисты, но представители других национальностей, проживавших в губернии: поляки, литовцы, латыши, чехи и др.³⁰ Саратов был центром Тираспольской Римско-католической епархии, занимавшей огромные территории южной части Европейской России с расположением здесь резиденции правящего епископа. Храм Святого Климента на Немецкой улице (ныне кинотеатр «Пионер») являлся кафедральным собором в губернии и был центром сосредоточения католиков³¹, а духовная семинария, открытая в Саратове, была одной из двух действовавших в империи.

Ряд исследователей отмечают, что Римско-католическая церковь традиционно в Российской империи воспринималась как «политически неблагонадежная» конфессия и конкурент официальной Православной церкви³². Тем не менее Католическая церковь играла не последнюю роль в социально-политическом и экономическом развитии Российской империи³³. В Саратов-

ской губернии положение Римско-католической церкви представляется вполне благонадежным. Существовавшие ограничительные правила не перечеркивали тех привилегий, которыми пользовались католические священнослужители наравне с духовными лицами прочих признанных христианских исповеданий. Католическая церковь в Саратовской губернии являлась частью государственной системы, ее священнослужители находились на службе государства³⁴ и получали жалованье из казны³⁵.

Влияние на население Римско-католическая церковь имела, пожалуй, только среди своих последователей веры. Католическое духовенство занимало в колониях самое почетное, обеспеченное и независимое от паствы положение. Огромная власть патера над прихожанами позволяла ему отлучать от церкви целые приходы³⁶.

Значительное место в религиозной жизни как Российской империи, так и Саратовской губернии занимал протестантизм. Евангелическо-лютеранская церковь была крупнейшей из протестантских конфессий империи³⁷ и пользовалась большим расположением русского правительства. Так было и в Саратовской губернии, где лютеранство исповедовало значительное количество немцев-колонистов, которые играли не последнюю роль в экономике губернии. Покровительственное отношение властей к лютеранству выразилось в отсутствии каких-либо специальных административных ограничений в деятельности лютеранских пасторов. Разрешение на строительство лютеранских церквей носило более простой характер, по сравнению со строительством католических костелов. Лютеране активно занимались благотворительной деятельностью. Они имели различные благотворительные учреждения, такие как общество милосердия при евангелической церкви г. Саратова, общество для воспитания глухонемых детей приволжских евангелических приходов поселян собственников Самарской и Саратовской губерний³⁸.

Помимо официально признаваемой Евангелическо-лютеранской церкви в Саратовской губернии было распространено огромное количество протестантских общин. Закон о веротерпимости 1905 г. позволил юридически оформиться многим из них. Этим воспользовались многие общины, такие как адвентисты седьмого дня, баптисты³⁹. Это были наиболее многочисленные баптистские общины, помимо которых существовала еще община меннонитов⁴⁰. А в колониях немцев Поволжья существовали различные протестантские секты, как, например, штундиты, танцующие братья, молящиеся братья и др.⁴¹

Среди последователей баптизма выделилась община евангельских христиан баптистов, которая привлекла в свои ряды русских старообрядцев. Последние, в свою очередь, организовали у себя общину русских евангельских христиан⁴². Рост влияния баптизма среди населения увеличивался

все больше, этому способствовала активная пропаганда духовных наставников, активная миссионерская деятельность.

Так, для привлечения в свои ряды молодежи выпускалась баптистская газета «Друг молодежи», устраивались детские баптистские собрания⁴³. Расширение влияния баптистов среди населения и переход к ним из православия приняли настолько большие масштабы, что Министерство внутренних дел, а за ним и губернское правительством стало бить тревогу, пытаясь ограничить распространение баптистского вероучения среди населения⁴⁴.

По подсчетам В. М. Кабузана, в начале XX века в империи, еще более чем во второй половине XIX века, усиливается процесс падения удельного веса православных в регионах их постоянного преобладания. Так, в Саратовской губернии доля православных упала с 89 до 80%⁴⁵.

Еще одной религией, традиционно существовавшей в Саратовской губернии, являлся ислам. Ислам в губернии в основном исповедовали татары, самый крупный мусульманский этнос в губернии. Помимо них ислам являлся религией башкир, казахов и ногайцев, также населявших регион.

Анализ документов позволяет сделать вывод, что, несмотря на ограничения, которые были установлены российским законодательством и распоряжениями, прослеживается определенная тенденция к гармонизации отношений между мусульманами и властью в регионе. В целом толерантная политика Российского государства к исламу позволила органично включить мусульман во внутреннюю политику губернии. В 1859 г. в Саратовской губернии насчитывалось 155 мусульманских мечетей. Почти все они располагались в татарских селах в Кузнецком, Хвалынском и Петровском уездах. Длительное время число мусульман в губернском центре было невелико. Значительный рост мусульманского и больше всего татарского населения наблюдался в 80–90-е годы XIX века⁴⁶.

В связи с ростом панисламизма в начале XX века наблюдается усиление внимания губернских властей к мусульманским общинам и учебным заведениям-медресе⁴⁷, а также к попечительствам при мечетях, как возможным рассадникам идей панисламизма⁴⁸. Впрочем, из-за удаленности региона от центра распространение этих идей не получило должного развития. Ввиду обособленности проживания мусульман влияние на другое население губернии, в плане распространения своей веры, они не оказывали.

Говоря о конфессиях Саратовской губернии нельзя обойти вниманием и иудаизм, наименее малочисленный, но, тем не менее, представленный здесь. Иудаизм исповедовало еврейское население губернии, которое, по данным переписи 1897 г., составляло всего 2,5 тыс. человек. Главным фактором такой малочисленности было

то, что в большинстве своем евреи проживали в черте оседлости в Царстве Польском и в западных регионах страны (Литве, Белоруссии и Украине).

В Саратовской губернии евреи-иудеи были представлены в основном в рабочих профессиях (мастер чулочного ремесла, столярного ремесла, колбасного, корсетник) и среди медицинских работников. Из-за их востребованности в этих профессиях губернское правительство разрешало им поселение в губернии. В уездах и волостях селились также мещане, в Царицыне проживали евреи, причисленные к купцам 1-й и 2-й гильдии. Больше всего евреев, а также купцов проживало в Саратове, где они сгруппировались в центр⁴⁹. Из-за малочисленности еврейского населения губернии и их компактного проживания распространение иудаизма было весьма незначительным. В Саратове к 1917 г. существовало две еврейские синагоги во главе с правительственным раввином, что было достаточным для 1,5–4,5 тыс. населения, проживающего здесь⁵⁰. В Царицыне существовало два еврейских молитвенных дома, а в Балашове – еврейская молельня⁵¹. К тому же, часто евреи, селившиеся небольшой общиной для удовлетворения своих религиозных нужд, могли довольствоваться и организацией всего лишь молитвенного дома, как это было в Петровском уезде⁵². Однако контроль со стороны властей был пристальным и за еврейскими религиозными общинами, и за учебными заведениями (хедерами и талмуд-торами) во избежание брожения инакомыслия среди еврейского населения⁵³.

Так или иначе, нельзя отрицать того факта, что, несмотря на ограничительную государственную политику в отношении евреев-иудеев, к 1917 г. они прочно включались в общественную и экономическую жизнь Саратовской губернии и играли в ней существенную роль.

Калмыки, представлявшие буддистское вероисповедание, проживали на самом юге губернии, в Царицынском уезде.

Таким образом, к 1917 г. на территории Саратовского Поволжья были представители почти всех вероисповеданий и различных религиозных течений. Главенствующее положение в регионе было закреплено за Православной церковью и верой как главной конфессией Российской империи. После закона о веротерпимости 1905 г. Православная церковь, хотя и сохранила преимущественное положение, однако была вынуждена открыто конкурировать и мириться с другими конфессиями. Несмотря на некоторые ограничения и пристальный контроль правительства за отдельными конфессиями, такими как ислам и иудаизм, положение в Саратовском регионе в религиозном плане по сравнению с другими губерниями и областями империи с многонациональным населением (в частности, Поволжья и Приуралья) было вполне благоприятным и спокойным⁵⁴.

Примечания

- 1 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года : в 89 т. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 78–81.
- 2 В указанные годы территория Саратовской губернии существенно отличалась от территории современной Саратовской области, в частности, в ее состав входили Царицынский, Сердобский и Кузнецкий уезды, территория которых ныне входит в Волгоградскую и Пензенскую области. Все современное левобережье входило в состав Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии.
- 3 Таблица подготовлена автором на основе анализа данных, взятых из следующих источников : Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года : в 89 т. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. VII, 76–77 ; *Кабузан В. М.* Распространение Православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.). М., 2008. С. 256, 261.
- 4 См.: *Бабкин А. М.* Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. С. 57.
- 5 См.: Статистические приложения // *Бабкин А. М.* Указ. соч. С. 434, 446.
- 6 Так почетными членами Общества вспомоществования воспитанницам Вольского епархиального женского училища в г. Вольске были Преосвященный Палладий, епископ Саратовский и Царицынский, Преосвященный Досифей, епископ Вольский, Преосвященный Алексей, архиепископ Владимирский и Суздальский, Преосвященный Гермоген, бывший епископ Саратовский и Царицынский. См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 11380. Л. 253, 256.
- 7 Там же.
- 8 Там же. Л. 58, 109, 119, 150, 172, 192, 202, 233, 245, 246, 253, 274.
- 9 Например, в Убежище Св. Хрисанфа, которое содержалось в основном на средства Дамского Попечительства, девочек из бедных слоев населения обучали, трудоустроивали и давали путевку в жизнь. Деятельность Дамского попечительства выразилась также в заботах о содержании богадельни для престарелых и «убогих» старух, содержании ремесленных мастерских и отчасти в выдаче пособий бедным. См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11380. Л. 68, 69, 70, 70 об.
- 10 Таким являлось Попечительство при доме трудолюбия в г. Саратове. См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11380. Л. 75, 78.
- 11 См. например: Вольская учительская организация для оказания помощи больным и раненым русским воинам и семьям призванных на войну // ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11380. Л. 275.
- 12 Так, по данным М. А. Бабкина, в 1909 г. из 897 храмов в Саратовской епархии только 590 получали жалование из государственной казны, а больше 300 приходов вообще находились на самообеспечении. См.: *Бабкин А. М.* Указ. соч. С. 461. О положении духовенства перед революцией подробнее см.: *Фирсов С. Л.* Церковь в империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. М., 2007. 460 с. ; *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. М., 2006. 256 с. ; *Шавельский Г.* Русская церковь перед революцией. М., 2005. 512 с.
- 13 См.: *Айвазов И. Г.* Церковные вопросы в царствование императора Александра III. М., 1914. С. 11.
- 14 См.: Саратовская православная духовная семинария. История и современность. Саратов, 2010. С. 10.
- 15 См.: Саратовские епархиальные ведомости. 1866. № 44. С. 1500, 1501.
- 16 Подробнее см. : *Перетяткович Г. И.* Поволжье в XVII и в начале XVIII века : очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882. 404 с. ; Раскол в саратовском крае : Опыт исследования по неизданным материалам : в 2 т. / Н. С. Соколов. Саратов, 1888. Т. 2. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. 480 с. ; *Воробьев М.* Православное краеведение : Исторические очерки. М., 2002. 196 с.
- 17 См.: *Наумлюк А. А.* Центр старообрядчества на Иргизе : появление, деятельность, взаимоотношения с властью. Саратов, 2009. С. 33.
- 18 Там же. С. 50, 51.
- 19 *Дзюбенко М. А.* О древлеправославном миссионерстве // Старообрядчество : история, культура, современность : материалы : [сборник] : в 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 58.
- 20 См.: ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5398.
- 21 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10255. Л. 1.
- 22 Там же. Д. 10269. Л. 2.
- 23 Свод законов Российской империи дополненный по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим 1911 и 1912 гг. / под ред. А. А. Добровольского ; сост. Н. Е. Озерецковский и П. С. Цыпкин. Второе изд. Юридического книжного магазина И. И. Зубкова, под фирмой «Законоведение», комиссионера Гос. Тип., СПб., 1913. Кн. вторая. Т. V–IX. 2755 с.
- 24 См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13709. Л. 1–13.
- 25 См.: *Обухович С. А.* Старообрядчество Самаро-саратовского Поволжья второй половины XIX – начала XX вв. : вклад в экономику и культуру края : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 25.
- 26 См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10843. Л. 3, 4, 6, 9.
- 27 См.: *Воробьев М.* Указ. соч. С. 122.
- 28 Устав саратовского благотворительного общества старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой митрополии. См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10843. Л. 13–17.
- 29 Там же. Д. 10263. Л. 1.
- 30 Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 652, 653.
- 31 Подробнее см.: *Лиценбергер О. А.* Римско-католическая церковь в России : история и правовое положение. Саратов, 2001. 384 с.
- 32 См.: *Амбарцумов И. В.* Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности (конец XIX в. июль 1914 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 27 с. ; *Тихонов А. К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в первой четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2007. 355 с.

- ³³ См.: Лиценбергер О. А. Римско-католическая церковь...; Копылов А. Н. Католическая Церковь в России (конец IX – начало XXI вв.). М., 2012. 284 с.
- ³⁴ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10558. Л. 22.
- ³⁵ Там же. Д. 11760. Л. 2–4.
- ³⁶ Энциклопедия Саратовского края. С. 652.
- ³⁷ Подробнее см.: Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство. М., 1999. 432 с.; Ее же. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове. Саратов, 1995. 104 с.
- ³⁸ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11380. Л. 66, 131.
- ³⁹ Там же. Д. 10024, 10262, 10456.
- ⁴⁰ Там же. Д. 11565.
- ⁴¹ Подробнее см.: Лиценбергер О. А. Секты «танцующих братьев» и «гюпферов» в немецких колониях Поволжья // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 347–356.
- ⁴² См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1056, 10264, 10449.
- ⁴³ Там же. Д. 10660. Л. 1, 6, 7, 8; Д. 10454. Л. 20, 21, 23.
- ⁴⁴ Там же. Д. 11066. Л. 1–1 об., 2–2 об., 71.
- ⁴⁵ См.: Кабузан В. М. Указ. соч. С. 238, 239.
- ⁴⁶ См.: Энциклопедия Саратовского края. С. 651.
- ⁴⁷ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11250. Л. 8, 9, 10; См. также: Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи... С. 232, 245.
- ⁴⁸ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10799. Л. 1.
- ⁴⁹ Там же. Д. 10439. Л. 2, 14, 16, 19, 22, 25, 27.
- ⁵⁰ Там же. Д. 11379. Л. 15, 22.
- ⁵¹ Там же. Л. 22.
- ⁵² Там же. Л. 13.
- ⁵³ Там же. Д. 10580. Л. 1–7.
- ⁵⁴ Подробнее об этом см.: Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010. 356 с.

Образец для цитирования:

Петрова Е. А. Конфессии в Саратовском Поволжье, их положение и влияние на население к 1917 году // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 256–261. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-256-261.

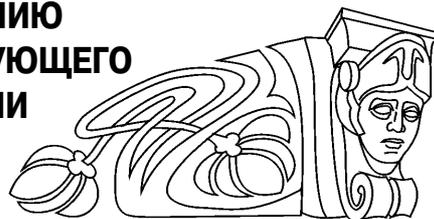
Cite this article as:

Petrova E. A Religious confessions, their position and influence on the population of the Saratov Volga region by 1917. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 256–261 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-256-261.

УДК 94: 355. 083. 311. (470) «1918»

«МУРАВЬЕВ ВСЯЧЕСКИ МЕШАЛ СОСРЕДОТОЧЕНИЮ ПЕРВОЙ АРМИИ»: К ВОПРОСУ О РОЛИ КОМАНДУЮЩЕГО ВОСТОЧНЫМ ФРОНТОМ В СОЗДАНИИ 1-Й АРМИИ ЛЕТОМ 1918 ГОДА

Е. О. Наумов

Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И. Д. Воронина, Саранск
Email: naumoveo@mail.ru

В статье на основе преимущественно архивных материалов анализируется вклад командующего Восточным фронтом М. А. Муравьева в создание 1-й армии летом 1918 года.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, Среднее Поволжье, Восточный фронт, 1-я армия, отрядная система, эшелонная война, мятеж Муравьева.

«Muraviov in Every Way Prevented the Concentration of the First Army»: on the Role of the East Front Commander in the Formation of the First Army in the Summer of 1918

Е. О. Naumov

The article, based mainly on archival materials, analyzes the contribution of the Eastern Front commander M. A. Muraviov to the formation of the First Army in the summer of 1918.

Key words: Civil War, Red army, Middle Volga region, 1st army, unit system, «echelon war», Muraviov mutiny.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-262-268

Одной из самых противоречивых фигур среди военачальников Красной армии в годы Гражданской войны в России, оказавших существенное влияние на ход событий, являлся командующий Восточным фронтом М. А. Муравьев, получивший печальную известность, прежде всего, в качестве инициатора неудавшегося выступления против большевистского правительства, которое завершилось убийством главкома в Симбирске 11 июля 1918 года. Последнее обстоятельство на долгое время лишило широкую общественность объективного взгляда на вклад М. А. Муравьева в создание Красной армии на Восточном фронте летом 1918 года, положительный характер которого в советской историографии практически полностью отрицался, несмотря на попытки отдельных авторов беспристрастно рассмотреть данную проблему. Например, в одной из обобщающих работ по истории Гражданской войны, впервые изданной в 1930 году, сообщалось, что М. А. Муравьеву «удалось ... провести ряд организационных мероприятий: наметить образование четырех армий, отдать приказ о сведении разнотипных организаций в армиях в штатные одностипные единицы (полки, батареи, эскадроны)»¹. Однако в исследованиях, вышедших в период со второй

половины 1930 до начала 1990-х годов, вся деятельность главкома интерпретировалась как часть плана по подготовке антибольшевистского выступления. Например, А. П. Ненароков, анализируя процесс организации 1-й армии, писал: «Муравьев всячески мешал сосредоточению Первой армии, не снабжал ее, тормозил вооружение, отдавал противоречивые указания командирам отдельных частей через голову командования армии»².

Первая попытка рассмотреть данный аспект биографии главкома была предпринята А. А. Симоновым, который справедливо заметил, что в литературе «за авантюристической выходкой мятежа осталась незамеченной созидательная работа М. А. Муравьева в Красной армии»³. Тем не менее автор ограничился упоминанием лишь известных преимущественно по опубликованным документам и литературе мероприятий командующего – сведение всех войск Восточного фронта в четыре армии, начало борьбы с «эшелонной войной», формирование штаба объединения, пренебрегая деталями при описании указанных преобразований⁴. Таким образом, проблема определения вклада М. А. Муравьева в дело создания вооруженных сил на востоке страны по-прежнему продолжает оставаться практически неизученной. В то же время фонды Российского государственного военного архива содержат множество документов, позволяющих на примере 1-й армии Восточного фронта достаточно подробно осветить военно-организационную деятельность главкома.

Антибольшевистское выступление Чехословацкого корпуса, вспыхнувшее на востоке страны в конце мая 1918 года и распространившееся по территории Поволжья, Приуралья и Сибири, примыкавшей к Транссибирской железнодорожной магистрали, поставило перед центральным военным командованием необходимость сосредоточения в указанном регионе определенного количества вооруженных сил и придания им соответствующей организационной структуры. Так, к середине июня 1918 года все войска были сведены в несколько фронтовых объединений – Западный Чехословацкий (Саратов – Сызрань – Симбирск), Восточный Чехословацкий (Самара – Златоуст), Северо-Урало-Сибирский (Екатеринбург – Тюмень), Урало-Оренбургский (Уфа – Оренбург) фронты, во главе каждого из которых стоял относительно самостоятельный в оперативном отношении главком. Однако не-

обходимость выполнения общей стратегической задачи по подавлению мятежа чехословаков и разгрому формирующейся в Самаре Народной армии Комуца потребовала координации действий Красной армии в рамках единого командования. Поэтому 13 июня 1918 года Председателем СНК В. И. Лениным и Народным комиссаром по военным делам Л. Д. Троцким было подписано положение о создании нового органа руководства войсками на востоке страны – Революционного военного совета в составе народного комиссара П. А. Кобозева, главнокомандующего М. А. Муравьева и комиссара Г. И. Благодрава⁵.

Процесс унификации системы управления вооруженными силами на Восточном фронте предполагал, прежде всего, сведение отдельных частей и подразделений в полевые армии. К этому времени военное командование уже имело опыт строительства армейских объединений, представлявших собой группу отрядов, действующих на самостоятельном операционном направлении, первые из которых были организованы в январе 1918 года в составе Южнорусского революционного фронта. Примечательно, что инициатором осуществления данного преобразования был М. А. Муравьев, занимавший должность командующего войсками, оперирующими против формирований Центральной рады на Украине. 17 января 1918 года в разговоре с начальником штаба народного комиссара по борьбе с контрреволюцией на юге Д. И. Медведевым он сообщал: «Вчера же, наконец, подошли ко мне отряды Берзина и Кудинского, с которыми сговорился, и они мне подчинились. Весь свой обширный фронт разделил на три армии: войска Берзина составляют 2-ю, войска Егорова 1-ю, войска Кудинского 3 армию»⁶. Впоследствии объединение войск советского правительства в полевые армии являлось неотъемлемой частью мероприятий по созданию того или иного фронта, в том числе и Восточного. Решение данной задачи значительно облегчалось наличием в распоряжении М. А. Муравьева практически готовой иерархичной структуры (фронт – территориальная группа отрядов – часть (сводный отряд)) вооруженных сил на востоке страны, сформированной его предшественниками, стоявшими во главе небольших объединений, и на базе которой происходило создание полевых армий. Так, 14 июня 1918 года в адресованной председателю Высшей военной инспекции и командующему Восточным Чехословацким фронтом Н. И. Подвойскому телеграмме относительно принятия мер по освобождению от чехословаков расположенной восточнее Самары станции Кинель М. А. Муравьев сообщал: «Необходимо оренбургской и уфимской группам быть в связи. Группы составят одну армию, номер которой сообщу отдельно, когда будете в Военном совете. Назначен командующим я, выезжаю на фронт»⁷. В этот же день из телеграммы М. А. Муравьева командующему Северо-Уральским фронтом и члену Высшей военной инспекции Р. И. Берзину

становится известно о решении главкома наладить «одну операцию на Волге» и привести в порядок расположенные там войска⁸. Очевидно, что данная фраза относится к деморализованным частям и отрядам Западного Чехословацкого фронта, которые в тот момент стали отступать к Сызрани и далее на запад в сторону Пензы и ст. Инзы.

Ввиду того что наибольшую опасность для целостности фронта к середине июня 1918 года представляло сызранское направление, члены РВС посчитали необходимым начать организацию первого армейского объединения на данном участке. Директивой от 19 июня 1918 года, подписанной М. А. Муравьевым, командарму А. И. Харченко, назначенному на указанную должность декретом РВС № 1 от 16 июня 1918 года⁹, предписывалось «объединить войска, расположенные в сызрано-сибирском направлении ... и соорудить из войск 1-ю Советскую армию, согласно красноармейским штатам»¹⁰.

Следует отметить, что характеризуемые мероприятия были разработаны и реализованы исключительно по инициативе фронтового командования без согласования с центральным руководством¹¹, которое с марта 1918 года практиковало создание несколько иной формы организации войск – завесы, впервые сформированной на севере и западе страны для обороны республики от немецкого наступления и представлявшей собой группу отрядов, сведенных в несколько участков¹².

Основные направления деятельности М. А. Муравьева по упорядочиванию управления вооруженными силами на востоке страны во многом были обусловлены опытом проведения наступательной операции формирующейся 1-й армии на Сызрань 18–20 июня 1918 года. В отчетном докладе Л. Д. Троцкому главком привел множество факторов, повлиявших на неудачное завершение наступления – отсутствие необходимого количества войск, недисциплинированность командного состава и солдат, их небоеспособность, применение тактики «зшелонной войны», а также необеспеченность частей и подразделений оружием, боеприпасами и техническими средствами. Так, М. А. Муравьев писал, что «на Сызранском направлении к вечеру 18 июня из 3-х тысяч человек осталось только верных и сравнительно приличных солдат 300 человек при 4-х орудиях»¹³. Поэтому главком вынужден был обратиться к Л. Д. Троцкому с просьбой о высылке в 1-ю армию около 3 тысяч человек «хорошей пехоты»¹⁴. Однако целенаправленного и единовременного снабжения объединения свежими частями при наличии других полевых армий на Восточном фронте и небольшого количества боеспособных вооруженных сил, находящихся в распоряжении центральных и местных органов власти, ожидать было практически невозможно. Поэтому М. А. Муравьев высказал предположение о необходимости создания новых формирований

самостоятельно под контролем фронтового командования, «лишь бы были инструктора»¹⁵.

Существенную роль в складывании сложившегося положения сыграла особая тактика ведения боевых действий, получившая название «эшелонной войны», одним из способов проявления которой являлось постоянное расположение частей и подразделений в воинских эшелонах, являвшихся также средством отступления вооруженных сил в тыл. М. А. Муравьев, ставший свидетелем отхода частей и отрядов формирующейся 1-й армии под Сызранью, «застал все войска разбредшимися по своим эшелонам и по окрестностям совершенно дезорганизованными»¹⁶. В результате железнодорожные пути и узловые станции региона были в буквальном смысле слова забиты составами, что препятствовало подвозу подкреплений и снабжению частей. Так, главнокомандующий сообщил, что имевшийся в его распоряжении небольшой резерв не смог «прийти на помощь, ибо дорога была страшно запружена воинскими поездами». Поэтому в докладе Л. Д. Троцкому М. А. Муравьев писал, что «железнодорожный способ войны я совершенно не признаю, так как войска разлагаются и балуются... Железные дороги должны служить для подвоза провиантов и припасов, исходными точками для походов и маневров, но для этого необходимо, чтобы формируемые части имели легкие обозы, палатки, шанцевый инструмент, одним словом должны быть оборудованы технически отлично, чтобы можно было вести полевые операции. Я скоро издам приказ по фронту о высылке всех войск из эшелонов и прекращу это баловство»¹⁷. Согласно данному приказу от 24 июня 1918 года командармам предписывалось «все войска высадить из поездов на исходных пунктах, откуда намечаются те или иные боевые действия»¹⁸.

После расположения вооруженных сил вне железнодорожных составов у фронтового командования появилась возможность начать обучение солдат основным правилам ведения боевых действий в полевой обстановке. Телеграммами от 23 и 30 июня 1918 года М. А. Муравьев приказывал командармам проводить с солдатами тренировочные занятия по сторожевой службе, разведке, походному движению, наступательным боям на обозначенного противника, стрельбе. Высадившиеся из вагонов войска предписывалось обучить окопному делу на открытой местности¹⁹.

Столкнувшись с отказом многих частей и подразделений выполнять распоряжения фронтового и армейского командования, М. А. Муравьев практиковал использование карательных мер. Так, в цитируемом докладе Л. Д. Троцкому главнокомандующий писал, что 4-й латышский полк, вошедший впоследствии в состав Инзенской дивизии 1-й армии, «не желает подчиняться советской власти, причем командир и его помощник чрезвычайно дерзко и вызывающе держат себя с революционным советом... Заставить его подчиняться я пока не имею реальных сил, но, безусловно, я его уничтожу, как

только эти силы у меня будут, ибо полк думает вернуться в Москву и развратить всю дивизию из всех войск»²⁰. Аналогичным образом планировалось пресекать случаи девиантного поведения красноармейцев, о чем свидетельствует доклад инспектировавшего 1-ю армию правительственного комиссара при Латышской дивизии К. Х. Данишевского от 29 июня 1918 года, из которого становится известно, что М. А. Муравьев угрожал направить карательный отряд в Инзенскую группу войск, солдаты которой занимались грабежом местного населения и пьянством²¹.

Процесс создания штаба 1-й армии в конце июня 1918 года также происходил под руководством М. А. Муравьева, в распоряжении которого на тот момент имелись работники расформированного штаба Западного Чехословацкого фронта, которые были впоследствии назначены на наиболее важные должности главного органа управления объединением. Одним из первых свои услуги по организации войск предложил начальник снабжения сводного отряда А. Ф. Каменского И. М. Штейнгауз, отправивший 19 июня 1918 года М. А. Муравьеву следующую телеграмму: «Когда разрешите приехать с полным и подробным докладом и проектом по вопросу о снабжении армии»²². Уже на следующий день, 20 июня 1918 года, еще до официального создания штаба И. М. Штейнгауз вступил в должность начальника отдела снабжений 1-й армии²³, несмотря на то что данное назначение было официально подтверждено только 23 июня 1918 года декретом РВС Восточного фронта²⁴. Приказом № 1 от 23 июня 1918 года, подписанным начальником штаба Р. Шимуничем, бывшим руководителем штаба Сызранской группы войск Западного Чехословацкого фронта, согласно распоряжения М. А. Муравьева штаб 1-й армии формировался в следующем составе: начальник оперативного отдела С. Шабич, занимавший до этого должность помощника Р. Шимунича, начальник связи Симанов, начальник охраны штаба Болод, заведующий хозяйством штаба Зандель, комендант штаб-квартиры Подречик, казначей штаба и инспектор снабжения Разумов, заведующий канцелярией штаба Моон, адъютант штаба Дудко²⁵.

Кроме того, М. А. Муравьев сыграл одну из ключевых ролей в назначении на должность командующего 1-й армии молодого подпоручика М. Н. Тухачевского, который прибыл в его распоряжение из Москвы «для исполнения работ исключительной важности по организации и формированию Красной Армии в высшие войсковые соединения и командование ими»²⁶. Необходимость смены командарма была обусловлена тем, что А. И. Харченко не предпринял существенных мер по организации объединения, о чем имеются документальные свидетельства. Так, на «недостаточную распорядительность командующего армией» указывал в своей телеграмме заведующий политотделом фронта²⁷. Поэтому декретом

№ 8 РВС от 26 июня 1918 года командующим 1-й армией стал М. Н. Тухачевский²⁸. Об участии М. А. Муравьева в принятии данного решения говорит телеграмма С. И. Аралову от 27 июня 1918 года, в которой главком писал: «вместо него (А. И. Харченко. – Е. Н.) назначил коммуниста кадрового офицера Тухачевского»²⁹. Кроме того, в приказе по армии от 28 июня 1918 года М. Н. Тухачевский сообщал, что «сего числа я вступил в командование 1-й Революционной армией согласно приказу главнокомандующего Восточным фронтом»³⁰.

Большое внимание М. А. Муравьев уделял снабжению 1-й армии продовольствием, оружием, боеприпасами, техническими средствами. Так, еще 17 июня 1918 года Д. И. Архангельскому, начальнику Рузаевской базы снабжения, вошедшей впоследствии в состав одноименного отдела 1-й армии, предписывалось все прибывающие из Москвы войска «задержать в Рузаевке, обмундировать, снарядить и вооружить и не отправлять до моего распоряжения»³¹. В докладе Л. Д. Троцкому главком требовал немедленной отправки на фронт легких и тяжелых артиллерийских батарей, снарядов всех калибров, понтонных и саперных рот, радиостанций, санитарных отрядов, поездов, а также врачей и фельдшеров. Кроме того, М. А. Муравьев приказал сформировать при штабах армий отделы снабжений, а также базы для сосредоточения военного имущества³². Из телеграммы М. Н. Тухачевского начальнику штаба Восточного фронта Н. В. Соллогубу от 4 июля 1918 года становится известно, что М. А. Муравьев планировал организацию таких баз в Инзе, Пензе, Рузаевке, Симбирске, Арзамасе, Тереньге, Сенгилее, Мазе, Мелекессе, Погрузной, Сергиевске, Троцком, Базарной, Барыше, Кузнецке, Репьевке³³. Впоследствии во время инспекционных поездок по фронту главком обращал внимание на процесс обеспечения вооруженных сил всем необходимым. В телеграмме С. И. Аралову от 6 июля 1918 года сообщалось, что М. А. Муравьев, «ознакомившись на месте со снабжением Симбирской группы 1 армии, усмотрел, что из грузов, посланных для армии, ни один еще не дошел до фронта»³⁴.

Ввиду того что центральное командование зачастую не могло удовлетворить все потребности войск в военном имуществе, М. А. Муравьев рекомендовал армейскому руководству обращаться за помощью в местные органы власти, вплоть до полного и беспрепятственного подчинения последних командарму или сотрудникам штаба. С целью достижения большей результативности главком сам отдавал необходимые распоряжения, на которые впоследствии в своих приказах или телеграммах ссылалось армейское командование. Так, М. А. Муравьев приказывал всем местным военным и гражданским властям подчиняться начальнику отдела снабжения 1-й армии И. М. Штейнгаузу³⁵, предписывал Приволжскому

окружному и Тамбовскому губернскому военным комиссариатам выполнять все требования командарма М. Н. Тухачевского, в частности на отправку инструкторов, чертежников, карт, уставов полевой службы и наставлений³⁶. В начале июля 1918 года М. А. Муравьев отдал приказание начальнику Рузаевской базы снабжения «производить закупку хлеба для армии»³⁷. Кроме того, в начале июля 1918 года М. А. Муравьев подписал приказ, согласно которому «все учреждения, находящиеся в районе действующих армий подчиняются командармам последних, все происходящие от них требования должны исполняться»³⁸.

Буквально с первых дней после назначения на должность командующего 1-й армией М. Н. Тухачевский неоднократно обращался к М. А. Муравьеву с просьбами об оказании помощи при решении тех или иных организационных вопросов. Так, из телеграммы от 30 июня 1918 года становится известно об отказе политического комиссара 1-й армии О. Ю. Калнина ставить подпись под приказом о назначении суточных денег военным специалистам, работающим в штабе объединения. Поэтому командарм просил «помочь мне в этом деле. Ради успеха не боюсь взять ответственность на себя... Так мы не только не соберем хорошего командного состава, но и потеряем тот, что есть»³⁹. В итоге приказом по армии № 19 от 15 июля 1918 года офицеры удовлетворялись «подъемными деньгами в сумме 500 рублей»⁴⁰, а приказом № 22 от 23 июля 1918 года военные специалисты и их семьи имели возможность получать бесплатный продуктовый паек⁴¹. Несмотря на то что данные распоряжения были подписаны и опубликованы уже после ликвидации авантюры М. А. Муравьева, есть вероятность того, что главком успел сыграть определенную роль в решении возникшего вопроса.

Для размещения штаба армии М. Н. Тухачевский телеграммой от 30 июня 1918 года просил М. А. Муравьева «спешно выслать один вагон салон, один вагон ресторан, два вагона 1-го класса для штаба армии и один вагон 1-го и один 2-го класса для [Инзенской] дивизии. Без них нельзя работать»⁴². Впоследствии командарм использовал салон-вагон для передвижения по расположению объединения с целью решения оперативных вопросов руководства вооруженными силами, что было крайне необходимо при рассредоточении войск на обширной территории, а также неэффективности удаленного способа командования ими⁴³.

Последующие меры М. Н. Тухачевского по «наведению порядка в армии», создание 5 июля 1918 года военно-революционных трибуналов⁴⁴, а также расстрел «за неисполнение вовремя... приказа» командиров Брянского полка и Петроградского батальона⁴⁵ вызывали одобрение М. А. Муравьева, о чем свидетельствует телеграмма начальника штаба Восточного фронта Н. В. Соллогуба командарму от 9 июля 1918 года⁴⁶.

Единственный эпизод из деятельности М. А. Муравьева, позволяющий определенно судить об использовании своих должностных полномочий для подготовки антибольшевистского выступления, связан с попыткой привлечь на свою сторону штаб 1-й армии и командарма М. Н. Тухачевского, а также сосредоточить в Симбирске вооруженную опору из потенциально верных, преимущественно левоэсеровских воинских подразделений, входивших в состав 1-й армии. Для этого, согласно воспоминаниям Ф. Валхара, М. А. Муравьев заранее договорился с командующим Симбирской группой войск левым эсером К. Ивановым⁴⁷. Однако сам К. Иванов впоследствии писал, что «я решил действовать очень осторожно и наружно подчиниться всем приказам и распоряжениям Муравьева, ибо всякое открытое противодействие с моей стороны толкнуло бы его на немедленный арест не только большевиков, но и левых эсеров, несмотря на то, что «считал» себя сам им»⁴⁸. 8 июля 1918 года К. Иванов приказывал командиру Сводного отряда самарских боевых дружин левому эсеру Г. Д. Гаю «отправить в мое распоряжение Самарскую боевую дружину левых эсеров». На следующий день Г. Д. Гай предписывал начальнику дружины П. Ф. Устинову отбыть вместе с войсками из Сенгилея в Симбирск⁴⁹. Однако каких-либо действий, направленных на реализацию задуманных М. А. Муравьевым планов, за этим отрядом замечено не было по причине его задержки в пути.

9 июля 1918 года в Симбирске был остановлен подготовленный к отправке под Ставрополь (ныне Тольятти Самарской области) 1-й Курский броневой дивизион, которым командовал Н. Н. Беретти⁵⁰. Вопреки надеждам М. А. Муравьева, Курский бронедивизион не поддержал главкома и даже впоследствии принимал участие в его ликвидации.

Согласно другим сведениям М. А. Муравьев планировал втянуть в заговор всю 1-ю армию. Об этом свидетельствуют воспоминания Ф. Валхара, который писал, что главком «под страхом расстрела комиссара телеграфа тов. Панина заставил телеграфировать по фронтам мелекесско-бугульминскому и сызранскому о том, что война с чехословаками прекращается, и *все войска должны направиться в г. Симбирск для отправки на запад и дальнейшей войны с Германией*»⁵¹ (курсив наш. – Е. Н.). В итоге, непосредственное руководство М. А. Муравьевым частями и подразделениями 1-й армии вызывало недовольство М. Н. Тухачевского, который крайне ревностно относился к покушениям на его самостоятельность в области командования войсками⁵².

Кроме того, М. А. Муравьев потребовал эвакуировать в Симбирск штаб 1-й армии, находившийся на станции Инза. Однако заведующий передвижением войск и комендант станции И. Морозов, получивший из Симбирска телеграмму главкома о заключении перемирия с чехами и

намерении начать боевые действия с немцами, «сделал расцепку вагонов, заявив наштабму Шимуничу о негодности паровоза»⁵³.

Несмотря на предпринимаемые меры, попытки М. А. Муравьева осуществить запланированную акцию закончились убийством главкома. Однако, по мнению современников и последующих исследователей, данное выступление стало причиной отступления 1-й армии и захвата войсками Народной армии Комуча 10 июля 1918 года Сызрани и 22 июля 1918 года Симбирска. По словам М. Н. Тухачевского, «эта измена, так быстро и удачно ликвидированная, тем не менее, принесла колоссальный вред для армии. За время своего господства Муравьев разослал во все войсковые части телеграммы о заключении мира с чехословаками, войне с Германией и проч. Через несколько часов после расстрела Муравьева эти же части получили телеграммы об измене Муравьева, о его расстреле и проч. Это все произвело колоссальное впечатление на не сформировавшиеся части. Началась паническая боязнь предательств, развилось недоверие части к части, красноармейцев к командному составу и проч. Начались непрерывные ложные слухи об обходах, изменах и проч. Войска стали отходить даже без боя»⁵⁴.

Впоследствии во всех докладных записках и отчетах поражение войск 1-й армии и Восточного фронта в целом М. Н. Тухачевский и И. И. Вацетис, назначенный командующим Восточным фронтом, объясняли негативным воздействием на Красную армию измены М. А. Муравьева⁵⁵. Однако, на наш взгляд, подобные обвинения являются несколько преувеличенными и вызваны попыткой военного руководства переложить ответственность за последующие неудачи на фронте на мятежного главкома. Так, перечисленные М. Н. Тухачевским действия солдат, якобы вызванные телеграммами М. А. Муравьева, наблюдались и ранее. Кроме того, в официальном постановлении ЦК РКП (б) о мероприятиях по укреплению Восточного фронта от 29 июля 1918 года приводились следующие обстоятельства, приведшие к поражениям Красной армии – недостаточная стойкость частей, вызванная их необстрелянностью, неясность для солдат смысла выступления Чехословацкого корпуса, а также неопытность командного состава и политических работников⁵⁶. Можно отметить лишь, что выступление главкома стало одним из факторов, способствовавших дезорганизации фронта.

Необоснованными выглядят также последующие обвинения М. Н. Тухачевского в адрес М. А. Муравьева по поводу сознательного саботажа в деле формирования 1-й армии. Так, в докладе Л. Д. Троцкому командарм писал: «Как выясняется, Муравьев, видя напряженную работу по организации I армии, нарочно задерживал мне выдачу денег на нужды армии и своими приказами разрушал планомерные действия I армии»⁵⁷.

В записке И. И. Вацетису от 23 июля 1918 года М. Н. Тухачевский также сообщал, что «высшее командование Муравьева (фамилия вписана красными чернилами на фоне машинописного текста. – Е. Н.) сочло мои чрезмерно скромные требования (25 млн руб. – Е. Н.) излишними и ассигновало лишь 2 миллиона, которого мне не могло хватить и на выплату жалованья»⁵⁸. В действительности неспособность фронтового командования выполнить просьбу М. Н. Тухачевского имела вполне объективные причины. Так, в телеграмме начальника штаба Восточного фронта Н. В. Соллогуба от 6 июля 1918 года сообщалось, что «все формирования и отпуски на них кредитов идут [в] распоряжение Казанского окружного комиссариата (имеется в виду Приволжский окружной военный комиссариат. – Е. Н.), и нашей компетенции не подлежат»⁵⁹.

Таким образом, за почти месячный период пребывания М. А. Муравьева в должности командующего Восточным фронтом ему удалось заложить основы объединения, а также входивших в его состав формирований, в частности, 1-й армии. М. А. Муравьев являлся инициатором и проводником большинства мероприятий, направленных на приведение имевшихся в его распоряжении войск в боеспособное состояние – осуществлял подбор и назначение кадров, регулировал процесс обеспечения вооруженных сил всем необходимым для ведения боевых действий, боролся с пережитками предшествующего этапа строительства Красной армии, являлся сторонником крепкой дисциплины, основанной на карательных мерах и т. д. Большая часть указанных реформ из-за отсутствия поддержки центра проводилась по собственной инициативе, а также за счет ресурсов местных органов власти и впоследствии являлась базовой основой при последующей организации войск командующим Восточным фронтом И. И. Вацетисом и командармом М. Н. Тухачевским.

Примечания

- 1 Какурин Н. Е. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002. С. 80.
- 2 Ненароков А. П. Восточный фронт. 1918. М., 1969. С. 103.
- 3 Симонов А. А. Главком М. А. Муравьев и создание Восточного фронта // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 31.
- 4 Там же. С. 33–36.
- 5 Декреты Советской власти : в 18 т. М., 1959. Т. 2. С. 429–430.
- 6 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922) : в 4 т. М., 1971. Т. 1. С. 41.
- 7 Впоследствии директивой М. А. Муравьева, подписанной не позднее 22 июня 1918 года, уфимская и оренбургская группы войск сводились во 2-ю армию

- под командованием В. В. Яковлева. См.: Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 1. С. 389.
- 8 См.: Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 1. С. 382.
  - 9 См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
  - 10 Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 – Февраль 1921 гг. : Сборник документов и материалов. Ашхабад, 1972. С. 25.
  - 11 См. подробнее: Ганин А. В. Попытка упразднения Восточного фронта летом 1918 года. Малоизвестный эпизод советского военного строительства // Военно-исторический журн. 2016. № 8. С. 14–18.
  - 12 См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 26, 27.
  - 13 РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 92–93.
  - 14 Там же. Л. 99, 155.
  - 15 Там же. Л. 93.
  - 16 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 17 об.
  - 17 Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 95, 97.
  - 18 Там же. Л. 147.
  - 19 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 177–178.
  - 20 Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 92–93.
  - 21 Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 139.
  - 22 Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 185.
  - 23 Там же. Ф. 157. Оп. 6. Д. 1. Л. 1.
  - 24 Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
  - 25 Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 655. Л. 1.
  - 26 Ненароков А. П. Указ. соч. С. 98.
  - 27 Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 76.
  - 28 Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
  - 29 Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 325.
  - 30 Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609. Л. 2.
  - 31 Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
  - 32 Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 98–99.
  - 33 Там же. Д. 28. Л. 16–17.
  - 34 Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 22.
  - 35 Там же. Ф. 157. Оп. 6. Д. 1. Л. 1.
  - 36 Там же. Ф. 106. Оп. 3. Д. 1079. Л. 46 ; Ф. 157. Оп. 3. Д. 44. Л. 40.
  - 37 Муравьев М. А. Приказ начальнику базы снабжения // Известия Рузаевского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 7 июля.
  - 38 РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 26. Л. 1.
  - 39 Там же. Д. 57. Л. 177–177 об.
  - 40 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 212.
  - 41 ЦГА РМ. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.
  - 42 РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 50. Л. 60.
  - 43 См.: Корицкий Н. И. В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский : Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 57, 61.
  - 44 РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609. Л. 4–4об. ; Ф. 1284. Оп. 1. Д. 480. Л. 1.
  - 45 Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 53. Л. 100–103.
  - 46 Там же. Д. 39. Л. 70.

- ⁴⁷ См.: Валхар Ф. Ликвидация авантюры бывшего полковника Муравьева // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 218.
- ⁴⁸ Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 1918–1922. М., 1922. С. 9.
- ⁴⁹ См.: Стариков С. В. Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 – июль 1918 гг. (на материале Поволжья). Йошкар-Ола, 2004. С. 351.
- ⁵⁰ Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии. С. 8.
- ⁵¹ Валхар Ф. Указ. соч. С. 218.
- ⁵² См.: РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 39. Л. 59.
- ⁵³ Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.
- ⁵⁴ Тухачевский М. Н. Первая армия в 1918 году // Тухачевский М. Н. Избранные произведения (1919–1927) : в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 80.
- ⁵⁵ См.: Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. С. 33, 37.
- ⁵⁶ См.: Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 1. С. 412.
- ⁵⁷ Симбирская губерния в годы гражданской войны (май 1918 – март 1919 гг.) : в 2 т. Ульяновск, 1958. Т. 1. С. 85.
- ⁵⁸ Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. С. 34–35 ; РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 3.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 28. Л. 36.

Образец для цитирования:

Наумов Е. О. «Муравьев всячески мешал сосредоточению Первой армии»: к вопросу о роли командующего Восточным фронтом в создании 1-й армии летом 1918 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 262–268. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-262-268.

Cite this article as:

Naumov E. O. «Muravyov in every way prevented the concentration of the First army»: on the role of the East front commander in the formation of the First army in the summer of 1918. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 262–268 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-262-268.

УДК 323:94(470.44/47)

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СССР В 1953–1985 ГОДЫ (по материалам Нижнего Поволжья)

А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В статье дан анализ реализации основных направлений молодежной политики СССР в период хрущевских и брежневских экономических реформ на примере конкретного региона. Главное внимание сосредоточено на роли досуговых учреждений в профилактике преступности несовершеннолетних и молодежи Нижней Волги. Статья базируется на богатом фактическом материале, из архивов и периодической печати.

Ключевые слова: дворец пионеров, девятность, кинотеатр, комсомол, клуб, молодежь, музей, народная дружина, пионерский лагерь, парк, подросток, спорт, театр.

Youth Policy in the USSR in 1953–1985
(Based on the Materials of the Lower Volga Region)

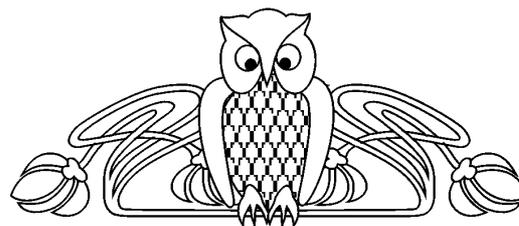
А. А. Gumenyuk

The article analyzes how the main directions of the youth policy of the USSR were realized in the period of Brezhnev's and Khrushchev's economic reforms by the example of one region. Main attention is focused on the role played by leisure-time centers in crime prevention among under-age and young people in the Lower Volga region. The study is based on various factual material, obtained from archives and periodicals.

Key words: Palace of the Pioneers, deviant activities, cinema, Komsomol, club, youth, museum, self-defense militia, Pioneer camp, park, teenager, sport, theatre.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-269-277

Проведение грамотной молодежной политики, борьба с преступностью среди молодежи и подростков являются важными направлениями социальной политики любого государства. В Российской Федерации в этом отношении не все обстоит благополучно. Например, в Саратовской области число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, выросло с 664 в 2012 г. до 853 в 2015 г. Прирост особо тяжких преступлений за эти годы составил 24 единицы¹. Это результат снижения финансирования организации детского отдыха, сужения охвата детей досуговыми заведениями, увеличения оплаты за обучение, что существенно снижает доступность этих услуг детям, особенно из малообеспеченных семей. Чтобы переломить эту негативную тенденцию, на наш взгляд, представляется необходимым проанализировать позитивные и негативные стороны молодежной политики в советский период, а именно в 1953–1985 гг., отмеченные наибольшими

успехами проведения социальной политики. Сделать это более наглядно и качественно позволяет региональный материал Нижнего Поволжья.

Законодательная база проведения в СССР молодежной политики стала оформляться в 1920–1930-е гг., когда были заложены основы деятельности различных детских учреждений социального воспитания, в борьбу с девинатными проявлениями в подростковой и молодежной среде активно вовлекались культурно-просветительные, комсомольские, спортивные, туристические, экскурсионные и пионерские организации. Предусматривалось и применение силовых методов – постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних» предусматривало привлечение к суду с применением всех мер уголовного наказания подростков (с 12-летнего возраста), совершивших кражи, убийства, причинивших насилие, телесные повреждения и увечья². Однако в условиях произошедшего за годы войны и послевоенного восстановления народного хозяйства резкого обострения социальных проблем в стране существовавшее законодательство, представлявшее в большей степени идеологический проект, нежели продуманную государственную стратегию, оказалось не в состоянии остановить рост преступности в молодежной и подростковой среде. Начальник саратовского областного управления милиции, выступая на IX Саратовской областной партийной конференции (12–14 февраля 1954 г.), отмечал, что от 64 до 84 % всех преступлений совершалось лицами в возрасте от 14 до 25 лет. В их числе было немало и комсомольцев. Только за 1955 г. в Сталинградской области к ответственности было привлечено 200 членов ВЛКСМ³.

Материальная база и репертуар большинства клубов, Домов и Дворцов культуры не могли удовлетворить потребностей в культурном досуге основной массы подростков и молодых людей, что порождало с их стороны большое количество жалоб. Количественный анализ выявленного нами за 1953–1956 гг. в областных архивах и периодических изданиях Саратовской области материала позволяет утверждать, что наибольшее число таких жалоб было подано в органы власти и редакции местных газет в 1953 г. (20) и 1954 г. (17). Особенно много критики по этому поводу поступало от возвращавшихся в свои родные места молодых семей калмыков. Ощущался дефицит плавательных бассейнов, спортивных водных

станций, более или менее оборудованных стадионов. Например, в 1953 г. исполнилось 18 лет с момента строительства стадиона добровольного общества «Пищевик» в Астрахани⁴. К началу лета 1953 г. пионерские лагеря Саратовской области были обеспечены продуктами только на 15–20 %, условий, необходимых для хранения продуктов питания, приготовления пищи, использования кухонной и столовой посуды, не имелось. Низким было качество проведения медицинских осмотров школьников. Число посещавших пионерские лагеря детей и подростков из года в год сокращалось. Например, если в пионерских лагерях Астраханской области в 1954 г. побывало 8 650 юных жителей области, то в 1955 г. – только 7 879⁵. В органы власти и периодическую печать поступала масса жалоб на дефицит детских площадок во дворах жилых домов и необустроенность существовавших. Из-за неблагоустроенности редким явлением были концерты, танцы, лекции и другие мероприятия, проводимые городскими парками культуры и отдыха или специализированными детскими парками, для подрастающего поколения различных возрастов и молодежи. Демонстрация детских сеансов в кинотеатрах организовалась редко. Узкой была сеть детских музыкальных школ.

Группа политических деятелей, оказавшихся у власти в стране в марте 1953 г., вырабатывая курс реформ социальной сферы, не могла проигнорировать рост преступности среди несовершеннолетних и молодежи и неудовлетворительное состояние организации работы досуговых учреждений с молодежью. Кардинальным отличием нового пакета законодательных инициатив стало отрицание применения репрессивных, силовых мер в любой форме. В 1954 г. несовершеннолетние граждане, приговариваемые ранее к году тюремного заключения за совершенные хулиганские выходки, теперь обязаны были оплатить лишь штраф⁶. Главное внимание государство сконцентрировало на выработке полномасштабной стратегии всестороннего использования потенциала культурно-просветительных и зрелищных досуговых учреждений в борьбе с подростковой и молодежной преступностью. Эта стратегия включала в себя следующие компоненты: 1) улучшение материальной базы досуговых учреждений, расширение сети, создание комфортных условий для посещавших их молодых людей и 2) совершенствование методики работы с подростками и молодежью. Реализовывать эти направления на практике были обязаны профсоюзные, комсомольские, пионерские, спортивные, туристические, экскурсионные и другие организации. Принятая в октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС новая программа партии вслед за другими постановлениями вышеуказанных организаций закрепляла принцип полной доступности и бесплатности удовлетворения молодого поколения услугами пионерских лагерей, спортивных и иных досуговых учреж-

дений⁷. О повышении внимания государства к проблемам молодежи свидетельствует и проект новой Конституции СССР, разработка которого началась в начале 1960-х гг. В нем в отличие от действующего основного закона страны имелась специальная статья, посвященная молодежной политике⁸.

Претворение в жизнь государственной стратегии в сфере молодежной политики на протяжении первого постсталинского десятилетия способствовало некоторому повышению уровня эстетической культуры молодого поколения, проживавшего в регионе Нижнего Поволжья. В 226 кружках, действовавших при культурно-просветительных учреждениях Астраханской области к концу лета 1963 г., было записано около 6 тыс. детей. К этому времени в самодеятельных художественных коллективах Волгограда участвовало 70 тыс. чел.⁹ Количественный анализ данных о критических высказываниях по поводу дефицита или необустроенности клубных учреждений на различных партийных конференциях и сессиях местных советов Саратовской области, обнаруженных нами в источниках за 1953–1958 гг. и 1959–1964 гг., показывает, что в первый из указанных периодов было высказано 98 жалоб, а за второй – только 61. Немало школьников занималось в детских спортивных и музыкальных школах. Например, в Волгоградской области к концу «хрущевской оттепели» функционировало 31 музыкальная и 9 спортивных школ, число учащихся в последних составило 2 573 чел.¹⁰ О степени вовлеченности молодежи в спортивные мероприятия можно судить и по снижению числа жалоб на плохую организацию физкультурной работы: если за 1953–1958 гг. нами было выявлено в архивных документах и материалах прессы по Саратовской области 21 критическое высказывание, то за 1959–1964 гг. – только 12.

К середине 1960-х гг. школьники Нижнего Поволжья стали чаще бывать в пионерских лагерях, численность которых к этому времени значительно возросла. Наибольших успехов в этом отношении добились власти Волгоградской области, в лагерях которой в 1960–1961 гг. было оздоровлено на 22 тыс. детей больше по сравнению с 1952–1953 гг. В начале 1960-х гг. пропускная способность за сезон загородных пионерлагерей этой области по сравнению с концом 1950-х гг. возросла на 2100 чел.¹¹ Схожие показатели имела Саратовская область, где к середине 1960-х гг. за сезон пионерские лагеря обслуживали на 20,6 тыс. школьников больше, чем в 1953 г.¹² Количество детей, побывавших в астраханских пионерлагерях в 1961–1963 гг., превысило уровень 1952–1953 гг. всего на 7 тыс. чел. В 1962 г. лагеря этой области смогли обслужить лишь на 4 тыс. подростков больше по сравнению с 1954 г.¹³ Явным аутсайдером по развитию пионерских лагерей являлась Калмыцкая АССР. Восстановленная в 1958 г., эта республика к 1965 г. имела на своей территории

всего один пионерский лагерь, основная масса калмыцких детей отдыхала в профсоюзных пионерских лагерях в Кисловодске, Ростовской и Астраханской областях. Если в 1960 г. по сравнению с 1959 г. там побывало больше всего на 50 чел., то в 1962–1963 гг. по сравнению с 1960–1961 гг. – уже 622 ребенка. Сеть пионерских лагерей региона не только увеличивалась количественно, в ее работе происходили и качественные изменения. Например, в лагерях Астраханской области уже в 1954–1955 гг. было налажено бесперебойное обеспечение продовольствием, питание детей было достаточно калорийным (от 3 200 до 4 500 калорий), пищевых отправлений зафиксировано не было. Дети по возвращении из лагерей, наоборот, имели прибавку в весе от 0,8 до 3 кг¹⁴. Для тех детей, кто по каким-либо причинам не мог поехать летом в загородные пионерские лагеря и оставался в городах, при школах создавались городские пионерские лагеря, домоуправлениями организовывались детские площадки, различные кружки, дворовые кукольные театры, проводились экскурсии в музеи, на промышленные предприятия, выезды в лес, походы в парки. Масштабные работы, развернувшиеся во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. по благоустройству паркового хозяйства в городах Нижнего Поволжья, позволили руководству этих досуговых городских зон шире практиковать различные мероприятия по эстетическому воспитанию детей и молодежи. Например, летом 1959 г. в Городском парке культуры и отдыха им. М. Горького г. Саратова побывало 140 детей. В городском парке юных пионеров г. Астрахани в 1964 г. ежедневно различные кружки посещали от 300 до 350 юных горожан¹⁵.

Немало внимания уделялось эстетическому воспитанию подрастающего поколения работниками кинематографа. Так, профсоюзными киноустановками Калмыцкой АССР лишь за 1960–1961 гг. было обслужено 500 тыс. детей, а профсоюзной кинотекой Астраханской области за 1961–1962 гг. – 2,5 млн маленьких зрителей¹⁶. Большая роль в молодежной политике отводилась сотрудникам саратовского планетария¹⁷. Планетарии действовали в эти годы также в Пугачеве Саратовской области (передвижной) и в Сталинграде (стационарный). Город-герой получил его в качестве подарка от граждан ГДР в 1954 г. и поэтому являлся самым совершенным из всех, существовавших до него¹⁸.

Отдача от проводимых мероприятий в регионе стала ощущаться уже к концу 1950-х гг. Проиллюстрируем эту тенденцию на примере Саратовской области. Численная динамика обнаруженных нами в архивах и газетах этой области материалов о девиантных проявлениях в молодежной среде позволяет утверждать, что в 1959–1964 гг. по сравнению с 1953–1958 гг. наблюдалось существенное снижение этих проявлений: 7 и 16 выявленных фактов соответственно. Об этом можно судить и на основании анализа

внутреннего содержания выявленных источников. Так, в первом полугодии 1960 г. по сравнению с первым полугодием 1959 г. число преступлений, совершенных подростками, снизилось на 38,9%, в том числе особо опасных – на 17,9%. Если же сопоставить первую половину 1960 г. со вторым полугодием 1959 г., то снижение уровня подростковой преступности будет еще больше – на 42% в целом и на 30,9% опасных преступлений. Хотя в последующем темпы сокращения числа преступлений по области несколько замедлились, тем не менее, положительная тенденция сохранилась: в июне 1964 г. количество совершенных несовершеннолетними преступлений снизилось на 28 %¹⁹.

В то же время руководство комсомольскими организациями региона обращало внимание на формализм, казенщину в работе пионерских и комсомольских организаций региона. Часто вместо создания при школах с помощью ВЛКСМ и пионерии различных обществ и клубов и вовлечения в них так называемых трудных подростков их переводили из общеобразовательных школ в школы рабочей молодежи. Так, педагоги чаще всего боролись с второгодничеством в своих школах. Родители уже в начале 1960-х гг. отмечали, что дети после возвращения из школы были предоставлены сами себе, «шалили» на улице и в школе, «неблаговидно» вели себя в пионерлагерях. Большой ущерб «недисциплинированные» подростки наносили коммунальному хозяйству городов региона. Например, в Саратове в середине 1960-х гг. ими было разбито от 60 до 90% всех ламп уличного освещения²⁰. Настоящей «болезнью» стала езда молодых людей на подножках трамваев и троллейбусов. Подростки нарушали и правила пользования пригородным железнодорожным транспортом, портили зеленые насаждения, уничтожали цветы, выводили из строя телефоны-автоматы. Характерной чертой повседневности начала 1960-х гг. были уличные драки, угон машин, разукомплектование комбайнов, обворовывание магазинов, изнасилования. Большинство преступлений совершалось подростками и молодежью в возрасте от 15 до 25 лет и в нетрезвом состоянии. Определенная часть молодых людей, не желавшая далее следовать навязываемому властями пути построения коммунизма, пыталась найти альтернативные пути проведения досуга. Выражением этого стало так называемое движение стилиг, которое партийными органами характеризовалось как девиация.

Для борьбы с проявлениями девиантности в подростковой среде привлекались как члены комиссий по делам несовершеннолетних при советах депутатов трудящихся, так и общественность в виде комсомольских патрулей, оперативных молодежных отрядов, отрядов юных друзей милиции, народных дружин. Например, в Калмыцкой АССР к середине 1960-х гг. действовало 350 отрядов, штабов и групп «комсомольского

прожектора» с общей численностью около 3 тыс. чел.²¹ Индивидуальное шефство над подростками практиковали детские комнаты, создаваемые инспекторами районных отделений милиции при различных школах. В Астраханской области в начале 1964 г. было создано 45 детских комнат милиции на общественных началах, в работе которых принимали участие 430 педагогов, дружинников, комсомольцев и родительская общественность. За 1963 г. ими было выявлено 636 несовершеннолетних, которые нигде не учились и не работали, над 857 подростками организовано персональное шефство со стороны общественности, предупреждено 48 преступлений несовершеннолетних. Комнаты милиции на общественных началах функционировали в этот период и в Камышине Волгоградской области²². В то же время анализ архивных документов показывает, что многие из созданных в регионе в начале 1960-х гг. комиссий, отрядов, дружин, комнат милиции числились лишь на бумаге, а действующие исполняли свои функции формально. Поэтому добиться снижения уровня подростковой преступности к середине 1960-х гг. не удалось. Так, если с 1962 г. по 1961 г. в Саратовской области к уголовной ответственности было привлечено на 12% больше несовершеннолетних, то в 1963 г. по сравнению с 1962 г. – на 14%. Число преступлений, совершенных подростками и молодыми людьми, только с 1962 г. по 1963 г. выросло в 2,4 раза. В Астраханской области за этот же период времени уровень преступности несовершеннолетних вырос на 32,5%. В Волгоградской области в 1965 г. количество преступлений, совершенных этой категорией населения по сравнению с 1962 г., возросло в 1,5 раза. Однако по этому показателю самой неблагополучной являлась Калмыцкая АССР, в столице которой даже в конце 1960-х гг. несовершеннолетними было совершено 46,2% всех зафиксированных в республике преступлений²³.

Хотя комсомольские лидеры страны призывали постоянно совершенствовать материальную базу и расширять сеть досуговых учреждений²⁴, возможностей у государства для этого становилось все меньше и меньше в силу постепенного ухудшения экономической ситуации. Во Дворцах пионеров ощущался дефицит помещений и оборудования, от населения райцентров и сел региона в органы власти поступали в большом количестве наказания и просьбы об открытии Домов пионеров, пионерских лагерей и улучшении работы в имевшихся. Имели место даже несчастные случаи. В частности, в Астраханской области в 1961–1962 гг. 11,3 % детей утонули во время купания в Волге. По этим причинам в пионерские лагеря ежегодно приезжало меньше пионеров и школьников. Например, в Саратовской области только за 1960–1961 гг. число отдохнувших детей в них снизилось на 2994 чел.²⁵

Ухудшилась работа домоуправлений с детьми по месту жительства, руководством городских

парков региона меньше стало проводиться разнообразных мероприятий с детьми и подростками, парковое хозяйство приходило постепенно в запустение. В регионе к концу периода «хрущевской оттепели» ощущался острый дефицит даже самых простейших спортивных площадок и сооружений. Волжане высказывали в адрес властей многочисленные просьбы о расширении сети детских музыкальных школ, в частности жители Саратовской области и Калмыцкой АССР²⁶. Не получая от государства необходимого финансирования на проведение ремонтных работ, руководство клубов, Домов и Дворцов культуры вынуждено было вводить плату за предоставляемые услуги. Поэтому те молодые люди, кто не мог их оплатить, лишались возможности культурно провести очередной вечер или выходной день. Но даже те, кому удавалось попасть в клуб редко оставались удовлетворены, поскольку набор развлечений ограничивался преимущественно «однообразными, бесконечными и надоевшими» танцами. В ряде населенных пунктов и такой возможности не имелось, как, например, у населения пос. Башанта Калмыцкой АССР, где летом 1965 г. не имелось Дворца культуры²⁷. Все это вынуждало молодых людей уезжать в города. Одна из доярок совхоза «Лопуховский» Руднянского района Волгоградской области, выступая на VIII областной межсоюзной конференции профсоюзов (осень 1965 г.) так объясняла логику рассуждений молодых людей района: «Молодежь говорит, что в городе будет жить по-человечески, хоть и меньше зарабатывать»²⁸. Миграция сельской молодежи в города была вызвана и плохой организацией детского и юношеского кинопроката. В райцентрах также руководство кинотеатров больше заботило выполнение плана, нежели эстетическое воспитание молодежи.

Все эти факты убедили пришедших к власти во второй половине 1960-х гг. советских руководителей в необходимости уделять больше внимания молодежной политике, особенно как инструмента профилактики преступности среди несовершеннолетних. В то же время изменения в политическом руководстве, произошедшие в октябре 1964 г., не внесли кардинальных перемен во взаимоотношения власти и молодежи. Развитие законодательных инициатив в этой сфере продолжало развиваться по тем же направлениям, что и в период «хрущевской оттепели», способствуя тем самым претворению в жизнь основных установок третьей программы партии. Стабилизация экономической ситуации в стране позволила выдвинуть молодежную политику на одно из приоритетных позиций внутреннего развития СССР, что убедительно доказывает огромный массив постановлений партийных, советских, профсоюзных, комсомольских органов, принятых в эти годы²⁹. Повышенное внимание при этом уделялось проблеме привлечения к занятиям спортом молодых людей и, прежде всего, детей, поскольку решалось сразу две проблемы – профи-

лактика преступности и укрепление здоровья. Даже сам глава государства в своей речи на XV съезде ВЛКСМ (17 мая 1966 г.) выступил с инициативой проведения два–три раза в год всесоюзных смотров спортивных достижений молодежи, подготовка к которым по мысли Генерального секретаря ЦК КПСС позволила бы привлечь к физкультуре и спорту многие тысячи юношей и девушек³⁰. В итоге 25 августа 1966 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта», запустившего в действие одноименный социальный проект³¹. Одновременно была обновлена законодательная база организации отдыха пионеров и школьников, кинообслуживания детей и подростков, что также можно охарактеризовать как разработку и принятие соответствующих социальных проектов³².

Реализация выше охарактеризованных инициатив власти в сфере молодежной политики позволила значительно улучшить материальную базу всего комплекса досуговых учреждений, ориентирующихся на юную аудиторию. На протяжении всех двадцати предперестрочных лет в Нижнем Поволжье велось активное строительство пионерских лагерей, повышалась степень комфорта бытовых условий в существовавших прежде. Лидирующие позиции по числу отдохнувших в пионерских, оздоровительных, трудовых лагерях, лагерях старшеклассников и т. д., как и в период «хрущевской оттепели» занимали Волгоградская и Саратовская области. Если в первой в конце 1970-х гг. ежегодно отдыхало в пионерских лагерях различных типов более 120 тыс. детей, то во второй – свыше 105 тыс. школьников. Наихудшие показатели имела Калмыцкая АССР, в лагерях которой к середине 1980-х гг. ежегодно проводили летние каникулы более 26 тыс. детей³³. Однако по уровню обслуживания детей клубными учреждениями эта республика к концу рассматриваемого периода занимала более заметное место в регионе, что отмечали даже жители соседней Астраханской области³⁴. Развернувшиеся со второй половины 1960-х гг. в больших объемах работы по благоустройству городских парков, изменив облик паркового хозяйства в количественном и качественном отношении, позволили их руководству внести значительное разнообразие в работу с детьми и подростками. Например, в городском парке культуры и отдыха г. Астрахани летом 1966 г. стали традиционными так называемые «молодежные среды», на которых выступали местные композиторы и артисты театров³⁵. Коллективы музеев, планетариев, цирков, театров и кинотеатров по-прежнему немало внимания уделяли подрастающему поколению и молодежи. Например, в 1967 г. профсоюзной киносетью Саратовской и Волгоградской областей было обслужено от 2 до 2,5 млн детей³⁶.

Одной из самых успешных социальных программ в сфере молодежной политики следует

признать социальный проект «Спорт». Так, в Астраханской области только с 1966 г. по 1970 г. число школьников, занимающихся спортом, возросло в 1,5 раза. В 31 среднем учебном заведении Волгоградской области к началу 1971 г. физкультурой занималось 85,1% учащихся, в то время как в 1966 г. – только 75,4%. В Саратовской области число школьников, привлеченных к внешкольным занятиям спортом, за эти пять лет увеличилось с 180 тыс. до 200 тыс. соответственно³⁷. Традиционными стали различные юношеские спартакиады. Например, в Астраханской области в 1970 г. программа спартакиады среди учащихся ПТУ включала 12 видов спорта. Приобщение молодежи к спорту было основным предназначением детско-юношеских спортивных школ (ДЮСШ), сеть которых в регионах Нижнего Поволжья динамично росла. Наиболее широкой она была в Саратовской области, где уже в 1970 г. числилось 34 школы. В Калмыцкой АССР к этому времени имелось только 9, в Астраханской области к 1972 г. – 10, а в Волгоградской области даже в 1977 г. насчитывалось лишь 17 школ. В 1982 г. охват детей ДЮСШ в Саратовской области превысил уровень 1970 г. на 20 тыс. чел.³⁸ Эффективность реализации проекта «Спорт» доказывает и динамика сокращения числа жалоб на плохую организацию спортивной работы с молодежью. Если за 1965–1975 гг. нами в архивных документах и материалах прессы только по одной Саратовской области были выявлены 28 фактов критического содержания, то за 1976–1985 гг. – только 17.

Многовекторный характер деятельности широкой сети досуговых учреждений позволил добиться значительного снижения уровня преступности в подростковой и молодежной среде. Количественный анализ выявленных нами в архивных документах и материалах прессы по Саратовской области фактов девиантных проявлений в молодежной среде также показывает, что в 1975–1985 гг. их число по сравнению с 1965–1977 гг. снижается с 20 до 15 соответственно. Уже в 1966 г. в Астрахани снизилось число хулиганских проявлений по вечерам, в Волгоградской области за 1976–1980 гг. количество преступлений в подростковой среде уменьшилось на 10%³⁹. Это было во многом заслугой деятельности оперативных комсомольских отрядов, созданных при вузах, предприятиях и учреждениях Нижнего Поволжья. Если в октябре 1972 г. в Саратовской области действовало 180 таких отрядов с 2500 членами, то в 1981 г. уже 247 отрядов, в которых насчитывалось более 10 тыс. чел.⁴⁰ В г. Ртищеве Саратовской области в результате деятельности дружин количество совершенных преступлений несовершеннолетними только за 1974 г. снизилось на 14,5%. Детские комнаты милиции, действовавшие при домоуправлениях на общественных началах, стремились увлечь подростков полезными, интересными делами, предлагая им посещать различные кружки и

секции. Например, одной из таких комнат г. Саратова удалось таким образом добиться полного исчезновения преступлений в подростковой среде в районе саратовского авиационного завода (в 1964 г. там совершалось около 100 правонарушений). Эффективным инструментом борьбы с девиантными проявлениями в подростковой среде являлись студенческие строительные отряды, в которые активно вовлекались трудновоспитуемые подростки. В частности, секретарь комитета ВЛКСМ Саратовского юридического института им. Д. И. Курбского в своем интервью газете «Заря молодежи» в мае 1979 г. отмечал, что, как правило, 40–50 % подростков после трудового семестра снимались с учета в инспекциях по делам несовершеннолетних⁴¹.

Совершенствование партий и правительством в 1970 – начале 1980-х гг. законодательства, регламентирующего деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и добровольных народных дружин, свидетельствовало в то же время о неспособности государства побороть молодежную преступность собственными силами, особенно в условиях постепенного сокращения пределов допустимости социальных отношений, начавшегося с середины 1970-х гг.⁴² Несмотря на привлечение в большом объеме сил общественности, динамика девиантных проявлений в молодежной среде по-прежнему характеризовалась позитивно. Отчасти это объяснялось формальным подходом к комплектованию различных дружин и их деятельности. Например, в г. Балаково Саратовской области в 1983 г. фактически членами оперотрядов числилось 156 чел., хотя в отчетах обкома фигурировала цифра 800 членов⁴³. Обратной стороной этого процесса был рост подростковой преступности. Если в 1975 г. прирост числа преступлений, совершенных этой категорией населения в Саратовской области, составил 11,3%, то в 1982 г. – уже 14,4%⁴⁴. Основным контингентом, совершавшим преступления, являлись учащиеся ПТУ, поскольку именно в эти учебные заведения органы власти в административном порядке направляли «трудных» подростков. Только в Красноармейском районе Волгограда число правонарушений среди учащихся профтехучилищ в последнем календарном году десятой пятилетки выросло на 18%⁴⁵. В основном группы подростков совершали преступления, чтобы достать деньги на спиртное, радиодетали, запасные части к мотоциклам, находясь при этом часто в нетрезвом состоянии. На примере г. Саратова видно, что особенно неблагоприятными в этом плане были микрорайоны «3-й Дачной», 5–6-го кварталов, поселков «Техстекло», Елшанка, ВСО⁴⁶. Именно в этих и других микрорайонах городов ощущался острый дефицит досуговых учреждений и спортивных сооружений. Многие из них не действовали, находясь в аварийном состоянии, или являлись долгостроем. Например, Астраханская область уже в 1975 г. по уровню развития мате-

риально-технической базы физкультуры и спорта значительно отставала от среднереспубликанского уровня⁴⁷. Действовавшие же культпросветучреждения из-за неудовлетворительного состояния материальной базы были не способны предложить молодежи широкий спектр развлечений, который, как в начале 1960-х гг. преимущественно ограничивался демонстрацией кино и организацией танцев. Вместо полноценных занятий спортом молодые люди вынуждены были заниматься «бутылкоболом» после распития очередной порции пива или более крепких алкогольных напитков. Количественный анализ обнаруженных нами в архивных документах и материалах прессы по Саратовской области единичных фактов неудовлетворительной работы указанных учреждений показывает, что в 1976–1985 гг. произошло ухудшение их функционирования по сравнению с 1965–1975 гг. За первый из указанных периодов были выявлены 52 факта критического содержания, а за 1965–1975 гг. – 47.

Существующая сеть пионерских лагерей была ниже существовавших норм, прописанных в постановлениях ЦК КПСС. Строительство их происходило «... неорганизованно, по отдельным проектам и нередко примитивно ...»⁴⁸ Именно так охарактеризовал этот процесс председатель облсовпрофа Волгоградской области в начале 1976 г. Спальные корпуса и бытовые подсобные помещения пионерских лагерей отдельных обкомов профсоюзов Саратовской области представляли собой ветхие деревянные строения, не обеспечивающие не только комфорта, но и необходимого санитарно-гигиенического минимума оздоровительных учреждений. Поэтому они были не в состоянии принять всех желающих там отдохнуть пионеров и школьников. Например, в середине 1970-х гг. в пионерлагерях этой области оздоравливалась лишь шестая часть учащихся. В последующее годы планы оздоровления преимущественно не выполнялись. В 1982 г. их не выполнили десять обкомов и организаций облсовпрофа Саратовской области. К этому времени произошло и сокращение сети лагерей всех типов в этом субъекте РСФСР. В действующих же лагерях ощущался дефицит воспитателей, пионервожатых, врачей. Например, в 1981 г. по всем лагерям Саратовской области было вакантным 97 штатных должностей. Попытка восполнить дефицит, в частности вожатых 15–16-летними подростками, оборачивалась ростом травматизма среди детей. Так, летом 1977 г. в пионерлагерях г. Саратова произошло 14 травм, из них четыре с госпитализацией (переломы конечностей и травмы глаз). Оказать им квалифицированную помощь было часто некому, поскольку в пионерлагерях работал преимущественно средний медперсонал пожилого возраста. В лагерях труда отдыха плохо решались вопросы обеспечения водой отдыхавших, душевые были дефицитом, пища готовилась некачественно. В меню отсутствовали молоко, сметана, овощи. У

руководства пионерскими лагерями Астраханской области не хватало средств для их утепления, поэтому значительная часть студентов и учащихся, отдохнувших там в осеннее время, быстро заболела. Ряд крупных предприятий и организаций региона (с числом работающих 1500 и более человек) к середине 1980-х гг. вообще не имели пионерских лагерей. Значительная часть сельских районов также была обделена этими досуговыми учреждениями. Например, в Саратовской области таких районов в 1985 г. насчитывалось 11⁴⁹.

Сохранение преступности несовершеннолетних и молодежи на достаточно высоком уровне было следствием не только ухудшения материальной базы различных досуговых учреждений, но и формальным подходом к работе с подростками. Именно так характеризовалась в 1983 г., например, деятельность профсоюзных организаций таких предприятий г. Саратова, как производственное объединение «Рефлектор», «Тантал», «Знамя труда», СЭПО и ряда других. Мероприятия, проводимые на этих заводах для работавших там подростков, готовились без учета их интересов и склонностей, проходили скучно и пассивно. Такую же характеристику можно дать и деятельности многих классных руководителей в школах той же Саратовской области⁵⁰. Результатом подобной педагогической деятельности являлся, как уже было отмечено выше, рост девиантных проявлений в подростковой и молодежной среде. В то же время отклонения от общепринятых норм поведения были различными. Помимо хулиганских выходок разной степени тяжести и краж со второй половины 1970-х гг. получает распространение увлечение молодежи западной музыкой, модой, различного рода неформальными течениями. Например, в Саратове на проспекте Кирова и в саду «Липки» «тусовались» хиппи. Пристанищем саратовских любителей «битломании» являлись такие районы областного центра, как Пролетарский поселок, территории около театра «Теремок», район аэропорта, университетский городок, площадь около Центрального колхозного рынка (район Трансагента). Это вполне нормальное явление для общества, уважающего выбор своих граждан, в СССР было расценено как проявление девиантности. В печати стали появляться статьи, содержащие резкую критику, в частности такого течения, как панки⁵¹. Клеймо «девиантное проявление» было поставлено властями и на проникновении в молодежную среду такого явления, как «вещизм», хотя его возникновение было вполне объективным процессом. Сокращение возможностей государства в полном объеме удовлетворять возраставшие с каждым годом потребности советских людей, в разнообразных и качественных вещах, в частности одежде, вынуждало молодежь обращать взоры в сторону «загнивающего» Запада, успешно развивающегося в условиях научно-технической революции. «Тяге к модным заграничным тряпкам, к пластинкам, этикеткам,

дорогостоящим украшениям» были подвержены, как явствует их архивных документов, подростки и молодежь от 16 до 21 года⁵².

В этих условиях партийные лидеры страны вместо поиска возможностей для придания экономическому механизму нового импульса для оживления обратились к используемым многие десятилетия методам администрирования и запретов, воплощением чего стало специальное постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи», принятое ЦК КПСС 2 июля 1984 г. Этот документ обязывал руководство досуговых учреждений при подготовке тематических мероприятий приобщать молодых людей к достижениям отечественной и мировой культуры, не допуская при этом проникновения в молодежную среду «аполитичности, безнравственности, слепого подражания западной моде». Искоренение влияния «западного мира» на молодежь предусматривал и запрет за запись всеми студиями звукозаписи западной поп-музыки без специального разрешения⁵³. Однако избранный властями директивный путь решения проблем во взаимоотношениях с молодежью на практике привел к обратному эффекту. Все «грехи», в которых обвинялась советская молодежь, не исчезли, а наоборот, только усилились, что с сожалением признавали местные партийные функционеры в сентябре–октябре 1984 г.⁵⁴ Опасения государственных и партийных деятелей не были вымышленными, поскольку рост интереса определенной части молодых людей к западному потребительскому обществу нес в себе угрозу отторжения молодежи системы ценностного коммунистического воспитания, а в последующем социалистического общества в целом. С началом «перестройки» именно эта часть молодежи составит костяк неформальных движений, с деятельности которых началось в СССР возрождение многопартийности. В то же время в провинции, в отличие от столичных регионов, интерес к западным потребительским ценностям проявляла не столь значительная часть молодых людей. В своем большинстве молодежь Нижнего Поволжья вела «правильный» с точки зрения официальной идеологии образ жизни, посещая выросшую в сравнении с периодом «хрущевской оттепели» на несколько порядков сеть досуговых учреждений. Поэтому масштабов, характерных для первой половины 1960-х гг., проявления девиантности в молодежной среде все же не достигли, хотя проблемы в этой сфере сохранялись по-прежнему.

Примечания

¹ Доклад о положении детей в Саратовской области. Информационно-аналитический доклад за 2015 г. Саратов, 2016. С. 189.

- 2 См.: Собрание законов (далее – СЗ) СССР. 1935. Отдел первый. № 19. Ст. 155.
- 3 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 2888. Л. 25–26; Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 52. Д. 1. Л. 248.
- 4 См.: Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК.) Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 3. Л. 18; Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 6. Л. 6; Государственный архив современной документации Астраханской области (далее – ГАСДАО.) Ф. 325. Оп. 25. Д. 6. Л. 239–240; Советская Калмыкия. 1957. 28. 06. Л. 3.
- 5 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2716. Л. 1–2; Д. 2736. Л. 8; Государственный архив Саратовской области (далее – ГААО.) Ф. Р-2729. Оп. 3. Д. 40. Л. 28; Коммунист. 1954. 20. 05. Л. 3.
- 6 ГАНИСО. Ф. 138. Оп. 14. Д. 6. Л. 45.
- 7 См.: Резолюции и документы XII съезда ВЛКСМ. М., 1955. С. 19–20; Резолюции и документы XIII съезда ВЛКСМ. М., 1958. С. 28–31, 33–34; Директивы и документы по вопросам пионерского движения. М., 1962. С. 126, 127, 164–165, 133–135, 142–145, 209, 223, 229; XIV съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Стенографический отчет (16–20 апреля 1962 г.). М., 1962. С. 539, 541; Профсоюзы СССР. (Документы и материалы в четырех томах). Т. IV. М., 1963. С. 297; КПСС о профсоюзах. М., 1967. С. 455; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 15 т. 9-е изд. Т. 9. М., 1986. С. 104, 224; Т. 10. С. 265; Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1976. С. 96–98; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. Постановления: в 2 т. Т. 2: Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 120–121. СП СССР. 1957. № 2. Ст. 7; 1959. № 12. Ст. 70; 1960. № 20. Ст. 178; СП РСФСР. 1958. № 5. Ст. 38; Заря молодежи. 1958. 5. 01. Л. 2.
- 8 См.: *Пыжиков А. В.* Хрущевская оттепель. М., 2002. С. 414.
- 9 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 4. Д. 198. Л. 30; Очерки истории Волгоградской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 467.
- 10 См.: Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 858. Л. 67; Волгоградская область за 50 лет Советской власти. Волгоград, 1967. С. 24.
- 11 См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 124. Л. 96; Д. 336. Л. 4, 53; Д. 453. Л. 24; Д. 685. Л. 74; Д. 858. Л. 66; Оп. 2. Д. 4. Л. 45; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 52. Д. 1. Л. 67; Молодой ленинец. 1955. 10. 06. Л. 1; Сталинградская правда. 1959. 8. 02. Л. 4; Волгоградская правда. 1962. 20. 01. Л. 3; Комсомолец Каспия. 1960. 13. 04. Л. 3.
- 12 Подсчитано по: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2888. Л. 10; История Саратовского края. 1917–1965. Хрестоматия в помощь учителю. Саратов, 1967. С. 415.
- 13 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 2. Д. 101. Л. 23; Оп. 3. Д. 40. Л. 28; Д. 123. Л. 19; Оп. 4. Д. 60. Л. 181; Д. 198. Л. 24; Волга. 1955. 31. 05. Л. 3; 1959. 10. 02. Л. 3; 1964. 25. 01. Л. 3.
- 14 См.: НАРК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 7. Л. 24; Д. 11. Л. 32; Д. 16. Л. 28; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 26. Д. 44. Л. 43; Советская Калмыкия. 1959. 5. 12. Л. 3.
- 15 См.: ГАНИСО. Ф. 136. Оп. 19. Д. 43. Л. 169 об.; Комсомолец Каспия. 1964. 3. 07. Л. 3.
- 16 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 4. Д. 198. Л. 31; НАРК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 11. Л. 37.
- 17 Подробнее об этом см.: *Гуменюк А. А.* Молодежная политика в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Саратовской области) // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации. Саратов, 2009. Вып. 4. С. 20–21.
- 18 См.: ГАНИСО. Ф. 3509. Оп. 23. Д. 38. Л. 22; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 52. Д. 1. Л. 66; Молодой сталинец. 1953. 4. 12. Л. 1; Советская Калмыкия. 1961. 14. 10. Л. 3; *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М., 1969. С. 397–398.
- 19 См.: ГАНИСО. Ф. 470. Оп. 36. Д. 35. Л. 13; Ф. 594. Оп. 2. Д. 4173. Л. 99; Д. 4512. Л. 174, 175, 209–210; Ф. 1012. Оп. 1. Д. 148. Л. 19, 31; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 1814. Л. 4; Д. 1899. Л. 2 об.; Оп. 4. Д. 159. Л. 23; Д. 202. Л. 3 об., 9 об.
- 20 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3445. Л. 40; Д. 3689. Л. 85; НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 61. Л. 105; Коммунист. 1957. 8. 01. Л. 3. 1961. 12. 01. Л. 2. 1964. 14. 05. Л. 3. 1965. 14. 01. Л. 4; Комсомолец Каспия. 1962. 17. 07. Л. 3.
- 21 Калмыкия в истории СССР. Пособие для изучающих историю родного края. Элиста, 1968. С. 157.
- 22 См.: ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 14-а. Д. 11. Л. 53–54; Молодой ленинец. 1964. 22. 11. Л. 3.
- 23 См.: ГАНИСО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 101. Л. 103-а; Д. 139. Л. 29; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 7. Д. 546. Л. 6; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 71. Д. 136. Л. 228; ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 14-а. Д. 11. Л. 55; НАРК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 623. Л. 110.
- 24 См.: Пленум ЦК КПСС. 15–19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. М., 1958. С. 329–330; Пленум ЦК КПСС. 18–21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 210.
- 25 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 4. Д. 198. Л. 111; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1058. Л. 134.
- 26 См.: например: ГАНИСО. Ф. 940. Оп. 29. Д. 88. Л. 59. Ф. 3120. Оп. 23. Д. 33. Л. 104; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1068. Л. 139. Д. 1144. Л. 13 об.; НАРК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 185. Л. 4; Советская Калмыкия. 1965. 31. 12. Л. 2.
- 27 НАРК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 192. Л. 27.
- 28 ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 956. Л. 133.
- 29 См.: Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 263; XV съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет (17–21 мая 1966 г.) М., 1966. С. 568; XVI съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Стенографический отчет (26–30 мая 1970 г.): в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 310, 311; Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972. С. 277; XVII съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Стенографический отчет. (23–27 апреля 1974 г.): в 2 т. Т. II. М., 1975. С. 190–191; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 217, 218; XVIII съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Стенографический отчет (25–28 апреля 1978 г.): в 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 200;

- Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 178, 181 ; XIX съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (18–19 мая 1982 г.). Стенографический отчет : в 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 209–210 ; ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 207. Л. 72, 132.
- ³⁰ См.: Брежнев Л. И. Избранные произведения : в 3 т. Т. 1. 1964–1970. М., 1981. С. 214.
- ³¹ См.: КПСС о профсоюзах. С. 607–609 ; Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. М., 1970. С. 120–121, 128 ; КПСС в резолюциях ... 9-е изд. Т. 11. М., 1986. С. 371 ; СП РСФСР. 1981. № 31. Ст. 198 ; СП СССР. 1981. № 26. Ст. 152.
- ³² См.: СП РСФСР. 1965. № 13. Ст. 74 ; 1981. № 14. Ст. 85 ; 1982. № 6. Ст. 36 ; СП СССР. 1969. № 26. Ст. 150. 1981. № 13. Ст. 75 ; Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. С. 127, 145–148, 166–167, 191 ; КПСС в резолюциях... : в 14 т. 8-е изд. Т. 14. М., 1982. С. 544–545 ; 9-е изд. Т. 11. С. 370–371 ; Т. 12. М., 1986. С. 267, 415–417 ; Т. 13. М., 1987. С. 254, 317 ; Т. 14. М., 1987. С. 220–224, 370, 528 ; Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и о мерах по ее реализации : Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. М., 1984. С. 18–19, 104 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 11. Д. 3. Л. 147 ; Ф. 6164. Оп. 8. Д. 208. Л. 58–60 об.
- ³³ См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 1908. Л. 45 ; ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 992. Л. 75 ; НАРК. Ф. Р-13. Оп. 6. Д. 1. Д. 34.
- ³⁴ См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 650. Л. 33 ; НАРК. Ф. Р-13. Оп. 6. Д. 1. Л. 38.
- ³⁵ Комсомолец Каспия. 1966. 8. 06. Л. 3.
- ³⁶ См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 1109. Л. 56 ; ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 141. Л. 57.
- ³⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 202. Л. 41 ; Саратовская область за 50 лет. С. 416 ; Варнаев С. Ю. Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по развитию массового физкультурного движения в годы восьмой пятилетки : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1986. С. 154, 167.
- ³⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 49. Д. 68. Л. 60 ; Ф. 6164. Оп. 8. Д. 344. Л. 78 ; НАРК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 22. Л. 140 ; ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 264. Л. 89 ; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 1714. Л. 56 ; XVI съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Т. 1. С. 430 ; История Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3 т. Элиста, 2009. Т. 3. С. 615.
- ³⁹ См.: ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 110. Д. 3. Л. 55 ; Комсомолец Каспия. 1966. 27. 10. Л. 4.
- ⁴⁰ См.: Хроника важнейших событий Саратовской областной организации ВЛКСМ. 1918–1983. Саратов, 1984. С. 268, 312.
- ⁴¹ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 834. Л. 75 ; Заря молодежи. 1969. 27. 05. Л. 2. 1979. 29. 05. Л. 2.
- ⁴² См.: СП РСФСР. 1971. № 18. Ст. 141 ; 1974. № 21. Ст. 114 ; 1975. № 29. Ст. 148 ; 1980. № 20. Ст. 158 ; 1981. № 18. Ст. 119 ; 1983. № 6. Ст. 40 ; СП СССР. 1974. № 12. Ст. 67.
- ⁴³ Молодой ленинец. 1983. 20. 12. Л. 1.
- ⁴⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 32. Д. 141. Л. 48 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 1132. Л. 104.
- ⁴⁵ Вагов Н. А. Подготовка и воспитание квалифицированных рабочих в системе профтехобразования (на материалах партийных организаций Нижнего Поволжья. 1976–1980) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1991. С. 129.
- ⁴⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 5491. Оп. 36. Д. 29. Л. 1, 3–4 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 783. Л. 210 об., 211.
- ⁴⁷ См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 369. Л. 69 ; Основные направления развития производительных сил Астраханской области на период до 1990 года. Научный доклад. М., 1978. С. 168, 178–179.
- ⁴⁸ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 98. Д. 1. Л. 89.
- ⁴⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8. Д. 727. Л. 13–15, 56 ; Оп. 8-пр. Д. 641. Л. 73 ; Д. 744 ; Л. 141. Д. 772. Л. 46 ; Д. 819. Л. 91 ; Д. 871. Л. 60 ; Д. 1033. Л. 23 ; Д. 1129. Л. 156 ; Д. 1205. Л. 2 ; Д. 1219. Л. 149 ; Д. 1416. Л. 60–61 ; ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 11. Д. 1347. Л. 141 ; ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 544. Л. 23 ; Волга. 1983. 18. 12. Л. 3.
- ⁵⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 1286-а. Л. 6 ; Коммунист. 1974. 30. 08. Л. 3.
- ⁵¹ См.: Заря молодежи. 1972. 11. 07. Л. 3. 15. 07. Л. 3 ; Коммунист. 1976. 11. 12. Л. 3 ; Молодой ленинец. 1983. 13. 12. Л. 3. 24. 12. Л. 3.
- ⁵² См.: ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 110. Д. 3. Л. 126, 127.
- ⁵³ См.: КПСС в резолюциях ... 8-е изд. Т. 14. М., 1982. С. 595 ; Геллер М. Я. Российские заметки. 1980–1990. М., 2001. С. 281.
- ⁵⁴ См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 125. Д. 75. Л. 7 ; ГАНИСО. Ф. 136. Оп. 44. Д. 36. Л. 67.

Образец для цитирования:

Гуменюк А. А. Молодежная политика в СССР в 1953–1985 годы (по материалам Нижнего Поволжья) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 269–277. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-269-277.

Cite this article as:

Gumenyuk A. A. Youth policy in the USSR in 1953–1985 (based on the materials of the Lower Volga region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 269–277 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-269-277.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

ВЗГЛЯД НА КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОЛЖСКОЙ ПРОВИНЦИИ ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЕКАТЕРИНЫ II ДО ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Рецензия на монографию: *Майорова А. С. Русская культура в Саратовском Поволжье в конце XVIII – первой половине XIX века. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 348 с.*

Жанр научной монографии, определенный для новой книги А. С. Майоровой, заставляет обратить особое внимание на теоретические и методологические основы исследования, аргументацию выдвинутых положений, сделанные ею выводы. Не останавливаясь специально на просветительском значении издания, скажем только, что его следует признать ценным в познавательном отношении и полезным с точки зрения воспитания уважения к культурному наследию родной страны и отеческого края.

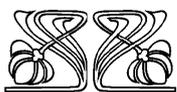
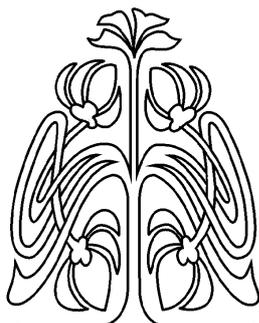
Необходимость исследования, проведенного в обозначенных автором географических и хронологических рамках, не вызывает сомнений. Культура «вообще» – понятие слишком отвлеченное и абстрактное. На самом же деле в современной ли жизни, в переживании ли прошлого мы всегда имеем дело с культурным наследием определенной эпохи, конкретной земли и живущего на ней народа. Без учета «хроноса» и «локуса» памятников истории, художественных произведений, других «пространств памяти» составить правильное и полное представление об отечественной культуре невозможно. Попытка охватить культуру страны разом приводит часто к рассмотрению только культуры столиц с вкраплениями провинциальных сюжетов, да и то нередко для того, чтобы только показать превосходство столичных образцов над «отсталой» периферией.

Более продуктивным является разговор о разных «вариациях на тему» одной национальной культуры, отличающихся не столько уровнем развития, сколько территориальными особенностями, продиктованными природными, социальными, бытовыми различиями городов или регионов. Вот и в данном случае речь идет о русской культуре в определенной части Поволжья и в очерченное время. А. С. Майоровой удалось показать методологическую необходимость учета таких различий для страны в целом и обосновать их специфику применительно к Саратовскому краю, который внес незаменимый вклад в отечественное культурно-историческое наследие.

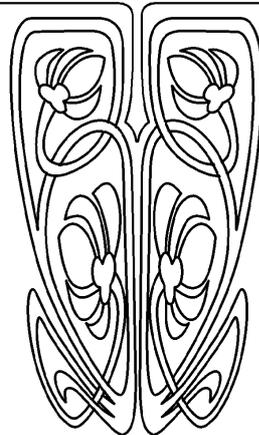
Вполне оправданным выглядит выбор периода истории. Он охватывает переход от традиционной культуры к культуре нового времени, каким стало для России XVIII «столетие велико и мудро», и предреформенные десятилетия начавшегося в XIX столетии «золотого века русской культуры».

Начальной точкой в изложении стало основание Саратовской губернии. Обоснование связи административных преобразований с социально-культурными изменениями А. С. Майорова уже давала в своих публикациях¹. С ней согласны те исследователи, которые отмечают наличие в губернском городе необходимых «средств для активизации интеллектуальной жизни, присущих административному центру высокого ранга»².

Первая половина XIX в. по числу историко-культурных исследований уступает эпохам реформ, которые, с одной стороны, связаны с

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

крупными преобразованиями в области культуры петровского времени и «века Просвещения», а с другой стороны, с падением крепостничества. Отрадно, что эта часть XIX столетия в монографии справедливо ушла из разряда проходного этапа, став продолжением, следствием, итогом культурных процессов, начатых в предшествующем столетии, и временем подготовки новых качественных изменений.

Появление исследования А. С. Майоровой тем более ценно в условиях, когда, к сожалению, для целого ряда работ в порядке вещей стали невниманием к хронологии событий в области культуры, пренебрежение их фактической стороной, замена реальных причинно-следственных связей надуманными или малообоснованными построениями. Избежать нарушения принципов научности и объективности удастся, прежде всего, благодаря прочной теоретической и методологической базе исследования.

Вдумчиво и обоснованно разъяснены положения системно-функционального подхода к культурным явлениям, поддержанного А. С. Майоровой. Дано понятие культурного пространства, легшего в основу многих авторских рассуждений. Сильной стороной учёного является также хорошее знание источников и литературы по поднятым вопросам, их грамотный анализ, что позволяет уйти от событийно-фактологических недочетов и от ошибочной оценки культурно-исторических явлений.

Длительное время изучение отечественной культуры исходило из конкретно-отраслевого, дифференцированного подхода, в основу которого были положены рассмотрение отдельных отраслей культуры и аксиологический принцип равнения на идеальную модель, должную быть в культуре. Открывая возможности углубленного детального анализа той или иной области культуры, такой подход не давал достаточного представления о культуре как определенной сфере общественной жизни, о закономерностях развития историко-культурных явлений. Отраслевое изучение культуры не учитывает все стороны бытования культуры и распространения культурных новаций в обществе.

Интеграционный, или системно-функциональный, подход в исследовании культуры, сторонницей которого выступает А. С. Майорова, является сравнительно новым. Однако интерес к нему проявляют многочисленные историки культуры, философы, культурологи, искусствоведы, литературоведы и специалисты в области других смежных дисциплин. Комплексные исследования в рамках данного подхода ведутся в лаборатории русской культуры исторического факультета Московского университета. Многотомные труды этого коллектива, посвященные культуре XVIII–XIX вв. и вышедшие в 1985–2005 гг.³, А. С. Майорова хорошо знает, удачно использует и интерпретирует.

Системно-функциональный подход к изучению истории культуры позволяет охватить всю сферу культурной жизни. В ней при всей важности «культурных вершин» и их создания приобретают социальную значимость также распределение и потребление культурных ценностей. Культура здесь предстает одним из показателей уровня общественного развития вместе с экономикой и социально-политическими институтами. В ней «воплощаются потребности и возможности жизни человека во всех ее проявлениях»⁴.

В свете системно-функционального и других современных подходов культура русской дореволюционной провинции становится важнейшей составляющей культурного процесса, системообразующим звеном в связях и противопоставлениях: столица – усадьба, столичный город – провинциальный город, город – деревня. Каждая сословно представленная субкультура, или, по определению автора, «культурное пространство» отдельных социальных групп, имели свои центры и свою периферию развития. Усилим аргументацию А. С. Майоровой в обоснование актуальности избранной темы рассуждением о том, что именно на периферии происходило ослабление жесткости структур и нормативов. Следовательно, увеличивалась вариативность возникающих здесь культурных ориентаций. Российская провинция, включавшая Саратовский край, одновременно выступала и сферой генерирования новых явлений, и ареалом сохранения традиций в культуре.

Исследование отдельных полей культурного пространства различных социальных и территориальных групп населения Поволжья предпринималось А. С. Майоровой и прежде. В рамках отдельных статей были рассмотрены вопросы культуры дворянства⁵, купечества⁶, духовенства⁷, других сословий. Однако в рамках одной монографии общее и особенное в культурном пространстве каждого из них выглядило более отчетливо.

Исследовательница не раз цитирует работу Н. К. Пиксанова, с чем можно только солидаризироваться. К сожалению, при этом допускается ставшая привычной ошибка, когда разработанную им программу именуют «историко-краеведческим семинаром». На самом же деле известный учёный, родившийся и работавший в Саратовском крае, определял этот семинар как «историко-краеведный»⁸.

Говоря словами Н. К. Пиксанова, «изучение областных культурных гнезд принципиально важно для всего общероссийского культурного процесса», поскольку это дает возможность составить реальную картину культурного уровня общества в целом, соотношения культуры столиц и провинции в этом процессе. То, что саратовское «областное культурное гнездо» является одним из самых значимых для России, А. С. Майорова не раз вслед за Н. К. Пиксановым доказывает на страницах своей монографии.

Культура провинции в России, «стране больших пространств», – часть образа нации. Начинания городского и уездного общества во всех его слоях, как показано в рецензируемой книге, не должны остаться за пределами истории культуры из-за слабой разработанности проблемы или долго сохранявшегося негативного восприятия термина «провинция».

В силу своей большей демократичности культура провинции, в том числе городская, была более тесно связана, чем столичная, с культурой традиционной, прежде всего, крестьянской. Однако только синтез культурных новаций и традиций и может быть плодотворным для общественно-культурного прогресса. Целая глава в книге А. С. Майоровой, посвященная народной культуре (с. 28–96), является вполне уместной и необходимой в данном издании. Деревня может рассматриваться как своеобразный центр культурного обогащения нации, происходившего в ходе коллективного творчества, правда, выглядевшего в то время уже несколько архаичным. Дополнительным фактором сильных традиционалистских тенденций в народной культуре именно этого региона являлось распространение и влияние старообрядчества.

Продолжая линию, идущую от средневековья, и в XVIII в., и в XIX в. сохранялся непрофессиональный характер крестьянской духовной культуры, тесно связанной с традиционными институтами деревни – семьей и общиной. Однако при их посредстве осуществлялись не только простое воспроизводство традиций, но и выработка или восприятие новых, отвечающих времени форм культурной жизни, показателем чего стало проникновение в село школы и медицины нового времени. На эти аспекты культуры сельских жителей автором обращено, по нашему мнению, меньше внимания, чем они того заслуживают. Возможно, это связано с состоянием источниковой базы и историографии по данным вопросам саратовского регионоведения. В любом случае здесь остается простор для будущих работ, как самого автора, так и других продолжателей изучения культуры приволжского края.

На другом социальном «полюсе» культуры России в XVIII – первой половине XIX в. шел процесс кристаллизации самосознания дворянства, центрами которого, а также ретрансляторами культурных ценностей «благородного сословия» становились не только столичные салоны, но и отдаленные усадьбы. Отсюда можно сделать вывод о вполне правомерном и адекватном выделении в книге А. С. Майоровой специальной главы о культуре саратовского дворянства, показанного, прежде всего, в «культурном пространстве» его имений и усадеб (с. 97–164).

Мир загородных усадеб, в том числе расположенных в Поволжье, стал той сферой социально-культурной периферии, пограничной зоной «культурного пространства» дворянства. Там было значительно ослаблено регламентиру-

ющее воздействие чиновных бюрократических установлений, а потому легче зарождались новые веяния и устремления.

Провинциальный город также являлся одним из очевидных периферийных центров культуры, как и усадьба, но был лишен сословной одностронности последней. Очевидно, что дворянская культура провинциального города была нетождественна купеческой и мещанской, но пересекалась с ними чаще, чем усадебный быт с крестьянским. Не случайно, что А. С. Майорова рассматривает культурную среду дворянства в городе отдельно от усадебной (с. 200–204).

В свою очередь, культурные запросы горожан разной сословной принадлежности выражались как в индивидуализированных формах, близких дворянским, так и в коллективистских действиях, воззрениях, представлениях «градских обществ», схожих с крестьянскими мирами⁹. Автор подчеркивает не просто своеобразие культуры провинциального города вообще, но и отдельных категорий его жителей (купцов, мещан, дворян, чиновников, духовенства и др.).

То, что городам Саратовского края уделено две главы, составляющих половину текста монографии, вполне понятно и с содержательной, и с источниковедческой точек зрения. В отдельные главы выделены очерки культуры Саратова (с. 165–249) и уездных городов губернии (с. 250–320). Причем последние разделены на несколько категорий по своему происхождению, экономической значимости и социальному составу.

Традиция внимательного отношения к уездным городам вообще прослеживается очень отчетливо в региональной саратовской историографии. Впрочем, она занимает всё больше места и в исследованиях коллег из других регионов¹⁰. Следование этой традиции выглядит вполне закономерно со стороны учёного, занимающегося историей культуры такого края, где в ряду уездных городов присутствовало широкое многообразие¹¹, где находились такие уникальные феномены общероссийского масштаба, как уездный Вольск.

В целом именно культурная среда русской провинции с наибольшей полнотой отражала многообразие тенденций отечественного культурного развития, в которых заметные изменения, идущие из-за рубежа или столиц, сочетались с сохранением патриархальности в культуре, присущей русской деревне и провинциальному, прежде всего, уездному городу. Изучить и понять культуру провинции в масштабах определенного края и времени означает включить местные явления в систему национальных ценностей той или иной эпохи, а через нее – и нашей современности. Эту непростую, но благодарную задачу решает монография А. С. Майоровой. Провинциальная культура прошлого является неразрывной частью современной духовности и одновременно средством воспитания последней. История культуры представляется особо важной частью «local history»

в процессе «обращения жителя определенного места к прошлому своего локуса для конструирования местной исторической памяти»¹². Об этом еще раз на высоком исследовательском уровне напоминает новая книга.

Показателем высокого профессионализма историка-исследователя также является знание трудов предшественников и ныне работающих коллег, что демонстрируется автором через уважительное и вместе с тем критическое, но всегда внимательное отношение к их работам. Со своей стороны, ученые из других городов Поволжья и всей России могут ориентироваться на книгу А. С. Майоровой как на пример успешного изучения одной из региональных частей великой русской культуры в один из ее замечательных периодов. Научному успеху автора как раз во многом поспособствовала продуманная и обоснованная методологическая база осуществленного ею исследования.

Примечания

- ¹ См.: *Майорова А. С.* Открытие Саратовской губернии в 1781 году и последствия этого события для губернского города // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2007. Т. 7, № 1. С. 11–20.
- ² *Смирнов Ю. Н.* Традиция и культура городского населения Самары в записях и осмыслении образованных краеведов середины XIX века // Модернизация культуры : идеи и парадигмы культурных изменений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Самара, 2013. Ч. 2. С. 59.
- ³ См.: Очерки русской культуры XVIII века : в 4 ч. Ч. 1–4. М., 1985–1990 ; Очерки русской культуры XIX века : в 6 ч. Ч. 1–6. М., 1998–2005.
- ⁴ *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008. С. 7.
- ⁵ См.: *Майорова А. С.* Культура и повседневная жизнь дворянства Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Российская история. 2010. № 4. С. 118–134.
- ⁶ См.: *Майорова А. С.* Культурные новшества в среде купечества Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, № 2. С. 100–107.
- ⁷ См.: *Майорова А. С.* Саратовская духовная семинария и ее роль в преобразовании культурного пространства губернского города в первой половине XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2005. Т. 5, № 1–2. С. 21–28.
- ⁸ *Пиксанов Н. К.* Областные культурные гнезда : историко-краеведный семинар. М. ; Л., 1928.
- ⁹ См.: *Смирнов Ю. Н.* Устная история «молчаливого большинства» : основные вехи прошлого Самары в представлениях купцов и мещан середины XIX века // Изв. Самар. науч. центра Рос. академии наук. 2013. Т. 15, № 5–1. С. 221.
- ¹⁰ См.: *Гусев Т. М., Тараканова Н. Г.* Уездные города Среднего Поволжья во второй половине XIX в. : проблемы и перспективы изучения // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. Т. 26, № 2. С. 160–164.
- ¹¹ См.: *Майорова А. С.* Общественно-культурная среда уездных городов Саратовской губернии : города-крепости в конце XVIII – первой половине XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 4. С. 27–34.
- ¹² *Смирнов Ю. Н.* «Мордовская история» профессора В. А. Юрчёнкова : local history как область историописания // Центр и периферия. 2015. № 4. С. 121.

Л. М. Артамонова,
доктор исторических наук
(Самарский государственный
институт культуры)

ХРОНИКА

БРИТАНСКИЕ ЧТЕНИЯ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

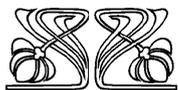
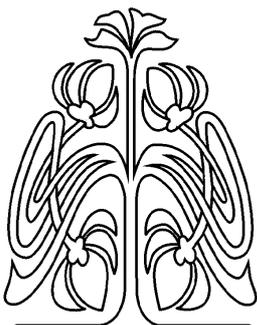
14–15 октября 2016 года в Институте истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского состоялась IV Международная научная конференция «Британские чтения». Конференция была организована кафедрой всеобщей истории СГУ и Саратовским отделением Российского общества интеллектуальной истории.

Проведение чтений стало доброй традицией: раз в два года в первой половине осени итогами своих научных изысканий делятся историки-британисты Саратовского университета, а также исследователи из России и зарубежных стран. На этот раз представители исторического сообщества из Саратова, Москвы, Ярославля, Самары, Воронежа, Арзамаса, Нижневартовска, Украины, Турецкой Республики собрались, чтобы вспомнить событие, положившее начало Нормандскому завоеванию Англии, и обменяться мнениями по этой проблеме и по другим сюжетам британской истории.

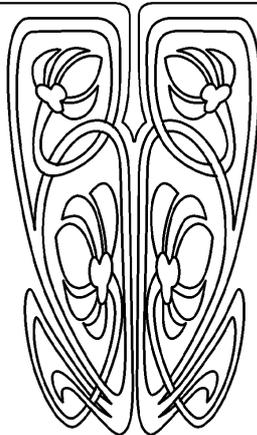
Как раз в день открытия конференции, 14 октября, но 950 лет назад, произошло сражение при Гастингсе, кардинально изменившее ход исторического развития островного государства. Оно стало поворотным моментом в истории Англии, оказав колоссальное влияние на её государственное, социальное и культурное развитие, а также усилив ориентацию страны на континентальную Европу и её вовлечённость в европейскую политику. Развитию Англии был дан новый импульс, позволивший ей в короткое время превратиться в одну из сильнейших держав средневековой Европы.

Работа конференции была построена по проблемно-хронологическому принципу и шла в пленарном режиме по двум направлениям: «Нормандское завоевание Англии в истории и исторической памяти» (14 октября) и «Британия от средних веков к современности: общество, политика, культура» (14 и 15 октября).

Центральной темой «Британских чтений», безусловно, стало отражение Нормандского завоевания Англии в истории и исторической памяти. Заседание Четвертых «Британских чтений» открыл доклад доктора исторических наук, профессора, декана исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского А. Б. Соколова, наглядно, с использованием электронной презентации, показавшего, каким образом битва при Гастингсе преподносится в британских школьных учебниках. На примере изучения одного из ключевых событий истории Королевства докладчик продемонстрировал важнейшие особенности школьной системы образования в Британии. Вместо хронологии в основу английского метода положены три аспекта – знание, умение, понимание; изучение истории строится по принципу: от простого к сложному. Широко применяя визуальный материал (карты, схемы, диаграммы, графики, иллюстрации и т. д.), школьников учат интерпретировать исторические данные, понимать, почему то или иное событие получило определённую трактовку. Постепенно ученики начинают сравнивать различные трактовки исторических событий; их учат видеть, как в освещении того или иного события в источнике сказывается позиция или цели его автора – летописца, историка, исторического лица. Школьники приобретают навыки в понимании причинно-следственных связей в истории, им задают вопросы, которые заставляют задуматься, апеллируют к их собственному опыту, направляют в самую суть предмета.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории СГУ Л. Н. Чернова в своем выступлении отметила, что Нормандское завоевание было и остается животрепещущей темой для английских историков. В течение столетий отношение к этому важному событию радикальным образом менялось, роли «героев» и «злодеев» в повествованиях о завоевании отдавались разным историческим персонажам. Исследователи XX – начала XXI в. стремились рассмотреть Нормандское завоевание исходя из представлений и образа действий людей XI века. Тем не менее желание осовременить прошлое, приблизить его к читателям, сделать исторические лица понятными людям XXI в., обладающим собственным историческим опытом, вдохновляет историков на создание всё новых реконструкций и реинтерпретаций. Одна из таких книг – книга британского историка Питера Рекса «1066. Новая история Нормандского завоевания», увидевшая свет в Эмберли в 2009 г. (русский перевод: Рекс П. 1066. Новая история Нормандского завоевания / пер. с англ. И. И. Хазановой; под ред. З. Ю. Метлицкой. СПб.; М.: Евразия – ИД Клио, 2014), на анализе которой построила свой доклад Л. Н. Чернова. Не пересказывая содержание всего выступления, заметим лишь, что работа П. Рекса написана на материале традиционных для этой темы источников: Англосаксонская хроника, Ковер из Байё, «Книга Страшного суда», сочинения Ордерия Виталиса, Симеона Даремского, Вильгельма из Пуатье и др. Важно, как автор интерпретирует сведения из них. Делает он это исходя из собственной парадигмы, смысл которой становится понятен уже из эпиграфов, которые П. Рекс предпослал своему исследованию: «Спустя год и день дьяволы будут свободно бродить по этой стране от края до края, неся с собой огонь, меч и хаос войны» (св. Эдуард Исповедник); «Я посвящаю эту книгу памяти всех англичан, погибших во время Нормандского завоевания Англии».

Интересный доклад, посвященный осмыслению истории Нормандии и завоевания Англии французскими историками эпохи Ренессанса, представила И. Я. Эльфонд, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного технического университета. Магистрантка Института истории и международных отношений СГУ Ю. В. Баранова остановилась на трактовке Нормандского завоевания английским религиозно-политическим мыслителем XVI в. С. Гардинером. Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей СГУ Р. М. Базылева рассказала о влиянии Нормандского завоевания на развитие английского языка, а студентка Института истории и международных отношений СГУ Д. А. Котлукова – о судьбах землевладельческой элиты Севера и Юга Англии после 1066 года. А. Н. Галямичев, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории СГУ, в своем докладе показал

связь завоевания Англии нормандцами с событиями в мире полабских и прибалтийских славян.

Значительная часть выступлений была посвящена различным аспектам истории и культуры Британии в период средних веков. А. Г. Глебов, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, поставил проблему легитимации власти в Англии накануне Нормандского завоевания. Постоянные участники «Британских чтений» из Воронежа затронули различные аспекты истории раннесредневековой Британии. И. И. Болдырева, кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко, посвятила свое выступление англосаксонскому женскому монашеству VIII в., а А. Ю. Золотарев, кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного технического университета, рассказал об ордалиях в англо-нормандское время.

Аспирант СГУ С. А. Поляков обратился к очень интересному и малоизвестному сюжету – месту и роли Шотландии в Северной державе Кнута Великого. Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Т. В. Мосолкина, продолжая традицию изучения средневекового города в СГУ, сосредоточила своё внимание на неоднозначном отношении горожан Йорка к мятежу Ламберта Симнела. Е. Н. Многолетняя, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории СГУ, проследила судьбу написанного между 1357 и 1371 гг. и пользовавшегося исключительной популярностью сочинения Джона МанDEVИЛЯ «Приключения сэра Джона МанDEVИЛЯ» в репертуаре чешского книгопечатания раннего периода. О перипетиях войн за чешскую корону в 60–70 гг. XV в. и их итогах рассказал в своем докладе А. П. Пашинин, кандидат исторических наук, учитель истории средней образовательной школы № 52 г. Саратова.

Целая серия докладов была связана с разными сюжетами истории Англии XVI–XVII вв. Кандидат исторических наук, доцент Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского М. В. Третьякова совершила экскурсии в английскую историю, основываясь на материале итоговых отчетов венецианских послов 1530–1550-х гг. Аспирантка Института истории и международных отношений СГУ П. В. Мелихова познакомила участников конференции с историческим методом У. Гаррисона и У. Кемдена – английских антиквариев второй половины XVI века. Доктор исторических наук, профессор Нижневартковского государственного университета В. Н. Ерохин на материале церковной истории Англии в 1630-е гг. рассказал о поиске собственной идентичности в протестантском мире. Н. С. Креленко, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории СГУ представила доклад, посвященный английскому видению ирландского фактора событий XVII века.

Я. Н. Рабинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии СГУ, как всегда увлеченно, рассказал о миссии шотландца на шведской службе Самуила Коброна (1574–1621) в России в период 1609–1616 гг. Участники чтений в деталях узнали о том, что по поручению короля Швеции Карла IX Коброн ездил вербовать наемников в Англию и Шотландию. Вместе с ними прошел с боями путь от Копорья до Зубцова, а затем возглавил английских и шотландских наемников. После поражения под Клушиным 24 июня 1610 г. Коброн остался под командованием Якоба Делагарди, участвовал в военных операциях под Ладогой, Новгородом, Псковом, Гдовом, Старой Руссой, Бронницами, Тихвином и снова под Псковом. В. Г. Циватый, кандидат исторических наук, доцент, ректор Дипломатической академии Украины при МИД Украины привлек внимание аудитории к институционально-дипломатическому аспекту европейской внешней политики и проблемы пацифизма в Англии на рубеже Средневековья и раннего Нового времени.

Чтения продолжили доклады, посвященные важным аспектам британской истории XVIII–XIX вв. Д. О. Гордиенко, кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного института культуры, остановился на проблеме формирования английской королевской регулярной армии в контексте голландской угрозы (1665–1674 гг.). Доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Самарского филиала Московского городского педагогического университета С. Б. Семенов ярко обрисовал общественное мнение Британии в связи с войной за независимость в Америке, разделившееся на патриотов и предателей.

Большой интерес вызвали доклады Н. А. Старокожевой, магистрантки Института истории и международных отношений СГУ, о творчестве Ханны Мор в контексте массовой культуры

Англии конца XVIII в.; С. Е. Киясова, доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории СГУ, о британских версиях происхождения масонства; В. С. Еремина, преподавателя Саратовской государственной юридической академии, о роли дискуссионных обществ и клубов в интеллектуальной жизни Эдинбурга на рубеже XVIII–XIX вв. (на примере создания «The Edinburgh Review»); Л. Р. Сабитовой, аспирантки Института истории и международных отношений СГУ, о политическом аспекте английской египетской кампании 1801 года. Йылмыз Йусуф Ислам, гражданин Турецкой Республики и аспирант Института истории и международных отношений СГУ, основываясь на донесениях и письмах поданных Великобритании, в своем выступлении поставил проблему положения христиан Османской империи в 70-х гг. XIX века.

Завершали чтения доклады Д. М. Креленко, кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории СГУ, познакомившего слушателей с англо-саксонскими планами военного возмездия на случай вступления Испании во Вторую мировую войну, и А. В. Жидченко, кандидата исторических наук, руководителя Ассоциации молодых исследователей «Институт исследований социальной памяти» (г. Москва), обратившегося к решению проблемы рождаемости в годы холодной войны в культурно-историческом и межцивилизационном контексте.

Подводя итоги научной конференции, участники отметили плодотворность её работы и необходимость продолжения сложившейся традиции. Материалы докладов предполагается опубликовать в очередном выпуске сборника «Британские чтения».

Л. Н. Чернова, доктор исторических наук, председатель оргкомитета IV Международной научной конференции «Британские чтения»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества Самарского государственного института культуры. E-mail: artamonovoi@mail.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: ybartho@mail.ru

Выскубов Станислав Павлович, аспирант кафедры истории Древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: stas_16-92@mail.ru

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: galyamichev57@mail.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: ZaytsevMV@mail.ru

Коренев Евгений Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: korenev.es@mail.ru

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: lapenkovm@mail.ru

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета. E-mail: majorova-as@mail.ru

Мельников Павел Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии. E-mail: p_melnikov@list.ru

Музалевская Виктория Андреевна, аспирант кафедры между-

народных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: victoriyamuzalevskaya@yandex.ru

Наумов Евгений Олегович, научный сотрудник отдела современной истории Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина (Саранск). E-mail: naumoveo@mail.ru

Никонов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Мурманского арктического государственного университета. E-mail: snikonov-77@mail.ru

Петрова Елена Алексеевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: lena02-07@mail.ru

Поздняков Александр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной и научной работе Института дополнительного профессионального образования Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: alnikpoz@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Редченко Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: engels-volga@yandex.ru

Саркулова Галия Ставаловна, старший преподаватель кафедры истории Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин Западно-Казахстанского аграрно-технического университета им. Жангир хана, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: galiyasarkulova@mail.ru

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: larisachernova@mail.ru

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Эмирханов Исмаил Асламович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Дагестанского государственного университета (Махачкала). E-mail: historik2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artamonova Liudmila Mikhailovna, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of Russian History Chair of Samara State Institute of Culture. E-mail: artamono-voi@mail.ru

Chernova Larisa Nikolaevna, Dr. Sc. (Hist.), Head of the World History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: larisachernova@mail.ru

Cholakhyan Vachagan Albertovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Emirhanov Ismail Aslanovich, PhD in History, Assistant Professor of General history, Department of History of Dagestan State University, Makhachkala. E-mail: historik2008@yandex.ru

Galyamichev Alexandr Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: galyamichev57@mail.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, PhD in History, Associate Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Kochukova Olga Viktorovna, PhD in History, Associate Professor of History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Korenev Eugeniy Sergeevich, Postgraduate student of the Chair of International Relations and Russian Foreign Policy, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: korenev.es@mail.ru

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Chair of International Relations and Russian Foreign Policy, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: lapenkov@mail.ru

Mayorova Alla Stepanovna, PhD in History, Associate Professor of History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mayorova-as@mail.ru

Melnikov Pavel Yurievich, PhD in History, Associate Professor of the History of State and Law Chair of the Saratov State Academy of Law. E-mail: p_melnikov@list.ru

Muzalevskaya Viktoria Andreevna, Postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and Interna-

tional Relations of Saratov State University. E-mail: victoriamazalevskaya@yandex.ru

Naumov Evgeniy Olegovich, Researcher of the Department of Contemporary History of Mordovia republic united museum of local history named by I. D. Voronin, Saransk. E-mail: naumoveo@mail.ru

Nikonov Sergey Alexandrovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of history and law Murmansk Arctic State University. E-mail: snikonov-77@mail.ru

Petrova Elena Alexeevna, Postgraduate student of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: lena02-07@mail.ru

Pozdnyakov Alexander Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), Associate Professor, Deputy Director for Academic Affairs and Research, Institute of Additional Professional Education, Saratov State University. E-mail: alnikpoz@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Redchenko Dmitry Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Chair of International Relations and Russian Foreign Policy, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: engelsvolga@yandex.ru

Sarkulova Galya Stavalovna, Senior Lecturer Department of Kazakhstan History and Social-Humanitarian Sciences Western-Kazakhstan Agrarian-Technical university University Zhagir Hhan, Postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: galiyasarkulova@mail.ru

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: ybartho@mail.ru

Vyskubov Stanislav Pavlovich, Postgraduate student of Ancient History Chair, Institute of History and International Relations of the Saratov State University. E-mail: stas_16-92@mail.ru

Zaytsev Maxim Vyacheslavovich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: ZaytsevMV@mail.ru